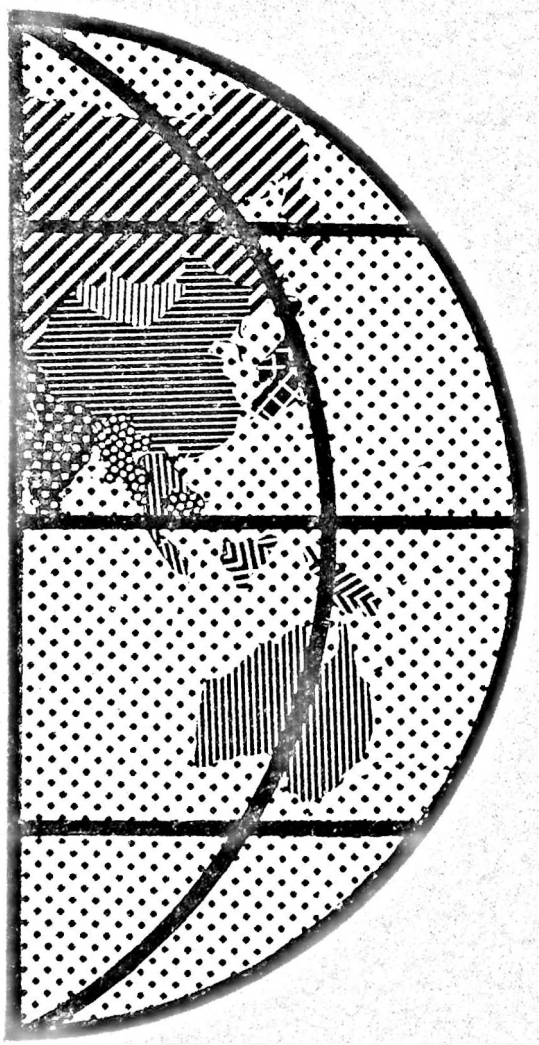
ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА



Советская концепция всеобщей безопасности

Создание материально-технической базы социализма в МНР

Компартии Китая — 65 лет

Сунь Ятсен — революционер-демократ, друг Советского Союза

Деятели русской культуры о Китае

Кампучия: пути решения продовольственной программы

Бенигно С. Акино: путешествие по России

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА АН СССР

3/86

ОТ РЕДАКЦИИ

С 1-го января 1987 года изменяется периодичность издания журнала «Проблемы Дальнего Востока» на русском и иностранных языках. Вместо четырех номеров подписчики будут получать шесть номеров журнала ежегодно.

Объем и стоимость отдельных номеров журнала остаются прежними.

За счет увеличения периодичности издания журнал получит возможность более широко и глубоко освещать проблемы стран Дальневосточного региона, расширить тематику публикуемых в нем материалов.

Не забудьте своевременно оформить подписку на журнал на 1987 г.

Подписная цена на год — **4 руб. 20 коп.**

3/86

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3 [59] 1986
Издается с 1972 г.

Научный и общественно-политический журнал, выходит четыре раза в год на русском, английском, японском и испанском языках

ОРДЕНА ЛЕНИНА ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

ПЕРЕДОВАЯ. XXVII съезд КПСС и программа обеспечения всеобщей безопасности 3

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

И. С. СЕВАСТЬЯНОВ, В. В. СМИРНОВ. Некоторые вопросы создания материально-технической базы социализма в МНР 11

Ю. П. ШИПОВ. Японский вызов Соединенным Штатам 21

С. Н. ГОНЧАРОВ. Зарубежные китайцы и программа «четырех модернизаций» КНР 34

Е. Б. МЯГКОВ, Б. Г. ФЕДОРОВ. Либерализация кредитной системы Японии 47

Д. В. МОСЯКОВ. Пути решения продовольственной проблемы в Кампучии 59

Экономическая реформа в КНР

В. Е. АВРЕМОВ. Изменения в системе планирования 69

С. А. МАНЕЖЕВ. Использование иностранного капитала 77

ИСТОРИЯ

В. И. ГЛУНИН, А. В. МЕЛИКСЕТОВ. Коммунистической партии Китая — 65 лет 84

К. В. КУКУШКИН. К 30-летию VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая 97

Борцы за народное дело

С. Л. ТИХВИНСКИЙ. Сунь Ятсен — великий китайский революционер-демократ, друг Советского Союза 106

Р. А. МИРОВИЦКАЯ. Сун Цинлин — видный государственный и общественный деятель Китая 126

Ю. М. ГАЛЕНОВИЧ. Выдающийся деятель КПК и КНР Линь Боцюй 131

НАУКА И КУЛЬТУРА

Философия

В. Ф. ФЕОКТИСТОВ. К вопросу о методологии изучения истории китайской философии 136

Литература

БА ЦЗИНЬ, ЦЗАН КЭЦЗЯ. Вспоминая Лао Шэ 144

Страницы научных и культурных связей

Е. П. СТЕПАНОВ. К визиту в Советский Союз делегации Академии общественных наук Китая 151

В. Я. МАТЯЕВ, Г. С. СЯЛОВ. Взаимный интерес, широкие перспективы 154

Б. Л. БОРОДИН. Воззрения деятелей русской культуры на Китай 160

ПО МАТЕРИАЛАМ КИТАЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Б. Н. БАСОВ. Развитие межотраслевых («горизонтальных») связей в КНР 169

И. О. ОЛЬШАНСКИЙ. Китай о развивающихся странах 174

ПУБЛИКАЦИИ

БЕНИГНО С. АКИНО. Путешествие по России 178

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. СООБЩЕНИЯ

В. И. АНДРЕЕВ, В. И. ОСИПОВ. Дружба и сотрудничество народов СССР и КНДР 184

К. А. ЕГОРОВ. К итогам сессии ВСНП 190

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

И. С. ГАЛИЧЕВ. Очередной выпуск «Дипломатического вестника» 198

В. В. АРУНОВ. Подвиг советских востоковедов 201

П. Ю. МАСЛОВ. Современный революционный процесс в странах Индокитая 202

В. Э. РАДНАЕВ. Героический эпос монгольских народов: генезис и традиции 205

П. Ю. ЦВЕТОВ. Полезное издание о Кампучии 207

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ю. Е. БУГАЕВ. Международная конференция японоведов социалистических стран 211

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

80-летие В. Н. Рогова 214

75-летие В. И. Горелова 215

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы Дальнего Востока», 1986

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. АРХИПОВ (и. о. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. С. МЯСНИКОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

XXVII съезд КПСС и программа обеспечения всеобщей безопасности

В середине 80-х годов нынешнего столетия с беспрецедентной остротой встала перед человечеством задача сохранения мира на Земле. Задача эта — самая сложная из всех, которые когда-либо выпадали на долю предшествующих поколений людей. Затрагивая все страны и народы, все сферы человеческой деятельности, она предполагает глубокую перестройку всей системы международных отношений: от недоверия — к взаимопониманию, от конфронтации — к сотрудничеству, от гонки вооружений — к разоружению. И сделать это предстоит в обстановке, когда руководящие круги империализма, прежде всего американского, не желают трезво оценивать реалии современности, делать серьезные выводы из опыта истории, упорствуют в проведении безрассудного милитаристского курса.

Более 50 млн. жизней унесла вторая мировая война, во многих странах обратила она в развалины города, в пепелища— деревни и села. Память об этих жертвах и страданиях неизгладима. Снова и снова она заставляет нас осмысливать уроки истории, тем более что опасность, которая сгущается над планетой, угрожает существованию самого рода человеческого.

Нет ныне у народов задачи более важной, чем укрепление международной безопасности, предотвращение угрозы ядерной войны. И нет у дела мира более надежного защитника, чем социализм. «Мы переживаем трудное и сложное время,— заявил М. С. Горбачев, выступая в Чепеле в ходе дружественного визита в ВНР. — Но скажу со всей убежденностью: человечество способно не только выжить, но и научиться жить по-человечески, то есть в условиях мира и свободы. Но за это надо бороться. Бороться упорно и сообща».

Ключ к миру

Историческое призвание социализма, всех прогрессивных сил нашей планеты — предотвратить ядерную войну, уберечь человечество от катастрофы. В решение этой эпохальной задачи XXVII съезд КПСС внес важнейший вклад по целому ряду направлений.

Прежде всего в документах XXVII съезда КПСС сформулирован имеющий принципиальное теоретическое и практическое значение вывод о том, что на международной арене сложились объективные условия, в которых противоборство между двумя системами — капиталистической и социалистической — может протекать только и исключительно в формах мирного соревнования и мирного соперничества, что альтернативы мирному сосуществованию нет.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду нашей партии говорится: «Наша задача — широко, по-ленински осмыслить переживаемое время, выработать реалистическую, всесторонне взвешенную программу действий, которая органично соединила бы величие целей и реализм возможностей, планы партии — с надеждами и чаяниями каждого человека». Таким подходом руководствовалась партия на своем XXVII съезде при выработке программы действий во внешнеполитической сфере. Съезд поручил Центральному Комитету последовательно, планомерно и

настойчиво добиваться решения проблем международной безопасности, ориентируя внешнюю политику СССР на неукоснительное следование курсом мирного сосуществования, на твердость в отстаивании наших принципов и позиций, на тактическую гибкость, готовность к взаимоприемлемым компромиссам, нацеленность на диалог и взаимопонимание.

Одним из главных направлений советской внешнеполитической стратегии является разработанная после апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС концепция всеобъемлющей системы международной безопасности. Эта концепция основывается на том выводе, что ни одно государство не в состоянии надежно защитить себя только военно-техническими средствами, с помощью даже самой мощной обороны. Жизнь исключает возможность обеспечения безопасности путем наращивания собственного военного потенциала, даже если удастся достичь военного превосходства над другой стороной. С учетом характера современного оружия единственным способом обеспечения безопасности становятся политические средства, иными словами, договоренности с учетом интересов сторон в целях прекращения гонки вооружений, стабилизации обстановки в мире.

В настоящее время безопасность строится на страхе перед возмездием. Но не Советский Союз был инициатором такого способа обеспечения безопасности: в условиях безудержной гонки вооружений, инспирированной империализмом США, мы оказались вынужденными сделать ставку на то, чтобы догнать Соединенные Штаты на этой «дистанции», а затем удерживать военно-стратегический паритет. СССР никогда не считал такое положение идеальным или даже просто приемлемым. Советский Союз выступает за понижение «барьера вооружения», но при сохранении равной безопасности сторон. Однако гонка вооружений продолжалась и продолжается в количественном и, что еще опаснее, в качественном отношении. В результате проблема поддержания равной безопасности сторон оборачивается проблемой равной для них опасности. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечается абсурдность подобной ситуации. Продолжение гонки вооружений неизбежно доведет эту «равную опасность» до таких пределов, когда обстановка в мире перестанет зависеть от разума и воли политиков, а судьбы человечества окажутся «передоверенными» технике со всеми вытекающими отсюда возможными роковыми последствиями. Съезд нашей партии пришел к выводу: при сохранении нынешних тенденций военно-стратегический паритет со временем не сможет выполнять функцию сдерживания.

КПСС считает необходимым незамедлительно исключить из военно-стратегического баланса ядерное и другие виды оружия массового уничтожения. Развернутое комплексное предложение полной и повсеместной ликвидации ядерного и других средств массового уничтожения содержится в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. Принципиальным при этом является решение, которое не допустило бы переноса гонки вооружений в космос. Выдвинутая в Заявлении программа, борьба за ее реализацию стала на предстоящие годы центральным направлением внешней политики СССР. В Политическом докладе ЦК на XXVII съезде нашей партии содержатся принципиальные основы создания всеобъемлющей системы международной безопасности. Это призыв ко всем правительствам, партиям, общественным организациям и движениям, ко всем, кто озабочен судьбами мира на Земле добиться на путях более тесного и продуктивного сотрудничества, чтобы мирное сосуществование стало высшим универсальным принципом международных отношений.

«Советская внешняя политика, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС в своей заключительной речи на съезде, — ориентирована на поиски взаимопонимания, на диалог, на утверждение мирного сосущест-

вования как универсальной нормы в отношениях между государствами». Разработанная XXVII съездом КПСС внешнеполитическая стратегия партии становится активным фактором международной жизни. Ее принципы призваны внедряться в политические отношения между государствами.

Фактором, играющим особенно важную роль в оздоровлении международной обстановки, является мировая социалистическая система. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии говорится: «Сегодня судьбы мира и социального прогресса теснее, чем когда-либо, связаны с динамизмом **экономического и политического развития мировой системы социализма**». Внешнеполитическая стратегия КПСС уделяет глубокое внимание эффективному взаимодействию всех стран социализма, всего коммунистического движения, которое ведет к росту потенциала мира.

Конструктивная политика социализма и платформа НАТО

В июне текущего года в Будапеште состоялось совещание Политического консультативного комитета (ПКК) государств — участников Варшавского Договора. 29—30 мая в Галифаксе (Канада) прошла сессия совета НАТО.

Будапештскому совещанию предшествовала целая серия крупных миролюбивых инициатив СССР и других социалистических государств. В советской программе ядерного и химического разоружения до 2000 г. современный мир обрел надежду на безопасное будущее. На рассмотрение женевской Конференции по разоружению Москва выдвинула ряд новых идей, позволяющих устранить расхождения на пути заключения международной конвенции о ликвидации химического оружия. На советско-американских переговорах в Женеве по ядерным и космическим вооружениям Советский Союз внес проект соглашения о ракетах средней дальности в Европе. В третий раз советское руководство продлило свой односторонний мораторий на ядерные испытания. Участники Варшавского Договора обратились к членам НАТО с предложениями по созданию безъядерных зон на Европейском континенте.

Встреча в Будапеште ознаменовалась новой крупномасштабной инициативой государств — участников Варшавского Договора. Главы делегаций подписали «Обращение государств — участников Варшавского Договора к государствам — членам НАТО, всем европейским странам с программой сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе». Реализация предложения социалистических стран позволила бы значительно снизить уровень военного противостояния в Европе, где уже сейчас, по подсчетам специалистов, концентрация боевых частей и военной техники в 20 раз выше, чем в среднем по планете.

Выдвинув свое предложение, страны — участницы Варшавского Договора пошли навстречу пожеланиям западноевропейских государств относительно сокращения обычных вооружений и вооруженных сил. Дело в том, что некоторые натовские, прежде всего заокеанские, круги давно уже спекулируют на этой проблеме, искусственно раздувая страхи перед «подавляющим превосходством» СССР и других стран Варшавского Договора в обычных вооружениях. Этот довод использовался и используется до сих пор для блокирования ядерного разоружения. Пока реакция лидеров НАТО не дает оснований для оптимизма: в НАТО не настроены на сокращение обычных вооружений и вооруженных сил.

Социалистические государства высказались в Будапеште за успешное завершение Стокгольмской конференции по мерам доверия, прогресс на переговорах в Вене. Придавая важное значение послехельсинкскому общеевропейскому процессу, они призвали западноевропейских партне-

ров в конструктивном духе провести очередную после Белграда и Мадрида общеевропейскую встречу, на сей раз в ноябре 1986 г. в Вене.

В коммюнике совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора подчеркивается: «Кардинальная задача нашего времени — защитить мир, прекратить гонку вооружений, перейти к конкретным мерам по разоружению, прежде всего в ядерной области. Решить ее, переломить тенденцию к нарастанию военной опасности, вернуть международные отношения в русло разрядки — возможно. Человечество может и должно преградить путь к ядерной катастрофе».

Такова политическая платформа государств Варшавского Договора— платформа перелома к лучшему, коренного оздоровления международной обстановки, ограничения и сокращения всех видов вооружений, создания надежных устоев всеобщей безопасности и широкого мирного сотрудничества государств на уровне, достойном нашего века расцвета науки, техники и технологии.

А какова платформа НАТО и ее вашингтонского лидера? До сессии в Галифаксе американской администрации удалось подключить основных партнеров вопреки их сомнениям и опасениям к реализации «стратегической оборонной инициативы». Удалось «провернуть» и другую операцию — навязать химическое бинарное оружие. На совещании в Берне экспертов по контактам между людьми, организациями и учреждениями Вашингтон пошел на бесцеремонный саботаж общеевропейского сотрудничества в гуманитарной сфере, унизив своих партнеров по НАТО, которые были готовы подписать заключительный документ.

На сессии совета НАТО в Галифаксе союзников ожидал еще один американский «сюрприз». Их оповестили как о решенном деле о намерении Белого дома не придерживаться в дальнейшем ограничений по Договору ОСВ-2. Форсируя свою программу «звездных войн», встав на путь подрыва советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны, Вашингтон берет на себя тяжелую ответственность не только перед своим народом, но и перед всем человечеством. Всем разумным людям очевидно, что это путь к ядерной катастрофе.

Необходимо, как это неустанно подчеркивает Советский Союз, добиться установления строгого запрета на создание, испытания и развертывание ударных космических вооружений при эффективном контроле. Эта четкая и принципиальная позиция пользуется все более растущей поддержкой и в самих Соединенных Штатах. И наоборот, курс администрации Рейгана на милитаризацию космоса вызывает тревогу и даже встречает сопротивление в американских политических и общественных кругах.

В подготовленном семью видными общественными деятелями — бывшими участниками переговоров по заключению Договора ОСВ-1 — заявлении в поддержку Договора по противоракетной обороне подчеркивается важность неукоснительного соблюдения этого документа — «центрального звена процесса контроля над вооружениями». Форсирование программы «звездных войн», говорится в заявлении, означало бы прямой отход Соединенных Штатов от обязательства по Договору по ПРО. С требованием существенно ограничить уровень финансирования программы «звездных войн» выступила почти половина членов сената. Эта акция сенаторов, которую намерена поддержать значительная часть палаты представителей, рассматривается в США как серьезная оппозиция милитаристским планам Белого дома.

В интересах азиатской безопасности

Сформулированные на XXVII съезде КПСС принципиальные Основы всеобъемлющей системы международной безопасности, выдвинутая

в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС от 15 января 1986 г. программа поэтапной ликвидации ядерного оружия до конца нынешнего столетия в полной мере учитывают и интересы Азиатско-тихоокеанского региона (АТР). В недавнем Заявлении Советского правительства, опубликованном 24 апреля 1986 г., говорится, что, выступая за разрядку, полную ликвидацию ядерного оружия до конца нынешнего века, создание всеобъемлющей системы международной безопасности и развитие сотрудничества (эти предложения нашли яркое выражение в документах XXVII съезда КПСС) СССР в полной мере учитывает при этом и интересы стран азиатско-тихоокеанского региона. Здесь происходят важные процессы, которые не могут не затрагивать позиции Советского Союза как одной из крупнейших азиатских и тихоокеанских держав, его друзей и союзников, интересы международного мира и безопасности.

Американский милитаризм давно стремится включить Азию в сферу своих стратегических приготовлений глобального масштаба. Ныне в АТР сосредоточена вторая по численности после Западной Европы группировка войск США. Пентагон добивается широкого включения Азии в сферу действия программы «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). От одних стран, как, например, Японии, требуют прямого подключения к технологическим разработкам по программе «звездных войн», от других — домогаются морально-политического одобрения американских проектов милитаризации космоса. С этой целью представители США настойчиво пытаются внушить азиатской общественности, что СОИ разрабатывается якобы и для защиты от некой угрозы, созданной мифотворчеством американской пропаганды, уверить в том, будто программа «звездных войн» должна сделать ядерное оружие «бессильным и устаревшим», привести к его «отмиранию».

Пентагон форсированными темпами строит на подступах к Азиатскому континенту объекты, имеющие прямое отношение к планам «звездных войн». Станции слежения и наведения на цели в космосе оборудуются на атоллах в Микронезии, а также в Японии, на Филиппинах, в Австралии, на острове Диего-Гарсия в Индийском океане. Размах этих работ подтверждает то большое значение, которое Соединенные Штаты придают Азии в планах «звездных войн». Через радиолокационные станции, расположенные на базах в акватории Индийского океана, американское командование рассчитывает управлять лазерными установками на космических платформах, которые смогут поражать объекты как в космосе, так и на Земле. Таким же целям служит и система «тихоокеанского радарного барьера».

Утверждения, что азиатская безопасность от этого будто бы выиграет, являются заведомой мистификацией. Ясно, что подготовка «звездных войн» не только не приведет к ликвидации ядерного оружия, а наоборот — откроет доступ для него в космос. Тем самым снимаются все преграды для ничем не ограниченного и не поддающегося контролю нового раунда гонки вооружений.

В последнее время заметно активизировались попытки империалистических кругов США превратить Азиатско-тихоокеанский регион в еще одну арену военно-политической конфронтации с СССР, другими социалистическими государствами, силами национального освобождения.

Сделать Восточную Азию и омывающие ее Тихий и Индийский океаны таким же рубежом развертывания ядерных средств передового базирования, каким уже стали Западная Европа и прилегающая к ней Атлантика, — вот цель американских стратегов. Именно этим объясняется лихорадочное наращивание американских ядерных вооружений, создание новых баз для «сил быстрого развертывания» в регионе.

Поощряя милитаристские тенденции в Японии, американский империализм стремится превратить ее в ключевое звено антисоветского, анти-

социалистического «восточного фронта». Ради этой же цели хотят замкнуть в треугольник военные связи Вашингтона с Токио и Сеулом, а также проложить путь к созданию «тихоокеанского сообщества», куда наряду с союзниками по военным блокам задумано вовлечь также Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Советское предложение создать всеобъемлющую систему международной безопасности, идея поэтапной ликвидации ядерного оружия имеют для Азии особенно актуальное значение. Насущным интересам ее народов прежде всего отвечало бы полное запрещение ядерных испытаний как на континенте, так и в бассейнах Тихого и Индийского океанов. Реализация советской программы ядерного разоружения коренным образом оздоровила бы обстановку в Азиатско-тихоокеанском регионе. На фоне ее поэтапного осуществления можно было бы обеспечить и интересы безопасности государств, •не располагающих ядерным оружием. Они официально провозгласили бы свою приверженность трем неядерным принципам: не иметь, не производить, не ввозить такое оружие на свою территорию. А ядерные державы в международно-правовом порядке обязались бы не применять ядерного оружия против стран и районов этой части мира, соблюдающих безъядерный статус.

СССР выдвигает предложение начать широкий обмен мнениями между всеми заинтересованными странами этой части мира по вопросам налаживания равноправного, взаимовыгодного и устойчивого торгово-экономического, технологического, научного и культурного сотрудничества. Сферами такого сотрудничества могли бы стать развитие производительных сил, подготовка кадров, более полное использование трудовых ресурсов, применение новых источников энергии, включая ядерную, совершенствование средств транспорта, связи, выявление новых форм торгово-экономического и финансового сотрудничества с учетом интересов развивающихся стран региона, обмен научно-технической информацией, разработка мер по охране окружающей среды и рациональному использованию биологических и минеральных ресурсов морей и океанов, проведение мирных космических исследований в общих интересах, совместные работы в области медицины и здравоохранения, по борьбе со стихийными бедствиями и ликвидации их последствий и др. Наша страна готова принять самое широкое и активное участие в поиске новых форм двустороннего и многостороннего сотрудничества, в разработке и реализации крупных долговременных проектов и программ, направить имеющийся у нее экономический и научно-технический потенциал на дело мира и укрепления доверия между народами.

СССР был и остается азиатской и тихоокеанской державой, и всякие попытки « вытеснить» его из региона посредством экономических санкций или как-либо иначе ограничить широкие связи с государствами бассейна Тихого океана обречены на провал. Более того, как указывалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, значение азиатско-тихоокеанского направления в мировой политике и во внешнеполитическом курсе СССР возрастает. На форуме советских коммунистов относительно задач внешней политики нашей страны в этом обширном регионе планеты на предстоящий период было заявлено: «Тут, причем не откладывая, надо искать свои решения, свои пути. Начинать, видимо, следует с координации, а затем и объединения усилий в интересах политического урегулирования болезненных проблем, чтобы параллельно на этой основе хотя бы снять остроту военного противостояния в различных районах Азии, стабилизировать там обстановку».

Призыв Советского Союза сообща искать пути к укреплению безопасности в Азии и бассейне Тихого океана, используя, в частности, и опыт Общеевропейского совещания, отнюдь не подразумевает механического переноса хельсинкской схемы на азиатскую почву. Но многие элементы европейского опыта разрядки напряженности могут быть

применены и в Азии. Это — уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела, неприменение силы, мирное урегулирование споров, право народов распоряжаться своей судьбой, развитие равноправного взаимовыгодного сотрудничества.

По мнению СССР, концепция азиатской безопасности могла бы включать в себя пять принципов мирного сосуществования («панча шила»), выработанных в свое время государствами континента, десять принципов Бандунга, а также ряд предложений неприсоединившихся и социалистических стран Азии. Ряд конструктивных инициатив по различным аспектам азиатской безопасности выдвинули за последнее время социалистические страны. Помимо программы ядерного разоружения, СССР предложил обсудить вопрос о мерах доверия на Дальнем Востоке (наподобие тех, которые уже осуществляются в Европе на основе хельсинкских договоренностей). Монгольская Народная Республика предложила заключить конвенцию о взаимном ненападении и неприменении силы между государствами Азии и бассейна Тихого океана. Вьетнам, Лаос и Кампучия последовательно выступают за превращение Юго-Восточной Азии в зону мира, стабильности и сотрудничества, за налаживание добрососедских отношений с государствами АСЕАН. Конструктивные предложения, нацеленные на ускорение мирного, демократического объединения Кореи, ослабление военного противостояния на Корейском полуострове, выдвинуло правительство КНДР.

Достижение прочной безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе немыслимо без активного участия в этом процессе КНР. Отрадно, что обе расположенные на Азиатском континенте ядерные державы — СССР и КНР — взяли на себя обязательства не применять ядерное оружие первыми, что Китайская Народная Республика выступает против милитаризации космоса.

Достижению целей азиатской безопасности благоприятствуют и другие факторы. В числе их — подъем антивоенных, антиядерных настроений, о чем свидетельствует решение соответствующих государств провозгласить южную часть Тихого океана безъядерной зоной. Растет международной авторитет и позитивная роль Движения неприсоединения, ширится борьба за перестройку международных экономических отношений на справедливой, равноправной основе.

Выработка концепции азиатской безопасности — долговременная задача, которую предстоит решать этап за этапом, переходя от простого к сложному. «КПСС, — говорится в новой редакции ее Программы, — выступает за объединение усилий всех заинтересованных государств в целях обеспечения безопасности в Азии, за совместный поиск ими конструктивного решения этой проблемы». Превращение же Азии в континент добрососедства и сотрудничества в свою очередь умножило бы общечеловеческий потенциал мира, разума и доброй воли.

В своей речи на торжественном собрании, посвященном вручению городу Владивостоку ордена Ленина (28 июля 1986 г.), М. С. Горбачев, в частности, подчеркнул, «что мы за включение азиатско-тихоокеанского региона в общий процесс всеобъемлющей системы международной безопасности, о которой говорилось на XXVII съезде КПСС». Речь идет в первую очередь о вопросах регионального урегулирования. СССР также выступает за то, чтобы поставить заслон на пути распространения и наращивания ядерного оружия в Азии и на Тихом океане. Советский Союз предлагает начать переговоры о сокращении активности на Тихом океане военных флотов, прежде всего кораблей, оснащенных ядерным оружием. СССР по-прежнему и решительно за то, чтобы возобновить переговоры по превращению Индийского океана в зону мира. Советский Союз придает большое значение кардинальному сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Азии до пределов разумной достаточности. СССР считает, что давно уже приспело время перевести

в практическую плоскость обсуждение мер доверия и неприменения силы в регионе.

Советская концепция азиатско-тихоокеанской безопасности, предусматривающая совместный поиск путей обеспечения мира в Азии на основе объединения усилий всех государств региона, — важная основа для развития взаимопонимания и сотрудничества между странами АТР, установления прочного мира.

* * *

Наращивая борьбу за мир, за предотвращение ядерной войны, прекращение гонки вооружений, полную и всеобщую ликвидацию оружия массового уничтожения, КПСС, Советское государство твердо и последовательно проводят политику мира, курс на упрочение мирного сосуществования между странами различных социальных систем. «Мир нам нужен, как он нужен и всем, — но своей безопасностью мы не поступимся, гонкой вооружений нас не измотать, из космоса не взять, в технологии не обойти! Наша оборонная мощь — и это особо подчеркнуто на июньском (1986) Пленуме ЦК КПСС — опирается на надежную базу стратегии ускорения, которую выработала партия и которая получила свое развернутое отражение в планах двенадцатой пятилетки — пятилетки коренного перелома в социально-экономическом развитии страны».

Ученые 32 стран, собравшиеся летом этого года в Москве для обсуждения проблемы сохранения мира на земле и, следовательно, человеческой цивилизации, в единодушно принятой декларации выступили с предупреждением о том, что планета стоит перед лицом простой и беспощадной реальности — человеческая цивилизация не переживет ядерной войны. Указывая в совместном документе, что односторонний мораторий Советского Союза открывает уникальные возможности для полного запрещения ядерных испытаний, ученые выразили надежду, что к нему присоединятся США, а также другие ядерные державы.

Советский Союз вновь и вновь подчеркивает, что в ядерную эпоху мир стал слишком маленьким и хрупким для войн и всякого рода «силовых приемов», что ныне не только ядерная дуэль, но и подготовка к ней, то есть гонка вооружений, стремление к военному превосходству никому не могут принести политического выигрыша.

«Наши цели предельно ясны, — подчеркнул, выступая на июньском (1986) Пленуме ЦК КПСС, товарищ М. С. Горбачев. — Это — ускорение социально-экономического развития страны; это — широкое международное сотрудничество, выгодное для всех; это — разоружение и ликвидация ядерного оружия; это — мир человечеству. Отсюда и наш политический курс как внутри страны, так и на международной арене».

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Некоторые вопросы создания материально-технической базы социализма в МНР

И. С. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. В. СМИРНОВ

За короткий исторический срок МНР достигла ощутимых успехов на пути к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Превращение некогда отсталой феодальной Монголии в динамично развивающуюся аграрно-индустриальную социалистическую страну с современной многоотраслевой экономикой и постоянно растущим благосостоянием населения — главный итог деятельности МНРП и самоотверженного труда монгольского народа, плодотворного сотрудничества МНР с СССР и другими странами социалистического содружества.

Опыт Монголии имеет большое значение для осмысления закономерностей перехода к социализму стран с низким начальным уровнем развития. Теория и практика строительства материально-технической базы социализма в МНР вносит большой вклад в коллективное достояние всех братских партий — марксистско-ленинскую теорию социалистического строительства. Важнейшее значение в деле создания материально-технической базы социализма в МНР призваны сыграть теоретические и практические установки XIX съезда МНРП.

МНР с конца 60-х годов вступила в этап завершения строительства материально-технической базы социализма. XV съезд МНРП (1966), зафиксировав создание в Монголии социально-экономических основ социалистического общества, принял новую программу партии — программу завершения строительства социализма [1].

За прошедший с 1966 г. период монгольский народ добился немалых успехов в деле создания материально-технической базы социализма. Так, на XIX съезде МНРП отмечалось: «Двадцать лет прошло со времени принятия четвертой Программы Монгольской народно-революционной партии. В эти годы, продолжая укреплять братскую дружбу со странами социалистического содружества, прежде всего с Советским Союзом, расширять и углублять всестороннее сотрудничество с ним, МНР достигла новых крупных успехов в укреплении и развитии материально-технической базы народного хозяйства, в повышении благосостояния и культуры народа.

Углубляется процесс индустриализации страны. Помимо Улан-Батора возникли такие новые промышленные центры, как Дархан, Эрдэнэт, Чойбалсан, Бага-Нур, Бор-Ундур, Хутул и др. Быстро развивалось земледелие. С созданием механизированных молочных ферм, откормочных и кормовых хозяйств закладываются основы применения в животноводстве интенсивных методов» [2].

[1] См.: Монгольская Народная Республика. М., 1984, с. 25—26.
[2] «Унэн», 29.V.1986.

Съезд дал принципиальную оценку достижениям и трудностям, возникшим в ходе социалистического строительства, и в качестве наиболее актуальной задачи выдвинул необходимость комплексного изучения узловых проблем развития общества, в частности вопросов формирования оптимальной структуры народного хозяйства.

* * *

Опыт МНР имеет большое значение для разработки теории перехода к социализму стран с неразвитой экономикой. Он, в частности, показывает, что содержание понятия «индустриализация» во многом зависит от тех глубинных изменений, которые происходят в экономике, науке и технике передовых в экономическом отношении стран, от того этапа, на котором находится современная научно-техническая революция. Последняя предопределяет новый подход к пониманию индустриализации, которая уже не может просто сводиться к обеспечению преобладания удельного веса промышленной продукции и отраслей тяжелой промышленности в общем объеме национального дохода. Индустриализация в современных условиях подразумевает увеличение доли овеществленного труда по сравнению с живым трудом во всех важнейших отраслях экономики, в том числе и в сельском хозяйстве.

Поскольку первоначально научно-техническая революция приводила к наращиванию мощностей, способных перерабатывать в единицу времени все бóльшие массы первичного сырья и полуфабрикатов, то индустриализация менее развитых стран социализма, в том числе и МНР, была направлена на осуществление подобной, «ресурсопоглощающей» модели развития.

На следующем этапе научно-техническая революция способствовала внедрению в производство более сложных и дорогих технологий, способных обеспечить производство большего количества конечного продукта из той же массы сырья.

На этих этапах НТР рост производства сопровождается увеличением потребления сырья или основных фондов на единицу конечной продукции, то есть увеличением материало- или фондоемкости национального дохода. При появлении дефицита сырья или материалов соответствующие данным этапам НТР типы индустриализации уже не выглядят эффективными с позиций интенсификации народного хозяйства.

Современный этап научно-технической революции, на котором НТР постепенно перерастает в революцию научно-производственную, характеризуется появлением возможностей обеспечить процесс уменьшения удельного веса живого труда при снижении материало- и фондоемкости производства. Эти возможности заключаются в активном внедрении в производство новейших технологий и сопровождаются заметным увеличением, а впоследствии и преобладанием удельного веса «идеи изделия» в конечной стоимости продукции, иными словами сопровождается ростом наукоемкости национального дохода. Новейшие технологии позволяют производить те же продукты, что и прежде, но новейшими методами с заметно меньшими затратами живого труда, сырья и материалов (например, достижения в области биотехнологии открывают выход на интенсификацию производства продуктов питания в сельском хозяйстве).

В Отчетном докладе XIX съезду МНРП в этой связи указывалось: «На нынешнем этапе строительства материально-технической базы социализма главным источником роста эффективности общественного производства становится рациональное использование капитальных вложений, производственного потенциала и имеющихся материальных и трудовых ресурсов, повышение производительности труда»[3].

[3] «Унэн», 29.V.1986.

Внесение соответствующих корректив в концепцию индустриализации в свете новейших достижений научно-производственной революции особенно важно для таких стран, как МНР, испытывающих нехватку трудовых ресурсов. Большие возможности для перехода Монголии к новому этапу социалистической индустриализации открывает участие страны в Комплексной программе научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 г., принятой в 1985 г. на 41-м внеочередном заседании сессии СЭВ.

Принципиальная особенность программы состоит в том, что в избранных приоритетных направлениях она позволяет довести фундаментальные научные идеи до создания конкретных передовых технологий, разработать новые поколения высокоэффективных машин, новейших материалов, укрепить комплексный характер сотрудничества во всех звеньях цикла наука — техника — производство — сбыт. Экономический эффект достигается именно благодаря органическому соединению науки с производством, через широкое использование передовой техники и технологии.

Это позволит братским странам вступить в XXI век, располагая производством качественно нового уровня. К 2000 г. в них планируется по крайней мере вдвое увеличить производительность труда, резко снизить удельный расход энергии и сырья на единицу произведенного национального дохода, добиться кардинальных изменений в обеспечении информацией, совершенствовании механизма управления.

Предполагаемые результаты будут получены благодаря концентрации материальных и интеллектуальных ресурсов на таких направлениях научно-технического прогресса, которые обеспечивают революционные преобразования производства. К ним относятся электронизация народного хозяйства, комплексная автоматизация, ускоренное развитие атомной энергетики, новые материалы и технологии их производства и обработки, биотехнология.

Революционное развитие науки и техники в странах социалистического содружества через механизм согласования интернациональных и национальных интересов будет способствовать повышению эффективности экономической помощи стран — членов СЭВ таким странам, как Монголия, а также Вьетнам и Куба, создаст материальную основу для осуществления принципиально новой по своему содержанию индустриализации — индустриализации в эпоху научно-производственной революции. В своем выступлении на 41-м заседании сессии СЭВ Председатель Совета Министров МНР Д. Содном указал на «большое значение Комплексной программы для ускоренного развития, повышения эффективности и интенсификации экономики МНР», с удовлетворением отметил готовность стран — членов СЭВ «повысить эффективность их экономической и научно-технической помощи СРВ, Республике Куба и МНР» [4].

* * *

Надежную базу для перехода к новому этапу индустриализации составляют успехи, достигнутые монгольскими трудящимися в предшествовавшие годы развития. Весомый вклад в укрепление экономического потенциала Республики внесла седьмая пятилетка (1981—1985). Выступая на XIX съезде МНРП, тов. Ж. Батмунх подчеркнул: «За годы седьмой пятилетки в результате активной политической и организаторской деятельности партии и самоотверженного созидательного труда народа, благодаря братской помощи и поддержке социалистиче-

[4] «Правда», 18.XII.1985.

ского содружества, прежде всего Советского Союза, МНР достигла новых успехов в социалистическом строительстве» [5].

Период 1981—1985 гг. явился важным этапом осуществления программных задач по завершению создания материально-технической базы социализма в МНР. В эти годы был сделан важный шаг по пути интенсификации развития промышленности, механизации сельскохозяйственного производства, повышения уровня технической оснащенности всех отраслей народного хозяйства и создания на этой основе оптимального народнохозяйственного комплекса. Важное значение придавалось поступательному повышению материального благосостояния и культурного уровня монгольского народа.

В 80-е годы монгольская экономика развивается устойчивыми темпами. Ежегодно около 70 % капиталовложений направляется в отрасли материального производства, среднегодовые темпы прироста объема инвестиций в 1981—1985 гг. превысили 10 %. В 1985 г. по сравнению с 1980 г. национальный доход МНР вырос на 36 %, объем промышленной продукции — на 55, валовая продукция сельского хозяйства — на 38 % [6].

МНР удалось преодолеть неблагоприятную тенденцию падения темпов экономического развития конца 70-х годов и несколько приблизиться к уровню европейских стран — членов СЭВ, что отражается в динамике такого синтетического показателя, как размер национального дохода в расчете на душу населения. Как явствует из таблицы 1, среднегодовые темпы прироста национального дохода в расчете на душу населения в МНР в 1981—1985 гг. были выше, чем в 1976—1980 гг., и опережали темпы прироста аналогичного показателя почти по всем европейским странам СЭВ (за исключением ГДР).

Высокие темпы экономического развития Монголии дали возможность заметно повысить материальное благосостояние народа и в основном выполнить плановые показатели социального развития. Реальные доходы на душу населения возросли в 1985 г. по сравнению с 1980 г. на 12 %, розничный товарооборот — более чем на 20 % [7].

Важную роль в ускорении развития народного хозяйства МНР играют принимаемые с середины 80-х годов МНРП меры по приведению в действие крупных резервов для того, чтобы во всех отраслях народного хозяйства экономить материальные ресурсы, эффективно использовать основные фонды и оборотные средства, улучшать качество продукции и повышать производительность труда. Поворотным моментом здесь стал IX Пленум ЦК МНРП, который наметил комплекс мero-

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста национального дохода в расчете на душу населения в МНР и европейских странах — членах СЭВ (%)

	МНР	НРБ	ВНР	ГДР	ПНР	СРР	ЧССР
1976—1980 гг.	2,6	5,8	2,4	4,2	0,4	6,1	3,0
1981—1985 гг.	4,1	3,7	2,1	4,6	—2,0	4,0	1,0

Составлено по: «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1986, № 2, с. 109.

[5] «Унэн», 29.V.1986.
[6] См.: «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1986, № 2, с. 109.
[7] См.: Статистический ежегодник стран — членов СЭВ. М., 1986, с. 46.

приятий по улучшению функционирования экономики, указал на необходимость «восполнить упущенное в прошлые годы... кардинально перестроить стиль и методы работы» [8].

На современном этапе МНРП особое внимание уделяет повышению трудовой дисциплины, преодолению народнохозяйственных диспропорций, обеспечению ритмичности поставок товаров, уменьшению объемов незавершенного строительства, устранению штурмовщины на производстве. Существенные резервы увеличения производства в промышленности Монголии связаны с экономией материальных затрат и сокращением издержек производства в расчете на один тугрик товарной продукции. МНРП взяла курс на повышение уровня организации труда, обеспечение действия материальных стимулов. ЦК МНРП подверг критике сложившуюся практику выполнять производственные планы «любой ценой», при которой принимаемые плановые задания не подкрепляются соответствующими организационными и идеологическими мероприятиями, что в результате приводит к недостаточному использованию созданных возможностей материально-технической базы монгольского общества [9].

Большое внимание МНРП уделяет в настоящее время развитию животноводства. За годы седьмой пятилетки капиталовложения в сельское хозяйство возросли почти на 30 % по сравнению с предыдущим пятилетним плановым периодом, мощности кормопроизводства выросли в 1984 г. на 15 % по сравнению с 1980 г., однако, план увеличения поголовья скота не был выполнен [10]. На потенциале монгольского животноводства неблагоприятно сказались недостаточная обеспеченность хозяйств кормами и хранилищами, перебои в доставке кормов. Остро стоит проблема обеспеченности сельского хозяйства кадрами. Тенденция ухода молодежи в город приводит к «старению» занятых в сельском хозяйстве, сокращению их численности.

Состоявшийся в 1985 г. X Пленум ЦК МНРП одобрил целевую программу развития сельского хозяйства страны и улучшения продовольственного обеспечения населения, важнейшим этапом в реализации которой должна стать восьмая пятилетка (1986—1990). Программа ставит целью преодоление в ближайшее время тенденции отставания производства сельскохозяйственной продукции от довольно высоких темпов роста населения. ЦК МНРП и Совет Министров МНР наметили конкретные меры по совершенствованию планирования и управления сельским хозяйством, системы экономического стимулирования, улучшению жилищных условий и культурно-бытового обслуживания сельского населения.

Приведение в действие существующих в Монголии резервов ускорения экономического развития во многом связано с совершенствованием системы планирования и управления производством. МНРП отмечает необходимость усиления обоснованности планирования и совершенствования экономического механизма с тем, чтобы он был нацелен на повышение заинтересованности трудовых коллективов «принимать напряженные обязательства, выполнять и перевыполнять их» [11].

На съезде МНРП указывалось: «При укреплении централизованного планового руководства важно гибко сочетать его с усилением роли отраслевых и местных органов, укреплением самостоятельности предприятий и хозяйств, активизацией творческой самодеятельности трудовых коллективов и повышением их заинтересованности в разработке встречных планов и ответственности за их реализацию» [12].

[8] «Новости Монголии», 14.XII.1984.
[9] См. там же.
[10] См. там же.
[11] Там же.
[12] «Унэн», 29.V.1986.

Преимущества социалистического способа производства и социалистического интернационализма как основы сотрудничества стран — членов СЭВ обеспечивают решение отмеченных сложных экономических проблем, на которые указывает МНРП. В способности смело ставить острые вопросы, активно использовать богатый теоретический и практический опыт реального социализма для их решения проявляется сила социалистического общественного строя.

* * *

Решение сложных хозяйственных задач, стоящих сегодня перед МНРП, не только является важнейшим резервом ускорения экономического развития Монголии, но и способствует созданию необходимой внутрихозяйственной обстановки, позволяющей с максимальной отдачей использовать предоставляемую экономическую помощь европейских стран — членов СЭВ, экономно и эффективно расходовать коллективные ресурсы стран социалистического содружества. Максимальная мобилизация и использование внутренних резервов роста МНР выступают, таким образом, в качестве необходимого условия повышения эффективности интернационалистской помощи более развитых стран СЭВ, которая играет важную роль в решении программных задач по завершению создания в МНР материально-технической базы социализма.

На XIX съезде МНРП в этой связи указывалось: «Необходимо добиваться еще бóльшей отдачи от реализации экономической и технической помощи, предоставляемой Советским Союзом и другими братскими странами, полностью выполнять обязательства, принятые по двусторонним и многосторонним программам, соглашениям и контрактам, повышать качество экспортной продукции» [13].

Экономическое сотрудничество в рамках СЭВ предоставляет МНР, как и другим менее развитым странам социалистического содружества, уникальную возможность перешагивать через исторически сложившиеся ступени развития производительных сил, переходить к более совершенным формам организации производства, апробированным в других странах социалистического содружества. В результате сотрудничества МНР получает необходимое оборудование и технологию, повышает квалификацию национальной рабочей силы, приобретает и накапливает опыт в выработке наиболее рациональной стратегии социально-экономического развития. Тем самым страна экономит время, необходимое для создания передовых средств производства и механизма хозяйствования.

Страны СЭВ, имея общие конечные цели и основывая свои отношения на принципах социалистического интернационализма, проводят согласованную линию по оказанию помощи МНР, а также СРВ и Р. Куба в деле ускорения их социально-экономического развития и более широкого вовлечения в международное социалистическое разделение труда. Уже в принятой на XXV сессии СЭВ (1971) Комплексной программе дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции страны — члены СЭВ отметили особое место, которое занимает вопрос об обеспечении ускоренного роста и повышения эффективности экономики МНР, подчеркнули необходимость выделения значительных капитальных вложений и оказания помощи со стороны других стран для создания оптимального комплекса в ее народном хозяйстве. Было решено, что по договоренности между заинтересованными странами и

[13] «Унэн», 29.V.1986.

МНР будут согласовываться на многосторонней или двусторонней основе и разрабатываться специальные мероприятия, направленные на ускорение развития и повышение эффективности экономики Монголии с учетом ее природных и экономических условий.

В комплекс мероприятий включается совместное строительство и эксплуатация промышленных и иных объектов МНР и заинтересованными странами посредством участия финансовыми, материально-техническими средствами и рабочей силой; оказание помощи в освоении проектных мощностей предприятий, построенных при содействии стран — членов СЭВ; предоставление льготных кредитов; применение поощрительных цен на продукты сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности; оказание помощи в развитии науки, подготовке национальных кадров; оказание в согласованных случаях безвозмездной помощи.

Дальнейшая разработка согласованной политики стран — членов СЭВ в отношении МНР и других менее развитых стран социалистического содружества была продолжена на экономическом совещании в Москве на высшем уровне (1984). В Заявлении об основных направлениях дальнейшего развития и углубления экономического и научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ, принятом на совещании, указано, что одной из важнейших задач стран — членов СЭВ в области экономики и взаимного сотрудничества на современном этапе является «ускорение процесса постепенного выравнивания уровней развития стран — членов СЭВ и в первую очередь уровней экономического развития СРВ, Республики Куба и МНР с уровнями европейских стран — членов СЭВ» [14].

Экономическое и техническое содействие и всестороннее взаимное сотрудничество с МНР, равно как и с другими менее развитыми странами СЭВ, постоянно находится в центре внимания органов СЭВ и двусторонних межправительственных комиссий по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Так, на 40-м заседании сессии СЭВ в 1985 г. была положительно оценена работа, которую страны — члены СЭВ проводят, в частности, по сотрудничеству с Монголией. В Коммюнике о 40-м заседании сессии СЭВ была отмечена ведущая роль СССР в разработке и осуществлении совместной политики стран — членов СЭВ в отношении МНР, а также СРВ и Р. Куба [15].

Приверженность СССР коллективно выработанной линии стран — членов СЭВ на оказание помощи МНР и другим менее развитым государствам содружества была подтверждена на XXVII съезде КПСС. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г. в области внешнеэкономической деятельности СССР названа задача: «Продолжить совместно с другими странами — членами СЭВ оказание интернациональной помощи Социалистической Республике Вьетнам, Республике Куба и Монгольской Народной Республике в ускорении развития и повышении эффективности общественного производства, в расширении их участия в международном разделении труда» [16].

* * *

XIX съезд МНРП отметил возрастающую созидательную силу советско-монгольского сотрудничества в деле ускорения социально-экономического развития МНР, высоко оценил содействие других

[14] Экономическое совещание стран — членов СЭВ на высшем уровне, 12—14 июня 1984 года. Документы и материалы. М., 1984, с. 20.
[15] См.: «Правда», 29.VI.1985.
[16] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 328.

стран — членов СЭВ в строительстве и эксплуатации народнохозяйственных объектов, их вклад в развитие экономики и культуры МНР.

О значении советской помощи для развития монгольской экономики говорят, например, такие цифры: около 50 % всей валовой промышленной продукции в МНР создается на предприятиях, сооруженных при техническом содействии Советского Союза, в том числе 95 % электроэнергии, 81 — угля, 100 — медно-молибденового концентрата, 70 — строительных материалов, 85 — муки, 100 % мытой шерсти, валяной обуви, шерстяных тканей и т. д.[17]; 60 % строительно-монтажных работ осваивается непосредственно советскими организациями; кредиты и безвозмездная помощь СССР составляют более 70 % капиталовложений в народное хозяйство Монголии[18].

В 1961—1980 гг. в МНР при содействии СССР построено более 400 объектов во всех отраслях экономики[19], в том числе воздвигнуты новые промышленные центры — Дархан, Чойбалсан, Эрдэнэт. В 1981—1985 гг. велось строительство 280 новых объектов, в их числе объекты четвертого территориально-производственного комплекса в Бага-Нуре[20].

Новый импульс советско-монгольскому сотрудничеству придала подписанная в 1985 г. Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и МНР на период до 2000 г. Программа нацеливает советско-монгольское сотрудничество на совершенствование структуры и повышение эффективности монгольской экономики, обеспечение более полного использования имеющегося промышленного потенциала, развитие экспортных ресурсов МНР за счет сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, вовлечения в оборот новых месторождений полезных ископаемых и расширения действующих горнорудных предприятий[21].

Оказывают помощь МНР и другие страны — члены СЭВ. С помощью НРБ в МНР построены овчинно-шубная фабрика, мясокомбинат, строится кирпичный завод в Увдаг-Худуге. ВНР оказала содействие в сооружении типографии, ковровой фабрики и крупного мясокомбината, ведет реконструкцию фарфоровой и ковровой фабрик в Улан-Баторе. ГДР создала мощности в мясной промышленности, реконструировала мясоконсервный комбинат, участвует в расширении ковровой фабрики, создании сенокосных угодий. При помощи ПНР в МНР построены бетонный завод, деревообрабатывающий комбинат, сооружен завод по производству силикатного кирпича и извести, выполнены ветеринарные мероприятия в животноводстве. При содействии СРР построена трикотажная фабрика, сооружается мебельно-картонный комбинат. ЧССР содействовала строительству комплекса предприятий кожевенно-обувной промышленности, больничного комплекса, обувной фабрики, цементного завода, радиостанции и т. д.[22]

* * *

Экономическое сотрудничество МНР и европейских стран — членов СЭВ способствует росту взаимного товарооборота. На их долю приходится 95 % объема внешней торговли Монголии. В 1981—1984 гг. произошло заметное увеличение взаимной торговли. В текущих ценах товарооборот МНР со странами СЭВ в 1984 г. возрос на 57,3 % по сравнению с 1980 г., в том числе импорт МНР на 49,3, экспорт — на 80,6 % (см. таблицу 2).

[17] См.: «Вопросы экономики», 1985, № 8, с. 92.
[18] См.: Монгольская Народная Республика, с. 205.
[19] См. там же, с. 214.
[20] См. там же.
[21] См.: «Правда», 5.IX.1985.
[22] См.: «Новости Монголии», 26.XI.1985.

Таблица 2

Товарооборот МНР с европейскими странами СЭВ (в млн. руб.)

	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.
Товарооборот	985,0	1136,8	1358,4	1491,4	1549,4
Экспорт	251,6	292,9	372,2	418,9	454,3
Импорт	733,4	843,9	986,2	1072,5	1095,1

Источник: Народное хозяйство МНР в 1984 г. Улан-Батор, 1985, с. 330 — 335; Монгольская Народная Республика. М., 1986, с. 168—170.

Структура товарооборота МНР с европейскими странами СЭВ отражает место Монголии в международном социалистическом разделении труда. В экспорте МНР преобладает топливо, промышленное сырье и материалы (более 60 %), пищевкусовые товары и сырье для их производства (около 10 %), в импорте — машины и оборудование (более 30 %), а также топливо, промышленное сырье и материалы (около 40 %) (см. таблицу 3). На повестке дня стоят задачи диверсификации структуры взаимной торговли за счет включения в оборот новых изделий, развития промышленной кооперации.

Таблица 3

Структура торговли МНР с европейскими странами СЭВ в 1984 г. (% к итогу)

	Экспорт	Импорт
Машины оборудование и транспортные средства	0,2	34,6
Топливо, промышленное сырье и материалы	64,2	39,6
Пищевкусовые товары и сырье для их производства	21,2	7,4
Промышленные товары народного потребления	14,4	18,4

Источник: Народное хозяйство МНР в 1984 г., с. 330—335; Монгольская Народная Республика, с. 168—170.

Выступая в качестве важного фактора создания материально-технической базы социализма в МНР, экономическое сотрудничество Монголии со странами СЭВ находится в процессе постоянного совершенствования и развития. У стран — членов СЭВ существуют немалые резервы для дальнейшего повышения эффективности сотрудничества, активизации двусторонних и многосторонних связей, совершенствования механизма управления экономическими связями с МНР.

* * *

Советские люди с удовлетворением отмечают успехи монгольских трудящихся в создании материально-технической базы социализма, решимость монгольских коммунистов и впредь активно бороться за идеалы мира и социализма, укреплять отношения дружбы с СССР и другими странами социалистического содружества на принципах марксиз-

ма-ленинизма и социалистического интернационализма. В своем выступлении на XIX съезде МНРП глава делегации КПСС тов. В. И. Воротников, обращаясь к монгольским трудящимся, сказал: «Подлинное возрождение и обновление Монголии за годы народной власти — это результат настойчивого претворения в жизнь марксистско-ленинской стратегии и тактики МНРП, итог напряженного, самоотверженного труда рабочего класса, аратства, интеллигенции республики.

У вас есть все основания гордиться своими достижениями. Вместе с вами им искренне радуются трудящиеся Советского Союза, ваши друзья в других странах»[23].

[23] «Правда», 29.V.1986.

Японский вызов Соединенным Штатам

Ю. П. ШИПОВ,
кандидат экономических наук

В послевоенные годы экономическое развитие ведущих стран капитализма происходит в условиях прогрессирующего воздействия научно-технической революции на весь ход общественного воспроизводства. Акценты в промышленной политике этих государств на приоритетном развитии наукоемких, высокотехнологичных отраслей с широким внедрением средств и систем автоматизации усиливают тенденцию перехода от трудоинтенсивных к капиталоинтенсивным производствам. В результате этого, а также политики Вашингтона, направленной на известное ограничение экономических связей с миром социализма, еще более усиливается значение разделения труда между сложившимися центрами империализма — США, Западной Европой и Японией.

Рост масштабов экономического обмена в треугольнике — торговля товарами, услугами, научно-техническими достижениями, взаимные капиталовложения и др. — происходит в условиях ужесточающихся с каждым годом противоречий. Источником этих противоречий являются такие объективные факторы, как замедление темпов развития, общее ухудшение и нестабильность мировой капиталистической системы, несбалансированность внешней торговли, разница в уровнях конкурентоспособности на национальном и отраслевых уровнях, обострение социально-политических проблем в странах развитого капитализма.

Общность классовых интересов побуждает правящие круги этих государств предпринимать усилия по выработке унифицированных подходов и политики не только в противостоянии миру социализма, но и в попытках найти какие-то рецепты сглаживания острейших межимпериалистических противоречий. Однако проводимые ежегодно совещания глав ведущих западных стран, так называемые «саммиты», не принесли сколько-нибудь ощутимых результатов, несмотря на принимаемые на них решения, декларирующие стремление к нормализации мировой капиталистической экономики, поскольку каждое из правительств стран-участниц в практических делах исходит из интересов своих национальных монополий. Пример тому показывают сами США, являющиеся инициаторами таких совещаний. Так, еще в 1981 г. на «саммите» в Оттаве президенту США было рекомендовано изменить политику высокого ссудного процента и соответственно искусственно завышенного доллара, что приводит к многим экономическим неурядицам в других западных государствах. Но американская администрация длительное время никоим образом не реагировала на эту позицию других участников. То же можно сказать и о декларируемых каждый раз призывах к соблюдению принципов свободы торговли. На самом деле каждая из западных стран тяготеет к протекционизму, когда дело касается защиты местной промышленности [1].

Новые явления в развитии монополистического капитализма, например транснационализация финансового капитала, в целом расширение сферы деятельности и масштабов операций транснациональных корпораций (ТНК), которые «отрываются от национальной почвы и во главу

[1] См.: Кокусай кэйдзай тицудзё-ни кансуру тэйгэн. Токио, 1984, с. 29—32.

угла ставят обеспечение максимальных прибылей в глобальном масштабе»[2], придают нынешним межимпериалистическим противоречиям дополнительный импульс, делают их еще более острыми и неразрешимыми.

Ниже предпринята попытка проанализировать существо, характер, степень глубины, реальные причины нынешней конфронтации в торгово-экономической сфере между лидером современного империализма — Соединенными Штатами и бросившей им вызов Японией.

* * *

Видимая и очевидная причина сильного недовольства Соединенных Штатов характером современного экономического обмена с Японией усматривается в значительной несбалансированности их взаимной торговли, которая американской стороной связывается с «закрытостью» японского рынка. Отсюда главными направлениями американского нажима на Японию являются требования о сдерживании активности японских экспортеров по ряду особо чувствительных для местной промышленности товаров и ликвидации существующих в Японии барьеров на пути американских товаров. Однако за этими мотивами антияпонских настроений в конгрессе и администрации США кроются более общие и глубокие причины, а именно: существенное сокращение разрыва в уровнях экономического развития двух стран, достигнутое Японией превосходство в ряде отраслей промышленности, в некоторых направлениях науки и техники, особенно прикладной и экспериментальной. Весьма симптоматично заявление по этому поводу одного японского бизнесмена, президента фирмы «Фудзи дзэроккусу», Ё. Кобаяси: «Раздражение США проистекает от неуверенности в будущем, связанной, в частности, с такими реальностями, как ухудшение общего состояния в крупнейшей стратегической отрасли американской экономики — сельском хозяйстве, угроза со стороны Японии в отраслях высокого технологического развития»[3].

Обратимся к фактическим данным, характеризующим состояние торговли между Японией и США. За период с 1981 по 1985 г. аккумулированное положительное для Японии сальдо баланса торговых расчетов составляет 117 млрд. долл., из них 40 млрд. долл. приходится на последний год этого пятилетия. Столь очевидное преимущество Японии перед ее главным соперником в области торговли объясняется комплексом факторов, важнейшими из которых следует назвать высокую конкурентоспособность относительно небольшого круга промышленных товаров, находящихся на острие экспортной экспансии, и оперативную структурную перестройку японской промышленности за десятилетие после начала в 1973 г. мирового топливно-сырьевого кризиса. Определенную стимулирующую роль в ускорении японского экспорта играл также фактор заниженного по отношению к доллару курса японской иены, что в свою очередь тесно взаимосвязано с американской политикой поддержания высокого ссудного процента.

Что же касается США, то они, наоборот, в этот же период утратили в силу ряда причин конкурентоспособность не только на внешних, но и на внутреннем рынках по многим видам промышленной продукции, включая и такую, некогда профилирующую позицию, как автомобили.

Целенаправленный инвестиционный процесс в Японии, крупный перелив капитала, внедрение и освоение новых и новейших производств с широким применением автоматизации, микроэлектроники, промыш-

---

[2] См.: «Правда», 3.I.1986.
[3] «Кэйданрэн гэппо», 1985, № 6.

ленных роботов, станков с ЧПУ, ЭВМ и других средств на базе электроники позволили японским монополиям наладить выпуск многих видов промышленных изделий, по технико-экономическим и качественным параметрам превосходящих иностранные аналоги. Были созданы массовые производства с ориентацией значительной части продукции на внешний рынок.

В результате современный японский экспорт в США почти на 80 % состоит из продукции машиностроения, в том числе 25 % занимают изделия электротехнической и электронной промышленности, 33 — транспортного машиностроения, из которых 29 % — автомобили и части к ним (данные за 1984 г.).

В то же время в японском импорте из США доля машин и оборудования весьма невелика — 26 % всей его стоимости. Основными составляющими американских поставок в Японию являются продовольственные товары и корма (в % к итоговой сумме импорта Японии из США) — 21 %, из них зерновые — 12, различные сырьевые товары (лес, соевые бобы и др.) — 19, минеральное топливо (в основном уголь) — 8, химические продукты — 14 %.

Таким образом, можно констатировать, что внешняя торговля между двумя странами отражает по преимуществу вертикальное разделение труда и соответствует принципиальной японской экономической модели — импорт сырья и топлива, их переработка на Японских островах и производство готовых промышленных изделий с целью удовлетворения внутреннего спроса и для экспорта. Абсолютные стоимостные пропорции в торговле машинотехнической продукцией в 1984 г. выглядят так: Япония экспортировала таких товаров в США на 54 млрд. долл., а ввезла оттуда на 7 млрд. долл.

Не без определенных на то оснований некоторые американские представители в пылу полемики заявляют, что Япония использует США по существу как свою колонию, откуда она импортирует в основном сырье и продовольствие, а поставляет туда готовые промышленные изделия. И проблема даже не в том, что Япония экспортирует в США автомобили, электронную и прочую промышленную продукцию, пользующуюся исстари хорошим спросом у американских потребителей, а в том, что американские предприятия зачастую не в состоянии продавать свои товары в Японию [4].

Естественно, что тезис о несостоятельности корпораций США проникать со своей продукцией на японский рынок нельзя толковать однозначно. Он правомерен в отношении тех видов промышленной продукции, которые не обладают достаточной конкурентоспособностью по сравнению с японскими однотипными образцами или же импорт которых находится под солидной защитой многочисленных барьеров преимущественно нетарифного свойства. Когда же речь идет об уникальных, технически передовых видах изделий, не производимых в Японии, то особых проблем с их сбытом на японском рынке не возникает. Так, например, США являются почти монопольными поставщиками в Японию некоторых сложных видов электронной продукции, средств телекоммуникации, спутниковой связи, самолетов (военных и гражданских), вертолетов и другой техники. Другое дело, что многие эти виды со временем осваиваются в самой Японии на базе заимствования технологии, ее совершенствования и эффективного освоения. Показателен в этом отношении пример с интегральными схемами (ИС). Так, еще в 1975 г. соотношение экспорта ИС в США и импорта их оттуда (по стоимости) было равно 1 : 3,5. Впервые в 1980 г. Япония добилась положительного сальдо в торговле этой продукцией с США, а к 1984 г. эта пропорция выглядела

[4] См.: «Экономисто», 26.II.1985.

уже как 2,3 : 1 (экспорт — 3,7 млрд. долл., импорт — 1,6 млрд. долл.) [5].

Аналогична ситуация и по многим другим видам электронной продукции и промышленности в целом. И здесь на обмен через каналы внешней торговли большое влияние оказывает заметное преимущество Японии перед США именно в более оперативном освоении и внедрении в производство заимствованного или собственного научно-технического опыта. А ведь именно в этой передовой и перспективной области в последние годы развернулось острое соперничество между Японией и США. Так США потребовалось 2 года для перехода в производстве ИС с 4 на 16 К-бит, а Японии 8 месяцев. Причем уже в 1977 г. японская фирма «Нихон дэнки» обошла американских продуцентов по внедрению ИС емкостью 64 К-бит, а в 1983 г. японские фирмы преуспели в освоении продукции емкостью 256 К-бит и в начале 1984 г. приступили к их массовому производству. В данном случае американские конкуренты отстали примерно на 1 год.

Идентично положение в области внедрения ЭВМ. В 1979 г. американская корпорация «ИБМ» вышла на рынок ЭВМ с моделью 4300. Японским компаниям потребовалось около 5 лет для того, чтобы приблизиться к ее уровню. Но появление в 1983 г. новой модели 308х указанного американского продуцента не оказалось чем-то новым — на рынке она уже встретила конкуренцию японского прототипа.

Причины большой несбалансированности в торговле между двумя странами продукцией отраслей высокой технологии многообразны. Помимо отмеченного выше преимущества Японии в нововведенческом процессе надо указать на такой важнейший элемент, как опережающий рост производительности труда во всем машиностроительном комплексе, достигаемый более быстрым, чем в США, внедрением средств автоматизации, совершенствованием методов управления производством, использованием на предприятиях уникальной системы контроля над качеством и т. д.

Приведем ряд примеров. При нынешнем объеме производства автомобилей — около 12 млн. — японские автомобилестроительные компании (11 крупных сборочных компаний и большое число подрядных и субподрядных предприятий по изготовлению частей и компонентов) имеют всего 670 тыс. рабочих мест. В то же время на предприятиях одной только американской «Дженерал моторс», включая ее зарубежные филиалы, штат работающих составляет 690 тыс. человек. Доля заработной платы в себестоимости готовой продукции у «Тоёта» — 6 %, а фонд заработной платы составляет около 1 млрд. долл., тогда как у «Дженерал моторс» — 18 млрд. долл., при этом разрыв в уровнях заработной платы занятых в этой отрасли Японии и США незначительный (сопоставимые данные за 1981 г.). Важный показатель отрасли — удельный расход человеко-часов для производства одного автомобиля. «Тоёта» выпускает в год около 4 млн. автомобилей. Сокращение расхода человеко-часов для изготовления единицы продукции позволяет компании сохранять число занятых в течение последних 10 лет примерно на одном уровне (около 45 тыс.), тогда как объем производства за этот период возрос более чем в 3,5 раза [6].

Процесс капиталоинтенсификации в Японии развивается весьма быстро при одновременном ослаблении значений фактора трудоинтенсификации, на котором до недавнего времени базировалось налаживание за рубежом ряда производств, основанных на дешевой рабочей силе. В последние годы в общей сумме японских зарубежных прямых капиталовложений неуклонно повышается доля США и других развитых капи-

[5] См.: «Тоё кэйдзай», 29.VI.1985.

[6] In: K. Ohmae. Triad Power. The Coming Shape of Global Competition. New York, 1985.

талистических стран, что стимулируется обеспеченностью там в отличие от развивающихся стран элементами инфраструктуры и наличием квалифицированного персонала операторов, хотя уровень заработной платы последних не ниже, чем на аналогичных предприятиях в Японии, а в США несколько выше. Внедрение автоматизированного оборудования существенно повышает задачу ускорения целевых параметров производства, включая экономию на труде и заработной плате. В целом применение роботов, автоматов, передовой технологии снижает значение фактора дешевой рабочей силы. Например, автоматизированные предприятия компаний «Ямадзаки» (станки) или «Фудзицу-Фанак» (станки с ЧПУ) могут работать с прибылью даже при условии 10 %-й загрузки оборудования, тогда как у автомобилестроительной компании «Тоёта» (сборочное, относительно трудоемкое производство) эта граница проходит на отметке около 70 %.

В целом можно констатировать, что экспортная экспансия Японии на американском, равно как и рынках других развитых стран, зиждется на относительно небольшой группе товаров, представляющих наиболее передовые конкурентоспособные отрасли японской промышленности. Причем для отдельных «ударных» промышленных изделий значение внешнего канала сбыта является решающим: по часам экспорт в 1984 г. (в % от производства) был равен 92, фото- и киноаппаратуре — 87, видеомагнитофонам — 81, настольным калькуляторам — 79, судам — 75, телевизорам — 68, мотоциклам — 65, легковым автомобилям — 60 % и т. д.

Перечисленные отрасли по темпам и перспективам развития заметно выделяются на фоне положения базисных энерго-, материало- и трудоемких секторов промышленности, шаг за шагом утрачивающих свои позиции не только на внешних, но и внутреннем рынках. Исключение среди них составляет, пожалуй, лишь черная металлургия, сохранившая еще достаточный запас прочности в международной конкурентоспособности в силу, во-первых, особого ее положения в государственно-монополистической структуре Японии, а во-вторых, крупных усилий сталеплавильных монополий по осуществлению программ модернизации и автоматизации производства, активному внедрению энерго- и сырьесберегающих технологий.

Но в ряде других отраслей японской экономики производительность труда заметно ниже, чем в США и в других западных странах. Это сельское хозяйство, транспорт, строительство, лесная и лесоперерабатывающая промышленность, внутренняя торговля, большинство подотраслей сферы обслуживания и др. Эти области экономики до сих пор весьма надежно защищены от внешнего влияния, от непосредственной конкуренции иностранного капитала большим числом различного рода барьеров.

Поэтому США оказывают массированное давление на Токио, требуя дальнейшей либерализации японского рынка капиталов, внутренней торговли, сферы страхования, банковского дела и других отраслей экономики. В данном случае такая широкая постановка вопроса имеет подоплекой общие стратегические соображения государственно-монополистического капитала США — использовать в конкурентной борьбе существующее у США преимущество в уровне общенациональной производительности труда.

Известно, что в течение всего послевоенного периода экономическое развитие в Японии базировалось на опережающем другие западные страны росте производительности труда в промышленности. По этому базисному элементу Япония близка к уровням США, а в ряде отраслей и превзошла их. Именно на пути сокращения этого разрыва основывается японский лозунг «догнать Америку». Но при сопоставлении национальных уровней производительности труда, как фактора длительного воздействия на национальную конкурентоспособность, важно сравнение

положения не в отдельных отраслях и даже не в промышленности в целом, а в рамках всей экономики.

По японским данным (показатели производительности труда в различных странах зачастую трудносопоставимы из-за расхождений методов и базы расчетов), по объему или стоимости продукции на одного занятого в промышленности уже в начале 80-х годов Япония обошла США. Тот же показатель почасовой выработки примерно равен в двух странах. Однако более важным и точным является размер добавленной стоимости по отдельным сопоставимым товарам и отраслям. А в этом компоненте Япония заметно отставала от США. По добавленной стоимости на одного занятого обрабатывающая промышленность США в конце 70-х годов превышала японскую на 16 %. С учетом более быстрого роста производительности труда в промышленности в Японии в последующие годы этот разрыв, по японским оценкам, видимо, сократился, если не исчез вовсе.

Что же касается общенациональной производительности труда, то в 1981 г. японский уровень составлял лишь 67 % от американского (в 1979 г. — 64 %). И решение проблемы выравнивания этих показателей является непростой задачей. По некоторым японским подсчетам, даже если в США производительность труда «заморозится», то Японии потребуется 20 лет для того, чтобы догнать или вплотную приблизиться к США. А поскольку в последних прогнозируется в предстоящие годы среднегодовой прирост по данному показателю в размере 2,8 %, то при прочих благоприятных для Японии условиях ей потребуется для решения поставленной задачи период в 30 и более лет и при этом поддерживать ежегодную прибавку к достигнутой собственной национальной производительности труда в диапазоне порядка 3,5—4,0 % [7].

Средняя производительность труда по экономике выводится по удельным весам числа занятых в отдельных ее отраслях. Иными словами, чем выше занятость в отраслях с низкой производительностью труда, тем ниже этот индикатор по всей экономике, и наоборот.

В периоды высоких темпов роста экономики в Японии отмечался большой перелив рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, что заметно отражалось на повышении национальной производительности труда. Но с начала 70-х годов и по настоящее время прослеживается процесс сокращения числа занятых в промышленности, в основном за счет перехода в сферу услуг, что негативно сказывалось на национальном уровне, хотя в этот период отмечался весьма высокий прирост производительности труда в промышленности.

В США не происходило колебаний этого показателя в зависимости от переливов рабочей силы, поскольку там в отличие от Японии невелик разрыв в его уровнях между отдельными секторами экономики.

В настоящее время около 10 % трудоспособного населения Японии занято в сельском хозяйстве, лесоводстве, морском промысле и добывающей промышленности, 10 — в строительстве, 24 в обрабатывающей промышленности и 56 % — в сфере услуг. Причем из всего указанного числа занятых в обрабатывающей промышленности лишь 13 % приходится на отрасли, преимущественно сборочные, с высокой производительностью труда, которые определяют «внешнее лицо» общей конкурентоспособности и эффективности японского экономического механизма.

Однако подавляющая часть рабочей силы Японии сосредоточена в сфере услуг и других отраслях с более низкой, чем в США, производительностью труда. Перелив рабочей силы в обслуживающий сектор отнюдь не способствует повышению общей производительности труда в стране, так как с 1973 г. в этом подразделении экономики производи-

[7] См.: «Экономисто», 17.V.1983.

тельность труда почти не растет преимущественно из-за названного фактора — роста числа работающих (в среднем по 2,5 % в год). А ведь именно в сфере обслуживания США намерены дать бой заокеанскому конкуренту.

Структурные перекосы и слабости японской экономики, проявление которых государственно-монополистическому аппарату до поры до времени удавалось смягчать посредством создания внутри страны «тепличных» условий для неконкурентоспособных подразделений и ограждения их от внешнего влияния различного рода законодательными и административными барьерами, могут самым серьезным образом не только затормозить решение задачи «догнать Америку», но и снизить темпы роста доли Японии в капиталистической экономике (сейчас она около 10 %).

Далее рассмотрим кратко вопрос о том, достаточно ли обоснованы обвинения США и других стран в «закрытости» японского рынка и соответственно правомерны ли их требования о его либерализации.

На каждом международном совещании любого ранга японские представители непременно напоминают, что в Японии самый «либеральный» среди развитых стран таможенный режим. Действительно, уровень таможенного обложения в Японии на промышленные товары (кроме нефтепродуктов) сейчас равен 3,27 % (в 1960 г. — 21 %, 1970 — 15, 1980 — 4,3 %) против 3,9 %, характеризующих средневзвешенный показатель для США и западноевропейских стран. Примерно сходно положение и по числу товаров, импорт которых квотирован. Исключая товары сельскохозяйственного производства (22 позиции), в Японии существуют квоты на 5 товарных позиций (в 60-х годах — около 490), тогда как в США — 6, ФРГ — 11, во Франции — 27.

Однако эти видимые показатели уже не в состоянии убедить основных торговых конкурентов Японии в искренности ее стремления по-настоящему уровнять условия импорта готовых промышленных товаров с тем режимом, которым пользуются японские товары при их поставках на рынки других западных стран.

Основным тормозом на пути экспорта в Японию товаров, не относящихся к категории сырья и топлива, являются многочисленные так называемые нетарифные барьеры. Это система товарных сертификатов, сложная процедура таможенной проверки, инспекции качества и соответствия иностранных изделий японским стандартам, специфика внутренней системы розничного сбыта и многое, многое другое.

Наиболее характерным в этом отношении является пример с автомобилями. Япония является крупнейшим в мире экспортером автомобилей. В 1984 г. на внешние рынки было поставлено 6429 тыс. автомобилей (из них 4118 тыс. легковых) на сумму 29 820 млн. долл. (20 718 млн. долл.). В целом же с учетом внешних поставок запасных частей для автомобилей (4,5 млрд. долл.) совокупный экспорт продукции автомобилестроения обеспечил в указанном году $^1/_5$ всего экспорта страны. В том же году мировые экспортеры сумели обеспечить сбыт на японском рынке 45 тыс. автомобилей на сумму около 500 млн. долл., или всего лишь в размере 1,7 % от стоимости японского экспорта.

Что же касается взаимоотношений между Японией и США в этом секторе торговли, то они практически характеризуются движением в одну сторону: японский экспорт составил 2749 тыс. автомобилей на сумму 15 434 млн. долл. (более половины всего японского экспорта этой продукции), а импорт — 2,3 тыс. (33 млн. долл.).

Высокая техническая оснащенность, экономичность, в целом конкурентоспособность японских автомобилей общеизвестны. Но настолько ли велико технико-экономическое преимущество перед прототипами иностранного производства, чтобы такие страны с высоким уровнем развития автомобилестроения, как США, Франция, Великобритания, ФРГ, Ита-

лия, Швеция и другие, не могли быть более достойно представлены на японском рынке? Дело в том что по мере прохождения всех этапов от момента выгрузки автомобиля в японском порту до передачи потребителю его стоимость обрастает как снежный ком дополнительными многочисленными прибавками, в результате чего легковой автомобиль американского производства становится примерно в 2 раза, а малолитражный европейский — на 50 % выше первоначальной экспортной цены, выручаемой иностранной фирмой-продуцентом. Уже при начислении товарного налога японская продукция облагается с отпускной заводской цены, а импортная — с цены сиф, то есть включая стоимость морского фрахта и страхования. Одно это добавляет к стоимости импортного автомобиля несколько сотен долларов.

Другой элемент нетарифных ограничений, по мнению специалистов, наиболее чувствительный, удорожающий импортную машину, это процедура его испытания и опробования. Причем соответствующие японские организации подвергают осмотру на предмет соответствия японским стандартам каждый автомобиль в отдельности (японские в США и других странах проверяются массово-выборочно). После проверки, как правило, обнаруживается немало деталей, не соответствующих требованиям японских стандартов, и они заменяются изделиями японского производства. Удовлетворить всем японским требованиям, при условии частых перемен в стандартах, производимых в интересах местных продуцентов, но без оповещения об этих изменениях иностранных фирм, задача очень нелегкая и дорогостоящая. Одна доставка каждого автомобиля до места проверки занимает много времени и средств.

Существуют и многие другие препятствия на пути иностранных товаров и капитала, являющиеся следствием общего курса японского государственно-монополистического капитала на создание благоприятных условий для местных предпринимателей.

В японской точке зрения на проблему несбалансированности торговли с США преобладают 2 тезиса. Во-первых, растущий дефицит США объясняется больше американскими, чем внутренними японскими, факторами. Во-вторых, проблему следует ставить более широко, при подсчете результатов экономического обмена надо учитывать не только внешнюю торговлю, но также движение капиталов, деятельность корпораций обеих стран в экономике друг друга, состояние общего баланса платежей между Японией и США.

Можно согласиться с тем мнением большинства японских специалистов, что трения между США и Японией по торговым проблемам проистекают во многом из нынешней экономической политики американской администрации, например ориентация на высокий ссудный процент, содействующая искусственному завышению курса доллара, что заметно ослабляет конкурентоспособность американских экспортных товаров. Разница в уровнях ссудного процента в Японии и США (по состоянию на май 1985 г. по долгосрочным сделкам она составляла около 3 %) в сочетании с вялым спросом на японском рынке кредита предопределила быструю утечку капиталов из Японии, которая особенно возросла в последние 2 года. Так, общий пассив Японии по сделкам с долгосрочными капиталами в 1983 г. исчислялся 18 млрд. долл., в 1984 г. — 50 и в 1985 г. — 65 млрд. долл. Активный приток японского капитала в США в известном смысле нивелирует несбалансированность расчетов по торговым платежам.

Любопытно в этом отношении заявление вице-президента инвестиционной корпорации «Родмэн энд Рэншоу» Р. Бэка: «Американцы полагают, что Япония кладет себе в карман те 50 млрд. долл., которые она получает от превышения своего экспорта в США над импортом оттуда. Но она их не хранит у себя. Эти доллары остаются в США и вкладываются в новые предприятия либо в ценные бумаги в этой стране. Все зараба-

тываемые капиталы на торговле с США реинвестируются здесь же. Но этот факт остается почему-то незамеченным американской общественностью. Создание японцами новых предприятий в США, оборудованных передовой техникой, содействует процессу реиндустриализации Америки, а вложение японского капитала в американские государственные облигации помогает частично решению проблемы огромного дефицита федерального бюджета» [8].

Если принимать в расчет объем обоюдного сбыта товаров, производимых корпорациями обеих стран как у себя дома, так и на предприятиях с участием их капитала в каждой из них, то, по данным за 1984 г., у Японии и США достигнута полная сбалансированность — по 70 млрд. долл. Уступая Японии по размерам экспорта, США намного обошли ее по масштабам производства и сбыта филиалами и смешанными предприятиями. Американские корпорации обеспечили производство в Японии товаров и услуг на сумму 44 млрд. долл. (из них 32 млрд. долл. приходится на долю участия американского капитала), а японские в США — 13 млрд. (10 млрд. долл.). Таким образом, сальдо в этом виде товарного обмена положительно для США. В этом свете американский тезис о том, что Япония недостаточно потребляет американских товаров выглядит малосостоятельным. Действительно, при подсчете общего обмена товарами (импорт + местное производство на основе участия капитала другой стороны) получается, что в среднем один японец приобретает ежегодно американских товаров на сумму 580 долл. (соответствует 6 % его среднегодового дохода), а «средневзвешенный американец» лишь на 298 долл. (около 2 %). По линии прямого или видимого импорта это соотношение равно 215 к 240 долл. [9]

Для правящей элиты США удобно сваливать на Японию часть вины за нынешние провалы в американской экономике, выражающиеся в массовой безработице, падении конкурентоспособности и нарастающей диспропорции в развитии отдельных отраслей обрабатывающей промышленности, особенно болезненно реагирующих на наплыв японской импортной продукции.

Однако ни представители конгресса США, которые являются инициаторами антияпонской кампании, ни американские средства массовой информации сознательно не желают увязывать нынешние торгово-экономические трения их страны с Японией и другими странами с причинами, имеющими связи с внутренними американскими явлениями, в частности с таким «деликатным», как деятельность американских транснациональных корпораций (ТНК).

В первые послевоенные десятилетия американские ТНК проявляли интерес преимущественно к Западной Европе. В 70-е годы происходит заметная переориентация их инвестиционной экспансии, в результате по состоянию на конец 1983 г. доля ЕЭС в общей аккумулированной сумме зарубежных капиталовложений ТНК снизилась до 35 %, тогда как удельный вес стран Латинской Америки и Азии, включая Японию, вырос к тому времени до 27 % (по подсчетам японской организации «ДЖЕТРО»). При этом в 1983 г. из всей суммы американских зарубежных прямых капиталовложений 46 % приходятся на Азиатский регион. Перенесение ТНК части производства за рубеж, с одной стороны, усиливает напряженность на рынке труда США, а с другой — ведет к тому, что значительная часть произведенной на их заграничных предприятиях продукции направляется в США, но последняя учитывается таможенной статистикой как иностранная, а не американская.

В настоящее время в Японии действуют несколько сот американских корпораций. Совокупный объем продажи продукции таких предприятий

[8] «Майнити дейли ньюс», 18.VIII.1985.
[9] См.: «Тёса гэппо» (Мицуи гинко), 1985, № 9; «Боэки то санге», 1985, № 6.

в обрабатывающей промышленности в 1984 г. исчислялся в 29,5 млрд. долл., из которых 1,5 млрд. долл. было реализовано в США. При этом в Японии, где в отношении деятельности иностранного капитала существуют еще многочисленные барьеры и на местном рынке ощутимо влияние японской «специфики», американские ТНК действуют весьма гибко, в частности используя услуги самих японских корпораций в форме технической и производственной кооперации с ними. Наибольшее распространение получило поручительское производство на основе «контрактов OEM» (аббревиатура термина «Ориджинал эквипмент мэньюфекчуринг») или производство по технической документации американских компаний и под их торговой маркой. Поскольку такие товары имеют марку американской фирмы, реакция на их импорт и сбыт в США не столь резка, как в отношении импортной продукции чисто японского происхождения. По оценке банка «Мицубиси», объем поставок в США японских товаров, изготовленных по «контрактам OEM» составил в 1984 г. свыше 6 млрд. долл., или более 10 % совокупного экспорта Японии в США, в том числе 2,2 млрд. долл. ЭВМ с сопутствующей аппаратурой и кассетные видеомагнитофоны. Это означает, что в США недопроизведено на соответствующую сумму аналогичной продукции и недозанято большое число американских рабочих рук.

Как бы подытоживая рассуждения сторон о характере их взаимного обмена, приведем официальную точку зрения, высказанную японским послом в США Н. Мацунага в сентябре 1985 г. во время его выступления в американском пресс-центре. Он утверждал, что «американские товары (условное название продукции, произведенной в Японии, но выручка от которой поступает в распоряжение корпораций США. — Ю. Ш.) составляют по крайней мере 30 % всего японского экспорта в США» [10].

Одним из последствий быстро прогрессирующего в последние годы процесса интернационализации японской экономики является рост международного влияния крупных японских монополий и банков, превращающихся по существу в ТНК по образу и типу американских ТНК. Глобализация деятельности, вынесение их сферы влияния за национальные рамки выражаются в активизации экспорта промышленного капитала, расширении их участия в горизонтальном разделении труда с монополиями США и других западных государств, стремлении к сговору с американскими ТНК ради обеспечения максимальных прибылей посредством усиления эксплуатации трудящихся, в том числе и в своих странах.

Японские прямые зарубежные капиталовложения по состоянию на конец марта 1985 г. выросли до 71 млрд. долл. (пятое место в мире), из которых около 15 млрд. долл. приходятся на США (последние по состоянию на конец 1984 г.) [11]. До недавнего времени более характерным был отток из страны ростовщического капитала, во многом объясняемый высоким ссудным процентом в США. Вывоз японского промышленного капитала в США характерен для практики лишь последних нескольких лет, а создание в США филиалов японских промышленных монополий и смешанных с американским капиталом предприятий в обрабатывающих отраслях, преимущественно в высокотехнологичных, стало преобладающим лишь в последние год-полтора. Эта тенденция соответствует общему курсу во внешнеэкономической политике японских монополий. Так, крупные японские машиностроительные корпорации в предстоящие 10—15 лет намечают обеспечивать за счет их зарубежных предприятий до 20—30 % их совокупного объема продажи [12].

Наиболее агрессивно настроены японские автомобилестроительные монополии. В настоящее время в США уже действуют 3 их предприя-

[10] См.: «Кёдо», 18.IX.1985.
[11] См.: «Джапан таймс», 20.VIII.1985.
[12] См. там же.

тия, в том числе по линии капитала «Хонда гикэн когё» (завод в штате Огайо пущен в ноябре 1982 г., ежегодный объем — 150 тыс. легковых автомобилей); «Ниссан дзидося» (в штате Теннесси, июнь 1983 г., 240 тыс. грузовых и легковых автомобилей); «Тоёта дзидося» с паритетным участием капитала американской компании «Дженерал моторс» (предприятие, принадлежавшее ранее американскому партнеру в штате Калифорния, было приобретено японской фирмой и пущено в эксплуатацию в декабре 1984 г. с расширением его мощностей до 260 тыс. легковых автомобилей к осени 1986 г.) [13].

Но это лишь первые шаги японских конкурентов на Американском континенте. В последующие годы этими и другими фирмами ожидается наращивание здесь мощностей своих заводов. В частности, к 1988 г. «Хонда» с пуском второй линии на упомянутом предприятии планирует увеличить вдвое объем производства. Компания «Мацуда» намечает ввести в эксплуатацию осенью 1987 г. завод мощностью 240—300 тыс. автомобилей на территории, где ранее располагался литейный завод компании «Форд», штат Мичиган. К 1988 г. ожидается также начало производства на двух совместных японо-американских предприятиях [14]. К 1988 г. общий объем производства автомобилей японскими предприятиями в США может достичь 1,4 млн., а это означает, что 40 % всех сбываемых здесь японских автомашин будут изготовляться на месте.

Обширные программы перенесения производства в США имеют также компании электронной промышленности Японии. Так, «Мацусита» намечает строительство в городе Чикаго предприятия по изготовлению видеомагнитофонов, за счет которого будет обеспечиваться около 50 % современного объема сбыта этой продукции фирмы на американском рынке (300—400 тыс. в месяц) [15]. Доля зарубежного производства у этого электротехнического гиганта составляет в настоящее время 13 % всего объема его продаж [16]. В свою очередь крупные продуценты ИС и других электронных компонентов программируют производство этой продукции в США в объемах, соответствующих 30—50 % нынешнего японского экспорта в эту страну [17].

В прежние годы объектом американских претензий к Японии являлись отдельные промышленные товары, наплыв которых в больших количествах вызывал «дискомфорт» местных продуцентов. Как правило, дело улаживалось полюбовно и наиболее распространенной формой урегулирования являлись «добровольные экспортные ограничения». Эта форма применяется и до сего времени в отношении отдельных товарных позиций. Так, например, действовавшая до апреля 1985 г. «квота» на экспорт легковых автомобилей (первоначально в размере 1680 тыс. с последующим небольшим ежегодным увеличением) позволила американским автомобилестроительным корпорациям получить «передышку», использованную ими для переоснащения и модернизации предприятий, обновления станочного парка, перехода на выпуск более экономичных моделей. Причем искусственный дефицит японских автомобилей в США способствовал росту внутренних цен на все виды автомобилей («Дженерал моторс» только в сентябре — декабре 1984 г. дважды поднимала цены на свою продукцию) и соответственно резкому взлету прибылей монополий отрасли, которые в 1984 г. увеличились вдвое против уровня предыдущего года.

Та же схема и те же цели преследовались при урегулировании сторонами проблемы поставок в США японского стального проката. По до-

[13] См.: «Дайямондо», 13.VII.1985.
[14] См.: «Тоё кэйдзай», 12.X.1985.
[15] См.: «Дейли Ёмиури», 28.XI.1985.
[16] См.: «Джапан экономик джорнэл», 7.IX, 16.XI.1985.
[17] См.: «Майнити дейли ньюс», 16.IX.1985.

говоренности в течение 5 лет начиная с 1985 г. они не должны превышать 5,8 % внутреннего потребления стали в США (в 1980—1984 гг. фактическая доля была равна 6,34 %).

Однако рост диспропорций в японо-американской торговле, происходящий на фоне непрерывного увеличения дефицита внешней торговли США со 123 млрд. долл. в 1984 г. до 148 млрд. долл. в 1985 г., и активизация наступления японских монополий на позиции заокеанских конкурентов по всему фронту международного разделения труда предопределили более широкую постановку проблем в ходе японо-американских переговоров.

1985 год побил все рекорды по остроте и напряженности экономических конфликтов между двумя странами. Были проведены десятки совещаний, переговоров, встреч на разных уровнях — от конкретных деловых по отдельным отраслям и проблемам до официальных на самом высоком уровне. Круг американских претензий был весьма обширен. От Японии настоятельно требовали бóльшего акцента на развитии внутреннего спроса, как одного из условий ослабления экспортной экспансии, расширения импорта, увеличения ее вклада в экономическую «помощь» развивающимся странам, более заметных усилий в мировом (капиталистическом) научно-техническом прогрессе путем увеличения расходов на фундаментальные исследования и т. д.

Однако круг американских претензий выходит за рамки только экономической проблематики. Сознательно нагнетая напряженность на переговорах по проблемам экономики, ставя Японию в положение «обороняющейся» стороны, администрация США стремилась добиться уступок по политическим вопросам. Так, на встрече президента США Р. Рейгана и премьер-министра Японии Я. Накасонэ в октябре 1985 г. обсуждались две основные темы: торговые проблемы и сотрудничество в военной области. Симптоматично, что в качестве «подарка» японский премьер привез «своему заокеанскому другу», как писали газеты, японскую пятилетнюю программу военного строительства, принятие которой было сопряжено с большими трудностями из-за сильного противодействия оппозиционных партий и широких слоев общественности страны. Программа предусматривает расходы в сумме более 18 трлн. иен, что грозит перечеркнуть официальную концепцию в строительстве вооруженных сил, предусматривающую ограничение военного бюджета рамками 1 % ВНП. На встрече перед японской стороной был поставлен вопрос об активизации участия Японии в американской программе «звездных войн», на первом этапе в форме совместных исследований в передовых областях науки и техники на уровне сотрудничества частных фирм.

Пентагон и американские монополии военно-промышленного комплекса проявляют интерес и все настойчивее требуют от Японии передачи накопленного опыта и достижений в таких ключевых направлениях, как исследования по проектам ЭВМ «пятого поколения», лазерной техники, оптических волокон, керамики и т. д. Американская сторона утверждает, что политические уступки необходимы якобы в качестве аргументов для амортизации деятельности антияпонского лобби в конгрессе США.

Первой крупной акцией в ответ на американский массированный нажим явилось принятие 9 апреля 1985 г. японским кабинетом министров очередного, седьмого, после 1981 г. «пакета» мер, нацеленных преимущественно на дальнейшую либерализацию импорта Японии. В преамбуле текста сообщения правительства деликатно указаны обстоятельства, побудившие Японию пойти на этот шаг. За общими лаконичными формулировками официальный Токио попытался скрыть тот очевидный факт, что очередной «пакет» явился результатом небывалого еще по силе и размаху нажима Вашингтона с применением широкого арсенала

средств — от методов психологического давления до прямых угроз. Достаточно вспомнить десятки антияпонских законопроектов, находящихся в «проработке» в различных инстанциях конгресса США, например, законопроект о применении репрессий в отношении Японии в случае сохранения крупной несбалансированности ее торговли с США; единогласно принятую в марте 1985 г. сенатом США резолюцию об ответных мерах в отношении «несправедливой торговой практики» Японии; призыв некоторых конгрессменов созвать международную антияпонскую конференцию с участием США, стран Западной Европы и развивающихся государств и многие др.

30 июля 1985 г. японское правительство опубликовало «Программу действий», представляющую собой комплекс мероприятий по дальнейшей либерализации японского рынка. Программа декларировала готовность Японии предпринять шаги, реализация которых позволила бы приблизить условия импорта товаров и режим в отношении иностранного капитала к существующим в США и Западной Европе.

Японские средства массовой информации широко разрекламировали «Программу действий», как «большую, предельную для страны жертву». Премьер-министр Я. Накасонэ назвал эту серию уступок «крупной реформой, проводимой раз в 100 лет», а известный деятель ЛДП К. Миядзава «третьей попыткой ликвидировать изоляцию Японии от мирового сообщества» (первая — в 1868 г., вторая — в 1945 г.). Однако реакция в США и Западной Европе была более чем сдержанной, поскольку японские меры не содержали конкретного ответа на требования торговых партнеров по сокращению несбалансированности торговли. Согласно предварительным подсчетам специалистов, даже в случае исполнения Японией объявленных «Программой действий» мер в полном их объеме, величина нынешнего дефицита торговли США с Японией может сократиться лишь на $^1/_{10}$, тогда как американская сторона рассчитывала на сокращение по крайней мере на $^1/_3$ [18].

И это совершенно правильная оценка «эффективности» очередных мер японского правительства, имеющих основной целью показать готовность как-то отреагировать на жесткую критику конгресса США в адрес Японии. Ведь реальные причины несбалансированности торговли между двумя странами, как об этом уже говорилось, связаны с действием более глубоких экономических факторов. Известный американский специалист в области американо-японских отношений Т. Пеппер (сотрудник Гудзоновского института) так характеризует проблему: «Для улучшения взаимных торговых отношений США и Япония в первую очередь должны навести порядок в своем собственном хозяйстве: США надо сократить дефицит федерального бюджета, а Японии расширить внутренний спрос вместо того, чтобы прибегать к адвокатским аргументам для объяснения, почему это невозможно» [19].

* * *

Современный этап торгово-экономических противоречий между США и Японией характеризуется расширением круга отраслей втянутых в конфликты, выходом связанных с ними проблем на уровень межгосударственных отношений, стремлением правящих кругов США использовать их в дипломатической борьбе со своим партнером по военно-политическому союзу, по конкурентом в экономической сфере с целью дальнейшего втягивания Японии в русло милитаризации и, как проявление новейшей тенденции, интернационализации военно-промышленного комплекса подключением японских монополий и государственных органов к зловещей программе «звездных войн».

[18] См.: «Джапан таймс», 7.VIII.1985.
[19] «Майнити дейли ньюс», 29.IX.1985.

Зарубежные китайцы и программа «четырех модернизаций» КНР

С. Н. ГОНЧАРОВ,
кандидат исторических наук

Главной задачей КНР в нынешнем столетии является осуществление программы «четырех модернизаций». Важным методом осуществления этой программы стала «открытая политика» (кайфан чжэнцэ) — курс на всемерное расширение сотрудничества с зарубежными странами для получения от них капиталовложений, передовой техники и технологии, опыта управления экономикой. В свою очередь в рамках проведения «открытой политики» особая роль отводится южным провинциям Гуандун и Фуцзянь, которые получили значительную самостоятельность в финансовой области и большие полномочия во внешнеэкономической деятельности. Выступая в начале 1985 г. на XI заседании ПК ВСНП шестого созыва, секретарь ЦК КПК Гу Му подчеркнул, что такое решение в немалой степени было продиктовано «обилием зарубежных китайцев» в Гуандуне и Фуцзяни[1]. Некоторые общие сведения о численности зарубежных китайцев, их территориальном размещении и об экономическом потенциале, которым они располагают, позволяют понять, почему руководство КНР придает развитию сотрудничества с ними столь серьезное значение.

В настоящее время по всему миру насчитывается, по разным оценкам, от 24 до 30 млн. зарубежных китайцев. Примерно 90 % из них проживают в государствах Юго-Восточной Азии, 80 % зарубежных китайцев уже приняли гражданство стран своего проживания.

В КНР насчитывается около 1 млн. «реэмигрантов» и более 20 млн. «родственников эмигрантов»[2]. Именно через них налаживаются и поддерживаются разнообразные связи с общинами зарубежных китайцев. Наибольшее количество зарубежных китайцев (более 20 млн. человек) происходит из провинции Гуандун; отсюда же происходит более 4 млн. «соотечественников из Гонконга и Макао»[3]. Из провинции Фуцзянь происходит более 6 млн. зарубежных китайцев; кроме того, выходцы из Фуцзяни составляют более 80 % жителей острова Тайвань[4]. В провинции Гуандун по плотности концентрации зарубежных китайцев выделяются административные районы Шаньтоу и Фошань, а в провинции Фуцзянь — район Цзиньцзян. Районы с повышенной концентрацией зарубежных китайцев и их родственников именуют в Китае «родными местами хуацяо» (цяосян). Именно здесь

---

[1] См.: «Жэньминь жибао», 18.I.1985; в КНР принята следующая терминология: «хуацяо» — это постоянно проживающие за рубежом китайцы, имеющие гражданство КНР или Тайваня; «вайцзи хуажэнь» — лица китайского происхождения, принявшие гражданство стран проживания. Зачастую используется сокращенный вариант этого термина — «хуажэнь» (зарубежные китайцы); «хуан» (этнические китайцы) — это потомки «хуацяо» и «зарубежных китайцев». «Гуйцяо» (реэмигрантами) именуют «хуацяо» или «зарубежных китайцев», возвратившихся из-за рубежа на постоянное жительство в КНР; «цяоцзюань» (родственники эмигрантов) — это живущие в КНР близкие родственники «хуацяо» и «зарубежных китайцев», а также дальние родственники, постоянно получающие материальную поддержку из-за рубежа.

[2] «Жэньминь жибао», 12.IV.1984.

[3] «Наньфан жибао», 25.IX.1983; «Кайфан», Гуанчжоу, 1985, № 8.

[4] См.: «Хуашэн бао», 15.V.1983; 26.II.1984.

проводится основная работа по привлечению зарубежных китайцев к сотрудничеству с КНР.

За период после окончания второй мировой войны зарубежные китайцы заняли весьма прочные экономические позиции в странах своего проживания. Так, в середине 1983 г. из 12 крупнейших банкиров — обладателей личных капиталов мира пятеро были китайского происхождения, причем капитал каждого из них превышал 1 млрд. долл.[5] В конце 70-х годов вклады зарубежных китайцев в банках Нью-Йорка составляли 10 800 млн. долл., а в банках Сан-Франциско — 6700 млн. долл. Суммарный капитал зарубежных китайцев оценивают в 120—130 млрд. долл. Принадлежащие им компании, фирмы и банки держат под своим контролем капитал до 300 млрд. долл.[6]

Использование значительного экономического потенциала «зарубежных соотечественников», безусловно, могло бы явиться существенным фактором ускорения реализации программы «четырех модернизаций». Однако необходимым предварительным условием для сотрудничества с зарубежными китайцами должно было стать исправление «перегибов и несправедливостей», допущенных в отношении «реэмигрантов» и «родственников эмигрантов», а также находящейся в КНР собственности зарубежных китайцев как в период «культурной революции», так и до него.

Наиболее ожесточенные репрессии прокатились по «родным местам хуацяо» в Гуандуне и Фуцзяни в 1969—1970 гг., во время кампании критики «трех заморских». Тогда в Гуандуне действовали «Правила в шести пунктах о методах обращения с кадровыми работниками», имеющими «заморские связи». Согласно этому документу, кадровые работники, имеющие родственников за границей, должны были порвать с ними всякие контакты; практиковалось даже насильственное принуждение к разводу в том случае, если у супруги имелись «заморские связи». При отказе порвать эти «связи» кадровых работников подвергали «борьбе и критике», исключали из партии и «вычищали из рядов». В некоторых районах провинции было репрессировано 60—80 % всех кадровых работников, а репрессивные меры затронули в разной степени практически всех «родственников эмигрантов». Все зарубежные китайцы были объявлены тогда «реакционным классом буржуазии». Соответственно переводы зарубежных китайцев их родственникам квалифицировались как «нетрудовые эксплуататорские доходы» последних; переписка с зарубежными китайцами и визиты их на родину пресекались как «благоприятствующие шпионской деятельности»; всем лицам, уличенным в «заморских связях», был закрыт путь для вступления в КПК и КСМК, для службы в НОАК, для повышения по службе; дома зарубежных китайцев и их родственников конфисковались властями либо насильно занимались местным населением.

В конце 1977 г. Дэн Сяопин заявил, что теория «заморских связей», послужившая предлогом для репрессий против «родственников эмигрантов», является реакционной, и Китаю необходимо как можно больше таких связей[7]. В дальнейшем это высказывание стало основанием для работы по «исправлению перегибов», которые были объявлены «левацким уклоном». Особое значение имело состоявшееся в мае 1981 г. Всекитайское совещание по работе с хуацяо внутри страны,

[5] Таковыми являются: Ли Чэнъи (сингапурский «Банк Хуацяо»), Го Фанфэн (сингапурская группа «Фэнлун»), Чэнь Бичэнь (таиландский «Банк Бангкока»), Линь Шаолян (индонезийский «Центральный банк Азии») и Го Линшань (группа «Фэнлун» из Малайзии). — «Хуашэн бао», 2.X.1983.

[6] См.: «Хуася», Гуанчжоу, 1985, № 1, с. 30; «Дагун бао», 25.III. и 20.IV.1983; «Хуашэн бао», 5.II.1984; «Жэньминь чжэнсе бао», 23.V.1984.

[7] См.: «Хуашэн бао», 1.V.1983; «Чжэнмин», Сянган, 1983, № 9, с. 20.

на котором было подчеркнуто, что преступным и наказуемым «левацким уклоном» являются любые действия, направленные на подрыв «сбережения и развития горячего патриотизма хуацяо и их любви к родным местам»[8]. После этого работу по «исправлению перегибов» стали вести значительно энергичнее.

В рамках работы по «исправлению перегибов» прежде всего были приняты меры по изменению социального статуса «родственников эмигрантов», которые были ранее отнесены к «богатым крестьянам» и «помещикам». Был взят курс на полную их реабилитацию, официальное аннулирование этого статуса. К сентябрю — октябрю 1979 г. такая работа была «в основном завершена» в провинциях Гуандун и Фуцзянь, причем только в Гуандуне власти выдали «родственникам эмигрантов» 41 806 удостоверений об исправлении их социального статуса[9]. Одновременно предпринимались шаги по пересмотру и исправлению «несправедливых, ошибочных и фальсифицированных» приговоров, вынесенных против «реэмигрантов» и «родственников эмигрантов» в период «культурной революции». К концу 1985 г. было исправлено более 33 000 приговоров подобного рода[10].

У зарубежных китайцев издавна существует обычай в пожилом возрасте возвращаться в свои дома в «родных местах». Для тех, чьи семьи на протяжении нескольких поколений жили за рубежом, дома дедов и прадедов остаются наиболее реальным фактором, привязывающим их к родине предков. Именно поэтому зарубежных китайцев особенно заботит судьба этих домов, во многих случаях занятых другими людьми во время «культурной революции». К концу 1985 г. владельцам были возвращены такие дома общей площадью более 3 млн. кв. м[11].

В 1981 г. была поставлена задача возвратить зарубежным китайцам также и дома, конфискованные у них в начале 50-х годов во время земельной реформы и «социалистических преобразований частной собственности». К 1985 г. по всей стране было выявлено более 15 млн. кв. м домов зарубежных китайцев, «ошибочно конфискованных» во время земельной реформы, 70 % которых приходится на провинцию Гуандун. Полное возвращение этих домов хозяевам предполагается завершить к 1988 г.[12]

Одновременно с мерами по «исправлению перегибов» в конце 70-х — начале 80-х годов органы по делам зарубежных китайцев разработали ряд постановлений, призванных создать льготное положение в КНР «реэмигрантам», «родственникам эмигрантов» и самим зарубежным китайцам. Были приняты постановления о первоочередном решении жилищных проблем «реэмигрантов» и «родственников эмигрантов» и о льготных условиях трудоустройства их детей[13]. Молодые «реэмигранты» и проживающие в Китае дети зарубежных китайцев имеют право поступать в высшие и средние учебные заведения страны, набрав на вступительных экзаменах балл, который несколько ни-

---

[8] «Жэньминь жибао», 1.VI.1981; «Дагун бао», 1.VI.1981.

[9] См.: «Гуандун цяобао», 31.VII.1981.

[10] См. там же, 5.III.1986. К началу 1984 г. было выявлено 27 800 «несправедливых и ошибочных» приговоров против «реэмигрантов» и «родственников реэмигрантов». — «Жэньминь жибао», 2.I.1984.

[11] См.: «Гуандун цяобао», 5.III.1986.

[12] «Хуашэн бао», 2.IX.1984. Возвращение подобных домов проводится в два этапа: сначала оформляется юридически «возвращение права собственности» и затем, после того как дом покидают занимающие его люди, выдается документ о «возвращении права пользования». К началу 1986 г. в деревнях было «возвращено право собственности» на дома хуацяо общей площадью 6 млн. 300 тыс. кв. м; в городах было возвращено «право собственности» на 2 млн. 500 тыс. кв. м и «право пользования» — на 680 тыс. кв. м. — «Хуашэн бао», 25.II.1986.

[13] См. там же, 24.IV.1983.

же проходного. В случае, если оба супруга являются «реэмигрантами», то на протяжении 6 лет с момента их прибытия на жительство в КНР им позволяется заводить второго ребенка [14], в то время как, согласно действующим в стране правилам, всячески поощряется создание однодетных семей. Существенно упрощены в последнее время процедуры оформления «реэмигрантами» и «родственниками эмигрантов» документов для выезда из страны с целью визитов к родственникам и поселения на постоянное жительство. Одновременно упрощены и правила въезда для зарубежных китайцев: с 1 августа 1985 г. хуацяо, прибывающие в КНР с кратковременными визитами, были вообще избавлены от обязанности оформлять въездные визы. Значительно расширен список вещей, которые зарубежные китайцы могут привозить в КНР беспошлинно, а также их количество — в этом отношении зарубежные китайцы имеют большие льготы по сравнению с иностранцами. Начиная с 1984 г. зарубежные китайцы платят за билеты на внутренних авиалиниях КНР ту же цену, что и граждане КНР, хотя иностранцы платят значительно бóльшую сумму денег.

Политика «исправления перегибов» и особенно возвращение домов, сопровождавшееся выселением занимавших их людей, создание льгот «реэмигрантам» и «родственникам эмигрантов» вызвали в стране непонимание и недовольство. Некоторые кадровые работники продолжают смотреть на зарубежных китайцев как на «буржуазию» [15]. В связи с этим нынешнюю политику в отношении их оценивают как «правый уклон» и потому боятся усердствовать в ее претворении в жизнь — ибо в дальнейшем, после возможного изменения политики, можно заработать ярлык «правого элемента» [16]. Против возвращения зарубежным китайцам домов протестуют на том основании, что это наносит слишком большой ущерб массам и «способствует обострению внутренних противоречий». Органы по делам зарубежных китайцев обвиняются в том, что они, выступая всецело на стороне последних, своими действиями «приобретают расположение зарубежных китайцев и утрачивают расположение народа». Эти органы именуют также «посольствами» зарубежных китайцев и их родственников в КНР, подчеркивая, что их деятельность осуществляется не в интересах масс. Особенно сильное недовольство вызвали меры по возвращению зарубежным китайцам домов, «ошибочно конфискованных» у них в период земельной реформы. Появились утверждения, что власти «пересматривают земельную реформу» и «противопоставляют зарубежных китайцев крестьянам». В ряде районов страны крестьяне стали разрушать дома или перепродавать их, дабы затруднить возвращение прежним собственникам [17].

Невзирая на все эти проявления недовольства и даже сопротивления, в КНР продолжают твердо следовать курсу на «исправление перегибов» в отношении зарубежных китайцев и их родственников, предоставления им новых льгот, как уже упоминалось, лишь такая политика позволяет развивать экономическое сотрудничество с «зарубежными соотечественниками».

Денежные переводы от зарубежных китайцев родственникам издавна являлись самой распространеной формой их экономических связей с родиной. В конце 70-х годов зарубежные китайцы прореагировали на начало проведения в КНР политики «исправления перегибов» и

---

[14] См. там же, 10.VII.1983.
[15] «Гуанси цяобао», 17.VIII. 1984.
[16] «Наньфан жибао», 25.III.1984.
[17] См.: «Наньфан жибао», 19.III.1984; «Хуашэн бао», 9.II, 25.III.1984; «Гуанси цяобао», 27.VI.1984.

создания льгот их родственникам значительным увеличением таких переводов. В 1979 г. общая сумма переводов составила примерно 400 млн. долл., причем 75 % всех переводов приходилось на провинцию Гуандун (25 % — на район Фошань в этой провинции) [18]. Почти столько же, сколько в район Фошань, то есть около 100 млн. долл., было переведено и в район Шаньтоу [19]. Согласно данным, приводимым американским исследователем У Чжунси, максимальная сумма переводов в первые 15 лет после образования КНР была получена в 1950 г. — 60,1 млн. долл.; с 1952 по 1964 г. сумма переводов колебалась от 36,5 до 44,92 млн. долл. в год [20]. Таким образом, в среднегодовом исчислении в конце 70-х годов в КНР получили примерно в 10 раз больше переводов хуацяо, чем в среднем с 1952 по 1964 г. [21]

В 1980 г., однако, наметилась тенденция к снижению суммы переводов. Например, в районе Шаньтоу, где, как уже отмечалось, эта сумма приближалась к 100 млн. долл., в 1980 г. было получено лишь 76 850 тыс. долл. [22] Для того, чтобы понять причины такого снижения суммы переводов, необходимо подробнее остановиться на существующих в КНР правилах, регулирующих их осуществление.

Согласно этим правилам, зарубежные китайцы должны отправлять «переводы хуацяо» (цяо хуэй) через отделения и представительства Банка Китая за рубежом или через иностранные банки, имеющие с ним корреспондентские отношения. В КНР эта валюта переводится по официальному курсу в «народные деньги» (жэньминьби), в которых и выдается получателю. Существует 2 основных вида «переводов хуацяо» — «переводы на обеспечение семей» (дань цзя цяохуэй) и «переводы на строительство» (цзяньчжу цяохуэй). В первом случае получателю выдается (в зависимости от суммы перевода) определенное количество специальных талонов, предъявив которые в «Магазинах хуацяо», он может на «народные деньги» приобрести дефицитные или высококачественные товары. Во втором случае получатель может на таких же условиях приобрести стройматериалы и вообще все необходимое для строительства дома. Согласно правилам, при строительстве жилья на «переводы хуацяо» местные власти обязаны в первую очередь обеспечивать стройку рабочей силой и техникой. Из общих сумм «переводов хуацяо» государство выделяет определенную часть валюты для закупки за рубежом товаров и последующей их продажи в «Магазинах хуацяо». Первоначально (очевидно, еще до «культурной революции») эта доля составляла 6 % суммы переводов, в настоящее время она возросла до 30 % — для «переводов на обеспечение семей» и 40 % — для «переводов на строительство» [23].

---

[18] Чжан Цюаньлин, Юй Ипин, Чжан Синхань. Из любви к родине и родным местам (хуацяо) жертвуют средства на образование. — «Образование хуацяо», вып. 1. Гуанчжоу, 1983, с. 14 (на кит. яз.).

[19] Чэнь Цяочжи, Чжо Чжаожэнь, Юй Ипин. Обследование привлечения капиталов хуацяо и из Гонконга для строительства «родных мест хуацяо» — города Шаньтоу. — Сборник статей по истории хуацяо, вып. 1. Гуанчжоу, 1981, с. 305 (на кит. яз.).

[20] In Chun-Hsi Wu. Dollars Dependents and Dogma. Overseas Chinese Remittances to Communist China. Stanford (Cal.), 1967, p. 142, 158.

[21] Это косвенно подтверждается и данными прессы КНР: так, в одном из основных «родных мест хуацяо» — уезде Тайшань (район Фошань) в 1980 г. сумма «переводов хуацяо» в 11,9 раза превысила уровень 1950 г. — «Гуандун цяобао», 20.II.1981.

[22] См.: Чэнь Цяочжи, Чжоу Чжаожэнь, Юй Ипин. Указ. соч., с. 305.

[23] «Жэньминь чжэнсе бао», 25.I.1985; «Хуашэн бао», 20.III.1983. «Переводы на строительство» составляют, судя по всему, лишь небольшую часть общей суммы «переводов хуацяо». Так, в 1980 г. в провинции Гуандун «переводы на строительство» составили примерно 20 млн. долл. при общей сумме переводов в этой провинции порядка 300 млн. долл. См.: «Наньфан жибао», 4.III.1981.

По мере оживления контактов с зарубежными китайцами[24] их родственники в КНР стали изыскивать более выгодные пути реализации валюты, чем на условиях, предлагаемых государством. Во-первых, оказалось, что в ряде случаев зарубежным китайцам выгоднее привозить родственникам вещи, чем переводить валюту для покупки этих вещей в КНР. Кроме того, родственники смогли получать изрядные барыши, перепродавая эти импортные товары[25]. Во-вторых, зарубежным китайцам и их родственникам оказалось выгоднее обменивать валюту на «черном рынке», нежели получать по официальному курсу в Банке Китая. Наконец, функционировала система передачи валюты помимо Банка Китая, через специальных посредников. Эти люди зачастую использовали «переводы хуацяо» для закупки в Гонконге товаров, которые затем контрабандой провозили в КНР, и после продажи по спекулятивной цене отдавали «народные деньги» получателям переводов[26]. Широкое распространение подобной практики и вызвало определенное снижение суммы «переводов хуацяо».

В КНР вынуждены были предпринять меры для преодоления этой тенденции. В апреле 1982 г. было принято решение о передаче таких дефицитных товаров, как велосипеды, мотоциклы, швейные машинки, стиральные машины, магнитофоны, телевизоры, холодильники, электровентиляторы и калькуляторы, лучших из производимых в КНР марок, из магазинов «Дружба» (где их продавали на «обменные валютные сертификаты», которые официально имеют право использовать лишь иностранцы и зарубежные китайцы) в «Магазины хуацяо». Широко практиковалось введение сниженных цен на продовольственные и промышленные товары, стройматериалы, продаваемые на «переводы хуацяо». Все это было призвано создать ситуацию, когда в Китае товары покупать выгоднее, чем привозить из-за рубежа[27]. В Гуанчжоу был введен ряд услуг, оплачиваемых «переводами хуацяо» (приобретение туристических путевок, питание и устройство банкетов в некоторых ресторанах, продажа мебели новобрачным), которые предоставлялись со значительной скидкой[28].

Все эти меры принесли, судя по всему, определенные результаты. Так, в провинции Фуцзянь суммы «переводов хуацяо» с апреля 1982 г. «снова начали возрастать»[29], а за первые два месяца 1983 г. было получено на 42 % больше переводов по сравнению с тем же периодом 1982 г.[30] Однако властям КНР не удалось до конца преодолеть негативные тенденции: в 1985 г. продолжали появляться сообщения о спекуляции «валютой хуацяо» на «черном рынке», о контрабандной пересылке ее адресатам, минуя Банк Китая[31].

Следует отметить тот факт, что за последние годы произошли значительные изменения в структуре «переводов хуацяо». Если ранее они использовались почти исключительно для «обеспечения семей», то ныне значительная их часть используется «родственниками эмигрантов» для закупки средств производства и создания (в сотрудничестве с дру-

---

[24] С 1978 по 1985 г. в Китае побывало более 61 млн. 400 тыс. зарубежных китайцев и «соотечественников из Гонконга и Макао» (многие из этого числа, особенно жители Гонконга и Макао, приезжали в КНР многократно), причем максимальное количество их посетило «родные места» в 1985 г. — более 16 млн. человек. Число иностранных туристов за период с 1978 по 1985 г. составило более 5 млн. 600 тыс. человек, в том числе в 1985 г. — 1 млн. 700 тыс. — «Хуашэн бао», 31.I.1986; «Гуандун цяобао», 18.II.1986.

[25] См.: «Фуцзянь цяосян бао», 21.I.1981.

[26] См. там же, 11.III.1981.

[27] См.: «Хуашэн бао», 16.I.1983; «Гуанси цяобао», 27.I.1984.

[28] См.: там же, 17.VII.1983.

[29] «Фуцзянь цяосян бао», 4.XI. 1982.

[30] См.: «Фуцзянь жибао», 12.III.1983.

[31] См.: «Цзюши няньдай», Сянган, 1985, № 6, с. 48; «Хуашэн бао», 16.IV.1985.

гими «родственниками эмигрантов») разного рода предприятий[32]. Органы власти КНР всемерно поощряют использование «переводов хуацяо» в производственной сфере — к началу 1986 г. по всей стране насчитывалось 2 823 предприятия, созданных «родственниками эмигрантов», с более 76 тыс. работников, на которые с 1978 г. было «привлечено» более 300 млн. долл. капиталов хуацяо и иностранных капиталов[33].

Другой традиционной формой экономических связей зарубежных китайцев с Китаем являются пожертвования. Как правило, пожертвования эти направляются в их родные деревни и уезды на строительство школ, больниц, дорог, мостов и т. п. Поощрительная политика властей КНР в отношении зарубежных китайцев и их родственников и здесь принесла результаты. Так, в провинции Гуандун с 1978 по 1983 гг. сумма пожертвований составила 670 млн. юаней[34]. В Фуцзяни с 1978 по 1983 гг. пожертвования зарубежных китайцев только на развитие образования составили 53 млн. 600 тыс. юаней, что на 26,5 % превышает сумму, пожертвованную с 1951 по 1978 г.[35] Среди пожертвований бывают весьма крупные — например, гонконгский бизнесмен Ли Цзячэн пожертвовал 180 млн. гонконг. долл. на строительство университета в Шаньтоу[36], однако основная масса пожертвований поступает от средних и мелких коммерсантов.

Курс властей состоит во всемерном поощрении пожертвователей при безусловном соблюдении их воли и следовании принципу добровольности пожертвований. Однако на практике такой курс отнюдь не всегда проводится в жизнь. Пресса КНР сообщала о растранжиривании пожертвований, использовании их не по назначению, о вымогательстве у зарубежных китайцев, которым занимаются некоторые организации и «кадровые работники». Местные и центральные власти вынуждены были издавать специальные постановления, призванные пресечь такие явления. Имели место и случаи, когда под видом «пожертвований» (которые не облагаются таможенным сбором) фактически осуществлялся провоз контрабанды[37]. Пожертвования зарубежных китайцев порою направлялись не на развитие образования и здравоохранения, а на возведение храмов, кумирен и прочих объектов культа, что способствовало «распространению феодальных суеверий» в «родных местах хуацяо»[38].

Китайские авторы подчеркивают, что пожертвования на развитие родных мест делаются даже теми зарубежными китайцами, которые в принципе не одобряют существование в КНР социалистического строя[39]. Вместе с тем в КНР прилагают большие усилия к тому, чтобы добиваться эволюции от пожертвований на школы и больницы к капиталовложениям в производственные объекты, в предприятия со смешанным капиталом[40]. Таким образом китайские власти стремятся превратить пожертвования со стороны самых широких слоев зарубежных китайцев в своеобразное «промежуточное звено», позволяющее

---

[32] «Гуандун цяобао», 11.II.1986.
[33] «Хуашэн бао», 1.I.1986.
[34] «Янчэн ваньбао», Ган, Ао, хайвай бань, 9.XII.1984.
[35] См.: «Фуцзянь цяосян бао», 15.IX.1983.
[36] См.: «Наньфан жибао», 15.XII.1983.
[37] См.: «Фуцзянь цяосян бао», 22.VII.1982.
[38] «Гуандун цяобао», 29.V.1981, № 39; «Фуцзянь цяосян бао», 11.VI.1981.
[39] См.: Чжан Цюаньлин, Юй Ипин, Чжан Синхань. Указ. соч., с. 32—33.
[40] См.: «Жэньминь жибао», 19.VII.1983; Цзи Дэцзи, Линь Цзиичжоу, Ань Цзинь. Обследование использования капиталов хуацяо для ускорения экономического строительства в уезде Фуцин. — «Фуцзянь луньтань», Фучжоу, 1983, № 1, с. 35—36 (на кит. яз.).

в дальнейшем привлекать их уже к сотрудничеству в производственной сфере.

В производственной сфере наиболее простыми по содержанию и весьма широко распространенными формами сотрудничества зарубежных китайцев с КНР являются обработка привозных материалов, сборка из привозных деталей, производство по привозным образцам и компенсационная торговля. В свою очередь из этих форм наиболее распространенной является обработка привозных материалов, в основном заключающаяся в пошиве одежды, вышивке по ткани и т. п. При такой форме сотрудничества зарубежные китайцы отвечают за поставку сырья и сбыт продукции; что касается самого производства, то местные власти обычно обеспечивают помещение и рабочую силу, а также повседневную его организацию; зарубежные китайцы, как правило, поставляют оборудование, машины. Такая форма сотрудничества для Китая выгодна как возможность трудоустроить значительное число людей в «родных местах хуацяо» и сравнительно быстро получить из-за границы оборудование и валюту; зарубежные китайцы используют дешевизну рабочей силы в КНР и возможность получения прибыли при минимальных капиталовложениях, в основном в таких формах сотрудничества участвуют мелкие и средние бизнесмены. Они организуют предприятия по обработке привозных материалов в своих родных уездах и деревнях и могут снискать репутацию «благодетелей» среди земляков[41]. Подобная форма сотрудничества выгодна для обеих сторон. В ряде «родных мест хуацяо» она получила значительное развитие. Так, например, в уезде Чжуншань (провинция Гуандун) стоимость продукции, производимой на подобного рода предприятиях, составляла в 1983 г. половину стоимости промышленного производства уезда, а в районе Цзиньцзян (провинция Фуцзянь) — 43 %[42].

Однако в развитии такого сотрудничества существует и ряд проблем, вызванных в основном зависимостью предприятий зарубежных китайцев от международного капиталистического рынка. Так, например, зачастую первоначально заключаются контракты с несколькими уездами, однако в конечном счете сотрудничество продолжается с тем из партнеров, который готов работать за наименьшую плату. Это, как отмечают китайские авторы, порождает ожесточенную конкуренцию между различными коллективами в «родных местах хуацяо». Кроме того, зарубежные китайцы весьма зависимы от колебаний конъюнктуры на мировом рынке, ввиду чего поставляют сырье крайне неритмично. Учитывая подобный неустойчивый характер производства, зарубежные китайцы, как правило, добиваются исключения из текста контракта о сотрудничестве пункта о выплате ими неустойки в случае срыва его исполнения. Поэтому реально выполняются иногда лишь 10 % подписанных контрактов, а уже действующие мастерские и фабрики работают порою лишь несколько дней в месяц[43].

Высшей формой сотрудничества зарубежных китайцев с Китаем являются их капиталовложения в совместные предприятия, причем основная масса капиталовложений направляется в провинции Гуандун и Фуцзянь. Так, в целом по провинции Гуандун с 1978 по 1984 г. капиталовложения зарубежных китайцев составляли более 90 % общей суммы иностранных инвестиций, причем к 1985 г. на эту провинцию приходилось 45 % от всех уже использованных прямых иностранных капи-

---

[41] См.: Яо Чжию, Чжоу Дажэнь. К вопросу об обработке привозных материалов в районе Цзиньцзян. — «Хуацяо дасюэ луньцун», Цюаньчжоу, 1983, № 1, с. 36 (на кит. яз.).

[42] См.: «Наньфан жибао», 11.XI.1983; «Фуцзянь цяосян бао», 9.XII.1984.

[43] См.: Чэнь Цяочжи, Чжоу Чжаожэнь, Юй Ипин. Указ. соч., с. 310—311; Яо Чжию, Чжоу Дажэнь. Указ. соч., с. 37.

таловложений в КНР [44]. Только город Гуанчжоу с 1978 по 1983 г. получил 1 170 млн. долл. иностранных капиталовложений, 96 % из которых исходили от зарубежных китайцев и «соотечественников из Гонконга и Макао» [45]. Для сравнения можно привести следующую цифру: за период с конца XIX в. до 1949 г. зарубежные китайцы вложили в предприятия всего Китая капитал примерно в 700 млн. юаней КНР [46].

В провинции Фуцзянь с 1978 по 1983 г. было привлечено из-за рубежа 240 млн. долл., $^1/_3$ из которых составили капиталы зарубежных китайцев. При этом они инвестировали 88,2 % от всех средств, вложенных в строящиеся в этой провинции совместные акционерные компании [47]. Между тем за весь период до «культурной революции» в Фуцзянь были привлечены капиталы хуацяо общей суммой лишь 80 млн. юаней [48].

Все четыре «особые экономические зоны» КНР (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь) находятся в Гуандуне и Фуцзяни, в тех районах этих провинций, которые издавна считались «родными местами хуацяо». Зарубежные китайцы вносят исключительно большой вклад в развитие этих районов, призванных стать «лабораторией передового опыта» для всей страны. Так, из уже использованных к 1984 г. в Шэньчжэне 580 млн. долл. иностранных инвестиций более 90 % поступило от зарубежных китайцев и от «соотечественников из Гонконга и Макао» [49]. Большая часть из 470 млн. долл., привлеченных в «особую зону» Сямэнь, поступила либо непосредственно от зарубежных китайцев, либо от иностранных бизнесменов при посредничестве зарубежных китайцев [50]. Аналогичным образом обстоит дело и в «особой зоне» Шаньтоу, где создан специальный «Комитет советников особой экономической зоны», состоящий из происходящих из Шаньтоу «соотечественников из Гонконга и Макао» и зарубежных китайцев [51].

Сознавая исключительно важную роль зарубежных китайцев в становлении «особых зон», руководство КНР идет на применение новых форм для развития сотрудничества с ними. Во второй половине 1985 г. появились сообщения о создании в Шэньчжэне специального «города хуацяо», который призван стать «окном» для привлечения их инвестиций [52]. В этом «городе хуацяо» введены дополнительные льготы для инвестиций зарубежных китайцев [53].

В целом о важности инвестиций зарубежных китайцев для КНР говорит такой факт: к 1983 г. в сотрудничестве с ними было построено 65 % всех совместных предприятий страны [54].

Привлечением капиталовложений зарубежных китайцев в Гуандуне, Фуцзяни и в некоторых других провинциях занимаются специальные «посреднические инвестиционные компании». Широко практикуется привлечение инвестиций зарубежных китайцев через живущих в КНР их родственников, а инвестиций иностранцев — через посредни-

---

[44] «Янчэн ваньбао», 5.IX.1984; «Наньфан жибао», 6.I.1985.

[45] Ли Цзысюн. К вопросу о том, что многочисленность хуацяо является потенциальным преимуществом города Гуанчжоу. — «Гуанчжоу яньцзю». Гуанчжоу, 1984, № 4, с. 59 (на кит. яз.).

[46] См.: Линь Цзиньчжи. Некоторые проблемы истории инвестиций хуацяо в предприятия Шанхая в новое время. — «Сямэнь дасюэ сюэбао», 1984, № 1, с. 69 (на кит. яз.).

[47] См.: Гу Мин. О проблеме привлечения капиталов хуацяо. — «Фуцзянь луньтань», 1983, № 6, с. 67—68.

[48] См.: «Хуашэн бао», 26.II.1984.

[49] «Жэньминь жибао», 18.I.1985; «Хуашэн бао», 1.IV.1984.

[50] См.: «Фуцзянь цяосян бао», 25.XI.1984.

[51] См.: «Чао, Шань сянсюнь», 2.I.1985.

[52] См.: «Жэньминь жибао», 25.VIII.1985; «Гуандун цяобао», 20.XI.1985.

[53] «Гуандун цяобао», 12.III.1986.

[54] См.: «Хуашэн бао», 22.V.1983.

чество зарубежных китайцев. В Китае такой метод привлечения капиталов уподобляют «иголке, влекущей за собой нитку».

Особое внимание уделяется в КНР развитию сотрудничества с фирмами зарубежных китайцев, занимающимися передовыми направлениями в промышленности и технологии. В последнее время здесь достигнуты определенные результаты. Так, например, североамериканская фирма Ван Аня, производящая компьютеры, в начале 1985 г. открыла представительства в КНР и сообщила о создании там трех совместных предприятий, в которые она вложит 150 млн. долл. на протяжении трех лет[55].

В последнее время в КНР взяли курс на дальнейшую активизацию экономических связей с зарубежными китайцами, перенесение центра тяжести работы по налаживанию с ними деловых контактов за рубеж, непосредственно в страны их проживания. Активизация привлечения капиталов зарубежных китайцев, по мнению экономистов КНР, может способствовать диверсификации источников инвестиций, так как китайские бизнесмены имеют тесные связи с финансовыми и промышленными группировками всего мира[56].

Исходя из подобной оценки капиталовложений зарубежных китайцев, в КНР уже в течение нескольких лет разрабатываются положения о создании для них более льготных условий, чем для инвестиций иностранных бизнесменов. Уже действуют постановления такого рода на уровне провинций, городов и уездов. Так, в августе 1984 г. власти провинции Фуцзянь объявили о следующих особых льготах для инвестиций зарубежных китайцев и «соотечественников из Гонконга и Макао»: 1) если, согласно условиям контракта, совместное предприятие, в которое вложили капиталы зарубежные китайцы, должно эксплуатироваться совместно более 10 лет, то начиная с года, когда оно начало получать прибыль, оно освобождается от выплаты подоходного налога на 5 лет; начиная с шестого года подоходный налог выплачивается в половинном размере. Если совместное предприятие эксплуатируется от 5 до 10 лет, то освобождается от выплаты подходного налога первые 3 года, начиная с четвертого года налог выплачивается в половинном размере; 2) налог за использование землей такие предприятия выплачивают в половинном размере[57]. Необходимо иметь в виду, что совместные предприятия, создаваемые в КНР иностранцами, находятся в менее выгодных условиях — они полностью или частично освобождаются от выплаты подоходного налога на срок не более 5 лет[58].

Одной из целей «льготных мер» является побуждение зарубежных китайцев к сотрудничеству через использование их привязанности к живущим в КНР «родственникам и друзьям». Так, в уезде Эньпин (провинция Гуандун) принято постановление, согласно которому зарубежные китайцы имеют право назначать директором построенного при их содействии совместного предприятия своего «родственника или друга», одновременно они могут заполнять «родственниками и друзьями» 10 % рабочих мест на предприятии; в Гуанчжоу, если зарубежный китаец вложил более 300 тыс. долл. в совместное предприятие в этом городе, то одному из его родственников разрешается сменить деревенскую прописку на городскую. Одновременно предусмотрены премии «друзь-

[55] См.: «Сямэнь жибао», 13.II.1985; «Шэньчжэнь тецюй бао», 7.II.1985; «Far Eastern Economic Review», October 31, 1985, v. 130, N 43, p. 61.

[56] См.: Хуан Чжигуай, Линь Цзинчжоу. При строительстве «особых зон» нужно уделять серьезное внимание привлечению и использованию капиталов хуацяо. — «Фуцзянь луньтань», 1983, № 4, с. 36 (на кит. яз.).

[57] См.: «Гуанси цяобао», 14.IX.1984.

[58] См.: С. А. Манежев. Иностранный предпринимательский капитал в экономике КНР. — «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 4, с. 40.

ям и родственникам», зависящие от размеров капиталов зарубежных китайцев, которые были ими привлечены [59].

Очевидно, принятие подобных «льготных мер» явилось одним из факторов, стимулировавших резкое увеличение объема иностранных инвестиций в 1984 г. при одновременном развитии форм экономического сотрудничества в провинции Фуцзянь. Только «Фуцзяньская фирма по капиталовложениям в предприятия» привлекла на протяжении этого года капитал зарубежных китайцев и иностранцев на сумму в 130 млн. долл., что на 30 % больше суммы, привлеченной ею за предыдущие 5 лет. При этом существенно возросли объемы инвестиции в крупные предприятия; если ранее 65 % капиталовложений направлялись в такие первоначальные формы сотрудничества, как «обработка привозных материалов», то в 1984 г. доля, приходящаяся на эту форму упала до 4 %, зато более 90 % инвестиций пришлось на совместные акционерные компании. Одной из основных причин подобных сдвигов называют успешное сотрудничество с зарубежными китайцами [60]. Сходные тенденции в развитии форм экономического сотрудничества наблюдались в 1984 г. и в провинции Гуандун [61].

Еще в 1984 г. зарубежные китайцы предлагали создать за рубежом институт официальных торговых представителей из числа китайских бизнесменов, которые, отлично разбираясь в местной конъюнктуре, могли бы по самым низким ценам закупать для КНР передовую технологию и оборудование; говорилось также о возможности создания за границей фирм зарубежных китайцев, которые обеспечивали бы КНР экономической информацией и давали бы консультации [62]. В 1985 г. были организованы специальные фирмы в США и Гонконге, которые должны привлекать капиталы и оборудование в «особую зону» Шаньтоу через китайских бизнесменов — выходцев из этого района [63]. Очевидно в дальнейшем подобные фирмы могут получить большое развитие.

В КНР придают серьезное значение использованию знаний и опыта зарубежных китайцев для осуществления программы «четырех модернизаций». Пожалуй, самым заметным в этом отношении событием стало приглашение бывшего вице-премьера Сингапура У Цинжуя на должность советника правительства КНР по развитию экономики прибрежных районов и туризма. В течение 1985 г. У Цинжуй четырежды посетил КНР, совершив «инспекционные поездки» во все особые зоны, на остров Хайнань и в Шанхай. У Цинжуй встретился с руководителями КНР, выдвинув свои предложения по развитию экономики этих районов [64].

Для КНР чрезвычайно важно установить тесные экономические связи с китайцами из стран ЮВА [65], однако правительства этих стран относятся к перспективе усиления влияния Китая на китайские общины с большой настороженностью. Ввиду этого особое значение приобретает для Китая улучшение межгосударственных отношений со стра-

---

[59] См.: «Хуашэн бао», 26.II.1984; «Гуандун цяобао», 11.VII.1984.
[60] См.: «Жэньминь чжэнсе бао», 12.II.1985; «Фуцзянь жибао», 30.I.1985.
[61] См.: «Наньфан жибао», 21.I.1985.
[62] См.: «Хуашэн бао», 25.III.1984.
[63] См.: «Жэньминь жибао», 28.XII.1985.
[64] См.: «Ляован», Пекин, 1986, № 1, с. 32—33.
[65] В настоящее время в КНР неудовлетворены масштабами экономического сотрудничества со странами АСЕАН. Так, к началу 1986 г. доля торговли с КНР во внешнеторговом обороте этих государств составляла только 1,5 %, во внешнеторговом обороте КНР на торговлю со странами АСЕАН приходилось только 4,6 %. При этом за последние годы удельный вес торговли с КНР во внешнеторговом обороте Малайзии, Таиланда и Филиппин имел тенденцию к снижению. — «Ляован», 1986, № 12, с. 30—31. В этих условиях понятно, почему столь серьезное значение уделяется развитию связей с китайцами из ЮВА.

нами АСЕАН. На протяжении 1985 г. дипломатия КНР действовала именно в этом направлении. С визитами в Пекине побывали премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю (сентябрь 1985 г.), премьер-министр Малайзии Махатхир (ноябрь 1985 г.), успешно завершились переговоры о восстановлении прямой торговли с Индонезией. При этом в китайской и зарубежной прессе отмечалось, что важной силой в странах АСЕАН, заинтересованной в улучшении их отношений с КНР, являются именно зарубежные китайцы. Так, ведущие представители деловых кругов Сингапура подчеркивали, что заинтересованы в сотрудничестве с КНР в частности потому, что «у Китая и Сингапура имеются тесные социальные и культурные связи»[66]. В Индонезии особенно заинтересованы в развитии прямой торговли с КНР именно бизнесмены китайского происхождения[67]. Высокопоставленный представитель правительства Малайзии также отметил, что КНР предпочитает делать бизнес с малайзийцами китайского происхождения[68]. В 1985 г. в Китае побывали с визитами делегации китайских бизнесменов из Таиланда, Сингапура, Малайзии, с Филиппин. В КНР считают, что именно в 1985 г. создались предпосылки для качественного расширения экономических связей с китайцами из стран АСЕАН. При этом в китайской прессе подчеркивают, что зарубежные китайцы с Филиппин стремятся вкладывать капиталы в КНР, поскольку они «не питают уверенности в перспективах филиппинской экономики», китайцы из Малайзии «переводят капиталы в Китай, поскольку у них вызывает беспокойство и сомнения национальная политика правительства Малайзии»; наиболее благоприятные условия существуют для развития экономических связей с китайцами Таиланда и Сингапура[69]. Кроме того, бизнесмены китайского происхождения из стран ЮВА подчеркивают, что развитие торговли и сотрудничества с КНР является хорошим методом для преодоления сложившейся сейчас в этих странах неблагоприятной экономической конъюнктуры[70]. В целом, расширение экономических контактов Китая с зарубежными китайцами из стран АСЕАН способно резко увеличить вклад «зарубежных соотечественников» в осуществление «четырех модернизаций». Однако многое здесь будет зависеть от общего состояния межгосударственных отношений КНР с этими странами.

В настоящее время, согласно оценкам китайских специалистов, существуют следующие основные проблемы, связанные с инвестициями зарубежных соотечественников: во-первых, большинство их вкладывается в сферу обслуживания и лишь сравнительно малая часть — в производственную сферу; во-вторых, основная масса инвестиций идет от «соотечественников из Гонконга и Макао» и намного меньше — от зарубежных китайцев и хуацяо (правда эти последние зачастую вкладывают средства в КНР через банки и компании Гонконга и Макао). Кроме того, зарубежные китайцы предпочитают жертвовать средства на благотворительность в «родных местах» — ибо это требует сравнительно небольших сумм и процедура оформления документов сравнительно простая; и наоборот — при инвестировании средств в совместные предприятия многих зарубежных китайцев отпугивает чрезмерная сложность процедур, необходимость долгой утряски вопросов с множеством различных органов и ведомств. Очевидно, в дальнейшем в КНР будут предприниматься шаги, имеющие целью устранение этих проблем[71].

[66] «Дагун бао», 3.XI.1985.
[67] См.: «Цзюши няньдай», 1985, № 8, с. 28; «Merdeka», 13.IX.1985.
[68] In: «Asiaweek», October 4, 1985, v. 11, N 40, p. 17.
[69] См.: «Гуандун цяобао», 4.XII.1985.
[70] См. там же, 8.I.1986.
[71] См.: «Гуандун цяобао», 11.II.1986.

Приведенный материал позволяет утверждать, что сотрудничество с зарубежными китайцами является одной из важнейших составных частей проводимой ныне в КНР «открытой политики». За последние годы Китайской Народной Республике удалось достигнуть определенных успехов в экономическом сотрудничестве с ними — и по объему, и по своим формам оно является беспрецедентным не только для периода существования КНР, но и для всей китайской истории. Вместе с тем во имя налаживания и развития такого сотрудничества руководству КНР приходится идти на ряд уступок зарубежным китайцам. Это, судя по материалам китайской прессы, вызывает определенные социальные проблемы, непонимание, недовольство и даже порой сопротивление со стороны и кадровых работников, и широких масс населения. В этом смысле сотрудничество КНР с зарубежными китайцами отражает как достижения, так и трудности, с которыми сталкивается КНР при проведении «открытой политики».

Либерализация кредитной системы Японии

Е. Б. МЯГКОВ,
кандидат экономических наук
Б. Г. ФЕДОРОВ,
кандидат экономических наук

В последнее время особое место в экономической политике правительства Японии, а также в экономических и политических отношениях Японии с США и Западной Европой занимают вопросы, связанные с либерализацией кредитной системы страны и интернационализацией ее валюты. Под либерализацией понимается ослабление или отмена характерного для всего послевоенного периода жесткого государственного регулирования деятельности кредитных учреждений и рынка ссудных капиталов. Она подразумевает поощрение конкуренции между различными группами кредитных институтов, допуск на национальный рынок ссудных капиталов иностранных банков, замену прямого государственного вмешательства в их деятельность более гибкими методами косвенного контроля. Под интернационализацией иены понимается отмена существующих ограничений на использование японской валюты в международных валютно-кредитных отношениях не только самой Японии, но и третьих стран, допущение свободного перелива капиталов между Японией и международным рынком капиталов.

Оба понятия тесно связаны друг с другом. В самом деле, повышение доли иены в портфелях международных инвесторов, активное ее внедрение в международные кредитные операции и платежный оборот невозможны без отмены ограничений, сковывающих деятельность японских банков и развитие рынка ссудных капиталов Японии, препятствующих появлению новых кредитных инструментов, без отмены государственного контроля над процентными ставками. С другой стороны, либерализацию кредитной системы трудно представить без облегчения доступа к японскому рынку ссудных капиталов со стороны международных инвесторов и деятельности японских банков на рынках других стран с использованием иностранных и национальной валют.

Указанные проблемы порождены как внутренними, так и внешними причинами. Существенное влияние на характер их решения накладывает соперничество между тремя центрами современного империализма. Проанализируем факторы, поставившие сегодня с особой остротой проблемы либерализации и интернационализации. Для этого в первую очередь необходимо остановиться на особенностях развития кредитной системы Японии в послевоенный период и особенностях валютной политики правящих кругов страны.

Специфические черты кредитной системы Японии и ее валютной политики до начала 80-х годов

Правящие круги Японии, проводя курс на капиталистическую модернизацию подорванной войной экономики страны, подчинили финансово-кредитный сектор строгому государственному контролю. Его главную задачу они видели в бесперебойном перекачивании сбережений населения в распоряжение частных корпораций и государства с возмож-

но меньшими издержками. Для обеспечения относительной стабильности кредитной системы функции ее отдельных звеньев были жестко разграничены. Поэтому структура ее отличалась сравнительной простотой по сравнению с другими развитыми капиталистическими странами. Лишь городские банки (числом 13) и региональные могли располагать широкой сетью отделений, принимать средства на срочные и сберегательные вклады от населения и осуществлять кредитование корпораций частного сектора. Только банки долгосрочного кредита (в настоящее время их 3) предоставляют долгосрочные кредиты частным и государственным корпорациям, рефинансируя их путем выпуска долгосрочных облигаций. Монополией траст-банков были доверительные операции, включая управление пенсионными фондами. Монополией фирм по торговле ценными бумагами являлась организация эмиссий акций и облигаций компаний, а также участие в синдикатах по размещению государственных ценных бумаг и торговля этими ценными бумагами на вторичном рынке. Особое место в этой системе занимает почтово-сберегательная система, в которой для поощрения вкладов были установлены налоговые льготы. Аккумулируемые ею средства (по размерам привлеченных депозитов она занимает одно из первых мест не только в Японии, но и в мире) поступают в распоряжение государства.

Уровень процентных ставок по банковским кредитам и депозитам, а также государственным облигациям фактически принудительно устанавливался министерством финансов и Банком Японии. При этом государство внимательно следило за тем, чтобы коммерческие банки не выплачивали повышенных процентов с целью борьбы за вкладчиков и не завышали процентов по кредитам, чтобы не допустить ухудшения финансового состояния компаний. Хотя формально большинство процентных ставок было привязано к учетной ставке центрального банка, ее изменение не играло особой роли в денежно-кредитном регулировании. Главная роль в нем отводилась ограничениям на получение ликвидных средств коммерческими банками и методам «морального воздействия», то есть фактически административному контролю. Таким путем правительство решало несколько задач: снижало расходы в сфере привлечения сбережений населения и обязательства по государственному долгу и в рамках политики по стимулированию экономического роста обеспечивало частным компаниям практически неограниченный доступ к дешевым банковским кредитам. При этом в условиях высоких темпов экономического роста в 60-х — начале 70-х годов японские компании практически заместили собственные средства заемными.

Были введены и искусственно поддерживались заниженные процентные ставки по вкладам населения. При этом в отличие от других развитых капиталистических стран у рядовых вкладчиков не было иных способов помещения имевшихся у них средств, кроме счетов в банках и почтово-сберегательной системе. Имея неограниченный доступ к банковским кредитам, корпорации практически не занимались выпуском акций и облигаций, а обращавшиеся на рынке ценные бумаги были недоступны для рядовых владельцев сбережений. Конкуренция между кредитными учреждениями была ограниченной, поскольку различные их группы имели строго определенные сферы деятельности, а иностранные банки и прочие финансовые учреждения не допускались на японский кредитный рынок.

Валютная политика японских властей характеризовалась строгими ограничениями на экспорт и импорт капиталов; правительство также всячески противодействовало более свободному использованию японской валюты в международном платежном обороте (несмотря на формальную отмену ограничений по текущим операциям в 1964 г.) и в операциях на международном рынке капиталов. Тем самым правящие круги стремились оградить экономику страны от дестабилизирующего

влияния капиталистического валютного рынка, которое могло бы затормозить экспансию японских монополий и осложнить экономическое положение внутри страны. До последнего времени в Японии существовал порядок, согласно которому подавляющее большинство валютных операций должно было быть увязанным с «реальными потребностями». Например, чтобы осуществить конверсию иен в иностранную валюту или обратно, компании должны были предоставлять банкам, совершающим валютные операции, соответствующий внешнеторговый контракт. При этом правящие круги препятствовали развитию операций по платежно-кредитному обслуживанию внешнеторгового оборота, типичных для большинства других стран, например сделок с банковскими акцептами в иенах.

Подобная система до определенного момента в целом обеспечивала мобилизацию ресурсов для ускоренного экономического роста и ограждение японской экономики от неблагоприятного воздействия внешних факторов. Перелом наступил в 1973 г., когда в результате циклического и структурного кризиса Япония вошла в период замедленных темпов роста, когда вступил в действие целый ряд фундаментальных экономических факторов, потребовавших коренной перестройки как политики регулирования кредитной сферы, так и валютной политики.

Факторы, обусловившие перестройку государственного регулирования кредитной и валютной сфер

Четыре основных фактора способствовали тому, что сложившаяся в 50—60-е годы практика регулирования кредитной и валютной сфер оказалась неадекватной современным условиям. Прежде всего, к ним относится резкое снижение спроса со стороны корпораций на кредиты коммерческих банков. О масштабах этого явления говорят следующие данные Банка Японии, полученные в результате обследования финансового положения 621 крупнейшей корпорации страны. В 1984 г. лишь 14 % прироста заемных средств пришлось на кредиты коммерческих банков, в то время как в 1979—1983 гг. этот показатель составил 56 %, а в 60-е годы равнялся в среднем 80 % [1]. Более того, компании обрабатывающей промышленности погасили часть своей задолженности коммерческим банкам, и прирост был достигнут лишь за счет других отраслей промышленности. Указанные цифры отражают существенный сдвиг в финансовой стратегии японских промышленных монополий. В современных условиях они стараются сократить зависимость от банковского кредита как источника средств, всячески укреплять собственные фонды капиталов. С этой целью они погашают задолженность банкам, одновременно увеличивая выпуск акций и облигаций. В 1984 г. на них приходилось соответственно 42,5 и 43 % общей суммы прироста средств, привлеченных компаниями с рынка ссудных капиталов [2].

В основе изменившейся финансовой стратегии корпораций лежит резкое замедление темпов роста капиталовложений в условиях структурной перестройки японской экономики, что потребовало консолидации финансовых ресурсов, более осторожного отношения к банковским кредитам как источнику финансирования инвестиций. Если в 1967—1973 гг. капиталовложения (брутто) во всех секторах экономики страны росли в среднем на 13,9 % в год, то в 1973—1978 гг. темпы их роста упали до 0,6, а в 1979—1983 гг. составили 2,6 % в год.

Вторым фактором явился резкий рост дефицита государственного бюджета и возрастание потребностей государства в заемных средствах. Так, с 1973 по 1984 г. дефицит бюджета вырос с 266 млрд. до 13 трлн.

[1] In: «Economist», December 8, 1984, p. 21.
[2] Ibid.

263 млрд. иен, или с 0,4 до 4,5 % ВНП[3]. Размер государственного долга за этот период вырос с 12,1 до 66,9 % ВНП[4]. Столь резкий рост дефицита бюджета и государственного долга отражает тот факт, что государство, с одной стороны, взяло на себя значительную часть расходов по обеспечению структурной перестройки экономики и, с другой стороны, было вынуждено увеличить расходы на социальные цели, с тем чтобы поддержать относительную социальную стабильность в стране в условиях замедления темпов экономического роста в целом и доходов населения. Кроме того, оно было поставлено перед необходимостью в определенной мере компенсировать отставание Японии в развитии системы социального обеспечения.

Выбрасывая на рынок значительные количества облигаций государственных займов, правительство уже не могло сохранять на прежнем уровне выплачиваемые по ним проценты, а также оказалось вынужденным либерализовать операции с ними, чтобы привлечь дополнительных инвесторов, в том числе иностранных.

Третьим фактором явился определенный сдвиг в поведении вкладчиков, связанный прежде всего с демографическим фактором — быстрым старением населения Японии. Так, если в 1975 г. доля в населении лиц в возрасте более 40 лет составила 35 %, то к 1990 г., по имеющимся оценкам, она повысится почти до 50 % [5]. В условиях неадекватного развития системы пенсионного обеспечения пожилые японцы в значительной степени вынуждены полагаться на собственные сбережения для обеспечения жизни в старости. Их уже не удовлетворяют традиционные формы вкладов в коммерческих банках и почтово-сберегательной системе, по которым установлены искусственно заниженные проценты.

Вообще, как отмечают японские экономисты, в условиях возросшей неуверенности в завтрашнем дне и растущей дороговизны японцы всех возрастов вынуждены больше сберегать, что выражается в непрерывном росте сберегаемой части личных доходов в 70—80-е годы. Они выражают все большее недовольство сложившейся системой, при которой банки-монополисты фактически обирают рядовых вкладчиков, привлекая по минимальной ставке принадлежащие им средства, отложенные «на черный день», и вкладывая их в более доходные кредитные и инвестиционные операции, по которым ставки формируются на более высоком рыночном уровне.

Подверглась изменениям и деятельность институциональных инвесторов, прежде всего промышленно-торговых корпораций. Поскольку находящиеся в их распоряжении ликвидные активы значительно возросли, они заинтересованы в размещении их на максимально выгодных условиях и в более гибких формах, которые сложившаяся структура кредитных рынков Японии гарантировать не могла.

Наконец, важнейшим фактором, обусловливающим необходимость реформы кредитной и валютной политики, является превращение Японии в крупнейшего экспортера капиталов, что объясняется наличием огромных сумм накоплений и сбережений, не находящих эффективного применения в стране. Источником таких накоплений являются как активное сальдо текущего платежного баланса, так и средства населения, поступающие в распоряжение кредитной системы. О масштабах вывоза капитала из Японии свидетельствует то, что с 1981 по 1984 г. суммарное сальдо движения долгосрочных капиталов превысило 89 млрд. долл. [6]

Оперируя огромными средствами, находящимися в их распоряжении, банки и компании по торговле ценными бумагами с середины

[3] In: OCDE Etudes Economiques 1984/1985. Japan, p. 34.
[4] Ibid., p. 57.
[5] In: «Economist», December 8, 1984, p. 5.
[6] In: OCDE Etudes Economiques 1984/1985, p. 127.

70-х годов развернули бурную экспансию на международном рынке ссудных капиталов. Например, в 1984 г. на долю японских банков пришлось около 20 % всех предоставленных на лондонском рынке кредитов[7]. До 20 % своих операционных доходов японские банки получают за счет иностранных операций. Они пытаются укрепить свои позиции не только на европейском рынке, но и на внутреннем рынке США и других стран. При этом японские кредитные институты внимательно следят за развитием новых форм операций, стремятся идти в ногу со временем и не сдавать конкурентных позиций банкам других стран. Их международная экспансия явно контрастирует с застоем операций внутри страны, хотя в последнее время они пытаются их модернизировать, внедряя ЭВМ, применяя новые формы привлечения депозитов, расширяя круг сделок с ценными бумагами и т. п.

Японские кредитные институты явно «переросли» внутренний кредитный рынок с его сложившейся структурой. Их интересам отвечает активизация операций как внутри страны, так и за границей, демонтаж барьеров, препятствующих переливу средств между ними, поиск новых источников доходов (разница между операционными доходами и расходами коммерческих банков Японии в последние годы неуклонно сокращается).

В последние годы значительно усилилась конкуренция между различными группами кредитных учреждений как внутри Японии, так и за границей. Основные сферы соперничества внутри страны — это борьба коммерческих банков и компаний по торговле ценными бумагами за участие в управлении пенсионными фондами, активы которых значительно выросли в последние годы[8] (до последнего времени здесь доминировали траст-банки), а также участие в управлении ликвидными активами корпораций.

Особую активность в конкурентной борьбе проявляют японские компании по торговле ценными бумагами, крупнейшие из которых — «Номура», «Никко», «Дайва», и «Ямаити» — практически монополизировали рынок акций и облигаций. Они ведут наступление на коммерческие банки и траст-банки по двум основным направлениям, стремясь заместить банковские кредиты корпорациям эмиссией ценных бумаг и оттеснить конкурентов от управления портфелями ликвидных активов институциональных инвесторов. В последнее время компании по торговле ценными бумагами предпринимают усилия с целью вторжения в операции с индивидуальной клиентурой, пытаясь вырвать у банков часть аккумулированных на срочных и сберегательных счетах сбережений населения. В конкурентной борьбе они не избегают порой самых сомнительных методов.

На международной арене различные виды кредитных учреждений также ведут между собой конкурентную борьбу. Здесь главными конкурентами «городских банков» выступают банки долгосрочного кредита («Лонг терм кредит бэнк оф Джэпэн», «Индастриэл бэнк оф Джэпэн», «Ниппон кредит бэнк») и траст-банки. Они в меньшей степени зависят от операций с индивидуальной клиентурой и поэтому не содержат дорогостоящую сеть филиалов и служащих, занятых сбором сбережений населения («гайкоин»). В то же время они выступают в качестве оптовых инвестиционных банков, располагают высококвалифицированным персоналом и значительную часть своих операционных доходов получают за счет комиссионных (например, у «Сумитомо траст» этим путем образуется до 50 % прибыли). Более современные

[7] In: «Bank of England Quarterly Bulletin», September 1985.

[8] К марту 1984 г. аккумулированные пенсионными фондами средства составили 14 трлн. иен; ожидается, что к 1990 г. они превысят 60 трлн. иен. — In: «Economist», December 8, 1984, p. 18.

методы деятельности указанных кредитных учреждений дают им значительные преимущества при развертывании операций внутри страны и за границей, которые становятся особенно заметными в условиях либерализации.

В результате всего этого назрели объективные условия, потребовавшие пересмотра политики японского правительства в отношении регулирования операций кредитных институтов внутри страны и за границей. Со второй половины 70-х годов оно приняло ряд мер по либерализации кредитной системы и допущению использования иены в международных операциях. Среди наиболее значительных шагов в этом направлении можно отметить следующие.

В 1979 г. Банк Японии прекратил фиксацию процентных ставок на рынке межбанковских депозитов и коммерческих векселей, а также разрешил банкам выпускать депозитные сертификаты в иенах, по которым ставки колеблются относительно свободно. Свободные колебания ставок имеют место и на так называемом рынке «гэнсаки», где производятся краткосрочные операции с ценными бумагами казначейства в виде покупок и продаж на определенный срок (то есть с обязательством осуществления обратной операции при заключении сделки покупки или продажи). Рынок «гэнсаки» сформировался ко второй половине 70-х годов. Нерезидентам было разрешено как покупать депозитные сертификаты, так и участвовать на рынке «гэнсаки». Банкам было разрешено предоставлять краткосрочные кредиты в иностранной валюте нефинансовым компаниям.

В декабре 1980 г. был пересмотрен Закон о валютном контроле и внешней торговле. Центральным принципом нового закона стала полная свобода проведения финансовых операций по обслуживанию всего комплекса внешнеэкономических связей, за исключением некоторых ограничений на случай «особых обстоятельств». Однако, как и некоторые принятые ранее нормы, многие положения закона оставались, по сути дела, на бумаге, поскольку практическое их использование было сопряжено со сложными бюрократическими процедурами.

Внешне идя на уступки иностранным правительствам и внутренним кругам, заинтересованным в либерализации и интернационализации финансовой деятельности, японское правительство в то же время опасалось выпустить эти процессы из-под своего контроля. В определенной мере эти опасения оправданны, поскольку в условиях слабо контролируемого «дерегулирования» кредитной системы, наблюдающегося в США в 70—80-е годы, имел место ряд негативных явлений в виде крахов банков, бурного роста размаха спекулятивных операций на рынке ценных бумаг, который во все меньшей степени обслуживает реальные потребности экономики.

Для того чтобы получить более отчетливое представление о процессе либерализации кредитной системы и интернационализации иены в самое последнее время, остановимся кратко на состоянии кредитной системы страны и международной роли ее валюты накануне 1983 г.

В результате ослабления правительственного регулирования процентных ставок в Японии сложилась их двойственная структура. С одной стороны, ряд ставок изменяется под действием колебаний спроса и предложения на рынке ссудных капиталов (например, ставки по межбанковским депозитам, на рынке «гэнсаки», по государственным облигациям на вторичном рынке); с другой — ряд важных процентных ставок по-прежнему фиксируется государством (например, ставки по сберегательным депозитам, по кредитам коммерческих банков, на первичном рынке государственных облигаций, а также ставки по облигациям и кредитам банков долгосрочного кредита).

Несмотря на наличие целого ряда разновидностей портфельных инвестиций, предлагающих владельцам ценных бумаг доход на уровне

рыночного, не только индивидуальные владельцы сбережений, но и мелкие и средние компании практически не могли их приобретать, поскольку лимитировалась минимальная сумма такой покупки (хотя доля таких средств в финансовых активах компаний выросла с 8,1 % в 1970—1974 гг. до 54,1 % в 1980—1983 гг.) [9]. Несмотря на снижение доли депозитов в коммерческих банках, эта форма размещения средств оставалась доминирующей как для индивидуальных, так и для институциональных инвесторов. Доля средств, размещенных в почтово-сберегательной системе (аккумулированные средства она направляет на покупку государственных облигаций), с конца 70-х годов держится на стабильном уровне, превышающем 20 %.

По-прежнему частные кредитные институты уделяли незначительное внимание кредитованию потребителей (в конце 1982 г. сумма предоставленных ими потребительских кредитов составляла около 1 % суммы расходов домашних хозяйств по сравнению с 8 % в США). Эту «брешь» заполняют компании потребительского кредита («саракин»), большинство которых является, по существу, ростовщиками (до последнего времени разрешенный максимальный уровень процентов по таким «потребительским» кредитам был равен 109,5 %) [10].

Самые значительные перемены произошли в сфере, которая охватывает операции с правительственными ценными бумагами (иначе рынок просто не смог бы проглотить их неуклонно увеличивающиеся количества). В частности, после того как кредитным учреждениям было разрешено покупать и продавать клиентуре государственные облигации, компании по торговле ценными бумагами организовали специальные инвестиционные фонды, позволявшие их клиентам вкладывать средства в покупку кратко- и долгосрочных правительственных ценных бумаг. Несколько позже аналогичные инвестиционные счета были открыты и в коммерческих банках.

Международное функционирование иены в 80-х годах характеризовалось следующими показателями. Доля ее в расчетах по экспорту Японии повысилась от 17,5 % в 1976 г. до 43,5 % в 1983 г., в расчетах по импорту — соответственно с 0,9 до 3,0 %. В 1984 г. доля депозитов в иенах на международном денежном рынке составляла 1,7 % общей суммы депозитов (при этом доля долларов была 81,3, западногерманских марок — 9,0 %). Среди облигационных займов на международном рынке на иену пришлось 1,5 % (на доллар — 80,0, западногерманскую марку — 5,8 %). Значительно больше удельный вес японской иены в облигационных займах, размещаемых не на международном, а на национальных рынках ссудных капиталов других стран. Он составил 16,6 % (доля доллара при этом была 19,6 %, швейцарского франка — 45, западногерманской марки — 8 %) [11].

С 1980 по 1982 г. довольно резко возросли иностранные инвестиции в Японии. В частности, принадлежащие зарубежным инвесторам депозиты в японских банках увеличились за этот период с 4 млрд. до 14,0 млрд. долл.[12] Несмотря на то что в 1980 г. было отменено регулирование, запрещающее продажу иностранцам более 25 % пакета акций японских компаний, покупки акций и облигаций японских компаний зарубежными агентами остаются на низком уровне (в 1983 г. сумма иностранных прямых инвестиций была менее 0,5 млрд. долл.). Японские власти сдерживали также развитие деятельности иностранных

[9] In: «World Financial Markets», June 1984, p. 6.
[10] In: «Economist», December 8, 1984, p. 13.
[11] In: «World Financial Markets», December 1985, p. 16.
[12] In: «Tokyo Financial Review», July 1985, p. 5.

банков в Японии. Им был установлен «потолок» по операциям, не позволявший иностранным банкам покрывать свои вложения в Японии за счет привлечения иностранной валюты от головных контор.

Ограничение деятельности иностранных банков в Японии особенно заметно на фоне бурной экспансии японских банков за границей. Так, с 1979 по 1983 г. активы отделений японских банков за границей выросли от 16,9 трлн. до 53,7 трлн. иен, то есть росли примерно на 48 % в год, в то время как активы иностранных банков в Японии увеличились с 6,6 трлн. до 10,3 трлн. иен.

Особенно болезненно японское правительство относилось к более свободному использованию иены на международном валютном и кредитных рынках, не подпадающему под контроль японских властей. В частности, оно запретило выпуск депозитных сертификатов в иенах на европейском рынке. Более терпимым было отношение властей к размещению зарубежными учреждениями облигационных займов на рынке ссудных капиталов Японии (так называемые облигации «самурай»). В конце 1980 г. к выпуску этих облигаций было допущено около 80 учреждений, в том числе ряд международных финансовых организаций, иностранные правительства, некоторые ТНК и др. Выпуск облигаций в иенах вне рынка Токио до последнего времени был строго запрещен.

Среди распространенных форм приобретения японскими учреждениями финансовых активов в иностранной валюте до последнего времени особое место занимали инвалютные кредиты японских банков нефинансовым корпорациям (с 1980 г. эти кредиты, именуемые «импакт лоунз», могли быть не только краткосрочными, но и долгосрочными), краткосрочные кредиты и депозиты на долларовом рынке внутри Японии.

После пересмотра Закона о валютном контроле значительное место в финансировании зарубежной экспансии японских ТНК стали играть облигационные займы, размещаемые ими на рынках капиталов других стран, прежде всего Швейцарии. Правительство собиралось предоставить такое право государственным агентствам, однако окончательное решение о выпуске этих облигаций (так называемых облигаций Накасонэ) еще не принято.

Ускорение процесса интернационализации иены и либерализации кредитной системы Японии в 1984 г.

Бурная внешнеэкономическая экспансия Японии, прежде всего на рынках США, вызвала усиление противоречий между государственно-монополистическими кругами обеих стран. Правительство США стало оказывать все возрастающее давление на Японию, вынуждая ее открыть внутренний рынок и увязывая либерализацию торгово-экономического режима с допуском японских товаров на американский рынок. Если в сфере внешней торговли правящие круги Японии пошли навстречу требованиям конкурентов, сократив и сняв квоты по довольно широкой номенклатуре товаров, а также существенно снизив таможенные тарифы, то валютно-финансовая сфера по-прежнему оставалась изолированной от иностранной экспансии.

В начале 80-х годов существенно усилилось давление со стороны США на Японию в направлении либерализации кредитной системы страны и повышения международной роли иены. Это было связано с тем, что повышение курса доллара, вызванное денежно-кредитной и финансовой политикой администрации Рейгана, отрицательно сказалось на конкурентоспособности американского экспорта и, напротив, повысило конкурентоспособность японских товаров как на рынке США,

так и на рынках третьих стран. Представители американской администрации утверждали, что курс иены «занижен» вследствие ограниченного доступа иностранных капиталов на японский кредитный рынок и поддержания искусственно заниженного уровня процентных ставок. США обвиняли Японию в нежелании принять на себя ответственность в валютной сфере, соответствующую ее статусу как второго по уровню развития империалистического государства.

Администрация США в данном случае сделала определенный жест в сторону группы корпораций, ориентированных на экспорт, которые понесли особенно ощутимые потери вследствие денежно-кредитной и валютной политики Рейгана. Значительную роль здесь сыграли и финансовые круги США. Последние надеялись на то, что, обладая «сравнительными преимуществами» перед Японией в валютно-кредитной сфере, они смогут вторгнуться на весьма перспективный японский кредитный рынок. Более широкое использование иены в международном обороте также сулило им расширение сфер деятельности и дополнительные прибыли. Япония выступила с контраргументами. Суть их выразил, в частности, японский экономист С. Утикоми, который писал: «Используя свои мощные финансовые ресурсы, источником которых являются внутренние сбережения, для того чтобы снабжать остальной мир капиталами по низкой процентной ставке, Япония тем самым способствует росту инвестиций и производства в других странах».

Тем не менее администрация США подкрепляла свои требования вполне реальными угрозами закрыть для Японии жизненно важные рынки сбыта. Поэтому правительство Накасонэ пошло на уступки. Во время визита в Японию Рейгана в ноябре 1983 г. обе стороны согласились предпринять согласованные действия, направленные на укрепление кредитной системы Японии и повышение международной роли иены. Была создана совместная американо-японская рабочая группа, завершившая свою работу в мае 1984 г. Доклад этой группы содержал рекомендации об изменениях в регулировании внутреннего рынка капиталов и международного использования иены с указанием конкретных сроков осуществления отдельных мероприятий.

Одним из важных шагов, предпринятых Японией во исполнение принятых обязательств, явилась отмена с 1 апреля 1984 г. действовавшего ранее принципа «реальной потребности» для совершения валютных операций. Теперь для осуществления срочной валютной сделки вовсе не обязательно представлять экспортно-импортный контракт или документы, подтверждающие факт выпуска, покупки или продажи облигаций и т. п. Отмена принципа «реальной потребности» открывает возможность для проведения краткосрочных, в том числе спекулятивных, валютных операций.

С 1 апреля 1984 г. японские компании получили возможность выпускать иеновые облигации на европейском валютном рынке. В конце 1984 г. министерство финансов Японии согласилось отменить налог на доходы по таким облигациям, составлявший 20 %, что, по-видимому, значительно активизирует эмиссионную деятельность компаний.

Важным шагом японских властей явилось разрешение японским и иностранным компаниям выпускать необеспеченные облигации. Закон, разрешавший выпуск и размещение облигационных займов только при условии предоставления компанией обеспечения, аналогичного обеспечению при получении банковского кредита, действовал в Японии с 1933 г. Однако при эмиссии иностранными учреждениями облигаций «самурай», а также при выпуске облигаций японскими компаниями на внутреннем и иностранных рынках капиталов это требование часто нарушалось. В настоящее время японские корпорации довольно широко прибегают к эмиссии так называемых конвертируемых облигаций, то есть облигаций, которые при определенных условиях могут

быть обменены на акции соответствующей компании. Развитие системы необеспеченных облигационных займов способствовало увеличению риска и потребовало от компаний, осуществляющих операции с ценными бумагами, более внимательного изучения финансового состояния компаний-эмитентов и, вероятно, изменит психологию японских инвесторов в направлении приспособления к большей «самостоятельности» и «ответственности» (тем более что компании, торгующие ценными бумагами, нередко просто надували их).

С 1 апреля 1984 г. отменено действовавшее ранее запрещение на покупку японскими инвесторами иностранных коммерческих векселей и депозитных сертификатов. С апреля по октябрь 1984 г. объем покупок иностранных депозитных сертификатов почти утроился, хотя абсолютные суммы экспорта краткосрочных капиталов по этому каналу небольшие (чуть более 3 млрд. долл.).

Важное значение имела отмена с 1 июня 1984 г. лимита для банков в области конверсии иностранных валют в иены. Это означало, что банки могли конвертировать в иены любое количество иностранной валюты, и открыло дорогу для возврата в страну иен, используемых на европейском рынке. Поскольку в этих условиях банки могли заниматься посредничеством между международным и внутренним денежным рынками, усилилась зависимость между процентными ставками в Японии и за границей. Кроме того, отмена указанного лимита увеличила возможности для активизации иностранных банков в Японии, поскольку для расширения кредитных операций они могут в неограниченных количествах привлекать средства своих заграничных головных учреждений. С 1 июня прекратило также действовать запрещение предоставлять японским фирмам краткосрочные кредиты в иенах на международном рынке (до этого министерство финансов разрешало получение кредитов в долларах и марках ФРГ).

Важный «пакет» мероприятий вступил в силу начиная с 1 декабря 1984 г.; среди них: разрешение выпускать на международном рынке иеновые облигации иностранным частным компаниям, иностранным правительствам и местным органам власти, разрешение на выпуск депозитных сертификатов в иенах и др.

Помимо указанных выше шагов, правительство Японии разрешило иностранным юридическим лицам приобретать недвижимость, допустило несколько иностранных банков к операциям с государственными облигациями, ослабило правила, регулирующие выпуск облигаций «самурай».

До последнего времени многие меры по либерализации были фактически блокированы из-за нежелания Японии отменить 20 %-ный налог на доход, получаемый на европейском рынке владельцами иеновых облигаций, поскольку этот налог делал такие облигации практически неконкурентоспособными по сравнению с облигациями в других валютах. Министерство финансов утверждало, что отмена этого налога «подорвет единство налоговой системы Японии». В начале 1985 г. правительство Японии пошло на уступки США, согласившись отменить указанный налог в обмен на отказ США от требований об отмене Японией налога на доходы, получаемые иностранными держателями выпущенных внутри страны облигаций.

Несмотря на то что описанные выше действия выглядят довольно радикальными шагами в сторону либерализации кредитной системы страны и интернационализации ее валюты, на практике власти стараются всячески оттянуть осуществление таких мероприятий, которые превратят Токио в международный финансовый центр, подверженный превратностям капиталистической валютной системы, и привнесут в экономику страны дестабилизирующий фактор. В правительственных ведомствах идет борьба между «либералами» и «консерваторами»,

представляющими разные круги монополистического капитала страны, на которых либерализация оказывает противоположное воздействие.

Наиболее болезненными и трудными для решения являются вопросы об открытии в Токио рынка банковских акцептов в иенах и составе его участников и о допущении иностранных банков к участию в управлении пенсионными фондами корпораций — одной из наиболее перспективных сфер финансового бизнеса. Отложен «в долгий ящик» вопрос о процентных ставках по банковским депозитам (решение его отложено до 1986—1989 гг.).

Возможные последствия либерализации кредитной системы и интернационализации иены для японской экономики

Возможные последствия данных процессов для японской экономики могут проявиться в сдвигах в функционировании кредитной системы страны, в том числе в механизмах формирования сбережений и накоплений, а также финансирования капиталовложений, в динамике курса иены и движении процентных ставок, наконец, в усилении воздействия внешних факторов на состояние внутренней экономики в целом, что потребует пересмотра сложившихся методов государственно-монополистического регулирования. Отмена ограничений на конверсию иностранных валют в иены, более свободное перемещение японской валюты между внутренним и международным финансовыми рынками в сочетании с увеличением видов кредитных инструментов, обслуживающих их оборот, должны вызвать значительное усиление потоков кратко- и долгосрочных капиталов между Японией и остальным миром.

В этих условиях возрастет конкуренция между японскими и иностранными банками, а также между самими японскими банками в поисках более выгодного размещения средств, возможности мобилизации которых значительно возросли благодаря появлению новых факторов (депозитных сертификатов, отмене лимитов на конверсию иностранных валют в иены и др.). По-видимому, банки в более широких масштабах будут предоставлять кредиты с менее жесткими требованиями, предъявляемыми к их обеспечению, что должно повысить кредитные риски и поставить вопрос о методах их покрытия. Конкуренция между кредитными учреждениями вырастет и из-за более свободного доступа корпораций к альтернативным источникам финансирования, в том числе иностранным.

Погоня разных групп кредитных учреждений за клиентурой, обострение конкуренции между ними должны привести к постепенному «размыванию» сложившейся структуры кредитной системы Японии, сближению функций и характера деятельности учреждений разных типов.

Более тесная интеграция внутренних денежного и кредитного рынков Японии с международными рынками будет способствовать возрастанию роли внешних факторов в формировании уровня процентных ставок в Японии.

Вызванные либерализацией сдвиги на денежном рынке и рынке ссудных капиталов заставят Банк Японии пересмотреть используемые им методы денежно-кредитного регулирования. В условиях развития денежного рынка и появления новых форм обращающихся на нем средств, диверсификации операций банков по мобилизации средств, активного перелива их между различными секторами денежного рынка такие традиционные инструменты денежно-кредитной политики, как операции на межбанковском рынке и административные ограничения на использование кредитов Банка Японии, утратят свою эффективность.

Это заставит Центральный банк изыскивать возможности оказывать большее влияние на состояние денежного рынка и ликвидные средства банков, более эффективно влиять на динамику уровня процентных ставок. Особые надежды в этой связи возлагаются на более широкое развитие операций на открытом рынке. Переход к этой технике потребует массового выпуска краткосрочных правительственных ценных бумаг наподобие казначейских векселей в США, чему в настоящее время противится министерство финансов, поскольку подобный шаг усложнит управление государственным долгом.

Постепенная отмена ограничений на использование иены в международном обороте, по-видимому, повысит ее долю в официальных валютных резервах центральных банков иностранных государств. Этому может способствовать и увеличение выпуска краткосрочных правительственных ценных бумаг, в которые иностранные центральные банки могли бы вкладывать свои средства.

Несомненно, что валютный фактор в результате либерализации будет в большей степени влиять на внешнеэкономические связи Японии, хотя степень этого влияния можно оценить лишь после того, как возникающая новая система начнет более или менее нормально функционировать. Очевидно, также, что более тесное включение Японии в мировую капиталистическую валютную систему способствует повышению ее нестабильности в целом, возникновению новых противоречий между центрами сил современного империализма.

Пути решения продовольственной проблемы в Кампучии

Д. В. МОСЯКОВ,
кандидат исторических наук

В начале года, когда собран очередной урожай риса, многочисленные дороги, сходящиеся к кампучийской столице, заполняются крестьянскими обозами. В каждой повозке, запряженной обычно парой буйволов, в каждом кузове грузовика лежат мешки с рисом нового урожая. Подобная картина стала уже привычной в Кампучии, и сейчас трудно представить себе оборванных, истощенных, голодных людей, которые в огромном количестве стекались по этим же дорогам к Пномпеню весной 1979 г. Только что был сброшен полпотовский режим геноцида, но над разрушенной страной нависла страшная угроза голода. Бóльшая часть продовольственных запасов страны была уничтожена во время бегства полпотовцев. Накануне вступления революционных сил в Пномпень по приказу Пол Пота были сожжены тысячи тонн риса, хранившиеся в одном из пригородов. Так же поступили полпотовцы и накануне освобождения революционными войсками города Баттамбанга — крупнейшего центра на западе Кампучии. В полную негодность были приведены ирригационные и мелиоративные системы: взорваны дамбы, разрушены каналы, уничтожены немногочисленные насосы, имевшиеся в стране. Оставшимся в живых крестьянам не хватало сельскохозяйственного инвентаря, тяглового скота, минеральных удобрений. Не было и посевного материала. Как отмечал в то время председатель Народно-революционного совета НРК Хенг Самрин: «Самое страшное преступление, совершенное полпотовцами, — это уничтожение более трех миллионов человек — основной производительной силы страны. Оставшиеся в живых доведены до полного истощения». Угроза нависла над самим существованием кхмерской нации.

Народно-революционный совет Кампучии принял ряд первоочередных мер, направленных на ликвидацию угрозы массового голода, на создание условий для возрождения сельскохозяйственного производства в стране. Было принято решение оставить крестьянам весь рис в тех местах, где его удалось посадить, а остальные районы снабжать из государственных запасов, формировавшихся на базе международной помощи, начавшей поступать в страну. Пномпеньский аэропорт Почентонг, порты Пномпеня и Кампонгсаома ежедневно принимали сотни тонн продовольствия, доставлявшегося в страну воздушным и морским путем. Бóльшая его часть поступала из Вьетнама, Советского Союза, других социалистических стран. Только в 1979 г. СССР предоставил Кампучии 112 тыс. т продовольствия, главным образом риса[1]. В 1980 г. объем советской помощи еще более возрос, а продовольственная помощь превысила 160 тыс. т[2]. Десятки тысяч тонн риса, различный сельскохозяйственный инвентарь были доставлены в Кампучию из Вьетнама. Кроме социалистических стран продовольствие в Кампучию поступало из фондов ряда международных организаций,

[1] См.: «Проблемы мира и социализма», 1980, № 10.
[2] См.: Юго-Восточная Азия — современное политическое развитие. М., 1984, с. 77.

действовавших под эгидой ООН. По линии ЮНИСЕФ, Международного комитета Красного Креста, Мировой продовольственной программы и ФАО было поставлено чуть больше 82 тыс. т, а по линии ОКСФАМ около 18 тыс. т продовольствия.

Эффективность международной помощи, благодаря которой десятки тысяч кампучийцев были спасены от голода и неминуемой смерти, во многом была связана с тем, что революционные власти сумели наладить четкий контроль за приемом и хранением поступавшего продовольствия, организовали его доставку в отдаленные, пораженные голодом районы страны. С призывом по-хозяйски использовать каждый килограмм риса обратился в то время к народу Народно-революционный совет Кампучии. Его уполномоченные вели постоянную работу по учету имевшегося риса. Благодаря этому органы революционной власти сумели не только обеспечить необходимым минимумом продовольствия население страны, но и сформировать посевной фонд, быстрое создание которого стало важнейшим фактором успешного проведения сельскохозяйственной кампании 1980 г., когда площадь обрабатываемых земель по сравнению с 1979 г. возросла чуть ли не вдвое, а урожай превысил 1500 тыс. т риса [3].

Параллельно в Кампучии разрабатывался перспективный план развития сельскохозяйственного производства, превращения сельского хозяйства республики в стабильно развивающуюся, эффективную, современную отрасль экономики. Как отмечала в конце 1979 г. газета «Кампучия», «план возрождения сельского хозяйства страны станет главным направлением в развитии этой важнейшей отрасли национальной экономики на предстоящее время» [4]. Он предусматривал осуществление ряда мер: создание на селе групп трудовой взаимопомощи, постепенную коллективизацию деревни, развитие механизации и химизации, расширение площадей обрабатываемых земель за счет введения в оборот ранее заброшенных полей, а также проведение широких ирригационных и мелиоративных работ. Ядром аграрной политики революционной власти стало создание групп трудовой взаимопомощи, которые быстро распространились по всей стране, превратившись в главную производительную силу в сельском хозяйстве НРК. Ныне их насчитывается более 100 тыс., а объединяют они 1300 тыс. крестьянских семей [5]. Выступая в январе 1984 г. перед работниками партийного и государственного аппарата НРК, товарищ Хенг Самрин отмечал: «Группы трудовой взаимопомощи с момента своего образования стали главной формой объединения крестьянского труда, превратив креетьян в подлинных хозяев земли, результатов своего труда. Этого не было ни при одном предшествующем режиме» [6].

В чем же причина популярности ГТВ среди кампучийских крестьян? Ведь в Кампучии традиционно господствовала семейная форма аграрной экономики, под влиянием которой складывались особенности трудовой деятельности и даже психологический тип поведения кампучийского крестьянства. Надо учитывать еще и то, что своими волюнтаристскими экономическими экспериментами полпотовцы глубоко дискредитировали саму идею коллективного труда. Однако тысячи семей уже в феврале-марте 1979 г. стали добровольно вступать в первые ГТВ, насчитывавшие в то время от 20 до 50 семей (в последующем эти группы были разукрупнены и в каждую стало входить от 10 до 15 семей). Причина состояла в том, что в своей основе ГТВ наиболее полно выражали социально-экономические потребности кхмерской де-

[3] См.: «Кампучия», № 73 (на кхмер. яз.).
[4] Там же, № 52.
[5] См. там же, № 228.
[6] См. там же, № 235.

ревни. Крестьяне были заинтересованы в создании организации, способной объединить их для совместного труда, ибо понимали, что отдельные семьи не смогут преодолеть разруху, оставленную полпотовцами, и что только на основе коллективного труда можно будет восстановить разрушенное. Огромное значение имело и то, что создаваемые ГТВ коренным образом отличались от полпотовских «коммун». Они органично соединяли в себе три основные формы собственности, существовавшие в стране. Земля оставалась собственностью государства, предоставленной во владение членам ГТВ. Объединенные орудия труда и объединенный урожай составляли кооперативную форму собственности. И наконец, подсобное хозяйство крестьян с приусадебным участком представляло личную собственность каждой крестьянской семьи.

В процессе развития ГТВ постепенно расслоились на три основные категории, существенно отличающиеся одна от другой по уровню обобществления и характеру землепользования в каждой из них. Группы первой категории (их число превышает 15 тыс.) располагаются главным образом в наиболее развитых центральных провинциях страны, а также в провинции Баттамбанг на западе Кампучии. Они представляют собой сельскохозяйственные кооперативы, в которых производство организуется на основе коллективного труда крестьян. Личные орудия труда и скот не обобществляются; однако во время проведения работ по посадке или уборке риса члены кооператива выделяют в общее владение свой личный скот и инвентарь, получая за это денежную компенсацию. В этих кооперативах имеется и общий фонд орудий труда, формирующийся главным образом за счет орудий, предоставленных государством.

Система оплаты труда в группах первой категории была установлена в августе 1980 г., когда вышло специальное постановление «О распределении доходов в группах трудовой взаимопомощи». В соответствии с ним оплата здесь осуществляется по труду. При ее выплате учитывается количество трудодней, а также вид и объем выполненных работ. Весь полученный группой урожай распределяется в целом следующим образом: часть зерна оставляют на семена; часть отдают за аренду тракторов или обменивают на промышленные товары для группы; часть идет в общественный фонд для последующего распределения в группе.

Группы второй категории (их насчитывается почти 50 тыс.) распространены практически по всей стране и составляют бóльшую часть имеющихся ГТВ. Они представляют собой начальную форму организации крестьянского труда. Объединяются крестьяне лишь при выполнении наиболее трудоемких видов земледельческих работ (обычно в период посадки и уборки риса). В остальном же крестьянин остается единоличным владельцем всех орудий труда, скота, каждая крестьянская семья самостоятельно обрабатывает выделенный ей участок. Распределением земли по семьям занимается комитет, ежегодно избираемый общим собранием группы. Общегрупповая организация не только организует совместный труд крестьян при выполнении земледельческих, ирригационных или дорожных работ, но и часто обладает общим материальным фондом. Создается этот фонд за счет взносов каждой крестьянской семьи, которая после сбора урожая часть риса сдает в группу. Этот фонд используется как для аренды тракторов, так и для выплаты вознаграждения тем крестьянам, которые выполняли какие-либо специальные работы в интересах всей группы. Иногда в этот общий фонд входят и некоторые орудия труда (главным образом те, которые предоставлены государством). Наличие и объем подобного фонда позволяет судить об уровне развития коллективистских процессов в отдельных группах второй категории. В некоторых груп-

пах этой категории, особенно в районе Пномпеня и центральных провинций, этот фонд достаточно велик и стабилен, и группы уже не мыслят существования без него. Во многих же местах в группах, причисленных ко второй категории, такого фонда еще нет. Связано это с низким уровнем развития производительных сил и товарно-денежных отношений, когда практически все крестьянское производство сосредоточено на удовлетворении потребностей отдельной семьи и когда связи с рынком и государственными организациями слабы. На состоявшейся в ноябре 1984 г. Всекампучийской конференции НРПК группы этой категории характеризовались как «переходная форма от личного ведения хозяйства к коллективному» [7].

Группы третьей категории (их более 35 тыс.) располагаются также по всей стране, но особенно в горных и труднодоступных районах. Как и в группах второй категории, земля здесь передается в пользование крестьянских семей. Что касается орудий труда, то они находятся постоянно в личном владении отдельных семей и ими только обмениваются во время производства различных работ. Самое важное отличие от двух других форм групп состоит в том, что урожай здесь принадлежит семье, которая сама ведет все расчеты с государством. Группы третьей категории характеризовались на партийной конференции как «фактически основанные на частном ведении хозяйства». Коллективное начало проявляется в группах этой категории только при решении вопросов организационно-административного и социально-культурного характера. Группа может предоставить крестьянину кредит на нужды производства, совместно распределяет минеральные удобрения и семена, полученные у государства. Кроме этого, в обязанности групп входит борьба с неграмотностью, охрана общественного порядка в деревне.

...После двух часов утомительной дороги мы приехали в деревню Киемро, расположенную в километрах тридцати от города Прейвенга — центра одноименной провинции. Сезон дождей только начался, и рисовые чеки, отделенные друг от друга высокими насыпями, были сухи. Лишь кое-где в малозаметных низинах скопилась влага, там уже начались работы по посадке риса нового урожая. Семь упряжек буйволов медленно, круг за кругом вспахивали влажную от прошедших дождей землю. «В этом году дожди немного запаздывают, — сказал руководитель ГТВ Бун Бо, — поэтому мы используем каждую возможность, чтобы ускорить подготовку земли к предстоящему севу. Наша группа, как и две другие существующие в Киемро, к нему уже полностью готовы. По сравнению с прошлым годом у нас увеличился семенной фонд, больше стало и сельскохозяйственных орудий. Сейчас в группе насчитывается 10 семей — всего 75 человек, которые обрабатывают 11 с лишним га земли. Семьи, где больше трудоспособных членов, получают и бóльшие наделы земли. Орудия труда находятся у нас в общем владении, однако тягловый скот не обобществлен и принадлежит отдельным семьям. Весь урожай риса, а в прошлом году мы собрали больше 19 т, делится у нас на три части: 6 т продается государству по установленным закупочным ценам, сюда же относится и одна тонна, выплачиваемая как плата за сельхозналог. Оставшиеся 12 т распределяются среди крестьянских семей в зависимости от числа членов в них. В целом рассчитывается так, чтобы на каждую семью пришлось около или чуть больше одной тонны риса. Кроме того, из оставшегося риса создается и общественный посевной фонд для нового урожая».

С первого взгляда было заметно, что в этой типичной кхмерской деревне широко развито и личное приусадебное хозяйство, которое не

[7] Документы всекампучийской конференции НРПК. Пномпень, 1984 (на кхмер. яз.).

только обеспечивает крестьянские семьи овощами, птицей и даже мясом, но и позволяет выходить с излишками продукции на импровизированный рынок, расположенный прямо вдоль дороги. «В 1979 г. на этом месте было пепелище и только благодаря совместному труду мы смогли восстановить наши поля, отстроить деревню», — сказал Бун Бо.

ГТВ, подобные этой, разбросаны по всей стране. Они быстро укрепляются, выполняя ныне не только хозяйственные функции по развитию сельскохозяйственного производства, но и важные социальные и политические задачи.

Как отмечалось на VII пленуме ЦК НРПК, состоявшемся в конце 1983 г., «ГТВ являются решающей силой в развитии производства сельскохозяйственной продукции, играют важную роль в строительстве новой жизни на селе, в поддержке органов государственной власти, обеспечении безопасности на местах»[8]. ГТВ постепенно превращаются в политическую организацию кампучийского крестьянства, призванную обеспечивать проведение в жизнь решений НРПК и правительства НРК, мобилизовывать крестьян на борьбу против вылазок полпотовцев, других контрреволюционных сил, на укрепление безопасности в стране, на поддержку подлинно революционных сил в сельской местности. Наряду с этим ГТВ продолжают выполнять и важную социальную роль: именно они практически полностью содержат значительную часть из 200 тыс. сирот, родителей которых замучили полпотовцы, а также инвалидов войны и семьи, потерявшие кормильцев.

В последнее время среди ГТВ наметилась тенденция к созданию многопрофильной экономики, к развитию наряду с рисоводством ряда вспомогательных отраслей. В ГТВ, расположенных в центре страны и в районах, примыкающих к озеру Тонлесап, быстрыми темпами развивается прудовое рыбоводство. Только в 1984 г. в стране создано более 600 новых водоемов для разведения пресноводной рыбы. Другое направление развития — совершенствование кустарных промыслов. Текущий ремонт и производство сельскохозяйственного инвентаря, ряда предметов широкого потребления начинают приобретать весомую роль в экономике многих ГТВ. Подобная диверсификация производства в ГТВ поддерживается НРПК и кампучийским государством. На VII Пленуме ЦК НРПК отмечалось, что «ГТВ должны развивать традиционное кустарное производство, что способствует удовлетворению потребностей народа в предметах первой необходимости»[9].

Конечно, становление и совершенствование системы ГТВ не обходится без определенных трудностей. Связаны они в первую очередь с низким уровнем развития сельского хозяйства Кампучии, с тяжелым наследием полпотовского режима, с непрекращающимися происками внешних врагов. НРПК отмечала, что «управленческие кадры имеют большей частью низкий культурный уровень, им недостает опыта управления и поэтому им трудно руководить развитием сельскохозяйственного производства. Некоторые крестьяне еще не до конца поняли коренное отличие ГТВ от «коммун» демократической Кампучии, не сознают еще, что главная цель ГТВ — повышение уровня жизни народа. Большим препятствием является и сохраняющийся низкий уровень развития производительных сил. Часто у крестьян нет простых и необходимых орудий труда, а государственные органы не всегда обеспечивают их всем необходимым»[10]. «Определенные трудности, с которыми сталкиваются сегодня ГТВ, преодолимы, — писала газета «Кампучия». — Решение существующих проблем откроет перед ГТВ новые горизонты развития»[11].

[8] «Кампучия», № 228.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же, № 235.

ЦК НРПК и правительство республики рассматривают ГТВ как главную основу поступательного движения всего сельского хозяйства республики. На партийной конференции в ноябре 1984 г. отмечалось, что «ГТВ активно участвуют в подъеме экономики страны. За шесть лет они на 75 % увеличили площадь обрабатываемых земель, на 66 % — поголовье крупного рогатого скота, ликвидировали проблему голода в Кампучии». В опубликованном кампучийской печатью «Плане ЦК НРПК по выполнению решений VII пленума» подчеркивалось, что «ГТВ должны идти по пути, выработанному партией. Основным критерием их развития должно стать соответствие целям и задачам революции, интересам всех землевладельцев» [12]. В плане ЦК НРПК предусматривается, что совершенствование системы ГТВ пойдет по пути укрепления коллективистских основ в них и что существующие ныне три различные категории групп сольются в одну, единую для всей страны группу. «Необходимо всячески развивать и укреплять ГТВ первой категории, — отмечается в этом документе, — постепенно расширять их права по руководству и управлению производством, совершенствовать их материально-техническую базу. Группы второй категории в настоящее время соответствуют уровню развития хозяйства, интересам и целям большинства крестьян. Работу их членов необходимо направить на увеличение производства, тщательно ее контролировать, особенно процесс распределения урожая. В группах этой категории надо развивать привычку к совместному труду, ослаблять частнособственнические интересы. Важная задача состоит в подъеме уровня руководства в этих группах. Что касается групп третьей категории, то они постепенно, по мере укрепления их материально-технической базы будут преобразованы в группы второй категории. Таким путем на основе поступательного развития сельскохозяйственного производства в стране будет создана единая для всей Кампучии форма ГТВ» [13].

Наряду с развитием социально-экономической базы ГТВ предусматривается и активизация политической работы на селе. «Эту работу, — отмечается в документе, — надо построить так, чтобы крестьяне поняли, что только на основе коллективизма можно добиться увеличения производства. Каждый член ГТВ должен принимать активное участие в борьбе с врагами, в защите государственного и кооперативного имущества. Каждая ГТВ должна стать основой для укрепления государственной власти в стране, строительства партии на селе, расширения влияния подлинно революционных сил. При выполнении всех этих условий ГТВ смогут в полной мере выполнять две главные задачи нашей революции: всемерно развивать сельскохозяйственное производство, надежно защищать завоевания народной власти» [14].

Увеличению сельскохозяйственного производства способствовала и налоговая политика кампучийского государства. В первые, самые трудные годы, пока сельское хозяйство республики не оправилось от разрухи, оставленной полпотовцами, сельскохозяйственный налог вообще не взимался. Его ввели лишь в 1982 г., когда хозяйственная разруха была в основном ликвидирована. «Цель введения сельскохозяйственного налога, — сказал в беседе с автором заместитель министра сельского хозяйства НРК Син Нинни, — состояла не только в том, чтобы увеличить материальные возможности государства, создать государственные запасы зерна, но и в том, чтобы ускорить развитие сельского хозяйства, активизировать трудовую деятельность крестьян, увеличить эффективность и отдачу от их работы. Ведь установленный

[12] «Кампучия», № 237.
[13] Там же.
[14] Там же.

налог с одного гектара земли стабилен. Так что крестьяне прямо заинтересованы в повышении продуктивности каждого гектара. Мы рассматриваем сельхозналог как важный рычаг в развитии производства на селе».

Для того чтобы добиться равенства между всеми ГТВ при взимании сельхозналога, страна делится теперь на три основные зоны. К первой зоне, где урожайность достигает или превышает 1 т риса с га, относятся затапливаемые земли вокруг озера Тонлесап, а также наиболее плодородные участки провинций Кандаль, Прейвенг, Свайриенг, Баттамбанг, Кампонгтхом и Сиемреап. Ко второй зоне, где урожайность не превышает в целом 0,8 т с га, относятся земли приморских провинций Кампот, Кахконг, а также менее плодородные участки центральных провинций. К третьей зоне, где урожайность 0,6 т риса с га, относятся в основном горные провинции Ратанакири, Мондолькири, Преахвихие, Стынгтраенг.

«Хотя подобная система и устанавливает определенное равенство между ГТВ различных районов, она еще достаточно несовершенна, приблизительна и требует дальнейших уточнений, — отмечалось в газете «Пномпень». — Поэтому наиболее плодородные земли первой зоны делятся еще на три категории, сельхозналог с которых различен. Но и такое положение полностью нас удовлетворить не может. Поэтому, чтобы достичь большей справедливости, во многих районах сами государственные органы должны в зависимости от состояния и качества земли, находящейся в распоряжении той или иной группы трудовой взаимопомощи или отдельной семьи определять и устанавливать величину налога» [15].

Особое значение при сборе налога имеет то, что государство собирает одинаковый налог как с крестьян-единоличников, так и с тех, кто входит в ГТВ. «Мы не можем позволить, — писала газета «Пномпень», — чтобы крестьяне вступали в ГТВ только из-за материальной выгоды. Членство в ГТВ само по себе не дает и никогда не будет давать преимуществ перед единоличниками» [16]. О высокой эффективности сельхозналога свидетельствует повышение урожайности. Так, с 1982 по 1984 г. средняя урожайность в пригородах Пномпеня возросла почти на 0,5 т с гектара и составляет ныне 1,86 т риса с га. Отдача с каждого гектара (правда, более медленными темпами) растет и по всей стране.

Химизация, механизация, проведение правильной агротехники также играют важную роль в подъеме сельскохозяйственного производства. С каждым годом возрастает объем органических удобрений, вносимых на га пашни, приближаясь к 10 т — уровню наиболее развитых государств Юго-Восточной Азии. Что касается минеральных удобрений, то ощущается их нехватка. В сезон дождей 1983 г., например, страна располагала лишь 25 тыс. т удобрений. Для того чтобы они дали максимальный эффект, минеральные удобрения применяются выборочно на наиболее плодородных землях, где их воздействие особенно ощутимо. Под Пномпенем, например, где на некоторых участках вносили до 100 кг минеральных удобрений на га пашни, уже добились урожаев риса, превышающих 25 ц с га — значительный в кампучийских условиях урожай. Подобные результаты — свидетельство больших резервов увеличения продуктивности в сельском хозяйстве НРК.

Процесс механизации благодаря помощи Советского Союза, других социалистических стран также постепенно развивается в НРК. Увеличивается тракторный парк республики, представленный главным

[15] «Пномпень», № 151—153.
[16] Там же, № 152.

образом советскими тракторами «Беларусь» и «ДТ-75». Эти трактора и запасные части к ним начали поступать в Кампучию сразу после освобождения страны и ныне их можно встретить в любой провинции. Только в 1982 г. из СССР в НРК было поставлено более 220 машин, с помощью которых обработаны тысячи га пашни. В 1984 г. тракторами было обработано около 70 тыс. га. Прибывающие в Кампучию машины используются массированно, путем образования передвижных тракторных бригад, направляемых в период посевной из центра в провинции. Каждая бригада включает от 5 до 15 машин. Действует она по договорам, заключаемым с ГТВ.

С работой одной из таких передвижных тракторных бригад автору довелось познакомиться в небольшом городке Кампонгтрабаеке, расположенном почти в 100 км к юго-востоку от Пномпеня.

...К Кампонгтрабаеку мы подъехали вечером, совершив почти четырехчасовое путешествие по узким, идущим по гребню высоких дамб дорогам. Сразу заметили, как изменился окружавший нас ландшафт. Кончились маленькие, подчас просто миниатюрные рисовые чеки, где трудно пройти даже упряжке буйволов. Вдоль дороги потянулись просторные, многогектарные поля, тщательно подготовленные для посадки риса. В Кампонгтрабаеке мне рассказали, что здесь базируется несколько передвижных ремонтных бригад, действует небольшая ремонтная мастерская. «Всего у нас 18 тракторов и все советского производства: 12 машин «Беларусь» и 6 — «ДТ-75». С их помощью мы сможем обработать более 5 тыс. га, — сказал У Витхи, начальник тракторного парка Кампонгтрабаека. — Эффект от использования этих машин огромен. Ведь гектар земли на буйволах крестьяне обрабатывают 5 дней, а тракторами мы его вспахиваем за два часа».

Действительно, использование тракторов ведет к подлинной революции в сельском хозяйстве республики. Однако прежде чем тракторы возьмут на себя основную нагрузку при проведении сельскохозяйственных работ, предстоит решить еще много проблем. Здесь и нехватка топлива и подготовленных механизаторов, и необходимость расширения традиционных в Кампучии крохотных чеков, на которых широкое применение тракторов пока невозможно, и укрепление материальной базы ГТВ.

Широкая ирригация и мелиорация, введение в сельскохозяйственный оборот новых земель — еще один резерв развития сельского хозяйства республики. Ведь за годы полпотовского правления десятки тысяч гектаров некогда обрабатывавшейся земли пришли в полное запустение, они заросли низкорослым кустарником, ирригационные каналы полностью заилились, плотины полуразрушены, поля затоплены водой. Чтобы вернуть плодородие этим местам, требовалось провести значительные работы, выделить большие денежные средства. И это надо было сделать по всей стране, на всех 120 тыс. га заброшенных земель.

«Введение в оборот заброшенных земель — важная задача нашей аграрной политики, — писала газета «Кампучия». — Это позволит постоянно наращивать объем сельскохозяйственного производства, возродит к жизни целые районы. Государство должно оказывать постоянную помощь в проведении ирригационных работ, а финансовые органы — предоставлять кредиты для их осуществления» [17].

Главной силой ирригационных работ стали ГТВ, которых государство заинтересовало в расширении угодий. Ведь урожай с вновь осваиваемых земель поступает либо отдельным семьям, либо в общественный фонд ГТВ, не облагаясь сельхозналогом. Таким путем, а также специальными кредитами государство дало импульс для быстрого

[17] «Кампучия», № 253.

расширения посевного клина. Ныне ирригационное строительство развернулось по всей стране. В 1983 г. завершились работы на первой очереди (11,5 км) 23-километровой дамбы в провинции Кампонгчам. Благодаря этому в оборот было введено более 6 тыс. га. В 1984 г. в провинции Прейвенг была введена в строй 2-километровая плотина Компонсан и насосная станция. В результате дополнительно были обводнены более 2 тыс. га. В 1983—1984 гг. были заполнены крупные водохранилища Бын Преу и Ноиг Коем в провинциях Кохконг и Такео, а также более мелкие плотины в провинциях Сиемреап, Баттамбанг и Пурсат. Благодаря активному ирригационному строительству из года в год растет площадь земель, занятых под рис в сухой сезон. Как отмечала газета «Кампучия», с 1979 г. в стране построено более тысячи ирригационных сооружений, с помощью которых уже орошается 55 тыс. га в сухой и 150 тыс. га в сезон дождей [18].

В провинции Кампонгспы автору довелось побывать на строительстве новой дамбы.

...Длинная, протяженностью почти 200 м плотина была практически готова. Десятки крестьян из окрестных селений работали уже на самом гребне. Они, выстроившись длинной цепочкой, передавали друг другу круглые тростниковые корзины, доверху заполненные землей. «Да, пока еще нам остро не хватает современной техники для строительства, — сказал встретивший нас на самой вершине новой дамбы инженер Сон Пут. — Поэтому приходится мобилизовывать сотни крестьян для проведения ирригационного строительства. Многие из них сами приходят к нам, предлагают помощь, так как отлично понимают значение этой плотины для всего района. К тому же и государство оказало существенную помощь, выделив специальные ссуды для строительства плотины. Благодаря ей можно будет оросить почти 800 га новых земель, с которых будут собирать по 2 урожая в год».

Государственные кредиты на ирригационное строительство стали ныне важным каналом финансирования землеустроительных работ по всей стране. Эффект этих мер хорошо виден: за 1982—1984 гг. около 100 тыс. га новых земель были введены в сельскохозяйственный оборот [19].

Кредиты на ирригационные работы — лишь одна из форм помощи, которую оказывает государство крестьянам. До сих пор крестьяне многих слаборазвитых и горных районов снабжаются орудиями труда из государственных фондов, а многим ГТВ в центральных районах страны по льготным ценам предоставляется дизельное топливо для насосных станций. Государственные органы помогают крестьянам в селекционной работе, поставляют новые, высокоэффективные сорта риса взамен старых, традиционных. Все эти меры укрепляют доверие крестьян к народной власти, усиливают позиции революции на селе.

Успехи, достигнутые республикой в развитии рисоводства, дали возможность расширять площади под дополнительными культурами: кукурузой, бобовыми, маисом, маниокой, бататом, а также хлопком, джутом, кунжутом и др., играющими важную роль как в обеспечении населения продовольствием, так и в снабжении сырьем предприятий промышленности. Возрождать посевы этих культур пришлось заново, так как полпотовцы, делавшие ставку на «тотальное рисоводство», за время своего правления их полностью уничтожили, отводя земли только под рис. Результат этой политики оказался катастрофическим: дополнительные культуры были уничтожены, да и рис на их месте давал мизерные урожаи.

---

[18] См.: «Кампучия», № 286.
[19] См. там же.

Восстановление плантаций дополнительных культур в 1979—1981 гг. шло медленными темпами: трудно было в условиях острого недостатка продовольствия выделять для них большие площади. Однако по мере стабилизации экономического положения в стране, улучшения снабжения населения продовольствием площади под этими культурами стали быстро возрастать. «Ныне мы можем уделить пристальное внимание расширению площадей под дополнительными культурами, особенно под кукурузой и бобовыми», — писала газета «Кампучия» [20].

Еще более быстрыми темпами, чем растениеводство, развивалась в Кампучии другая важнейшая отрасль сельского хозяйства — животноводство. Ежегодно поголовье быков и буйволов возрастало на 140—160 тыс. голов. Ныне нет уже такой ГТВ, члены которой не имели бы в своем владении буйволов. В 1984 г., необычайно трудном и сложном по погодным условиям, число быков и буйволов в стране продолжало расти. Их общее поголовье составляет ныне 1970 тыс. голов, на 160 тыс. больше, чем в 1983 г.[21] Это позволяет ускорить проведение различных сельскохозяйственных работ, последовательно расширять массивы обрабатываемых земель, успешней бороться с капризами погоды, которые серьезно нарушили осуществление намеченных на 1984 г. планов.

Как отмечалось на состоявшемся в октябре 1985 г. V съезде Народно-революционной партии Кампучии, «взятый партией курс на коллективные формы труда в сельском хозяйстве полностью оправдал себя. Земля стала всенародной собственностью и передана в пользование группам трудовой взаимопомощи, которых в настоящее время насчитывается свыше ста тысяч. В 1983 г. урожай риса и других продовольственных культур достиг 2 млн. т, то есть приблизился к уровню довоенных лет. Сделаны первые шаги по интенсификации сельскохозяйственного производства». В предстоящие пять лет главная отрасль кампучийской экономики будет развиваться еще более быстрыми темпами по пути интенсификации, повышения эффективности и производительности труда, чтобы «к 1990 г. довести валовое производство продовольствия до 3 млн. т». Кроме этого, планируется, что сельское хозяйство «должно дать продукцию для экспорта и удовлетворить часть потребностей промышленности в сырье». Для достижения всех этих целей, подчеркивалось на съезде, «необходимо добиться укрепления групп трудовой взаимопомощи, ввести в оборот заброшенные в годы войны земли, восстановить и реконструировать ирригационные сооружения».

Таким образом, за годы народной власти сельскохозяйственное производство в Кампучии существенно возросло. Республика сумела за короткое время преодолеть огромные трудности, разруху и голод, оставленные полпотовцами, и под руководством НРПК и правительства НРК взять курс на строительство современного, высокоинтенсивного, рентабельного сельского хозяйства.

[20] «Кампучия», № 227.
[21] См. там же, № 292.

Экономическая реформа в КНР

Изменения в системе планирования в Китае

В. Е. АВРЕМОВ

Важнейшим направлением современной экономической политики КНР является хозяйственная реформа, которая в экспериментальном порядке проводится с 1979 г. Она представляет собой комплекс мероприятий по подъему отсталых производительных сил в условиях избыточного населения за счет внедрения форм и методов хозяйствования, связанных с широким использованием товарно-денежных отношений, привлечением иностранного капитала, развитием индивидуального предпринимательства.

Среди основных направлений реформы, имеющих общенациональный, комплексный характер, особое место отводится преобразованию системы планирования, которая, по существу, является теоретическим и практическим стержнем всей экономической реформы. Система планирования охватывает все стороны экономической жизни, все многообразные отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления.

Практическими вопросами проведения реформы системы планирования занимается сектор методологии планирования в сводном отделе Госплана КНР. Он работает в контакте с Государственным комитетом по преобразованию хозяйственной системы, председателем которого является премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян. Разрабатывает теоретические вопросы и готовит предложения специальный отдел Института плановой экономики при Госплане КНР. Научно-исследовательский центр при Госплане КНР координирует деятельность всех научно-исследовательских организаций, разрабатывающих проблемы реформы планирования. Этими проблемами занимаются также соответствующие органы на местах (в провинциях, городах и уездах). Вначале преобразования предпринимались без должного единства в подходе к проблеме планирования, затем эта деятельность приобрела централизованный характер. Этому способствовало принятие двух документов: «Временных правил по совершенствованию системы планирования», утвержденных Госсоветом КНР 4 октября 1984 г., а также «Постановления ЦК КПК о реформе хозяйственной системы», в котором изложены теоретические основы реформы [1]. Принятию этих документов предшествовало широкое обсуждение, многочисленные публикации по проблемам хозяйственной реформы, центральное место среди которых заняли проблемы реформы системы планирования[2].

Характеризуя сложившуюся систему планирования, китайские экономисты отмечают, что она «базировалась на опыте управления экономикой в освобожденных районах», творчески развивалась в новых условиях после освобождения Китая, в ней частично использовался опыт Советского Союза [3]. До 1979 г. в Китае было осуществлено несколько реформ плановой системы, однако «основная модель не подвергалась большим изменениям». Хотя прежняя система планирования сыграла свою «активную роль» в социалистическом строительстве, считают китайские экономисты, тем не менее она страдает серьезными недостатками: чрезмерной централизацией, директивностью, упованием на административные методы в ущерб экономическим, игнорированием рыночного регулятора и т. п. Поэтому, как единодушно указывают китайские теоретики, для устранения отмеченных недостатков необходимо осуществить реформу системы планирования, оживить ее, привести в соответствие с требованиями нынешнего этапа развития народного хозяйства в Китае.

Неэффективность плановой политики предшествующих лет, в значительной мере вызванная недостаточной профессиональной подготовленностью кадров-плановиков,

---

[1] См.: «Жэньминь жибао», 23.X.1984.

[2] В последние годы в Китае вышел ряд монографий по проблемам системы планирования и ее реформы: Ло Гэнмо. О некоторых теоретических вопросах социалистической плановой экономики. Шанхай, 1982; Шэнь Лижэнь. О плановой экономике. — «Цзянсу жэньминь чубаньшэ», 1982; Принципы планирования народного хозяйства. «Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ», 1983; Ли Чжэньчжун. Экономика планирования. «Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ», 1983; Лю Суйнянь и др. Планирование экономики Китая. Пекин, 1985; Хэ Цзяньчжэн, Ван Цзие. Проблемы планового управления в Китае. «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ», 1984 и др.

[3] См.: Вэй Лицюнь, Хань Чжиго. Обсуждение проблем реформы плановой системы. «Гуанмин жибао чубаньшэ», 1984, с. 1.

усугубленная объективными трудностями планирования в КНР, приводила многих китайских экономистов к разочарованию в отношении возможностей плановой экономики, к поискам иных способов и методов развития народного хозяйства, главным образом к пропаганде и использованию товарно-денежных рычагов. Односторонне превозносятся стоимостные рычаги, рассматривая закон стоимости как панацею, с помощью которой можно избавиться от всех сложных экономических проблем, многие китайские экономисты вольно или невольно принижали либо вовсе отрицали роль всеобъемлющего планирования, закона планомерного пропорционального развития [4].

Подобный подход, как отмечал видный китайский экономист Хэ Цзяньчжан, привел к тому, что «некоторые товарищи не признают, что социализм — это плановая экономика», что «в социалистическом обществе действует закон планомерного пропорционального развития» [5].

Помимо точек зрения, откровенно игнорирующих необходимость всеобъемлющего планового ведения хозяйства (хотя и не отрицающих ее вообще), в китайской печати появились публикации, в которых авторы, выражая недовольство результатами функционирования системы планирования в КНР, стремятся доказать «невозможность», малую эффективность плана в масштабах всей страны. При этом, не отказываясь от плана вообще, но явно пасуя перед трудностями организации и управления народным хозяйством, эти экономисты выпячивают особые условия страны, которые якобы свидетельствуют в пользу их доводов. Эта тенденция получила заметное оживление в связи с провалом планов «нового скачка» в 1978 г., а также с широкой пропагандой использования стоимостных рычагов в экономике Китая, с поисками «рациональной модели социализма».

Среди причин «невозможности» всестороннего планового ведения экономики китайский экономист Ма Цзяцзюй, к примеру, отмечает тот факт, что «труд при социализме еще не имеет полностью непосредственно общественного характера» [6]. Другой причиной называется наличие огромной территории страны и вытекающие отсюда трудности в деле осуществления «комплексного балансирования» [7].

А китайский теоретик Ван Мэнкуй, сводя планирование к поддержанию пропорциональности (что само по себе недостаточно), считает, что всеобъемлющий народнохозяйственный план не только нецелесообразен, но и «противоречит задаче обеспечения пропорциональности» [8]. В данном случае причина «нецелесообразности» плана видится в сохранении товарного производства, в низком уровне развития производительных сил, культурной отсталости населения, распыленности, многоукладности экономики, нехватке современных средств связи и вычислительной техники.

Что касается утверждений этих экономистов, то действительно в условиях социализма, особенно на его начальной стадии развития, непосредственно общественный труд еще не достиг высокой ступени развития. Это обусловлено недостаточным развитием общественного характера процесса производства. В Китае невысокая степень развития непосредственно общественного труда обусловлена прежде всего формальным обобществлением производства, осуществленным в середине 50-х годов. Огосударствление фактически раздробленной, атомистичной китайской экономики привело во многом к формально плановому руководству. Однако известная формальность всеобъемлющего планового руководства не идентична его возможности.

Хотя плановая форма хозяйствования КНР объективно еще далеко не полностью обусловлена развитием общественного характера производства в Китае, все же она играет неоценимо важную, прогрессивную роль в деле социалистического строительства. Конечно, ни в коей мере не следует умалять сложности организации всеобъемлющего планирования в такой стране, как Китай. Однако, даже принимая во внимание «особые условия», названные этими экономистами, нельзя считать оправданной их позицию.

В отличие от теоретиков, подвергающих сомнению эффективность централизованного планового руководства народным хозяйством в Китае, многие экономисты твердо стоят на позициях восстановления централизма первого пятилетнего плана. Один из них — известный китайский экономист Ло Гэнмо, который, опираясь на успехи первой пятилетки, ратует за строгое соблюдение закона планомерного пропорционального развития народного хозяйства. При этом он критикует тех китайских экономистов, которые, ссылаясь на неразвитость экономики, низкий уровень обобществления производства и т. п., фактически ставят под сомнение централизованное планирование вообще. Ло Гэнмо напоминает этим экономистам, что отмеченные ими факторы играли заметную роль и в годы осуществления первой пятилетки, однако, несмотря на это, ее успехи налицо [9]. Указывая на недостатки в организации планового руководства в КНР, сторонники централизованного планирования вместе с тем верят, что «их можно ликвидировать. Эти недостатки отнюдь не ставят под сомнение необходимость существования

---

[4] См.: «Сюешу юекань». Гуанчжоу, 1981, № 1; «Гуанмин жибао», 9.VIII.1982.
[5] «Жэньминь жибао», 22.III.1982.
[6] «Вэнь ши цзе». Цзинань, 1980, № 1, с. 78.
[7] См., например: «Жэньминь жибао», 10.VI.1980.
[8] «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 6, с. 13.
[9] См. там же, 1981, № 2, с. 41—52.

плановой системы» [10]. Ли Чжэньчжун, опираясь на высказывания классиков марксизма-ленинизма, в учебнике «Экономика планирования» пишет, что социалистическая экономика — это плановая экономика. Планомерность охватывает всю экономическую систему социализма. «Общество, используя единый экономический план, — отмечает он, — регулирует пропорциональное распределение совокупного общественного рабочего времени между различными отраслями производства, устанавливая равновесие между производством и общественными потребностями, добиваясь согласованного развития народного хозяйства» [11]. Планомерное развитие производства служит, как подчеркивает Ли Чжэньчжун, для «удовлетворения постоянно возрастающих материальных и культурных потребностей народных масс» [12]. Поскольку при социализме сохраняются товарно-денежные отношения, планирование народнохозяйственного развития должно осуществляться с их учетом. Такой подход, не только не исключающий, но приветствующий широкое использование товарно-денежных отношений в плановой социалистической экономике, свойствен многим китайским экономистам, отстаивающим позиции необходимости всеобъемлющего централизованного планирования. Обсуждение вопросов реформы системы планирования в рассматриваемый период проходило в рамках дискуссии «о плане и рынке», которая развернулась с 1979 г. [13].

На первом этапе (1979—1980) основной особенностью дискуссии была критика обанкротившихся догм «четверки», принижавших либо отрицавших роль товарно-денежных отношений в развитии социалистической экономики, трактовавших план, плановые рычаги как внеэкономические категории. Такой ход обсуждения, с одной стороны, расчищал путь для широкого, неформального использования в экономике КНР товарно-денежных отношений, а с другой — в силу ограниченности трактовки плановых рычагов многими китайскими экономистами как чисто административных волевых — вел их ко все большему увлечению рыночными методами хозяйствования, часто в ущерб плановости экономики.

На втором этапе дискуссии (1981—1983) наметился постепенный отход от чрезмерного «рыночного романтизма», упования на всесильность стоимостных рычагов и поворот к плановым методам хозяйствования в сочетании с действием товарно-денежного механизма. Это было связано не столько с более глубокими теоретическими исследованиями данной проблемы, сколько с отрицательными результатами некоторых хозяйственных экспериментов, приводившими к определенным политическим издержкам. В теоретическом аспекте такой поворот во многом был связан с широкой популяризацией и обсуждением тезиса Чэнь Юня 50-х годов о соотношении планового и товарного начал в социалистической экономике [14]. Несмотря на явный акцент тезиса Чэнь Юня на важности плановости социалистической экономики, трактовка сочетания плановых и стоимостных рычагов при социализме у многих китайских экономистов значительно разнилась. Восприняв тезис Чэнь Юня «плановая экономика — это основа, а рынок — дополнение» и уделив ему достаточно внимания в своих теоретических изысканиях, китайские экономисты со второй половины 1982 г. выдвигают трехчленную формулу управления народным хозяйством: директивное планирование, направляющее планирование, рыночное регулирование. Эта формула впоследствии провозглашается теоретической основой «системы планирования китайского типа». По сути дела, эта формула включает в себя широкий спектр вопросов: соотношение планомерности и товарности, возможность реализации принципа демократического централизма в организации и управлении хозяйственными процессами, соотношение плана и хозяйственного расчета. По данным вопросам вновь возникли дискуссии на страницах китайской печати. Определенный промежуточный итог дискуссий был подведен в упоминавшемся выше документе Госплана КНР «Временные правила по совершенствованию системы планирования». В этом циркуляре подчеркивалось, что действующая система планирования имеет раз-

---

[10] «Хунци», 1982, № 22, с. 21.

[11] Ли Чжэньчжун. Экономика планирования. «Чжунго жэньминь дасюе чубаньшэ», 1983, с. 3.

[12] Там же, с. 5—6.

[13] Такая формулировка проблемы («план и рынок») подвергалась критике в советской экономической литературе. Не согласен был с подобной постановкой проблемы и известнейший китайский экономист Сунь Ефан (умер в 1983 г.). — См.: «Жэньминь жибао», 22.11.1982. Понимая научную неточность этого термина, автор все же считает допустимым его употребление, поскольку он широко использовался не только в китайских теоретических исследованиях, но и в партийно-правительственных документах стран — членов СЭВ.

[14] В 50-е годы Чэнь Юнь был заместителем премьера Госсовета КНР, начальником финансово-экономической канцелярии. В настоящее время является членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, первым секретарем Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины. В январе 1982 г. в газете «Жэньминь жибао» было опубликовано заявление Чэнь Юня, сделанное им на встрече с ответственными работниками Госплана КНР. Чэнь Юнь заявил, что в социалистической экономике следует «твердо придерживаться положения — плановое хозяйство является главным, а рыночная экономика — вспомогательным... Мы должны еще больше усиливать плановость». — См.: «Жэньминь жибао», 26.I.1982.

ного рода недостатки, проистекающие из-за использования чрезмерной директивности управления, игнорирования использования рыночных регуляторов, экономических методов хозяйствования, отсутствия должной системы ответственности, распространения явлений уравниловки и т. п. «Более чем 30-летняя практика свидетельствует, — говорилось в этом документе, — что представление плановой экономики только как директивного планирования является односторонним» [15]. Поэтому необходимо использовать не только директивный план, но и направляющее планирование, а также рыночное регулирование определенных сфер экономики. Циркуляр Госплана КНР определял соответствующие правила в отношении планирования производства, основных фондов, планирования иностранных капиталовложений, распределения материальных средств и др.

В октябре 1984 г. Госсовет КНР в основном одобрил этот документ Госплана, подчеркнув необходимость «надлежащего сужения сферы директивного планирования, расширения рамок направляющего плана и рыночного регулирования» [16]. В принятом III пленумом ЦК КПК двенадцатого созыва постановлении были официально зафиксированы основные положения вышеназванных документов, дана характеристика системы планирования в КНР. Нынешняя экономика в КНР в нем характеризуется как «плановая товарная экономика». Отмечается, что ныне действующая система планирования включает в себя директивное планирование, направляющее планирование и рыночное регулирование. Такой подход, указывается в постановлении, обусловлен следующими объективными условиями Китая: обширность территории, многочисленность населения, транспортные неудобства, плохо поставленная информация, большая неравномерность в экономическом и культурном развитии, слабо развитое товарное хозяйство и др. В этих условиях, говорится в постановлении, «настоящий план» то есть всеобъемлющий государственный план, для современного Китая является «бюрократической утопией» [17]. «Необходимо, считаясь с реальной действительностью, понять, — подчеркивается в постановлении, — что на протяжении весьма длительного исторического отрезка времени наши народнохозяйственные планы могут быть лишь примерными и эластичными» [18]. Для перестройки системы планирования необходимо также отказаться от «традиционного представления», в котором плановое хозяйство противопоставляется товарному. Только «полное развитие товарного хозяйства» может действительно «оживить экономику». Такого «оживления экономики, — подчеркивается в постановлении, — не добиться, если будем опираться только на одни административные методы и директивные планы» [19].

Руководствуясь положениями постановления и прежде всего основополагающей формулировкой, гласящей, что «социалистическая экономика — это плановая экономика» [20], китайские экономисты начинают более углубленное изучение проблем директивного, направляющего планирования, рыночного регулирования и их соотношения.

Для большинства китайских экономистов по-прежнему остается характерной критика директивного планирования или «чрезмерного» директивного планирования. Так, по мнению Вэй Лицюня, «чрезмерная» директивность ведет к превышению спроса над предложением, дефицитности товаров, их однообразию, низкому качеству, отсутствию стимулов у производителей и даже к возникновению явлений «полуанархичности», «беспорядка» [21]. Вэй Лицюнь в своей критике принципа директивного планирования переносит на него все недостатки конкретного планирования, имевшего место в КНР. Инкриминируя множество недостатков принципу директивности планирования, Вэй Лицюнь фактически критикует элементы бюрократического централизма, пустившего глубокие корни в экономике Китая. Однако экономический бюрократизм и директивность планирования это далеко не одно и то же.

Вэй Лицюнь и другие китайские экономисты по сравнению с директивным планированием (даже очищенным от его крайних, неэффективных, «негибких» форм) выделяют направляющее планирование, которое рассматривается как «важнейшая форма» планирования в Китае. Анализируя многочисленные статьи по проблемам направляющего планирования, материалы Всекитайской конференции, специально посвященной этой проблеме, можно выделить три подхода.

Представители первого подхода фактически сближают директивный план с направляющим, хотя на словах и обособляют их. Признавая, что директивный план не отменяет использование экономических рычагов, закона стоимости и должен быть достаточно

---

[15] Планирование экономики Китая. Пекин, 1985, с. 407—408 (на кит. яз.).

[16] Там же, с. 406.

[17] Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы (октябрь 1984 г.). Пекин, 1984, с. 16 (на кит. яз.).

[18] Там же, с. 17.

[19] Там же.

[20] «Самым важным достижением» постановления является «прорыв в традиционном противопоставлении плановой и товарной экономики». Постановление ясно указывает на то, что «плановая экономика является плановой товарной экономикой на основе общественной собственности». — См.: «Гуанмин жибао», 4.11.1985.

[21] Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы (октябрь 1984 г.). Пекин, 1984, с. 16.

гибким [22], эти экономисты, на наш взгляд, слабо аргументируют отличие от него направляющего планирования.

Как директивный, так и направляющий планы в построениях китайских экономистов этой группы осуществляются с использованием в той или иной степени элементов хозрасчетного механизма. Направляющий план у сторонников такого подхода носит характер (используя терминологию китайского экономиста Пань Даньхэ) «направляющего плана директивного типа». На наш взгляд, такой подход является лишь приспособлением сторонников широкого использования директивного планирования в экономике КНР к нынешней ситуации в китайской теории и практике планирования.

Другие китайские экономисты (Вэй Лицюнь, У Цзюньян и др.), подчеркивая особую значимость направляющего планирования, более целенаправленно подчеркивают его особенности, отличия от директивного планирования. Характеризуя направляющее планирование как систему средств, способов государственной плановой организации и управления социалистической экономикой, которая направлена на достижение сознательной, постоянно поддерживаемой пропорциональности, Вэй Лицюнь в числе отличительных особенностей направляющего плана называет не только использование экономических рычагов, закона стоимости, но также и то, что направляющее планирование «наилучшим образом» соединяет воедино плановый и рыночный регулятор, будучи гораздо более гибким нежели директивное планирование. Объективность и жизненность направляющего планирования проявляется в том, пишет Вэй Лицюнь, что оно является «продуктом плановой товарной экономики», ее конкретной формой [23]. Другой отличительной чертой направляющего планирования является то, что оно предполагает утверждение задания без административного диктата, в результате чего направляющее планирование носит «характер призыва», а также «направляющий», «ожидательный», «живой, изменчивый» характер. К тому же направляющее планирование способствует развитию горизонтальных связей, конкуренции между предприятиями [24].

Выступая против объединения директивного и направляющего планирования, Вэй Лицюнь предостерегает и против «смешения» направляющего планирования с рыночным регулированием. Он подчеркивает то обстоятельство, что направляющее планирование опирается на использование не только закона стоимости, но и основного экономического закона, закона планомерного пропорционального развития [25].

Фактически направляющее планирование в трактовке Вэй Лицюня и многих других китайских экономистов с некоторыми поправками можно охарактеризовать как обоснование внедрения в социалистическую экономику принципов полного хозрасчета.

Следует отметить, что среди китайских экономистов немало таких, которые фактически отождествляют направляющее планирование и рыночное регулирование. На это, в частности, указывает тот же Вэй Лицюнь. Признавая директивное планирование как временное явление, обусловленное существующими объективными причинами, главным образом тем, что еще не готовы условия для повсеместного, всеобъемлющего направляющего планирования, они рассматривают последнее как единственно эффективную форму планирования, как «центральное звено» всей планово-экономической деятельности государства [26]. Такое направляющее планирование, при котором не даются конкретные детальные задания предприятию, основывается на рыночной информации, экономической конъюнктуре, использовании закона стоимости, закона спроса и предложения. Фактически такой направляющий план, за который ратует, к примеру, китайский теоретик Пань Даньхэ, идентичен с прямым рыночным регулированием, со всеми вытекающими отсюда последствиями [27].

Теоретические рекомендации, практические выводы, выдвинутые китайскими экономистами в ходе обсуждения проблем реформы системы планирования, а также опыт, накопленный в ходе ряда экспериментов, получили свое выражение в ряде практических шагов. После опубликования упомянутых выше документов ЦК КПК и Госсовета и Госплана КНР реформа системы планирования из в основном экспериментальной стадии переходит в стадию своего практического осуществления.

В соответствии с «Временными правилами по совершенствованию системы планирования» [28], хозяйственный механизм стал приспосабливаться в основном к трем хозяйственным уровням, в рамках которых методы управления характеризовались соответственно как директивное планирование, направляющее планирование и рыночное регулирование. Китайскими экономистами предлагались три принципа определения сферы уп-

---

[22] «Янчэн ваньбао», 28.XI.1984; «Вэньхуэй бао», 28.XII.1984; «Цзинцзисюе чжоубао», 1984, № 47.

[23] См.: «Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли», 1985, № 3, с. 21.

[24] См. там же.

[25] См. там же.

[26] См.: «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 2, с. 4.

[27] См.: «Цзянхань луньтань», 1985, № 4, с. 11—13.

[28] Кроме того, было опубликовано Решение Госсовета КНР об усилении работы по четырем направлениям: совершенствование способов регулирования, создание системы экономической информации, развитие консультационной экономической работы и усиление исследовательской работы в области планирования. — «Жэньминь жибао», 13.X.1984.

равления: по формам собственности, по подчиненности предприятий и по производимому продукту.

Хотя эти принципы тесно взаимосвязаны, однако самым распространенным в настоящее время считается последний — определение сферы управления в зависимости от вида производимого продукта. В соответствии с этим принципом в сферу директивного планирования входит производство и распределение важнейших, централизованно распределяемых видов продукции, определяющих темпы и пропорции экономического развития: уголь, сырая нефть и различные нефтепродукты, стальной прокат, цветные металлы, древесина, цемент, электроэнергия, основные виды химического сырья, химические удобрения, искусственное волокно, основные виды электротехнического оборудования, газетная бумага, сигареты, а также продукция военной промышленности и другая важнейшая продукция. В области сельского хозяйства в директивном порядке планируются заготовки в форме натурального налога, обязательные закупки и распределение зерна, хлопка, масличных, табака, джута, свинины и т. п. На транспорте директивно планируется лишь перевозка важнейших грузов железнодорожным и водным транспортом, а также распределение грузопотоков по важнейшим морским портам. Директивно планируется также закупка и реализация продуктов первой необходимости, а также экспорт и импорт важнейших видов продукции, прием в высшие учебные заведения и распределение специалистов.

Реализация курса на сужение сферы директивного и расширение направляющего планирования выразились в том, что начиная с 1985 г. количество видов промышленной продукции, которую Госплан прежде планировал в директивном порядке, сократилось со 123 до примерно 60 видов, количество видов продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, закупаемых и распределяемых государством в плановом порядке, с 29 до примерно 10 видов; число видов директивно планируемой экспортной продукции — с 70 до 36 [29]. Что касается единых закупок товаров первой категории, то их количество уменьшилось с 21 до 12, а централизованных закупок товаров второй категории — с 18 до 9 [30]. Госплан предполагал сократить в целом число позиций по материальному и финансовому обеспечению с 256 до 65 [31]. Число видов директивно планируемой продукции значительно различалось по городам и провинциям. Так, в Пекине в 1985 г. оно сократилось до 26, а доля в валовой продукции промышленности города с 55 % в 1984 г. до 16 % в 1985 г. (по плану) [32]. В Тайюане, к примеру, общее число планируемых видов промышленной продукции сократилось с 448 до 215, из которых в сфере директивного планирования осталось 52[33]. В целом по стране в 1985 г. государственный директивный план по шести видам промышленной продукции охватывал около 20 % стоимости валовой промышленной продукции.

Министерства и ведомства Госсовета, провинции, автономные районы и города центрального подчинения также могут устанавливать директивные планы для подчиненных им предприятий по небольшому числу важнейших видов продукции своей отрасли или района. При этом специально оговаривается условие — крупные предприятия, которые получают директивные установки одновременно по общенациональному и отраслевому (районному) плану, должны иметь единый план, а разбивка его на составляющие при распределении продукции должна осуществляться вышестоящими органами.

Министерства и ведомства Госсовета в директивном порядке планировали около 20 % валовой промышленной продукции, а местные органы еще 10 %.

Производство продукции по директивному плану должно быть безусловно обеспечено по линии материально-технического снабжения органов, устанавливающих этот план, то есть наряду с директивным планом производства существует соответствующий директивный план материально-технического снабжения. Всю ответственность за невыполнение последнего берет на себя соответствующий директивный орган. В том случае, когда предприятие из-за недостатков в материально-техническом снабжении по вине директивных органов не выполнит план, оно не должно нести за это ответственности. Так, соответствующий директивный орган из своих фондов должен выплачивать недостаточный фонд заработной платы и т. п.

До предприятия обычно доводятся следующие директивные показатели: ассортимент, объем и качество продукции, выполнение договорных обязательств. Директивными также являются показатели фонда заработной платы и численности рабочих и служащих [34], а также объема капиталовложений.

Цены на продукцию, производимую по государственному директивному плану, также являются обязательными. Директивное планирование осуществляется нарастающим

---

[29] См.: «Жэньминь жибао», 3.XII.1984; «Чжунго цзинцзи вэньти», 1985, № 4, с. 7.
[30] См.: «Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань гунбао», 1984, № 17, с. 583.
[31] См.: «Гунжэнь жибао», 3.XII.1984.
[32] См.: «Жэньминь жибао», 11.III.1985.
[33] См.: «Цзинцзи вэньти», 1985, № 6, с. 15.
[34] Вместе с тем фонд заработной платы на некоторых экспериментальных предприятиях может увеличиваться в определенной пропорции к увеличению выпуска продукции и объема отчислений государству. При этом специально оговаривается, что рост фонда заработной платы не должен опережать роста производительности труда. Общий фонд заработной платы контролируется посредством налога на премиальный фонд и других налогов.

итогом. Так, в случае невыполнения директивных планов соответствующие государственные органы должны его увеличить на следующий год для компенсации недополученной продукции (без предоставления дополнительного сырья и энергии), а также наложить штраф, который должен уплачиваться из собственных средств предприятий. Вместе с тем предусматривается возможность корректировки директивного плана устанавливающим его вышестоящим органом.

Что касается организации плановой работы в сфере директивного планирования, то каких-либо крупных принципиальных изменений по сравнению с предшествующей практикой не произошло, лишь значительно уменьшился объем плановой работы. Вместе с тем при разработке директивных планов большее значение стало придаваться пятилетнему планированию.

В сферу направляющего планирования попадают все остальные виды продукции, планируемой государством, а также вся сверхплановая продукция (кроме специально оговоренных случаев). Более того, при условии выполнения директивного плана на 100 % 2 % продукции может быть реализовано по усмотрению предприятий (по некоторым видам), то есть она переходит из сферы директивного в сферу направляющего планирования.

Направляющее планирование на практике представляет собой сферу государственного планирования, которая не носит директивного, обязательного характера. Она охватывает около 30—40 % валовой промышленной продукции. Система направляющего планирования включает в себя планы, разрабатываемые предприятием самостоятельно и затем передаваемые в вышестоящие плановые органы лишь «для сведения». При этом организация производства продукции по направляющему плану практически не опосредуется государством. Материально-техническое снабжение осуществляется в основном за счет подобной же продукции других предприятий. Тем самым как бы образовывается самостоятельный цикл воспроизводства продукции «направляющего планирования». Поставщики ее определяются предприятием самостоятельно. Как правило, самостоятельно же определяются и цены на эту продукцию в пределах, установленных государством (обычно они не должны отклоняться более чем на 20 % от государственных твердых цен на аналогичную продукцию). Однако цены на конечную продукцию и в этом случае должны быть в обязательном порядке утверждены соответствующими органами (обычно это управления по ценам различных уровней), а на некоторые виды продукции они должны соответствовать государственным ценам.

В настоящее время границы сужения сферы директивного планирования еще не определены. Они ставятся в зависимость от тех результатов, которые на первых этапах даст реформа системы планирования. Китайские экономисты не исключают, что возможно в дальнейшем придется сферу директивного планирования расширить или же вовсе от нее отказаться. В целом по проблеме соотношения между директивным планированием и направляющим среди китайских экономистов нет полного единства мнений [35]. Несмотря на это, хотелось бы отметить, что ряд положений, высказанных китайскими экономистами в ходе обсуждения проблем реформы системы планирования, а также в ходе практического осуществления мер по расширению самостоятельности китайских предприятий, связанных с «направляющим планированием», представляет определенный интерес и требует углубленного изучения. Вместе с тем, не претендуя на окончательность суждения, хотелось бы обратить внимание на то, что многие теоретические разработки китайских экономистов по проблеме направляющего планирования, а также практика его внедрения свидетельствуют о незначительном отличии от предложений по реализации полного хозрасчета в трактовке некоторых советских экономистов [36]. Проблема директивного и направляющего планирования в теории и на практике фактически представляет собой проблему соотношения между плановой и хозрасчетной деятельностью. Она, несомненно, является важнейшим элементом, содержательной стороной руководства социалистическим производством, обеспечения его эффективности.

В свое время В. И. Ленин подчеркивал, что степень согласованности механизма увязки плана и хозрасчета обязательно должна определяться состоянием производства, уровнем его развития, решаемыми конкретными задачами. Принимая во внимание, что разработка этих проблем нашла отражение во многих публикациях советских авторов, видимо, не стоит сбрасывать со счетов и поиски китайских экономистов в этом направлении [37].

Что касается сферы рыночного регулирования, в которую входит производство разнообразных мелких товаров широкого потребления, части продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, а также бытовое обслуживание и общественное питание,

---

[35] См., например: Дискуссия по вопросам директивного планирования, — «Гуанмин жибао», 1.VI.1985.

[36] См., например: Г. Х. Попов. Эффективное управление. М., 1985, с. 135. Монография Г. Х. Попова. Проблемы теории управления. М., 1974; изд. 2-е доп. и перераб., переведена в 1983 г. на китайский язык.

[37] Однако сам термин «направляющее» планирование, используемый в буржуазной экономической литературе, вряд ли можно признать достаточно удачным и столь уж необходимым.

то оно не планируется, а регулируется преимущественно на основе стихийного действия закона стоимости и закона спроса и предложения. Эти товары и услуги реализуются в основном по договорным ценам. По этим же ценам реализуется около 10—20 % промышленной продукции.

В последнее время в сферу «рыночного регулирования» стали включаться и средства производства. По данным газеты «Цзинцзи жибао», в этой сфере находится около 50 % производимого в стране угля, 40 — стального проката, 60 — древесины, 75 % цемента [38]. Тем самым увеличивается ее доля в валовой промышленной продукции.

В целом разделение управления производством в разрезе трех хозяйственных уровней пока еще находится в стадии экспериментальной проверки, и задача четкого определения рамок функционирования этих трех типов управления стоит очень остро. Наибольшее число проблем возникает в отношении направляющего планирования, поскольку оно непосредственно связано с использованием экономических рычагов, не прошедших еще широкой апробации. Поэтому разработка конкретных методов организации плановой работы здесь ставится в зависимость от результатов «неоднократных экспериментов» и «накопления опыта в увязке с проведением реформы цен, налогов и кредитования». По мнению китайских экономистов, для широкого применения экономических рычагов необходимы также такие условия, как реальная самостоятельность предприятий, сбалансированность спроса и предложения, существование развитого социалистического рынка, всеохватывающая система экономической информации, достаточно подробно разработанное хозяйственное законодательство и др. [39]. Однако тот факт, что к проведению реформ только еще начинают приступать и данные условия еще не сложились, свидетельствует, что значительная часть предприятий пока не располагает достаточно четкими хозяйственными ориентирами и в своей практической деятельности вынуждена исходить главным образом из текущей экономической конъюнктуры. Слабая теоретическая разработанность и практическая сложность совмещения в едином народнохозяйственном механизме трех различных составляющих (директивное планирование, направляющее планирование и рыночное регулирование) представляют собой одну из трудностей в осуществлении реформы.

Так, в случае сужения сферы директивного и соответствующего расширения сферы направляющего планирования и рыночного регулирования возникает сомнение в возможности обеспечить сбалансированное развитие народного хозяйства. Основная нагрузка в решении этой задачи приходится на плановые органы различных уровней, которые должны в новых условиях обеспечить сбалансированное использование финансовых, материальных и людских ресурсов в соответствии с запланированными темпами экономического роста, обеспечить контроль за масштабами капитальных вложений, использованием иностранных капиталовложений, за размещением важнейших производственных фондов, ростом розничных цен и т. п. Только за счет эффективного контроля можно обеспечить эти основные народнохозяйственные пропорции.

Однако плановые органы на деле располагают лишь одним экономическим инструментом — директивным планом. Экономические же рычаги (цены, налоги, кредиты и т. п.) выходят из сферы их непосредственного контроля уже в силу того, что находятся в компетенции министерства финансов, министерства труда, Народного банка, Государственного управления материально-технического снабжения, Главного налогового управления и других органов, напрямую не подчиняющихся плановым органам и зачастую в новых условиях рассматривающих установки последних лишь как рекомендации. Наличие ведомственности без существования органа, реально координирующего их деятельность, существенно затрудняет комплексное использование экономических рычагов.

Теоретические изыскания и практические шаги в деле реформы системы планирования в КНР, построения целостного механизма директивного и направляющего планирования, а также рыночного регулирования свидетельствуют о наличии многих проблем на этом пути. Фактически к настоящему времени китайские экономисты решили лишь наиболее общие вопросы о том, что реформа необходима, наметили ее основные направления и сделали первые шаги по ее реализации, добившись определенных успехов и одновременно столкнувшись с новыми проблемами. Пока, так сказать, снят лишь поверхностный слой проблемы демократического централизма в организации и управлении хозяйственными процессами. В настоящее время народное хозяйство вступает в более ответственный и сложный этап, требующий углубленного научного изучения проблем социалистической плановой организации, управления народным хозяйством.

---

[38] См.: «Цзинцзи жибао», 12.X.1985.
[39] См.: «Цзинцзисюе чжоубао», 17.III.1985.

Использование иностранного капитала в КНР

С. А. МАНЕЖЕВ,
кандидат экономических наук

Ключевым направлением так называемой политики «открытых дверей», проводимой в последние годы Китаем, выступает привлечение в страну предпринимательского капитала из-за рубежа. Деятельность иностранных компаний в Китае имеет различные формы и обусловливает не только появление на территории КНР филиалов и совместных (с участием китайских партнеров) предприятий, но и широкое развитие неакционерных, контрактных форм сотрудничества, включая соглашения о производственной кооперации, о техническом содействии, контракты об услугах, о разделе продукции и т. д. К началу 1986 г. в КНР утверждены контракты на создание более 6 тыс. различного рода объектов с участием иностранного капитала на общую сумму в 16,2 млрд. долл., причем 4,6 млрд. долл. примерно по 2 тыс. проектов сотрудничества уже реально вложено в китайскую экономику [1]. Использование иностранного капитала, как отмечают в Китае, превратилось в важную составную часть долгосрочных и годовых планов экономического развития страны.

Среди основных зарубежных инвесторов бурной активностью выделяются многочисленные, хотя и небольшие по размерам, компании Гонконга и Макао. Действуя зачастую на неформальной, доверительной основе, они обеспечивают около 60 % общей суммы контрактов на помещение иностранного предпринимательского капитала в экономику КНР [2]. Что касается главных инвесторов капиталистического мира, то при недостаточной разработанности инвестиционного законодательства КНР, хронической нехватке в стране энергии, транспортных средств и квалифицированной рабочей силы они пока действуют осторожно. На долю крупнейших империалистических монополий, господствующих в различных сферах мирового капиталистического хозяйства и принимающих реальное участие в экономическом разделе мира (так называемые транснациональные корпорации, или ТНК) приходится не более 30 % привлеченного Китаем в 1979—1984 гг. иностранного капитала [3].

Сравнительно небольшие размеры участия капиталов ТНК в китайской экономике определяют их скромную роль в развитии производительных сил страны: на объекты, созданные с участием ТНК в 1984 г., по оценке, пришлось 0,2—0,3 % валовой промышленной продукции КНР. Это свидетельствует о том, что реальное воздействие ТНК на социально-экономическое развитие КНР пока еще незначительно и может рассматриваться скорее как тенденция.

При этом, однако, ситуация довольно широко варьируется в отраслевом плане. Так, в результате создания в 1983 г. в Пекине совместной китайско-американской автомобильной компании с участием корпорации «Американ моторз» доля ТНК в автомобилестроении КНР в 1984 г. превысила 2 % [4]. В недалеком будущем, судя по всему, можно ожидать заметного увеличения роли ТНК в нефтяной и электронной промышленности КНР: в 1983—1984 гг. размеры транснациональных инвестиций в эти отрасли соответствовали примерно 3—4 % и 4—5 % государственных капитальных вложений [5]. Все эти данные свидетельствуют о возможности определенного усиления воздействия ТНК на развитие производительных сил и производственных отношений в отдельных отраслях китайской экономики.

---

[1] См.: «Жэньминь жибао», 30.I.1986; in: «Beijing Review», 10.II.1986, p. 28.

[2] Подсчитано по: Чжунго дуйвай цзинцзи маои няньцзянь — 1984. Пекин, 1984, с. IV-184.

[3] Подсчитано по: Чжунго дуйвай цзинцзи маои няньцзянь — 1984, с. IV-183—185; IV-196; Чжунго тунцзи няньцзянь — 1984. Пекин, 1984, с. 194; «China Trade Report», January, 1985, p. 4; «Far Eastern Economic Review», 5.X.1983, p. 68—69. Поскольку статистика КНР не выделяет ТНК как особую категорию иностранных инвесторов, обобщающие цифровые характеристики их деятельности в Китае являются оценками, рассчитанными в основном на базе официальных китайских данных об источниках иностранных инвестиций, их видовой структуре, общей доле совместного предпринимательства в промышленном производстве и др.

[4] Подсчитано по: Чжунго дуйвай цзинцзи маои няньцзянь—1984, с. IV-191; «Жэньминь жибао», 10.III.1985; «China Daily», 25.I.1985.

[5] Подсчитано по: Чжунго дуйвай цзинцзи маои няньцзянь — 1984, с. IV-185, 187; Чжунго тунцзи няньцзянь — 1984. Пекин, 1984, с. 302, 312—315, 334, 414.

С экономической точки зрения внимание транснациональных инвесторов к Китаю как к объекту приложения частного капитала определяется прежде всего наличием здесь богатых и разнообразных природных ресурсов, потенциально емкого внутреннего рынка, многочисленной и дешевой рабочей силы. В последние годы этот традиционный интерес подогревается проводимой КНР либерализацией инвестиционного климата, открытием обширных приморских районов для иностранного капитала, а также осуществлением мероприятий хозяйственной реформы, способствующих распространению в экономике КНР рыночных отношений и поощряющих развитие частного предпринимательства. Со своей стороны, принимая меры, стимулирующие приток транснациональных инвестиций, КНР проявляет заинтересованность в огромных финансовых возможностях ТНК, в приобщении к накопленному ими управленческому опыту, передовой технике и технологии, в использовании налаженных каналов их сбытовой сети.

Результатом этого обоюдного интереса в последние годы является активизация проникновения ТНК в экономику Китая. В машиностроении КНР, помимо уже упомянутой «Американ моторз», обосновываются такие корпорации, как «Фольксвагенверк АГ» (ФРГ), «Пежо» (Франция), ФИАТ (Италия), «Макдоннел Дуглас» (США) и др. В топливно-энергетической промышленности постепенно разворачивают активность нефтяные монополии «Атлантик ричфилд», «Тексако», «Эссо», «Гетти ойл» (США), «Шелл», «Клафф ойл» (Великобритания); ведутся переговоры и заключаются первые контракты о совместной добыче угля с такими крупными компаниями, как «Мицуи майнинг» (Япония), «Оксидентал петролеум», «Бектел интернэшнл» (США). В электронной и электротехнической промышленности все заметнее заявляют о себе японские компании «Хитати», «Саньё», «Шарп», американские «Хьюлетт-Паккард», «Миннесота майнинг энд мэнюфэкчуринг», бельгийская «Бэлл телефон мэнюфэкчуринг» и др.

Деятельность большинства ТНК в Китае находится в настоящее время в стадии становления, когда те или иные особенности их инвестиционной, технологической и социальной политики не имеют законченного системного характера. Вместе с тем, учитывая происходящую ныне активизацию деятельности ТНК в Китае, уже сегодня в их деловой активности можно выделить отдельные черты и тенденции, которые позволяют как бы заглянуть в будущее, получить представление в перспективе о возможном характере и направлении воздействия ТНК на социально-экономические процессы в КНР.

Эффективность использования капитала

Применение на объектах с участием ТНК отдельных элементов современной зарубежной технологии, а также перестройка системы их управления в соответствии с западными стандартами, по сообщениям китайской печати, в ряде случаев позволили за 2—3 года добиться увеличения производительности труда в 5—6 раз[6]. В результате эффективность капитальных вложений в предприятия ТНК по меньшей мере вдвое выше, чем на государственных промышленных предприятиях[7]. Это свидетельствует об определенных перспективах стимулирующего воздействия ТНК на эффективность промышленного производства в КНР.

Наряду с этим, однако, имеется ряд серьезных факторов, ограничивающих возможности использования капиталов ТНК в интересах экономического развития КНР. В частности, уже сегодня вполне отчетливо проявляется очевидное тяготение предприятий ТНК к обособленности в китайской экономике. В обрабатывающей промышленности деятельность таких объектов, как правило, ориентирована на преимущественный импорт сырья и компонентов и нередко предусматривает последующий экспорт продукции по каналам ТНК. Подобный характер производственной активности может быть проиллюстрирован на примере филиала японской корпорации «Эпсон», действующего в особой экономической зоне Шэньчжэнь. Выпуская миниатюрные печатающие устройства, это предприятие получает необходимые для производства детали и компоненты от гонконгского филиала компании «Эпсон». Готовая продукция сбывается шэньчжэньским филиалом через торговую сеть той же компании для последующего использования на ее предприятиях в Гонконге, Сингапуре и Японии при производстве калькуляторов, электронных кассовых аппаратов и т. д.[8]

Высокая импортная зависимость свойственна предприятиям ТНК, действующим в самых разных отраслях китайской экономики. Предприятия, созданные в КНР при участии таких компаний, как «Дайхацу», «Фольксвагенверк АГ», «Исудзу» (автомоби-

---

[6] См., например: «Гоцзи маои», 1982, № 2, с. 7; «Жэньминь жибао», 15.I.1983; «Intertrade», 1984, № 4; «Beijing Review», 11.II.1985, p. 28.

[7] Подсчитано по: «Шэхуэй кэсюэ», 1982, № 2, с. 5—6; Чжунго тунцзи няньцзянь — 1981. Пекин, 1982, с. 17, 20, 307; Чжунго цзинцзи цзегоу вэньти яньцзю. Пекин, 1981, с. 120, 247, 279.

[8] In: «Japan Economic Journal», 20.XI.1984, p. 10.

лестроение), «Вестингауз электрик», «Комбасчэн инжиниринг» (энергетическое мамашиностроение), «Фоксборо», «Хитати» (приборостроение), «Кэнен инкорпорейтид» (производство ксерокопировальной техники), «Мицубиси хеви индастриз лтд» (общее машиностроение), «Шарп», «Сони», «Саньё», «Мацусита» (электронная промышленность), «Рейнолдз тобэко» (производство табачных изделий) и другие, приобретают за рубежом до 100 % необходимых материалов и компонентов [9]. Даже компания «Ники» (США), занимающаяся изготовлением кроссовок на обувных фабриках Тяньцзиня и Шанхая, лишь на четвертом году производственного сотрудничества «отважилась» перейти к использованию шнурков китайского производства [10].

Деятельность объектов сотрудничества такого рода приносит ТНК очевидную выгоду, приводя к расширению рынков сбыта их продукции. Обеспечивая (наряду с платежами за передачу технологии, получением части предпринимательской прибыли и т. д.) в ряде случаев до 90 % общей суммы доходов ТНК от участия в промышленной кооперации с китайскими партнерами, экспорт комплектующих деталей дает дополнительный импульс развитию соответствующих производств в капиталоэкспортирующих странах. Так, значительно расширив экспорт в Китай деталей для изготовления цветных телевизоров и превратив КНР в основной внешний рынок сбыта этой продукции, Япония в 1984 г. впервые за последние 8 лет смогла преодолеть спад в производстве телевизоров цветного изображения [11]. В связи с этим условия многих контрактов, заключаемых ТНК с китайскими предприятиями, предусматривают крайне низкий (не более 10 %) «потолок» для использования сырья и компонентов местного производства. Для Китая все это оборачивается не только дополнительной напряженностью торгового баланса, но и недоиспользованием местных возможностей, созданием искусственных препон для развития межотраслевых и внутриотраслевых связей в экономике.

Что касается монополий, действующих в сырьевых отраслях и обеспечивающих 55—60 % инвестиций ТНК в Китае, то их ориентация на вывоз произведенной продукции создает неблагоприятную перспективу выпадения значительных экономических ресурсов из воспроизводственных процессов в китайской экономике, внося тем самым определенные коррективы в программу ее модернизации.

Характерным примером может служить ситуация в топливно-энергетической промышленности. Как известно, в КНР рассчитывают обеспечить необходимыми энергоресурсами намечаемое четырехкратное увеличение валовой продукции промышленности и сельского хозяйства к 2000 г. следующим образом: эффект от запланированного удвоения производства первичных энергетических ресурсов предполагается дополнить за счет одновременного повышения в 2 раза коэффициента их полезного использования. Среднегодовые темпы прироста производства энергии в этом случае должны составить около 3,5 %.

Все эти весьма оптимистические расчеты исходят из предположения, что практически весь объем производства энергоресурсов (за исключением небольшой доли, идущей на экспорт) может быть использован для обеспечения внутренних потребностей КНР. Однако, как указывают китайские специалисты, вследствие нехватки в стране соответствующих материальных и финансовых ресурсов, технических знаний и организационного опыта достижение намеченных показателей по производству энергии невозможно без активного использования иностранных капиталовложений [12]. При этом условия контрактов о совместной разработке топливно-энергетических ресурсов, заключаемых Китаем с ведущими нефтяными и угольными монополиями капиталистического мира, обязывают КНР предоставлять иностранным партнерам значительную часть произведенной продукции. Так, соглашения о совместной добыче нефти на континентальном шельфе Китая предусматривают получение иностранными компаниями в различной форме до 33 % (а в некоторых случаях — до 42,5 %) объема нефтедобычи [13]. Согласно условиям контракта между китайской компанией по добыче угля и американской «Оксидентал петролеум корпорейшн» о совместной разработке угольного разреза Аньтайбао (провинция Шаньси) производственной мощностью свыше 15 млн. т угля в год, 52 % добытого угля будет вывозиться американской компанией в Японию, Южную Корею, на Филиппины и в другие страны [14].

---

[9] In: «Fortune», 18.II.1985, p. 22; «Business Week», 7.V.1984, p. 54—55; «Japan Economic Journal», 6.III.1984, p. 11; 18.IX.1984, p. 10; 20.XI.1984, p. 10; 15.I.1983; p. 9; 22.I.1985, p. 11; 14.VIII.1984, p. 11.

[10] In: Ho S. P. S., Huenemann R. W. China's Open Door Policy. The Quest for Foreign Technology and Capital. Vancouver, 1984, p. 128; «China Business Review», 1982, N 1, p. 43.

[11] В 1984 г. на долю КНР пришлось 32,7 % японского экспорта комплектующих деталей для производства цветных телевизоров и 42,7 % экспорта телевизионных трубок (In: «Economist», 10.VIII.1985, p. 56; «Japan Economic Journal», 29.I.1985, p. 11).

[12] См., например: «Шицзе цзинцзи даобао», 8.II.1982; «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 11, с. 37.

[13] In: «Far Eastern Economic Review», 2.X.1981, p. 57; «China Business Review», 1982, N 5, p. 35—36.

[14] In: «Asia Research Bulletin», 30.V.1983, p. 1048; «Korea Herald», 9.III.1983.

Принимая во внимание сроки заключаемых контрактов (15—30 лет), следует отметить, что вывоз зарубежными партнерами из страны столь значительной части производимых энергетических ресурсов неизбежно явится серьезным ограничителем расширенного воспроизводства в самом Китае. Как показывают расчеты, учитывая масштабы намечаемого иностранного участия в разработке нефтяных и угольных месторождений КНР в период до 2000 г. среднегодовые темпы прироста производства энергии для внутреннего потребления составят лишь около 2,7 %, заметно отстав от потребностей китайской экономики [15]. Таким образом, политика монополий, по сути дела, ориентирует КНР на существенную корректировку приоритетов развития, на перестройку отраслевой структуры народного хозяйства в сторону преимущественного развития наименее энергоемких отраслей (сельское хозяйство, легкая и текстильная промышленность) за счет соответствующего замедления развития транспорта, машиностроительной, металлургической и химической промышленности, предъявляющих повышенный спрос на энергоресурсы.

С точки зрения региональной политики заслуживает внимания слабый интерес ТНК к осуществлению вложений в отсталых внутренних или отдаленных районах КНР, несмотря на то что в планах развития Китая многие из них объявлены приоритетными и иностранным инвесторам предоставляются там значительные льготы, включая продление на 10 лет срока частичного освобождения о уплаты подоходного налога [16]. Хотя к 1985 г. объекты сотрудничества с иностранным капиталом имелись уже в 27 провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения КНР, территориальное распределение иностранных инвестиций крайне неравномерно: почти $^2/_3$ их общей суммы сосредоточено на весьма ограниченной территории, охватывающей четыре особые экономические зоны (46 % суммы контрактов на помещение иностранного капитала в экономику КНР), 14 открытых городов (15 %) и остров Хайнань (1 %) [17]. Предпочитая уже освоенные районы, где обеспечена наибольшая рентабельность вложений и наименьший инвестиционный риск, ТНК своей деятельностью способствуют усугублению и без того значительной неравномерности развития и размещения производительных сил КНР.

Таким образом, деятельность ТНК в Китае не выходит за рамки общей практики, сложившейся в итоге длительного вывоза частного предпринимательского капитала из империалистических держав в страны бывшего колониального и полуколониального мира. Такой подход, несомненно, ограничивает возможности участия империалистичских монополий в решении внутренних проблем китайской экономики.

Проблемы передачи технологии

Интенсивное приобретение и освоение передовой зарубежной техники и технологии объявлено в КНР одной из главных задач курса на развитие совместного предпринимательства. В Китае рассчитывают, что вступление в отношения партнерства и делового сотрудничества с ТНК, принадлежащими к числу крупнейших носителей передовой технологии, поможет китайской стороне оперативно и без больших затрат приобщиться к новейшим достижениям науки и техники, поднимет производительные силы страны на качественно новый уровень, отвечающий требованиям научно-технической революции. Действительно, работающие в КНР предприятия ТНК, как правило, обеспечивают более высокое качество выпускаемых изделий, значительное расширение их ассортимента. Так, после образования в 1981 г. на базе телевизионного завода города Фучжоу (провинция Фуцзянь) совместного китайско-японского предприятия «Фуцзянь-Хитати» наряду с резким расширением объемов производства отмечается значительное улучшение качества выпускаемой продукции: срок работы без ремонта производимых компанией телевизоров увеличен в 8,4 раза [18]. В ряде случаев сотрудничество с ТНК способствует освоению производства принципиально новых для КНР видов промышленной продукции, многие из которых прежде полностью закупались за границей. В их числе производимые компанией «Мицубиси хеви индастриз лтд» в сотрудничестве с Даляньским автомобильным заводом самосвалы грузоподъемностью до 40 т, автоматические сварочные аппараты, выпускаемые при техническом содействии японской «Мацусита индастриэл эквипмент компани» и т. д. [19]

---

[15] Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1981. Пекин, 1982, с. 228; «Far Eastern Economic Review», 6.X.1983, p. 70; «China Business Review», 1983, N 5, p. 38; «China Trade Report», December, 1983, p. 8; «Beijing Review», 12.IX.1983, p. 15—16.

[16] См.: Чжунго тоуцзы чжинань. Сянган, 1982, с. 209—210; «China Daily», 5.VIII. 1985.

[17] Подсчитано по «Цзинцзи гуаньли», 1984, № 9, с. 56—59; «Жэньминь жибао», 6.II.1985; «The China Investment Guide 1984/85». Hongkong, 1984, p. 70, 72, 76, 83, 108; «China Daily», 25.II.1984; 19.XII.1984, 30.I.1985; «China Economic News», 10.IX.1984, p. 4—5; 1.X.1984, p. 7.

[18] См.: «Чжунго дуйвай маои», 1985, № 3.

[19] In: «Japan Economic Journal», 6.XI.1984, p. 11; 12.II.1985, p. 9.

Однако и в сфере передачи технологии КНР приходится сталкиваться с серьезными проблемами. Современная технология нередко позволяет дробить самый сложный процесс производства на более простые операции, овладение которыми вполне по силам и малоквалифицированной рабочей силе. К примеру, на предприятии японской компании «Саньё» в особой экономической зоне Шэньчжэнь для обучения вчерашних школьниц сборке электронных калькуляторов в среднем требуется всего лишь 7 дней [20]. При этом, учитывая огромную разницу в зарплате рабочих в КНР и в развитых капиталистических странах, иностранные монополии «экономят» значительные средства при оплате подобных трудоемких операций в Китае и тем самым значительно повышают конкурентоспособность своей продукции и увеличивают прибыли. Почасовая оплата труда рабочих пекинской компании «Бэйцзин джип», например, в 37 раз ниже, чем на автомобильных заводах в США [21]. В этих условиях даже при создании предприятий в таких отраслях, как машиностроение, электронная промышленность и т. п., выпускающих достаточно сложную техникоемкую продукцию, ТНК предпочитают переносить в Китай не весь производственный комплекс, а лишь его простейшие и наиболее трудоемкие этапы. Передача технологии при этом сводится к простому обучению местного персонала отдельным техническим навыкам и приемам, возможность применения которых за рамками данного производственного процесса крайне ограниченна.

В тех же случаях, когда, осуществляя свои международные операции, ТНК бывают вынуждены передавать КНР определенную технологическую информацию, они стремятся любыми путями ограничивать и контролировать этот процесс. Компания «Хитати», например, при создании уже упоминавшегося совместного предприятия в провинции Фуцзянь обязалась в течение 15 лет передавать китайской стороне информацию лишь об отдельных второстепенных усовершенствованиях производственного процесса, сохраняя в секрете принципиально важные новые технологические решения [22]. В ряде случаев китайским партнерам передается заранее устаревшая технология («Фольксвагенверк АГ», ФРГ; «Рейнолдз тобэко», США; и др.), исключается их доступ к установленному на совместных предприятиях современному иностранному оборудованию («Скуиб энд санз», США) и т. д. [23] Такие действия направлены на то, чтобы ограничить возможности технологического развития КНР, поставить его в жесткую зависимость от монополистических центров. Все это вызывает понятную озабоченность в Китае. На состоявшемся в Пекине китайско-японском симпозиуме по экономическому сотрудничеству (ноябрь 1984 г.) многие представители КНР выражали неудовлетворенность пассивностью крупнейших японских компаний в передаче передовой технологии [24].

В конечном итоге технологическая политика ТНК подталкивает Китай к постепенному включению в своеобразную трехъярусную систему передачи технологии, которая в последние годы все отчетливее складывается в Азиатско-тихоокеанском регионе под воздействием Японии, США и других ведущих экспортеров частного капитала. На «верхнем этаже» этой системы происходит перемещение из главных империалистических центров относительно сложных и относительно капиталоемких (с точки зрения слаборазвитой экономики) видов производства, которые уже устарели или стали нерентабельными по меркам промышленно развитых стран, в ограниченный круг государств и территорий (Сингапур, Гонконг, Южная Корея, Тайвань). «Нижний этаж» системы представлен передачей менее сложных и более трудоемких видов производства с низкой добавленной стоимостью в наименее развитые страны региона, осуществляемой империалистическими инвесторами как непосредственно, напрямую, так и через уже упомянутые страны-посредники [25].

Абсолютное преобладание в структуре иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность КНР трудоемких видов промышленного производства, а также ведущая роль Гонконга в качестве источника этих инвестиций указывают на то, что империалистические партнеры ориентируют Китай (а точнее, отдельные районы страны с наибольшей концентрацией иностранных инвестиций) на подключение к процессам международного разделения труда по типу таких стран с многочисленной и малоквалифицированной рабочей силой, как Индонезия, Таиланд, Филиппины, Шри Ланка и т. д. [26]. Таким образом, для получения действительно широкого доступа к современной технологии в более или менее передовых отраслях промышленного производства КНР еще предстоит пройти длительный и весьма непростой путь в качестве реципиента иностранного капитала.

---

[20] См.: «Китай», 1985, № 5, с. 13.

[21] Совместное предприятие с участием Пекинского автомобильного завода и компании «Американ моторз» (США); In: «Newsweek», 16.V.1983, p. 45.

[23] In: Ho S. P. S., Huenemann R. W. Op. cit., p. 104.

[23] In: «Far Eastern Economic Review», 23.V.1985, p. 75; «China Trade Report», November, 1983, p. 6—7; Ho S. P. S., Huenemann R. W. Op. cit., p. 132.

[24] In: «Japan Economic Journal», 4.XII.1984, p. 24.

[25] In: «South», September, 1983, p. 27.

[26] См., например, «Asia Research Bulletin», 31.X.1981, p. 852—853.

Некоторые социальные аспекты

Создавая дополнительные производственные мощности, ТНК тем самым неизбежно создают и новые рабочие места. На предприятиях ТНК в Китае работает около 30 тыс. китайских граждан, что составляет 0,02 % общего числа занятых в городах [27]. Таким образом, деятельность ТНК на ее нынешнем уровне развития вряд ли способна оказать сколько-нибудь заметное положительное влияние на решение проблемы трудоустройства в Китае, где число безработных и не полностью занятых, как известно, исчисляется миллионами человек.

Перспективы такого влияния также весьма проблематичны. Прежде всего создание новых мощностей ТНК в Китае в значительной мере ориентировано на сырьевые отрасли экономики, на разработку и дальнейший вывоз полезных ископаемых из страны. Учитывая высокую стоимость рабочего места, нанимающая способность таких предприятий весьма невелика. Так, на сооружаемом при помощи американской компании «Оксидентал петролеум» угольном разрезе Аньтайбао при общей сумме инвестиций в 600 млн. долл. предполагается использовать лишь 1700 человек производственного персонала, в том числе 30—40 американских инженеров.

Кроме того, преимущественная ориентация на экспорт ставит производственную активность ТНК в повышенную зависимость от колебаний конъюнктуры мирового рынка. Отсюда изменчивый, нестабильный характер занятости на предприятиях ТНК. И наконец, реальные возможности вклада ТНК в решение проблемы трудоустройства ограничиваются их уже отмечавшейся обособленностью в народном хозяйстве КНР, мало способствующей расширению занятости и созданию новых рабочих мест в смежных отраслях.

Однако это лишь одна сторона проблемы. Дело в том, что, создавая объекты в обрабатывающих отраслях, ТНК активно используют уже имеющиеся в КНР промышленные предприятия. При этом, как показывает опыт, только в результате внедрения западных методов управления и организации производства, нацеленных на максимальное повышение интенсивности труда, зачастую высвобождается до 50—70 % штатного персонала [28]. Так, при создании только одного совместного предприятия при участии Пекинского автозавода и компании «Американ моторз» было сокращено 6 тыс. китайских рабочих и служащих [29]. Таким образом, если подводить окончательный итог, суммарное воздействие ТНК на решение проблемы занятости в Китае вполне может оказаться и отрицательным.

Предприятия, создаваемые в КНР при участии иностранных инвесторов, включая, естественно, и ТНК, пользуются особыми правами в области найма и увольнения рабочих и служащих, в вопросах заработной платы, социального обеспечения, охраны труда, трудовой дисциплины и т. д. Регламентируя эти важные вопросы лишь в самых общих чертах, законодательство КНР оставляет зарубежным инвесторам большой простор для их конкретного решения на сугубо индивидуальной основе. При этом функция «защиты демократических прав и материальных интересов» трудящихся возлагается на низовые профсоюзные организации, которые наделяются правом заключать коллективный договор и контролировать его исполнение, выражать требования рабочих на заседаниях совета директоров и т. д. [30] Тем не менее, как показывает опыт, в большинстве случаев данное положение существует лишь на бумаге. По поступающим из Китая сообщениям, лишь на очень немногих из действующих совместных предприятий реально созданы предусмотренные законом профсоюзные организации. В особой экономической зоне Шэньчжэнь, например, профсоюзы действуют менее чем на $^1/_4$ из имеющихся объектов с участием иностранного капитала [31]. В тех случаях, когда низовые профсоюзные организации все же имеются в наличии, их деятельность, как правило, носит чисто номинальный характер и, как вынуждены признавать сегодня в Китае, не принимается в расчет иностранными вкладчиками капитала. В этих условиях подписание коллективного договора, призванного регулировать деятельность иностранного инвестора, зачастую подменяется множеством личных трудовых контрактов между компанией и каждым работником в отдельности, которые, как правило, подлежат возобновлению на ежегодной основе.

Вместе с тем рассмотрение условий работы на предприятиях ТНК свидетельствует о значительно более высокой интенсивности труда, означающей ускоренное расходование жизненных сил рабочего. При этом система оплаты труда направлена на непрерывное повышение его интенсивности. С этой целью некоторые ТНК (например, компания «Жилетт», США) идут на прямой отказ от обеспечения на своих предприятиях гарантированного минимума заработной платы. Другие, предпочитая действовать не столь откровенно, практикуют установление основной (фиксирован-

---

[27] Подсчитано по: «Жэньминь жибао», 11.V.1985; «China Daily», 10.V.1985.
[28] In: «Intertrade», 1984, N 4; «Business Week», 7.V.1984, p. 55.
[29] In: «Fortune», 18.II.1985, p. 22.
[30] См.: Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань гунбао (Бюллетень Госсовета КНР), 1983, № 21 (416).
[31] См.: «Гунжэнь жибао», 28.I.1985.

ной) заработной платы на уровне, зачастую не покрывающем затрат на возмещение необходимых жизненных потребностей. Так, в зоне Шэньчжэнь, где цены на продовольствие в 2—6 раз выше, чем во внутренних районах Китая, фиксированная часть заработной платы на совместных предприятиях примерно соответствует средней заработной плате по стране [32]. Таким образом, для воспроизводства рабочей силы необходимо получение дополнительной, так называемой «плавающей» части зарплаты, компенсирующей повышенную трудовую активность. Неудивительно, что на предприятиях зоны широко распространены сверхурочные работы, продлевающие рабочий день нередко до 13—18 часов [33]. При этом применяемые иностранными инвесторами меры по поддержанию трудовой дисциплины отличаются крайней суровостью: за несколько часов опоздания на работу рабочему грозит лишение всей «плавающей» части месячного заработка [34]. В итоге реальный выигрыш китайских рабочих от получения повышенной заработной платы на предприятиях ТНК выглядит не столь привлекательно.

Наряду с максимальным наращиванием прибыли, важной целью политики ТНК является расширение социальной базы их деятельности в Китае. Для этого используются различные методы воздействия на сознание рабочих, предусматривающие всяческое рекламирование «преимуществ капитализма», культивирование в рабочей среде чувства лояльности по отношению к иностранной компании. Корпорация «Хитати», например, с широкой оглаской устраивает благотворительные завтраки для рабочих своего предприятия в провинции Фуцзянь, оплачивает часть расходов по содержанию их детей в заводском детском саду, обеспечивает производственный персонал предприятия специально созданной униформой, практикует систему «ящика предложений» по улучшению условий труда и быта рабочих. В своих усилиях по воспитанию в рабочих некоего «корпорационного патриотизма» эта японская фирма дошла до издания на предприятии собственного иллюстрированного журнала и даже до создания гимна компании «Фуцзянь-Хитати». В результате, как отмечают руководители компании, трудовая активность и лояльность рабочих «исключительно высоки» [35].

Не менее важно и то, что в стремлении расширить свою социальную базу в КНР ТНК пытаются упрочить связи с представителями местного государственного и партийного аппарата. Предлагая высокие заработки, они привлекают к руководству создаваемых в Китае совместных предприятий наиболее опытные и влиятельные управленческие кадры. Так, председателем совета директоров совместной китайско-американской компании «Шанхай-Фоксборо» является ответственный работник городского народного правительства, совет директоров «Фуцзянь-Хитати» возглавляет начальник Управления внешнеэкономических связей и внешней торговли провинции Фуцзянь и т. д. [36]. Установление прямых контактов такого рода с представителями местных властей создает для ТНК возможность оказания определенного влияния на формирование государственной политики КНР в сфере совместного предпринимательства в направлении, выгодном для иностранных монополий.

* * *

Таким образом, несмотря на то что деятельность ТНК пока еще не является преобладающим направлением развития совместного и иностранного предпринимательства в китайской экономике, уже сейчас вполне определенно вырисовываются основные направления возможного воздействия ТНК на социально-экономические процессы в КНР. В их числе усиление неравномерности развития и размещения производительных сил КНР; попытки втягивания Китая в международное капиталистическое разделение труда во второстепенной, зависимой роли производителя сырья и технологически несложной, трудоемкой промышленной продукции; углубление социальной дифференциации китайского общества; поощрение частнопредпринимательских настроений и т. д. И если сегодня все эти негативные последствия имеют весьма ограниченный, локальный характер, то в случае усиления позиций ТНК в Китае они могут обернуться серьезными проблемами для социально-экономического развития страны.

[32] См.: «Жэньминь жибао», 24.I.1983; «Beijing Review», 3.XII.1984, p. 22.
[33] In: «Beijing Review», 17.XII.1984, p. 28.
[34] См.: «Жэньминь жибао», 15.I.1983.
[35] In: «Japan Economic Journal», 21.I.1984, p. 7; «Beijing Review», 11.II.1985, p. 28.
[36] In: «China Newsletter», 1984, N 51, p. 17—19.

ИСТОРИЯ

Коммунистической партии Китая — 65 лет

В. И. ГЛУНИН,
доктор исторических наук
А. В. МЕЛИКСЕТОВ,
доктор исторических наук

В июле 1921 г. в Шанхае состоялся I съезд КПК, провозгласивший создание в Китае пролетарской партии нового типа по большевистскому образцу. Съезд поставил своей конечной программной целью революционное ниспровержение эксплуататорского строя и построение бесклассового коммунистического общества. Это событие происходило в условиях глубокого подполья, в нем приняли участие всего 13 представителей полусотни приверженцев научного социализма. Тогда оно не получило особого отклика в стране, но в широкой ретроспективе стало отправным пунктом грандиозных революционных событий, в корне изменивших исторические судьбы китайского народа.

За 65 лет своего существования Коммунистическая партия Китая прошла трудный и героический путь, отмеченный и большими победами, но также и сложными поисками, горькими поражениями, и просчетами. Как отмечалось в документах последнего, XII съезда КПК, это был «как полный зигзагами путь развития демократической революции... так и извилистый путь социалистической революции и социалистического строительства»[1]. В настоящее время КПК представляет собой крупный отряд международного коммунистического движения, насчитывающий в своих рядах почти 42 млн. членов и стоящий у руля великой социалистической державы, в которой проживает около четверти всего человечества. Вполне естественно поэтому, что противоречивый исторический опыт КПК, ее поиски оптимального решения труднейших проблем построения социализма в условиях большой, перенаселенной, в прошлом отсталой азиатской страны привлекают пристальное внимание всех политических сил планеты, как искренних друзей китайского народа, так и его врагов в стане империалистической реакции.

История КПК теснейшим образом связана со всеми перипетиями китайской революции, в которой принимали участие огромные людские массы, включавшие самые разнородные социальные силы. КПК развивалась вместе с революцией. Как не было прямым, однозначным развитие китайской революции, так и история КПК, не буквально, но достаточно четко отражая зигзагообразный путь этой революции, была сложным процессом развития принципиально новой для Китая политической силы, которая в конце концов стала определяющим фактором общественного развития страны. История КПК продемонстрировала специфику складывания коммунистического движения в условиях полуколониальной и полуфеодальной страны, в которой не было и не могло быть с самого начала адекватной социальной базы такого движения.

Демократический этап революции (20-е—40-е годы) был для КПК периодом ее возникновения, становления и развития как боевого аван-

[1] XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1982, с. 2—3 (на кит. яз.).

гарда, а затем и признанного руководителя революционной национально-освободительной борьбы китайского народа. Компартии Китая пришлось в эти годы пройти трудный путь исканий и осмысливания отечественной действительности в свете теории марксизма-ленинизма, сопровождавшийся не только постепенным накоплением ценнейшего революционного опыта, но и идейно-политическими шатаниями и заблуждениями, включая проявления сектантства, революционного нетерпения, авангардизма, национализма и социального утопизма. В период своего роста КПК «переболела» всем набором «детских болезней», которыми страдали в той или иной мере и другие отряды молодого коммунистического движения, а также своими специфическими недугами.

Объективные трудности формирования и развития КПК коренились в общей социально-экономической и культурной отсталости страны, преобладании докапиталистических отношений, ее полуколониальной зависимости от империалистических держав, в относительной слабости, малочисленности и молодости китайского пролетариата. Другая трудность состояла в том, что до начала 20-х годов Китай практически не знал марксизма, и в стране были широко распространены и господствовали различного рода феодальные, националистические и шовинистические взгляды и представления.

Объективным содержанием демократического (национально-демократического) этапа китайской революции было восстановление национальной независимости в полном объеме и решительный слом тысячелетних феодальных порядков, национальное возрождение, социальное обновление и модернизация страны, завоевание ею подобающей роли в системе международных отношений как могущественной великой державы. Национальное освобождение страны было в течение десятилетий непосредственной целью и для Компартии Китая. КПК стала, особенно в период войны против японских захватчиков (1937—1945) и борьбы против гоминьдановской власти (1945—1949), мощной национально-революционной силой. Это привлекло на ее сторону широкие слои населения и сделало возможной победу над гоминьданом. Но это же в сочетании с давлением докапиталистических непролетарских элементов, составлявших огромное большинство членов партии (как и населения Китая), увеличивало возможность искаженного восприятия марксизма-ленинизма.

История китайской революции — это вместе с тем и история непрерывных поисков оптимального сочетания ее национальных и социальных задач. Попытки решать их изолированно, игнорирование или недооценка одной из них неизбежно приводили к провалам и поражениям. Успех китайских коммунистов в 1949 г. объясняется, несомненно, не только стечением исторических обстоятельств и мощной интернациональной поддержки, прежде всего со стороны СССР, но и тем, что они сумели извлечь уроки из своих собственных и чужих неудач и ошибок, нащупав необходимое соотношение национальных и социальных аспектов в практике революционной борьбы. Однако в тот период КПК не могла осуществить достаточно адекватное теоретическое обобщение собственной революционной практики в духе марксизма-ленинизма, чему препятствовали как националистические амбиции части ее руководства, так и груз архаичных представлений глухого деревенского захолустья. Абсолютизация и догматизация специфических «крестьянских» черт исторического опыта КПК, порожденных докапиталистической социальной средой и «деревенским маршрутом» значительного отрезка революции в сочетании с национализмом, послужили одной из главных причин ряда неудач партии на последующем этапе социалистического преобразования Китая.

Тесное переплетение в революционной борьбе китайского народа национальных и социальных задач нередко приводило к затенению клас-

совых целей коммунистического движения национальными. Большинство представителей революционной демократии, влившихся в КПК, шли к марксизму не через рабочее движение, а через национально-освободительную и антифеодальную борьбу, что обусловило длительное влияние на партию национал-революционаризма и серьезно отражалось на восприятии теории марксизма-ленинизма и его практическом претворении.

В этом кроется одна из главных причин возникновения и длительного существования в партии двух основных тенденций — пролетарско-интернационалистической, марксистско-ленинской и непролетарской, националистической, немарксистской. В практической деятельности КПК, во внутрипартийной борьбе имело место не только столкновение этих тенденций, но и их сосуществование, смыкание, компромиссы при решении конкретных проблем. В результате границы между тенденциями порой оказывались смазанными, нечеткими, а одни и те же деятели партии могли подчас персонифицировать разные тенденции в различных конкретных политических ситуациях. Кроме того, в идейно-политической жизни КПК происходило смыкание, сближение, наложение национализма и левого радикализма, левачество часто приобретало националистическую окраску. А это, в свою очередь, вело к тому, что марксистская тенденция могла ассоциироваться с просто трезвой оценкой реальной социально-экономической и политической ситуации в стране, с определенной политической сдержанностью.

Главным внешним фактором, способствовавшим становлению и развитию коммунистического движения в Китае, была разносторонняя помощь со стороны Коминтерна и КПСС. Начиная со II съезда партии (1922) и вплоть до 1943 г. КПК действовала в качестве одной из секций Коммунистического Интернационала.

В силу объективных исторических обстоятельств Китай стал одной из первых крупных стран, где проходили проверку жизнью, практикой революционных событий большого исторического масштаба основные положения ленинской теории национально-освободительного движения послеоктябрьской эпохи. Коминтерн вместе с его китайской секцией впервые теоретически обобщил и практически опробировал многие аспекты стратегии и тактики национально-освободительной борьбы, которые прочно вошли в арсенал международного коммунистического движения и широко используются на современном этапе революционного процесса в развивающихся странах (проблемы соотношения национальных, интернациональных и социальных аспектов революции, массовых движений и революционных вооруженных сил, решения аграрно-крестьянского вопроса, некапиталистического пути развития, национальной демократии, единого антиимпериалистического национального фронта, последовательных этапов движения и передвижки классовых сил и т. д.).

Понятно, что деятельность Коминтерна, включая его решения по Китаю, не могла быть свободна от ошибок. Помимо общих для всего международного коммунистического движения причин здесь свою роль сыграла неполная, а порой и недостоверная либо искаженная информация, поступавшая из Китая. И тем не менее главным, определяющим в подходе международного коммунистического движения к проблемам КПК были позитивные моменты. Практика национально-освободительного и антифеодального движения в Китае, коллективная теоретическая работа Коминтерна, отдавшего лучшие силы марксистскому осмыслению сложнейших процессов китайской национально-демократической революции, обогатили ленинскую теорию национально-колониального вопроса новыми выводами, которые и поныне остаются ценным достоянием всего мирового коммунистического и национально-освободительного движения. В это достояние крупный вклад внесли, естественно, китайские коммунисты.

Концепция демократического этапа китайской революции явилась

результатом тесного взаимодействия марксистской теории и практики, она вырабатывалась соединенными усилиями Коминтерна, его практических работников в Китае и самих китайских коммунистов, стоявших на марксистско-ленинских позициях. Эта концепция, несмотря на все трудности, ошибки, неудачи и временные поражения, наскоки и извращения со стороны правых и «левых» оппортунистов и националистов, в основном выдержала проверку временем и явилась тем идейно-теоретическим оружием, которое привело КПК к победе в 1949 г.

Вместе с тем объективная оценка исторического опыта КПК периода национально-демократической революции во всей его совокупности и многообразии показывает, что идейно-теоретическое и политическое наследие партии представляет собой весьма сложное и неоднородное явление. То, что в партийных документах КПК и в китайской историко-партийной литературе принято называть «коллективным опытом партии» и «соединением марксизма-ленинизма с практикой китайской революции», включало в себя не только основополагающие марксистские положения, заимствованные из общей сокровищницы мирового коммунистического движения, не только вклад Коминтерна и действительно самостоятельный вклад китайских коммунистов, стоявших на марксистско-ленинских позициях, но также и элементы явного или скрытого искажения марксизма. Такие элементы выражались в попытках «китаизации» марксизма, в проявлениях национализма и социального утопизма, в идеализации своеобразного «военного коммунизма», порожденного суровыми условиями антияпонской и гражданской войны.

Историческая победа КПК в 1949 г. — результат благоприятного стечения внутренних (социальная самоизоляция гоминьдана и его разложение) и внешних (победа антифашистской коалиции во второй мировой войне, помощь СССР китайской революции, общее изменение соотношения сил на мировой арене) обстоятельств. Вместе с тем она ярко продемонстрировала огромное морально-политическое превосходство КПК над всеми ее политическими противниками. КПК сумела объединить вокруг себя в ходе национально-освободительной борьбы все наиболее честные и передовые элементы китайского общества и тем самым стать подлинным руководителем китайского народа, обладавшим исключительно высоким политическим и моральным авторитетом.

Победа демократической революции и образование КНР в 1949 г. являются историческим водоразделом не только в истории Китая, но и в истории КПК. Этими событиями завершается исторический этап становления и борьбы за власть КПК, как авангарда революционных сил китайского народа, и начинается новый этап, когда КПК превращается в правящую партию и руководит развитием страны по некапиталистическому, социалистическому пути. Вместе с тем победа демократической революции отнюдь не означала завершение борьбы за национальное возрождение и социальное обновление страны, преодоление ее нищеты и отсталости, а решила, главным образом, вопрос о выборе пути к достижению этих целей. Вполне естественно, что задача их реализации перешла в долговременное наследство новому строю и легла на плечи той же политической силы, которая привела демократическую революцию к победе и взяла власть в свои руки. В Китае в еще больших масштабах, чем в России, проявилось то, по определению В. И. Ленина, видоизменение «обычного исторического порядка», которое наложило сильнейший отпечаток на все последующее развитие страны и обусловило целый ряд специфических особенностей движения Китая по пути к социализму.

Сразу же после прихода к власти КПК пришлось приступить к решению целого комплекса грандиозных по своим масштабам проблем, как относительно краткосрочного, так и долговременного характера. Китай оставался страной с крайне низким уровнем развития производительных сил, нищетой и поголовной неграмотностью трудового населения, опу-

танного средневековыми и националистическими предрассудками. Весьма скудные экономические ресурсы страны были к тому же истощены длительными войнами, подрывались инфляцией, спекуляцией, коррупцией, безработицей, бандитизмом и прочими социальными бедствиями. В то же время сложившаяся ко времени образования КНР политическая, социально-экономическая и международная ситуация благоприятствовала как утверждению новой народной власти, так и поступательному развитию революционного процесса. Трехмиллионная КПК пришла к своей победе как фактически монопольная политическая сила, ее авторитет был необычайно высок, она располагала многомиллионной народной армией. В руки новой власти автоматически перешел занимавший господствующие экономические высоты прежний государственно-капиталистический сектор («бюрократический капитал»), сложившийся при гоминьдановском режиме за счет поглощения крупного национального и почти всего иностранного капитала. В ходе проводившихся КПК антифеодальных аграрных преобразований прибавочный продукт, производившийся в крестьянском хозяйстве и прежде попадавший в руки сельских эксплуататоров и гоминьдановских чиновников, стал поступать через новую прогрессивную налоговую систему в казну народного государства. Важнейшим благоприятным международным условием была всесторонняя государственная поддержка КНР со стороны Советского Союза и других стран социализма, сорвавшая планы американской империалистической интервенции и блокады. Выдающуюся роль в укреплении народной власти, восстановлении и развитии экономики КНР и обеспечении ее безопасности сыграл подписанный в Москве в феврале 1950 г. советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, заложивший основу сотрудничества двух великих держав в борьбе за общее дело мира и социализма.

Новая народная государственность, сложившаяся в результате образования КНР, быстро доказала свою дееспособность, лишив контрреволюционные силы каких-либо надежд на возможность реставрации старых порядков. Вместе с тем новый государственный аппарат строился, вполне естественно, по образу и подобию аппарата КПК, полностью восприняв его основные особенности, в том числе и негативные. Так же как и КПК, он был построен на принципах военизации и сверхцентрализма. «Одной из основных задач социалистической революции,— констатировал ЦК КПК в 1981 г.— является постепенное создание высокодемократического социалистического политического строя. Со времени образования КНР на эту задачу не обращали должного внимания, что явилось одной из важных причин возникновения «культурной революции». Это прискорбный урок для нас»[2].

Огромная военно-политическая сила нового государственного аппарата, значительные экономические возможности, находившиеся в руках КПК, были важным позитивным фактором, который способствовал переходу революционного процесса на более высокую, социалистическую стадию.

Вместе с тем у этих огромных возможностей была и своя оборотная сторона; они порождали у ряда руководителей КПК иллюзорное представление о всесилии политических и административных рычагов, недооценку, а нередко и игнорирование экономических (в узком смысле — товарно-денежных, рыночных) механизмов при построении фундамента нового общества. Накладываясь на традиционные антирыночные настроения масс беднейшего населения, эти представления способствовали утверждению курса на внеэкономические методы решения задач переходного периода.

[2] Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981, с. 83—84 (на кит. яз.).

Исторический опыт КНР и других государств совершающих и совершавших переход к социализму в условиях господства полуколониальных, полуфеодальных порядков, сильного влияния докапиталистических отношений, выявил некоторые особенности такого переходного периода, несводимые только к длительности такого перехода, а характеризующиеся прежде всего во многом отличным содержанием. Незрелость объективных условий для социалистического переворота требует дополнить социально-экономический переворот созданием материально-технической базы, адекватной новому обществу, и осуществлением глубокой культурной революции, создающей духовные предпосылки строительства нового общества. При этом именно создание материально-технической базы, развитие производительных сил оказываются основным (в определенном смысле предварительным) условием и экономического, и культурного переворотов, условием развития и самих социальных носителей новых общественных отношений. Ко времени победы китайской революции прецедентов подобного развития в масштабах такой страны, как Китай, еще не было, если не считать опыта России, хотя и совершавшей переход к социализму от капитализма, но от капитализма среднеразвитого, с относительно низким уровнем развития производительных сил мелкокрестьянской страны. Эта стратегия социально-экономического развития Китая нашла свое отражение в генеральной линии партии в переходный период (1953), в первом пятилетием плане (1953—1957), в решениях VIII съезда КПК (1956). Особое место заняли решения VIII съезда партии, провозгласившего, что идейно-политической основой всей деятельности партии является марксизм-ленинизм и пролетарский интернационализм, а также выработавшего курс на долговременную социалистическую перспективу, постепенное планомерное создание материально-технической базы социализма и социалистических производственных отношений, на развитие социалистической и внутрипартийной демократи, повышение материального и культурного уровня народа. Однако на съезде не были выработаны необходимые организационно-политические меры, которые смогли бы обеспечить проведение в жизнь принятых им программных установок, что привело в дальнейшем к весьма печальным для партии и всего китайского народа последствиям.

В целом первая половина 50-х годов была одним из наиболее плодотворных периодов в деятельности КПК как внутри страны, так и на международной арене. Это был период становления основ социализма, высокого политического и трудового энтузиазма народа, быстрого развития экономики, улучшения жизни трудящихся масс, высокого авторитета партии, широкого всестороннего сотрудничества Китая со странами социализма, роста международного престижа КНР, ее активного и действенного участия в борьбе за мир, социализм и национальное освобождение совместно со всеми прогрессивными силами планеты.

Период первой половины 50-х годов высоко оценивается в современной китайской историко-партийной литературе, к опыту этого периода постоянно обращаются китайские ученые-обществоведы. В то же время блестящая победа демократической революции и первые зримые достижения на пути продвижения Китая к социализму породили у части руководства КПК во главе с Мао Цзэдуном своего рода «головокружение от успехов», выразившееся сначала в волюнтаристском перескакивании через незавершенные этапы развития, искусственном форсировании социалистических преобразований, а затем в организации известных всему миру трагических широкомасштабных социальных «экспериментов» с «большим скачком», «народными коммунами», а затем и «культурной революцией».

Левоэкстремистский и во многом утопический курс, господствовавший в КПК с небольшими паузами в течение 20 лет, причинил, как это теперь официально признано в Китае, неисчислимые страдания китай-

скому народу, привел к огромным экономическим издержкам, снижению жизненного уровня населения, падению общественных нравов, идейному разброду в партии и растрате ее политического капитала, накапливавшегося десятилетиями героической борьбы, к самоизоляции КПК от международного коммунистического движения и социалистического сотрудничества, а также к другим не менее тяжким последствиям, преодоление которых требует немало времени и усилий.

Международное коммунистическое движение дало однозначно негативную оценку политическому курсу КПК во время «большого скачка» особенно в период «культурной революции». Основные моменты такой оценки нашли подтверждение в принятом ЦК КПК в 1981 г. «Решении по некоторым вопросам истории нашей партии после образования КНР» и других официальных партийных документах: «„Культурная революция", продолжавшаяся с мая 1966 г. по октябрь 1976 г., принесла нашей партии, государству и народу наиболее серьезные неудачи и потери со времени образования КНР. Развернул эту «культурную революцию» и руководил ею товарищ Мао Цзэдун... История «культурной революции» свидетельствует о том, что основные положения товарища Мао Цзэдуна, которые послужили обоснованием для развертывания «культурной революции», не отвечают ни марксизму-ленинизму, ни китайской действительности... Практика показывает, что «культурная революция» не была и не могла быть революцией или социальным прогрессом в каком бы то ни было смысле... . История уже доказала, что «культурная революция» была смутой, вызванной сверху по вине руководителя и использованной контрреволюционными группировками, смутой, которая принесла серьезные бедствия партии, государству и всему многонациональному народу»[3]. В официальном докладе о 30-летии КНР политический режим периода «культурной революции» был эмоционально охарактеризован как «диктатура насквозь прогнившего и самого мрачного фашизма с примесью феодализма»[4].

Вместе с тем сам характер правящей партии, как партии коммунистической, ее генетические, теоретические, идейные и политические связи с международным коммунистическим движением и мировым революционным процессом, неизбежность выбора партией социалистического пути развития не могли не способствовать даже в самых неблагоприятных условиях постоянному воспроизводству в партии марксистско-ленинских тенденций и сил.

Выход КПК из глубокого идейно-политического кризиса начался лишь после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г., когда в ходе острого внутрипартийного столкновения из высшего эшелона партийного руководства были устранены деятели, входившие в «банду четырех», придерживавшуюся левацкого экстремизма и в области внутренней, и в сфере внешней политики. Этот политический поворот в октябре 1976 г. знаменовал начало длительной полосы сложной внутрипартийной борьбы по коренным вопросам развития страны, деятельности партии. Содержание этой борьбы характеризовалось прежде всего двумя взаимосвязанными процессами: с одной стороны, постепенным упрочением политических позиций тех партийных деятелей в руководстве КПК, которые стремились порвать с социальным утопизмом и политическим экстремизмом маоизма, преодолеть идейно-политические и социально-экономические последствия «культурной революции», жертвой которой многие из них были; с другой стороны, утверждением нового политического курса в строитель-

---

[3] Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР, с. 33—37.

[4] «Жэньминь жибао», 30.IX.1979.

стве социализма в Китае, основанного на трезвом учете объективной ситуации в стране, на понимании всей глубины переживаемого Китаем социально-экономического и идейно-политического кризиса, ставшего результатом прежней политики, выдвинутой Мао Цзэдуном.

Тот факт, что в КПК, несмотря на причиненный ей тяжкий урон, несмотря на длительную деформацию всей ее внутрипартийной жизни, сохранились силы, способные трезво оценить ситуацию в стране, критически отнестись к маоистскому идейно-теоретическому наследию, сделать практические выводы из собственного печального политического опыта, заслуживает, на наш взгляд, пристального внимания и отражает, вероятно, глубинные особенности сложившейся в последние десятилетия в Китае политической культуры.

Вехой внутрипартийной борьбы и всей политической жизни страны стал III пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва (декабрь 1978 г.), на котором новые политические силы, заняв преобладающие позиции, получили возможность реализовать свои цели.

Естественно, что в укреплении новых процессов в партии большую роль сыграл XII съезд партии (сентябрь 1982 г.). Работа и решения съезда имели крупное и далеко идущее значение для развития КПК, строительства социализма в Китае. В своей вступительной речи заместитель председателя ЦК КПК Дэн Сяопин выделил три основные задачи китайского народа в 80-е годы: «Ускорение темпов социалистической модернизации, борьба за объединение Родины, включая Тайвань, борьба против гегемонизма, за сохранение мира во всем мире»[5]. В отчетном докладе председатель ЦК КПК Ху Яобан подчеркнул, что в период «великого исторического перелома», то есть после устранения «банды четырех», были «разбиты тяжелые многолетние оковы догматизма и культа личности в области идеологии», что центр тяжести всей работы перенесен на осуществление «социалистической модернизации». С таким пониманием целевых установок связано и очень важное положение отчетного доклада о том, что навязывание партии в предшествующие годы принципа «классовая борьба — главное звено» было ошибочным. Борьба с левацким экстремизмом проходит красной нитью через всю работу съезда. В отчетном докладе был подчеркнут призыв полностью ликвидировать «левацкие ошибки культурной революции и предшествующего ей периода»[6].

Критический пересмотр прежних идеологических установок, в течение нескольких десятилетий определявших жизнь партии, подавался на съезде как восстановление «подлинного облика идей Мао Цзэдуна», а в программном разделе вновь принятого Устава КПК указывалось, что партия в своей деятельности «руководствуется марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна»[7]. И такая ситуация имеет свое объяснение в истории КПК. Когда сегодня в Китае все больше подчеркивается коллективный характер происхождения «идей Мао Цзэдуна», то мы должны признать, что это утверждение весьма недалеко от истины — многие нынешние и прежние руководители КПК внесли существенный вклад в формирование господствующей в КПК идеологической системы. В последнее десятилетие происходит активный процесс пересмотра основополагающих идеологических установок КПК, выдвигавшихся Мао Цзэдуном и относившихся прежде всего к социально-утопическим целям и левоэкстремистским методам достижения этих целей. Одновременно идеологиче-

---

[5] XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы), с. 4 (на кит. яз.).

[6] Там же, с. 10, 12.

[7] Там же, с. 99.

ская платформа КПК все больше обогащается теоретическим осмыслением опыта социалистического строительства в КНР, особенно за последние годы, а также освоением опыта коммунистических партий, связанного с решением исторически сходных задач (например, опыта СССР, экономических реформ в Венгрии и т. п.).

Внешнеполитический раздел отчетного доклада на XII съезде КПК содержал установку на то, что Китай будет «твердо придерживаться самостоятельной и независимой внешней политики»[8]. Эта формулировка отражала по сути дела признание руководством партии несостоятельности проводившегося во второй половине 70-х годов внешнеполитического курса на блокирование с империалистическими странами, на создание «единого антисоветского фронта», а, может быть, и пришедшее понимание того фундаментального факта, что антисоветизм может только препятствовать решению задач социалистического развития Китая. Можно сказать, что внешеполитические установки съезда и послесъездовская внешнеполитическая практика свидетельствуют о том, что КПК стремится подчинить внешнюю политику интересам осуществления социалистической модернизации. Вот почему, вероятно, в отчетном докладе указано на возможность того, что развитие «китайско-советских отношений сможет пойти в сторону нормализации»[9].

Тенденции обновления партийной жизни руководство КПК, избранное XII съездом[10], сумело заметно укрепить на Всекитайской партийной конференции в сентябре 1985 г. Это прежде всего относится к решениям конференции по кадрам — заметно обновился состав центральных партийных органов и, что не менее важно,— ускорился процесс замены на всех уровнях партаппарата работников старой закалки, гораздо более молодыми, энергичными и образованными деятелями[11]. Конечно, не только возраст и образование отличают это новое поколение кадровых работников, но и прежде всего активное принятие нового идеологического и политического курса. Приняв принципиально важные рекомендации по составлению седьмого пятилетнего плана (1986—1990), партконференция закрепила также новое направление социально-экономического развития страны, разрабатываемое в последние годы.

Подводя некоторый итог десятилетию обновления партийной жизни, можно, как нам представляется, констатировать принципиально важный поворот от концентрации усилий на пресловутой «классовой борьбе» в ее уродливом, маоистском истолковании к решению актуальных социально-экономических задач социалистической модернизации и связанных с ними идейно-политических проблем. Хозяйственное строительство все больше оказывается главным в работе партии. Благодаря этому все заметнее меняется облик страны, все более зримой становится социально-экономическая эффективность нового партийного курса. Количественным ориентиром этого курса является задача учетверения валового производства к концу нынешнего века (по сравнению с 1980 г.), которое должно в то же самое время означать принципиальный качественный сдвиг во всем социалистическом развитии страны.

Экономический поворот, осуществленный за последнее десятилетие в ходе преодоления прежней, во многом утопической, социально-экономической политики, может быть, по нашему мнению, сведен (с некоторым, естественно, упрощением) к трем основным положениям: акцент на эко-

---

[8] Там же, с. 59.

[9] Там же, с. 64.

[10] В состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК двенадцатого созыва вошли Ху Яобан, Е Цзяньин, Дэн Сяопин, Чжао Цзыян, Ли Сяньянь, Чэнь Юнь. Пост председателя ЦК был упразднен. Генеральным секретарем ЦК был избран Ху Яобан. Председателем Военного совета ЦК КПК был избран Дэн Сяопин. — Там же, с. 162.

[11] На конференции 64 члена ЦК КПК, в том числе 10 членов Политбюро, ушли в отставку. За год, предшествовавший конференции, около 2 млн. старых кадровых работников уступили свои места более молодым.

номические (в более узком смысле — рыночные) методы хозяйствования, при сохранении централизованного государственного планирования и контроля, широкое использование индивидуального и частного хозяйствования в сельском хозяйстве, в кустарной промышленности, в сфере обслуживания с целью максимальной активизации личностного фактора производства, разностороннее привлечение иностранного капитала с целью более быстрого приобщения к мировому уровню науки и техники, расширения экспортных возможностей, увеличения потенциала экономического строительства.

Раньше других экономические преобразования стали проводиться в деревне. С конца 70-х годов система «народных коммун» подверглась постепенной перестройке, в ходе которой к 1983 г. в китайской деревне полностью утвердился семейный, или подворный подряд, как форма производственной ответственности, что, в свою очередь, привело к упразднению хозяйственных и административных функций «народных коммун». Таким образом, при сохранении коллективной собственности на землю (юридическим собственником выступает производственная бригада) крестьянская семья стала главной производственной единицей, и в деревне возродилась система мелкого индивидуального землепользования. Энергичное развязывание личной инициативы крестьянства при поддержке государства за относительно короткий срок выявило значительную экономическую эффективность новой политики в деревне. В 1981—1985 гг. сбор зерна вырос с 305,3 до 370,6 млн. т, хлопка — с 2,24 до 4,32 млн. т, резко возросла товарная продукция животноводства, значительно увеличилось производство технических культур, устойчивым стал ежегодный прирост валовой продукции сельского хозяйства [12]. Впервые за многие десятилетия страна преодолела хронический кризис недопроизводства продовольствия.

В социальном отношении новая политика в деревне также показала свою эффективность, хотя социальные результаты этой политики неоднозначны. В среднем за последние пять лет доходы крестьянства выросли в два раза (что больше, чем за предшествующие 20 лет). Рост доходов крестьянских семей был, естественно, неодинаковым, вел к определенному увеличению разрыва в доходах. Выделилось меньшинство дворов (около одной шестой их части), которые в результате ведения высокотоварного хозяйства получают относительно высокие доходы. Однако важно отметить и другой факт — бедные не стали жить беднее. Так, если в 1978 г. примерно две трети крестьян имели среднедушевой доход менее 150 юаней в год, то весной 1986 г. к бедным дворам (само понятие «бедности» к этому времени изменилось — к ним причисляют дворы со среднедушевым годовым доходом менее 200 юаней) относилось уже только 8 % (около 14 млн. дворов, примерно 70 млн. человек). Вместе с тем рост неравенства в доходах ведет, как отмечает китайская печать, к определенному росту социальной напряженности нового типа в деревне, в известной мере сдерживая и деформируя новые экономические процессы.

Успех экономических преобразований в деревне позволил ускорить и расширить преобразования в городе (в опытном порядке они проводились с 1979 г.). Экономической реформе был придан всеобъемлющий характер. На III пленуме ЦК КПК двенадцатого созыва (октябрь 1984 г.) было принято постановление «О реформе хозяйственной системы», главной целью которой провозглашалось «строительство социалистической системы с китайской спецификой», создание фундамента которой должно занять всю седьмую пятилетку.

Центральное звено хозяйственной системы в городе — превращение промышленных предприятий в «самостоятельные хозяйственные организации», сокращение сферы директивного и введение направляющего пла-

[12] См.: «Жэньминь жибао», 14.IV.1986.

них, а добрососедское сотрудничество вполне возможно и желательно. Мы со своей стороны намерены активно способствовать тому, чтобы негативная полоса в советско-китайских отношениях, породившая немало искусственных наслоений, была полностью преодолена. Уверен, что в конечном счете так оно и будет» [14]. Эта мысль четко выражена и в решении XXVII съезда КПСС, в котором с удовлетворением отмечается определенное улучшение взаимоотношений СССР с великим соседом — социалистическим Китаем, возможность, несмотря на различия в подходах к ряду международных проблем, развивать сотрудничество на равноправной, не затрагивающей третьи страны основе. Резервы такого сотрудничества, по убеждению съезда, огромны, потому что они отвечают коренным интересам обеих стран, для народов которых неразделимо самое дорогое — социализм и мир [15].

[14] «Правда», 27.VI.1985.
[15] См. там же, 26.II.1986.

К 30-летию VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая

К. В. КУКУШКИН,
кандидат исторических наук

VIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая состоялся 15—27 сентября 1956 г., в один из самых важных и ответственных периодов в истории китайского народа — начала развернутого планомерного строительства социализма. Перед коммунистами Китая стояли большие задачи — правильно обобщить опыт своей борьбы, извлечь уроки из достигнутых успехов и допущенных ошибок, определить перспективы развития страны в оставшийся переходный период от завершения демократических преобразований до построения основ социализма.

К своему съезду КПК пришла как крупнейшая политическая партия, насчитывавшая в своих рядах 10 730 тыс. человек, 14 % из них составляли рабочие, 69 — крестьяне и 12 % — интеллигенция. 60 % коммунистов вступило в партию после 1949 г., то есть после победы народной революции.

В работе съезда приняли участие 1026 делегатов с решающим и 86 делегатов с совещательным голосом. На нем присутствовали представители более 50 коммунистических и рабочих партий мира.

Съезд заслушал и обсудил политический отчет ЦК КПК (докладчик Лю Шаоци), доклады об изменениях в Уставе партии (докладчик Дэн Сяопин), о предложениях по второму пятилетнему плану (докладчик Чжоу Эньлай), принял соответствующие решения по докладам и избрал руководящие органы партии.

Три десятилетия, прошедшие после VIII съезда КПК, подтвердили правильность его решений и выводов, многие из которых сегодня так же актуальны, как и прежде.

Выдающейся заслугой VIII съезда КПК является то, что он подчеркнул жизненно важное значение марксизма-ленинизма как теоретической основы партии, как руководства в строительстве социализма, во всей деятельности партии.

Поставленные съездом задачи усиления систематического изучения марксизма-ленинизма нацелили партию на овладение научным методом, на творческое применение марксизма-ленинизма в практике социалистического строительства. Важнейшим требованием для кадровых работников партии было объявлено умение применять марксизм-ленинизм для изучения и разрешения вопросов практической жизни, для обобщения опыта работы и выявления в этом опыте закономерностей развития конкретных явлений.

Принятый съездом новый Устав КПК[1] всесторонне раскрыл важ-

[1] Прежний Устав КПК, принятый в 1945 г. на VII съезде партии, гласил: «Коммунистическая партия Китая во всей своей деятельности руководствуется идеями Мао Цзэдуна, являющимися результатом применения марксизма-ленинизма в конкретных условиях Китая». — Л ю Ш а о ц и. О партии. Пекин, 1953, с. 69.

нейшие аспекты вопроса о марксизме-ленинизме как идейно-теоретической основе КПК. «Коммунистическая партия Китая в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом, — было записано в Уставе. — Только марксизм-ленинизм правильно объясняет закономерности развития общества, правильно указывает пути построения социализма и коммунизма. Партия твердо придерживается мировоззрения марксистско-ленинского диалектического и исторического материализма и борется с идеалистическим и метафизическим мировоззрением. Марксизм-ленинизм не догма, а руководство к действию; он требует от людей в борьбе за построение социализма и коммунизма исходить из реальной обстановки, гибко и творчески применять его положения для решения различных практических вопросов, возникающих в ходе борьбы, и непрерывно развивать его теорию. Поэтому в своей деятельности партия твердо придерживается принципа тесного сочетания всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой революционной борьбы в Китае, выступает против всякого догматического или эмпирического уклона» [2].

Это кардинальное положение Устава КПК, принятого VIII съездом партии, полностью сохраняет свое значение в наши дни. Опыт мирового социализма свидетельствует, что важнейший фактор его успешного поступательного движения — это верность правящих коммунистических и рабочих партий учению марксизма-ленинизма, творческое применение этого учения.

Историческое значение VIII съезда КПК состоит также в том, что он подтвердил правильность генеральной линии партии в переходный период и сформулировал на основе марксизма-ленинизма задачи всестороннего развертывания социалистического строительства в Китае.

Исходя из конкретной обстановки в Китае, ЦК КПК в 1952 г. следующим образом определил генеральную линию партии в переходный период: «В течение довольно длительного периода времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны и постепенно провести социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли» [3]. Эта генеральная линия партии была в 1954 г. принята Всекитайским Собранием народных представителей и записана в Конституции КНР как основная задача страны в переходный период. На VIII съезде эта генеральная линия партии была включена в Устав в качестве одного из основных программных положений КПК.

«Генеральная линия партии в переходный период, — говорилось в Политическом отчете ЦК КПК, — служит маяком, освещающим всю нашу работу» [4]. В соответствии с ней страна в 1953 г. приступила к выполнению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, то есть к планомерному социалистическому строительству. Практика выполнения первого пятилетнего плана КНР подтвердила, что для выполнения основных задач переходного периода — индустриализации страны и социалистических преобразований — «потребуется время, равное трем пятилеткам или немногим более» [5].

Таким образом, эта генеральная линия партии ориентировала китайских коммунистов и всех трудящихся на сравнительно длительный период борьбы за последовательное, планомерное осуществление социалистической индустриализации и социалистических преобразований всей экономики страны. «Эта генеральная линия, — отмечалось

[2] Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, т. 1. Пекин, 1956, с. 137.
[3] Там же, с. 18.
[4] Там же.
[5] Там же, с. 19.

в «Решении ЦК КПК о некоторых вопросах истории КПК со времени образования КНР», принятом VI пленумом ЦК КПК одиннадцатого созыва в июне 1981 г., — отразила историческую необходимость» [6].

Съезд подчеркнул, что отход в деятельности партии от генеральной линии неизбежно приводил к ошибкам правого или «левого» уклона. Особый акцент в документах съезда делался на критике «левацких» отклонений от генеральной линии, которые главным образом заключались в требовании построить социализм «в одно прекрасное утро», в стремлении к «слепому забеганию вперед». Реальная опасность «левого» уклона проявилась в неоправданно поспешном, часто неподготовленном преобразовании частных форм собственности на средства производства, накануне съезда, в 1955—1956 гг.

В «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» по этому поводу говорится: «С осени 1955 года мы стали проявлять чрезмерную поспешность в осуществлении кооперирования сельского хозяйства, а также преобразования кустарной промышленности и единоличной мелкой торговли, допустили небрежность в работе, слишком быстро изменили формы ведения хозяйства, применяли чрезмерно единообразные формы кооперации, в результате чего возникли вопросы, которые долгое время оставались нерешенными» [7]. Такого рода «левацкие» ошибки вели к серьезным искажениям существа генеральной линии партии в переходный период, к грубым субъективистским и волюнтаристским извращениям политики КПК. Поэтому большой заслугой VIII съезда явилось акцентирование внимания на пагубных последствиях «левых» ошибок.

КПК, руководя сложными, трудными и глубокими социальными преобразованиями в стране, добилась в то же время роста промышленного и сельскохозяйственного производства. С 1953 по 1966 г. валовая продукция промышленности страны в среднем ежегодно увеличивалась на 19,6 %, а валовая продукция сельского хозяйства — на 4,8 %. Это свидетельствовало о крупных достижениях партии в ходе социалистического строительства.

Обобщив итоги социалистических преобразований сельского хозяйства, кустарной и капиталистической промышленности и торговли, съезд констатировал: «В настоящее время эти социалистические преобразования одержали решающую победу. А это значит, что в нашей стране в основном разрешено противоречие между пролетариатом и буржуазией, положен конец системе классовой эксплуатации, существовавшей в течение нескольких тысячелетий, создан социалистический общественный строй» [8]. Съезд подчеркнул необходимость и впредь обращать серьезное внимание на преодоление влияния капиталистических факторов в области экономики, политики и идеологии. Вместе с тем был сделан вывод о том, что в связи с завершением в основном социалистических преобразований классовая борьба в КНР имеет тенденцию к ослаблению. В документах съезда говорилось, что в стране в целом закончилась «массовая классовая борьба революционного периода» [9].

В новых условиях, указывалось в резолюции съезда, «главными противоречиями внутри страны стало противоречие между требованиями народа построить передовую индустриальную страну и нашим отсталым состоянием аграрной страны, а также противоречие

[6] Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981, с. 19.
[7] Там же, с. 21—22.
[8] Там же, с. 115—117.
[9] Там же, с. 84.

между быстро растущими экономическими и культурными потребностями народа и неспособностью современной экономики и культуры нашей страны удовлетворить эти потребности народа. В условиях установившегося в нашей стране социалистического строя это противоречие по своей сути является противоречием между передовым социалистическим строем и отсталыми общественными производительными силами. Основная задача партии и всего народа страны в настоящее время состоит в концентрации сил для разрешения этих противоречий с тем, чтобы как можно быстрее превратить нашу страну из отсталой и аграрной в передовую индустриальную. Эта задача — очень трудна и огромна» [10]. Решению этой задачи были подчинены выработанные съездом основные направления экономической политики КНР на ближайшие две-три пятилетки.

Съезд постановил считать главной целью экономической политики партии и государства на этот период социалистическую индустриализацию страны, создание необходимой материальной базы для технической реконструкции народного хозяйства и повышения жизненного уровня народных масс. Выполнение широкой экономической программы, разработанной съездом, предусматривалось осуществить путем тесного сочетания внутренних ресурсов Китая с помощью Советского Союза и других социалистических стран. Благодаря этому, указывалось в резолюции съезда, Китай имеет возможность высокими темпами развивать производительные силы своей страны.

В документах съезда была поставлена задача в течение примерно трех пятилеток создать целостную промышленную систему, которая была бы способна производить важнейшие машины и оборудование, сырье и материалы и в основном удовлетворять потребности расширенного воспроизводства и технической реконструкции народного хозяйства. Развитие экономики КНР предусматривало усиление ее взаимодействия со всеми социалистическими странами. «Создание такой промышленной системы, — говорилось в резолюции съезда, — имеет огромное значение не только для содействия всестороннему развитию народного хозяйства нашей страны, но также и для укрепления кооперации между странами социалистического лагеря, для содействия общему подъему экономики всех социалистических стран» [11].

В основу осуществления экономической политики партии был положен принятый VIII съездом КПК курс на планомерное, последовательное продвижение вперед при комплексном балансировании.

Разъясняя этот курс, председатель Государственного планового комитета КНР Ли Фучунь, говорил: «Все отрасли народного хозяйства представляют собой органически связанное целое, влияют друг на друга и обусловливают друг друга... Необходимо, изучая внутренние связи вещей и используя закон планомерного и пропорционального развития народного хозяйства, наладить комплексное балансирование и всестороннюю организацию планирования» [12].

Этот курс предусматривал обеспечение комплексного балансирования и всестороннего планирования пропорций между различными взаимосвязанными отраслями народного хозяйства, а именно: между промышленностью и сельским хозяйством, производством и обращением, экономикой и финансами, накоплением и потреблением, трудом и зарплатой, себестоимостью и ценами, хозяйственной и культурно-просветительной работой, экономическим и культурным строи-

[10] Там же, с. 116—117.
[11] Там же, с. 117.
[12] Материалы..., т. II, с. 305.

тельством и обороной, центром и местами, а также между многими другими соответствующими сторонами народного хозяйства.

В документах съезда проявился широкий творческий подход к планированию народного хозяйства, допускающий наряду с директивным планированием как главным косвенное планирование и в известной мере рыночное регулирование [13]. Автором такого подхода был Чэнь Юнь, которому принадлежит широко распространенная сегодня в Китае формула: «Централизованное планирование должно играть главную роль, а рыночное регулирование — вспомогательную».

VIII съезд КПК разработал широкий план осуществления культурной революции в Китае, в том числе рассмотрел вопросы образования, развития науки и культуры. Ставилась задача приложить максимум усилий для постепенной ликвидации неграмотности, добиться осуществления в ближайшие 12 лет всеобщего обязательного начального образования. Была разработана система мероприятий, направленных на ускоренное развитие науки и техники, при этом особенно подчеркивалась необходимость широкого использования достижений науки и техники СССР, социалистических стран и других стран мира.

Эти важнейшие положения экономической и культурной политики КПК были конкретизированы в принятых съездом предложениях по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства КНР (1958—1962). Основные направления плана предусматривали: продолжать вести промышленное строительство с упором на тяжелую промышленность, продвигать вперед дело технической реконструкции народного хозяйства, создать прочную базу для социалистической индустриализации страны; последовательно завершить социалистические преобразования, укрепить и расширять коллективную и общенародную собственность; на базе развития капитального строительства и дальнейшего осуществления и завершения социалистических преобразований поднять промышленное, сельскохозяйственное и кустарное производство, соответственно развивать транспорт и торговлю; для обеспечения нужд развития социалистической экономики и культуры всемерно подготавливать кадры строителей, улучшать научно-исследовательскую работу; на базе развития промышленного и сельскохозяйственного производства укреплять оборонную мощь страны, обеспечить дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа [14]. При этом принятие съездом директив второго пятилетнего плана КНР ориентировало страну на дальнейшие высокие темпы развития промышленности и капитального строительства.

Было запланировано увеличить общую сумму капиталовложений за вторую пятилетку в два раза по сравнению с первой и добиться роста валовой продукции в промышленности к 1962 г. в два раза по сравнению с 1957 г. Предусматривался дальнейший подъем базисных отраслей тяжелой промышленности — металлургии и машиностроения, а также укрепление таких слабых звеньев тяжелой индустрии, как добыча и выплавка редких металлов, химическая промышленность, органический синтез, а также предполагалось активное строительство в новых отраслях промышленности — нефтяной, радиотехнической.

Ставилась задача дальнейшего продвижения промышленности в глубь страны, создания новых промышленных баз в Центральном, Северном, Северо-Западном и Юго-Западном Китае. Было рекомен-

[13] См. там же, с. 177—180.
[14] Материалы..., т. I, с. 290—291.

довано делать упор на строительство крупных промышленных предприятий, средним и мелким промышленным предприятиям отводилась важная, но вспомогательная роль.

Развитие производительных сил рассматривалось на съезде под углом зрения необходимости улучшения жизни народа. «Основная цель всей работы партии, — говорилось в резолюции по политическому отчету, — максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей жизни народа, поэтому необходимо на базе развития производства постепенно и неуклонно улучшать жизнь народа, что в свою очередь, является необходимым условием повышения производственной активности народа» [15]. Особенно важное значение имела поставленная съездом задача последовательного осуществления принципа оплаты по труду, а также использования других экономических стимулов в производстве.

В разработках и выводах съезда по проблемам развития народного хозяйства нашли прямое отражение принципы научного социализма, и в частности важнейший закон политэкономии социализма — закон планомерного и пропорционального развития. В этом заключалась одна из больших заслуг VIII съезда КПК.

VIII съезд КПК уделил большое внимание вопросам партийного и государственного строительства, предостерегал партию об опасности влияния мелкобуржуазной стихии. «В нашей стране, — говорилось в политическом отчете, — мелкая буржуазия составляла большинство. Настроение этого класса оказывает на нас постоянное влияние и давление, буржуазия также непрерывно оказывает на нас влияние в различных областях» [16].

Были вскрыты проявления опасных мелкобуржуазных, националистических тенденций, грубые нарушения внутрипартийной демократии и получившие широкое распространение в партии субъективизм и бюрократизм. Появление субъективистских ошибок в КПК объяснялось наличием огромной мелкобуржуазной стихии в стране и недостаточной марксистско-ленинской подготовкой значительного количества коммунистов, которые легко могли стать «рассадником субъективизма и догматизма» [17].

Одной из важнейших заслуг VIII съезда была постановка вопроса о культе личности в КПК. Большое воздействие на КПК в этом деле оказал XX съезд КПСС, который, по словам Дэн Сяопина, «раскрыл перед нами, к каким серьезным отрицательным последствиям может привести обожествление личности» [18]. Рассматривая под этим углом зрения положение в КПК, Дэн Сяопин в докладе об изменениях в Уставе КПК отмечал, что «культ личности, как общественное явление, имел длительную историю, и он не мог не найти некоторого отражения в нашей партийной и общественной жизни. Наша задача состоит в том, чтобы решительно продолжать проводить в жизнь курс ЦК, направленный против выпячивания личности, против ее прославления» [19].

Как показали последующие события, КПК не удалось предотвратить развитие в партии явления культа личности Мао Цзэдуна. Анализ процесса утверждения в КПК культа личности Мао Цзэдуна был дан в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятом в июне 1981 г. VI пленумом ЦК КПК одиннадцатого созыва. В нем сказано, что «в момент, ког-

---

[15] Материалы..., т. 1, с. 124.
[16] Там же, с. 98.
[17] Там же, с. 102.
[18] Там же, с. 205.
[19] Там же, с. 206.

да новая задача — перенести центр тяжести работы на строительство социализма — встала перед партией и потребовала от нее особенной осмотрительности, авторитет товарища Мао Цзэдуна достиг своего пика. Он стал все больше зазнаваться, отрываться от действительности и масс, впадать в субъективизм, самоуправствовать и возвышать себя над ЦК партии, что постепенно ослабляло и даже подрывало принцип коллективного руководства и демократического централизма в партийной и государственной жизни»[20]. Далее говорилось, что уже в период «культурной революции» «ошибочное левацкое единоличное руководство товарища Мао Цзэдуна фактически заменило собой коллективное руководство ЦК партии, культ личности тов. Мао Цзэдуна был раздут до фанатизма»[21].

На VI пленуме ЦК КПК партия вскрыла причины возникновения и развития культа личности Мао Цзэдуна и решительно осудила это негативное общественное явление. Принятый на XII съезде КПК в сентябре 1982 г. Устав партии, на основе учета исторического опыта и уроков подчеркнул, как заявил на съезде Ху Яобан, «необходимость неукоснительного соблюдения партийными организациями всех ступеней — от центральных до низовых — принципов демократического централизма и коллективного руководства»[22]. Устав КПК четко констатировал, что «партия запрещает культ личности в любой его форме»[23].

КПК в своей борьбе за преодоление тяжелых последствий культа личности Мао Цзэдуна по достоинству оценила историческое значение постановки и решения этой проблемы VIII съездом КПК. По этому поводу в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» сказано: «Ставя вопрос о строительстве правящей партии, съезд подчеркнул необходимость твердо соблюдать демократический централизм и коллегиальность руководства, выступать против культа личности, развивать внутрипартийную демократию, демократию среди народа, укреплять связь партии с массами».

Выдающейся заслугой VIII съезда было то, что он закрепил и последовательно развил социалистический курс в области внешней политики КНР, основанный на необходимости всемерного укрепления единства и дружбы социалистических стран, борьбе за мирное сосуществование, против империалистической политики агрессии и войны.

В основу внешнеполитического курса КНР, выработанного VIII съездом КПК, были положены принципы пролетарского интернационализма. Эти марксистско-ленинские принципы обеспечили единство социалистической внутренней и внешней политики. Подчеркивая жизненную необходимость для партии и страны последовательного соблюдения принципов пролетарского интернационализма, съезд призвал партию «решительно бороться с любыми проявлениями опасных уклонов великодержавного шовинизма и буржуазного национализма».

Съезд сформулировал важнейшее положение о том, что судьбы социализма в КНР непосредственно зависят от сплочения Коммунистической партии Китая с социалистическими странами, с международным коммунистическим движением, с национально-освободительным движением. В этой связи в Отчетном докладе ЦК КПК особо подчеркивалось: «Без великой интернациональной солидарности пролетариата всех стран и без поддержки международных революционных сил невозможна победа социализма в нашей стране, а если победа будет одержана, то ее невозможно будет закрепить».

[20] Решение по некоторым вопросам..., с. 48.
[21] Там же, с. 38.
[22] XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1982, с. 72.
[23] Там же, с. 115.

Главным элементом, определяющим и цементирующим внешнюю политику КНР, VIII съезд считал нерушимый союз Китая с СССР и другими социалистическими странами. «Единство и дружба Китая с великим Советским Союзом и другими странами социализма, основанные на общих целях и взаимопомощи, — говорилось в Отчете ЦК КПК, — вечны и нерушимы. Дальнейшее укрепление и усиление этого единства и дружбы является для нас наивысшим интернациональным долгом и основой внешней политики нашей страны» [24].

Политика дружбы и тесного сотрудничества КНР со странами социализма была детально разработана VIII съездом КПК. Она включала в себя широкий обмен опытом в области социалистического строительства, разностороннее сотрудничество в области экономики, науки, техники, культуры. Политика братского сотрудничества нашла конкретное выражение в помощи и содействии Советского Союза и других социалистических стран Китаю в деле индустриализации КНР и укреплении обороноспособности страны. И наконец, эта дружба воплощалась в совместной борьбе КНР, СССР и других социалистических стран против империалистической политики агрессии и подготовки новой войны.

Широкое развитие получили советско-китайские отношения, разностороннее сотрудничество между СССР и КНР.

Подписанный 14 февраля 1950 г. между СССР и КНР Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи укрепил позиции мирового социализма, создал надежные гарантии безопасности КНР и защиты ее революционных завоеваний, обеспечил прочную базу для решения сложных проблем демократического и социалистического переустройства Китая.

В соответствии с Договором и заключенными одновременно с ним соглашениями Советский Союз приступил к оказанию различной помощи Китаю в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. С помощью СССР в 1950—1952 гг. реконструировалось и строилось более 50 крупнейших промышленных предприятий, что в значительной мере способствовало укреплению государственного сектора экономики.

С переходом страны к планомерному строительству социализма Советский Союз в соответствии с Договором оказывал всемерное содействие китайскому народу в деле социалистической индустриализации страны. В общей сложности СССР предоставил КНР на льготных условиях значительные кредиты и оказал техническую помощь в сооружении многих крупных современных промышленных предприятий и других объектов. В результате введения в строй этих предприятий стал изменяться облик Китая: были созданы новые отрасли промышленности — самолетостроение, автомобилестроение, тракторостроение, современное станкостроение. Возникли предприятия по производству сложного оборудования для электроэнергетической, металлургической и горной промышленности, были построены предприятия по выплавке высококачественных сталей и цветных металлов. Отмечая большое значение предприятий, построенных при содействии СССР для индустриализации КНР, член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета Ли Фучунь говорил: «Эти предприятия — костяк нашей промышленности, костяк не только по объему, но и по уровню современной передовой техники».

Огромное значение для индустриализации Китая имело успешно развивавшееся научно-техническое сотрудничество СССР и КНР.

Помощь Советского Союза позволила Китайской Народной Республике в сравнительно короткие сроки на базе рационального со-

[24] Материалы..., т. I, с. 93.

чения задач экономического и военного строительства заложить фундамент современной оборонной промышленности. Советский Союз содействовал строительству ряда базовых предприятий оборонной промышленности. Благодаря этому в середине 50-х годов в КНР было налажено производство самолетов, вертолетов, танков, полевой и зенитной артиллерии, пулеметов, автоматов, радиостанций, боеприпасов и т. д.

VIII съезд КПК дал высокую оценку вкладу СССР в дело строительства социализма в КНР. Выступавшие на съезде руководители партии и государства единодушно отмечали, что советская помощь содействовала преодолению многих трудностей и позволила Китаю довольно быстрыми темпами развивать экономику. «Советский Союз, — говорилось в Политическом отчете ЦК КПК, — оказал огромную помощь делу социалистического строительства в нашей стране. Китайский народ никогда не забудет этой товарищеской помощи» [25].

Историческое значение VIII съезда Коммунистической партии Китая заключается прежде всего в том, что он принял развернутую программу строительства социализма в Китае. Подтвержденная съездом генеральная линия партии была выдержана в духе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. В решениях съезда был закреплен курс на строительство социализма в Китае в тесном союзе со странами мировой социалистической системы.

VIII съезд и его решения являются одной из ярких страниц истории развития мирового социализма, международного коммунистического движения. Непреходящая ценность решений VIII съезда КПК в том, что в них воплотилась творческая реализация общих закономерностей развития социализма в конкретных условиях Китая. Поэтому они сохранили свое значение и в наши дни.

Документы VIII съезда КПК — убедительный аргумент истории мирового социализма, подтверждающий объективную необходимость тесного сотрудничества всех социалистических стран во имя социализма и мира. Это подтверждает и вся история революционного взаимодействия и сотрудничества КПСС и КПК, народов СССР и КНР.

«Китайские коммунисты, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС, — называли победы СССР и сил прогресса во второй мировой войне прологом к победе народной революции в Китае. В свою очередь, образование народного Китая способствовало укреплению мировых позиций социализма, срыву многих замыслов и акций империализма в труднейшие послевоенные годы. Думая о будущем, можно сказать, что резервы сотрудничества СССР и Китая огромны. Они велики потому, что такое сотрудничество отвечает интересам обеих стран; потому, что неразделимо самое дорогое для наших народов — социализм и мир» [26].

---

[25] Материалы..., т. I, с. 93.

[26] «Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза». М., 1986, с. 72.

Борцы
за народное дело

Сунь Ятсен — великий китайский революционер-демократ, друг Советского Союза

(К 120-летию со дня рождения)

С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
академик

Великий китайский революционер-демократ, большой, искренний друг советского народа доктор Сунь Ятсен вошел в историю как организатор и вдохновитель борьбы китайского народа за свержение в 1912 г. феодальной маньчжурской монархии, господствовавшей в Китае на протяжении 267 лет. Сунь Ятсен был избран временным президентом Китайской Республики, но под давлением внутренних и внешних реакционных сил вскоре вынужден был уйти с этого поста. Страстный патриот своей родины, он все силы отдавал делу освобождения Китая от пут феодальной и империалистической реакции, от положения полуколонии мирового империализма. «Революционный демократ, полный благородства и героизма»[1], — так в 1912 г. отозвался о Сунь Ятсене В. И. Ленин, давая исключительно высокую оценку стремлению Сунь Ятсена улучшить положение широких трудящихся масс Китая.

Под влиянием освободительных идей Великого Октября и могучего подъема антиимпериалистической и антифеодальной борьбы китайского народа Сунь Ятсен сумел подняться до понимания неотложных задач и целей революции, направленной на ликвидацию полуфеодального полуколониального режима. Его историческая заслуга состоит в том, что он открыто поднял знамя борьбы против империализма и феодально-милитаристской реакции, стал первым государственным деятелем Азии, который принял предложение Коммунистической партии Китая о мобилизации всех национальных сил для борьбы с этими врагами.

Сунь Ятсен с огромным вниманием следил за революционным движением в России, еще в 1897 г. он встречался в Лондоне с русскими политическими эмигрантами. В 1905—1907 гг., будучи в эмиграции в Японии, Сунь Ятсен установил контакты с русскими революционерами — участниками первой русской революции, эмигрировавшими в Японию. После Великой Октябрьской социалистической революции Сунь Ятсен при встречах с советскими представителями в Китае — Г. Н. Войтинским, С. А. Далиным, А. А. Иоффе и др. живо интересовался революционными событиями в России, вел длительную переписку с Народным комиссаром по иностранным делам Советской России Г. В. Чичериным, с советским послом в Китае Л. М. Караханом. По просьбе Сунь Ятсена в Гуанчжоу, в штаб-квартиру революционного правительства Южного Китая, прибыли в качестве его политического советника известный большевик М. М. Бородин и группа видных командиров Красной Армии, оказавших помощь Сунь Ятсену в реорганизации партии

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402.

Гоминьдан и создании надежной военной базы революции. Сунь Ятсен глубоко осознал необходимость установления тесного союза с Советской Россией, выступал горячим поборником китайско-советской дружбы, неутомимым пропагандистом сплочения всех угнетенных империализмом народов вокруг Страны Советов — вдохновителя национально-освободительной борьбы угнетенных империализмом народов.

Осенью 1923 г. Сунь Ятсен телеграфировал главе дипломатической миссии СССР в Китае Л. М. Карахану: «...Истинные интересы наших стран требуют выработки общей политики, которая даст нам возможность жить на условиях равенства с другими державами и освободит нас от политического и экономического рабства, навязанного международной системой, опирающейся на силу и действующей методами экономического империализма» [2].

В телеграмме Л. М. Карахану, посланной 24 января 1924 г. от имени делегатов I съезда Гоминьдана, Сунь Ятсен благодарил русский народ за то, что он первым выразил чувства солидарности с борьбой Гоминьдана против милитаризма и империализма, высказал глубокое убеждение в том, что «оба народа, китайский и русский, будут сотрудничать на пути свободы и справедливости». Он слал «братские приветствия нашему великому соседу — Советской России» [3].

В письме Наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину 16 февраля 1924 г. Сунь Ятсен писал: «Я приветствую Ваше предложение продолжать контакты друг с другом. Мы должны это делать не только в целях обмена идеями, но для возможного согласования наших взаимных усилий в мировой борьбе» [4].

Неоднократное обращение Сунь Ятсена в последние годы его жизни к опыту нашей страны — одно из свидетельств исторической необходимости дружбы двух великих народов — китайского и советского.

Сунь Ятсен по праву может считаться первым из руководителей национально-освободительных движений народов Азии, Африки и Латинской Америки, который разработал обширную программу промышленного развития своей страны путем создания государственного сектора в экономике.

Личное обаяние Сунь Ятсена, скромность и бескорыстие, его поистине энциклопедические знания, знакомство с современными общественно-политическими и естественнонаучными теориями Европы и Америки и с историей Китая, талант пропагандиста и организатора привлекали к нему людей, подчас и не разделявших его политических взглядов.

Вершиной политической программы Сунь Ятсена явились выдвинутые им в январе 1924 г. на I съезде Гоминьдана «три основные политические установки»: союз с СССР, союз с Компартией Китая и поддержка борьбы крестьянских и рабочих масс в Китае.

На основе этих установок партия Гоминьдан и Коммунистическая партия Китая дважды устанавливали единый антиимпериалистический фронт: в 1924—1927 и в 1937—1946 гг.

В Китайской Народной Республике высоко чтят память об основателе республиканского строя, мужественном революционере-демократе: Мавзолей Сунь Ятсена в Нанкине (Наньцзине), его Дом-музей в Шанхае на его родине в уезде Чжуншань (бывший уезд Сяншань, переименован в честь Сун Ятсена), Рабочий кабинет временного президента республики в Нанкине и другие памятные места, связанные с его жизнью и деятельностью, посещают миллионы людей. Именем Сунь Ятсена названы Центральный парк в Пекине, университет в Гуанчжоу. Ежегодно отмечается день рождения Сунь Ятсена, издаются его произведения.

[2] Документы внешней политики СССР, т. VI. М., 1962, с. 435.
[3] Там же, т. VII. М., 1963, с. 25—26.
[4] Сунь Ятсен. Избр. произв. 2-е доп. изд. М., 1985, с. 751. Первое издание «Избранных произведений» Сунь Ятсена было выпущено в 1964 г.

Правительство КНР, выступая за мирное воссоединение Тайваня с материковой частью страны, широко пропагандирует высказывания Сунь Ятсена в пользу единства Китая, призывая гоминьдановское правительство на Тайване к установлению третьего единого фронта с Компартией Китая.

* * *

Сунь Ятсен родился 12 ноября 1866 г. в деревне Цуйхэн южнокитайской провинции Гуандун в семье бедного крестьянина. При поддержке старшего брата, эмигрировавшего в поисках заработка на Гавайские острова, Сунь Ятсен получил современное образование, окончив медицинский колледж в Сянгане (Гонконг) с дипломом врача.

С юных лет Сунь Ятсен столкнулся с нищетой и социальной несправедливостью, царившими в феодальной цинской империи, с гнетом и произволом маньчжуро-китайских правителей и агрессивными действиями в отношении Китая со стороны капиталистических держав. После первых поражений цинской монархии в войне с молодым империалистическим хищником — Японией, обнаживших всю гнилость режима, установленного маньчжурскими и китайскими феодалами, Сунь Ятсен становится на путь непримиримой революционной борьбы с маньчжурской монархией, которую китайские революционеры конца XIX в. считали единственной виновницей неравноправного положения, отсталости и слабости их родины.

От первого революционного вооруженного выступления, организованного в южнокитайском городе Гуанчжоу (Кантон) 26 октября 1895 г. «Союзом возрождения Китая» («Синчжун хуэй»), революционной антиманьчжурской организацией Сунь Ятсена и до победоносной Синьхайской революции, начавшейся вооруженным восстанием солдат учанского гарнизона 10 октября 1911 г., прошло 16 лет напряженной, самоотверженной, опасной революционной работы, направленной на свержение цинской монархии. Проживая после поражения первого гуанчжоуского восстания в эмиграции (в Японии, Англии, Индокитае, США и др.) и направляя оттуда подготовку все новых и новых антиправительственных выступлений, Сунь Ятсен одновременно разрабатывал теоретическую платформу борьбы против цинской монархии, за установление республиканского строя, облегчение положения народных масс.

В годы эмиграции Сунь Ятсен активно боролся с широко распространенными среди китайской буржуазии, помещиков и интеллигенции реформаторскими идеями и организациями. Реформаторы, предводительствуемые известными китайскими просветителями и публицистами Кан Ювэем и Лян Цичао, считали возможным сохранить у власти цинского императора маньчжура Цзай Тяня (Гуансюя) при условии введения в стране конституционного режима, широкого допуска китайцев к правительственным должностям и проведения ряда буржуазных реформ. Одновременно Сунь Ятсен знакомился с общественно-политическими учениями и современными социальными проблемами стран Запада.

К 1905 г. относится создание Сунь Ятсеном теории «трех народных принципов», которая легла в основу программы «Объединенного союза» («Тунмэн хуэй») — новой, более широкой по своему социальному составу революционной организации, созданной в 1905 г. в Японии на базе «Союза возрождения Китая» и других организаций. Этими принципами были: «национализм» (требование свержения чужеземной маньчжурской династии и восстановления прав китайской, ханьской, нации), «народовластие» (учреждение в Китае демократической республики) и «народное благосостояние» (требование «уравнения прав на землю», то есть национализации земли и передачи государству права на взимание земельной ренты). Конституция будущей республики,

по мысли Сунь Ятсена, должна была давать гражданам Китая права исполнительной, законодательной, юридической, контрольной и экзаменационной власти, а будущий центральный правительственный аппарат соответственно должен был состоять из пяти палат.

По своему классовому составу «Объединенный союз» был довольно пестрым: в него входили представители буржуазно-демократических элементов Южного, Восточного и Центрального Китая, буржуазно-помещичьи элементы Восточного и Центрального Китая, революционно настроенное студенчество и профессура, представители эмигрантской буржуазии, офицеры «новой армии».

Сунь Ятсен видел и глубоко переживал угнетенное и полуколониальное положение Китая, его зависимость от империалистических держав. Однако больше всего он опасался открытого вмешательства держав в ход антицинской революции на стороне маньчжурского двора (по примеру 1860 и 1900 гг., когда лишь поддержка держав спасла цинский режим от гибели). Поэтому в своей программе тех лет он не выдвигал каких-либо антиимпериалистических лозунгов; наоборот, Сунь Ятсен неоднократно заверял, что революционеры будут строго соблюдать все договоры и соглашения, заключенные державами с цинским правительством, если державы сохранят нейтралитет.

Первая русская революция 1905—1907 гг. оказала большое влияние на китайских революционеров, широко пропагандировавших ее опыт на страницах своих изданий. С 1906 по 1911 г. «Объединенный союз», насчитывавший свыше 10 тыс. членов, подготовил и провел в общей сложности десять восстаний в Южном и Центральном Китае; хотя все они оканчивались поражением, они все же оказали большое влияние на складывание в стране революционной ситуации. Сунь Ятсен, находясь в эмиграции, осуществлял руководство штаб-квартирой «Объединенного союза», разрабатывал планы восстаний, собирал средства, закупал оружие.

Происходившие в стране экономические и социальные сдвиги, рост национальной промышленности и торговли способствовали активизации антицинских и антифеодальных выступлений. «Объединенный союз» стал уделять большое внимание революционной пропаганде в армии, где среди офицеров было немало его членов. Восстание против маньчжурских властей, начатое 10 октября 1911 г. солдатами в Учане, быстро перебросилось на соседние города и провинции. Солдаты местных гарнизонов, рабочие и ремесленники, крестьяне пригородных деревень, учащаяся молодежь, мелкая буржуазия и интеллигенция активно поддерживали революционеров и, вступив в ряды революционной армии и народного ополчения, проявляли храбрость и героизм в боях с цинскими войсками. К декабрю 1911 г. власть Цинской династии сохранялась лишь на территории трех провинций — Чжили, Хэнань и Ганьсу.

29 декабря 1911 г. делегаты 17 революционных провинций избрали Сунь Ятсена, за несколько дней до того вернувшегося на родину, временным президентом Китайской Республики.

За короткий срок своего пребывания на президентском посту в Наньцзине Сунь Ятсен успел издать ряд демократических законов и распоряжений от имени правительства, свидетельствовавших о глубокой заботе Сунь Ятсена о нуждах народа. Так, была принята республиканская конституция, законы об охране личности и имущества граждан, провозглашена свобода печати и собраний, запрещена продажа людей в рабство и вывоз рабов за границу, аннулированы все старые акты о купле-продаже людей, отменены телесные наказания и пытки в тюрьмах, пресечена спекуляция рисом, запрещен вывоз из страны уникальных произведений китайского искусства и т. д.

Ввиду вмешательства империалистических держав в ход революю-

ции на стороне ставленника феодально-компрадорских сил генерала Юань Шикая и быстрого отхода от революции китайской буржуазии, напуганной ростом активности широких трудящихся масс, Сунь Ятсену пришлось уступить президентский пост Юань Шикаю; в обмен Юань Шикай в феврале 1912 г. обеспечил отречение Цинской династии от престола. 267-летнему правлению в Китае маньчжурской династии и многовековому существованию феодальной монархии был положен конец.

Сунь Ятсен и его сторонники рассчитывали, что республиканцам — представителям буржуазии и помещиков Южного и Центрального Китая — удастся обеспечить большинство мест в будущем парламенте, избранном на основе демократической временной конституции 1912 г., принятой в Наньцзине, и таким путем держать в руках Юань Шикая. Однако в лагере прежних сторонников Сунь Ятсена, входивших ранее в «Объединенный союз», после свержения монархии основную роль стали играть правые, соглашательские, элементы, которые надеялись путем чисто парламентских форм борьбы, без привлечения народных масс отстранить партию Юань Шикая от активного участия в государственном управлении. В августе 1912 г. «Объединенный союз» слился с рядом либеральных буржуазно-помещичьих партий Южного и Центрального Китая в новую организацию «Национальную партию» (Гоминьдан). После ухода в отставку с поста временного президента Китайской Республики Сунь Ятсен занялся энергичной пропагандой своих планов экономического развития Китая и подъема благосостояния народа; он призывал к проведению республиканским правительством политики, направленной против возможностей развития в стране капиталистических монополий, чью антинародную сущность Сунь Ятсен разоблачал на примерах стран Европы и США. В качестве конкретных рекомендаций правительству Сунь Ятсен предлагал установить государственный контроль над производством и разработкой природных богатств, национализировать крупные предприятия и железные дороги и передать земельную ренту в руки государства. Он призывал построить в Китае «социализм».

Вождь российского пролетариата В. И. Ленин внимательно следил за революционным движением в Китае. В январе 1912 г. Пражская конференция Российской социал-демократической рабочей партии вынесла специальное решение о поддержке китайских революционеров.

Как отмечал в 1912 г. В. И. Ленин, «в Европе и Америке, от которой передовые китайцы... заимствовали свои освободительные идеи, на очереди стоит уже освобождение *от* буржуазии, т. е. социализм. Отсюда неизбежно возникает сочувствие китайских демократов социализму, их *субъективный* социализм» [5].

Вскоре после своей отставки с поста временного президента республики Сунь Ятсен написал для бельгийской социалистической газеты «Лё Пёпль» («Народ») большую статью «Второй шаг Китая» [6]. В статье говорилось, что главной задачей китайских революционеров является осуществление «социальной» революции, то есть проведение таких общественных преобразований, которые навеки ликвидировали бы общественное неравенство между богатыми и бедными. Однако Сунь Ятсен не мог найти правильных путей для достижения этой цели и выдвигал утопические планы «предупреждения» капитализма путем передачи государству земельной ренты: тогда «приращение стоимости (la plus value) недвижимых имуществ останется собственностью народа, который это приращение собственности создал, а не частных ка-

[5] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 21, с. 403.

[6] На русском языке под заглавием «Социальное значение китайской революции» опубликована 15(28) июля 1912 г. в газете «Невская звезда». — Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 745—747.

питалистов, которые случайно сделались земельными собственниками»[7].

Ознакомившись с упомянутой статьей Сунь Ятсена, В. И. Ленин 15 (28) июля откликнулся на нее в партийной газете «Невская звезда» большой статьей, озаглавленной «Демократия и народничество в Китае». Давая исключительно высокую оценку деятельности китайского революционера, В. И. Ленин писал: *«Боевой, искренний демократизм пропитывает каждую строчку платформы Сунь Ятсена. Полное понимание недостаточности «расовой» революции. Ни капли аполитицизма или хотя бы пренебрежения к политической свободе, хотя бы допущения мысли о совместимости китайского самодержавия с китайской «социальной реформой», с китайскими конституционными преобразованиями и т. п. Цельный демократизм с требованием республики. Прямая постановка вопроса о положении масс, о массовой борьбе, горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту, в их силу»* (курсив наш. — С. Т.)[8]. Эта идеология боевого демократизма, указывал В. И. Ленин, сочеталась у Сунь Ятсена с социалистическими мечтами и с надеждой миновать путь капитализма для Китая, а также с проповедью радикальной аграрной реформы. Ленин находил много общего между программой Сунь Ятсена и программой русских народников, показывал несостоятельность его мечты «предупредить» капитализм, его доводов о том, будто в Китае, вследствие его отсталости, осуществить «социальную революцию» легче. Ленин показал, что «экономическая революция», к которой призывал Сунь Ятсен и которая сводилась к передаче ренты государству по рецептам Генри Джорджа, то есть национализации земли, на деле представляла собой аграрную программу, осуществление которой означало бы наиболее быстрое развитие капитализма в земледелии. Появление такого рода программы Ленин объяснял объективной необходимостью разрушения феодализма в Китае. Ленин на примере Сунь Ятсена показывал, что «в Азии есть *еще* буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции»[9]. Ленин подчеркивал огромную роль, которую сыграл в китайской революции высокий, искренний демократический подъем трудящихся масс, и указывал, что обновить Китай может лишь *«героизм революционных народных масс... Удастся ли это и в какой мере, — вопрос иной... Решит международная обстановка и соотношение общественных сил в Китае»* (курсив наш. — С. Т.)[10].

Как показало дальнейшее развитие событий, соотношение общественных сил оказалось неблагоприятным для китайской революции: либеральная буржуазия, испугавшись народных масс, переметнулась в лагерь контрреволюции. Международная обстановка также сложилась не в пользу Сунь Ятсена и его последователей. Несмотря на решительные протесты республиканцев, Юань Шикай получил от международного банковского консорциума крупный заем и перешел к политике открытого контрреволюционного террора против руководителей Гоминьдана. Сунь Ятсен был вынужден вновь эмигрировать в Японию.

Начался новый этап его жизни — период борьбы с Юань Шикаем и другими милитаристами, узурпировавшими власть в Китае в интересах китайских феодалов и компрадоров, а также иностранного империализма, борьбы, в ходе которой Сунь Ятсену пришлось заново осмысливать внутриполитические процессы, искать новые формы и ме-

[7] Там же, с. 747.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 401.
[9] Там же, с. 402.
[10] Там же, с. 406.

тоды революционной деятельности, искать социальную опору внутри страны и союзников на международной арене.

8 июня 1914 г. в Токио Сунь Ятсен создал новую глубоко законспирированную революционную организацию — «Китайскую революционную партию» («Чжунхуа гэмингдан»), поставившую своей задачей борьбу за восстановление демократической временной конституции 1912 г., против Юань Шикая и его планов реставрации монархии при поддержке империалистических держав. В ряде провинций Южного и Восточного Китая в эти годы непрерывно вспыхивали антиюаньшикаевские восстания республикански настроенных воинских частей, командиры которых поддерживали связь с «Китайской революционной партией». 12 мая 1916 г. в Гуанчжоу была создана «Южная федерация независимых провинций», провозгласившая независимость от Юань Шикая провинций Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси и Гуандун. 6 июня в разгар антимонархического движения в стране Юань Шикай неожиданно умер.

21 июня Сунь Ятсен вернулся из эмиграции в Шанхай и вскоре отправился в Гуанчжоу, столицу «Южной федерации», с целью организации опорной базы для борьбы против милитаристов северной бэйянской клики, захватившей после смерти Юань Шикая контроль над правительством в Пекине.

3 октября 1917 г. Сунь Ятсен был избран «генералиссимусом Южного Китая» и принял командование вооруженными силами «Южной федерации». Однако реальными вооруженными силами он не располагал, ибо войска «Южной федерации» принадлежали различным провинциальным милитаристским кликам, постоянно враждовавшим между собой. В начале мая 1918 г. главарь гуансийской милитаристской клики генерал Лу Юнтин, поддерживавший тесные связи с северной кликой, потребовал смещения Сунь Ятсена с поста верховного главнокомандующего. Сунь Ятсену, не располагавшему какой-либо военной опорой, пришлось подать в отставку и выехать в Шанхай, где он на время отошел от активной революционной деятельности и завершил свой давно задуманный и частично написанный еще в 1916 г. труд — «Программу строительства страны».

В этой работе Сунь Ятсен призывал китайскую буржуазию осознать необходимость политического объединения страны, прекратить милитаристские усобицы, создать сильное общенациональное правительство и развивать национальную экономику страны по пути государственного капитализма с использованием иностранного капитала.

Под непосредственным воздействием социалистических учений Сунь Ятсен в своем труде обращал большое внимание на необходимость подъема материального положения широких масс трудящихся, на улучшение питания и жилищных условий населения, говорил о необходимости участия рабочих в получении прибылей от предприятий.

В «Программе строительства страны» проявились в то же время слабость и двойственность китайской национальной буржуазии, ее боязнь опереться на народные массы для решительной и последовательной борьбы с колонизаторами. Не имея ни прочной внутренней опоры, ни какой-либо внешней поддержки, Сунь Ятсен в тот период пытался играть на межимпериалистических противоречиях, в частности на противоречиях между США и Японией, чтобы не допустить раздела Китая державами; он был готов поверить провозглашенным президентом США Вильсоном в послании конгрессу США от 8 января 1918 г. «14 пунктам», широко рекламировавшимся в печати западных стран. Это была программа, направленная на установление господства американского капитала в послевоенном мире, в частности в Китае, хотя внешне она и предусматривала создание Лиги Наций для установления мира и братства, уничтожение препятствий на пути международной торгов-

ли, сокращение вооружений, урегулирование колониального вопроса и т. д. Понять хищническую природу американского империализма Сунь Ятсен сумел лишь под конец своего жизненного пути.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и развернувшееся в мае — июне 1919 г. антифеодальное и антиимпериалистическое движение китайского народа, вошедшее в историю как «движение 4 мая», явившееся прямым следствием проникновения в Китай освободительных идей Октября, наложили глубокий отпечаток на взгляды и всю последующую деятельность Сунь Ятсена. Начавшись со студенческой демонстрации в Пекине в знак протеста против позорных для Китая условий Версальского мирного договора, это движение было поддержано рабочими, торговцами, служащими Пекина, Тяньцзиня, Аньцина, Учана и других городов и в конце мая — в июне 1919 г. стало перерастать в общенациональную борьбу. Усилился бойкот японских товаров, развернулось мощное забастовочное движение рабочих крупнейших промышленных центров — Шанхая, Наньцзина, Ханькоу и др., к которому примкнули железнодорожники Северного Китая. Так под лозунгом антиимпериалистической и антифеодальной борьбы впервые в истории Китая на арену политической жизни страны выступил пролетариат.

Под влиянием этих событий Сунь Ятсен в своих публицистических произведениях и в политических выступлениях в Шанхае в конце 1919 — начале 1920 годов стал все чаще и настойчивее говорить о необходимости восстановления парламентской республики в Китае революционным путем, то есть путем вооруженного свержения правящей клики милитаристов. Воссоздание Сунь Ятсеном 10 октября 1919 г. в Шанхае Гоминьдана тоже было результатом нового подъема революционной волны в Китае.

В октябре 1920 г. один из руководителей Гоминьдана, генерал Чэнь Цзюнмин, выдававший себя за сторонника Сунь Ятсена, изгнал из Гуанчжоу гуансийского милитариста Лу Юнтина. В декабре 1920 г. Сунь Ятсен из Шанхая вновь вернулся в Южный Китай, куда стали съезжаться и другие оппозиционные северным милитаристам политические деятели. 7 апреля 1921 г. в Гуанчжоу открылась чрезвычайная сессия парламента, которая избрала Сунь Ятсена президентом Китайской Республики. Однако реальная власть в Гуандуне принадлежала милитаристу Чэнь Цзюнмину, занимавшему посты военного министра, министра внутренних дел, губернатора провинции и командующего войсками.

С целью быстрейшего объединения страны Сунь Ятсен стал готовить военный поход на север для свержения власти главаря чжилийской клики, ставленника империалистов Англии и США У Пэйфу, захватившего в свои руки контроль над центральным правительством в Пекине. К этому времени английские империалисты установили тесные связи с Чэнь Цзюнмином, который всячески противился намерению Сунь Ятсена повести войска южного правительства против чжилийцев. В ночь на 16 июня 1922 г. Чэнь Цзюнмин, пользуясь тем, что преданные Сунь Ятсену части находились на фронте, поднял в Гуанчжоу контрреволюционный мятеж, обстрелял из орудий резиденцию президента и провозгласил «независимость» Гуандуна. Сунь Ятсен пытался при поддержке оставшихся верными ему частей армии и флота подавить мятеж, но перед лицом открытой поддержки Чэнь Цзюмина Англией и США вновь оказался вынужденным покинуть Южный Китай и поселиться на территории Французской концессии в Шанхае.

В жизни Сунь Ятсена с конца 1922 г. начался новый этап — этап наивысшего подъема его практической и теоретической деятельности. Измена Чэнь Цзюнмина еще раз показала Сунь Ятсену, что политика блоков и соглашений с одними милитаристами против других не при-

ведет к объединению страны. В поисках выхода из создавшегося положения Сунь Ятсен продолжал жадно изучать опыт Октябрьской революции, опыт большевистской партии, сумевшей не только победоносно свергнуть царизм, власть капиталистов и помещиков, но и победить и изгнать вооруженные до зубов войска иностранных интервентов. К этому времени через профессора Ли Дачжао, одного из первых китайских марксистов, Сунь Ятсен уже установил связи с молодой Коммунистической партией Китая, переросшие затем в тесный, искренний союз революционера-демократа с боевым авангардом рабочего класса Китая.

Еще летом 1918 г. Сунь Ятсен через Канаду послал из Шанхая приветственную телеграмму В. И. Ленину, в которой писал: «Гэминдан выражает высокое уважение к трудной, замечательной борьбе членов революционной партии Вашей страны и еще более надеется, что революционные партии Китая и России сплотятся воедино и будут вести совместную борьбу». Нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин в письме Сунь Ятсену от 1 августа 1918 г. подтвердил получение от него телеграммы-приветствия Рабоче-крестьянскому правительству, в которой Сунь Ятсен также указывал, что «у Русской и Китайской революций одни и те же цели и что они клонятся к освобождению рабочих и к установлению прочного мира, основывающегося на признании общих интересов двух великих пролетариатов, русского и китайского» [11].

Шанхайская газета «Миньго жибао» — орган партии Сунь Ятсена и его сторонников, отражавший идеи революционно-демократического крыла китайской национальной буржуазии, — широко освещала внешнюю политику молодого Советского государства, приветствуя его решительный отказ от грабительской политики царизма и Временного правительства и проведение дружественной, основанной на принципах равноправия, политику в отношении Китая и других угнетенных империализмом колониальных стран. В 1919 г. Сунь Ятсен собирался направить в Советскую Россию для изучения революционного опыта своих ближайших помощников Ляо Чжункая, Чжу Чжисиня и Ли Нжанда, однако ему не удалось тогда осуществить свой замысел.

Связь с революционной Россией была чрезвычайно сложной. Шанхайский телеграф, находившийся в руках империалистов, отказывался даже принимать телеграммы Сунь Ятсена, адресованные в Москву, и тот был вынужден летом 1920 г. свой ответ на поздравление III Всероссийского съезда китайских трудящихся, проживавших в России, направить кружным путем через Нью-Йорк и Копенгаген. Письмо Народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерина от 31 октября 1920 г. было получено Сунь Ятсеном лишь 14 июля 1921 г. В своем ответе на это письмо Сунь Ятсен выражал пожелание установить с Г. В. Чичериным и друзьями из Москвы личный контакт, сообщал, что он внимательно следит за всеми делами молодой Советской Республики, особенно за «организацией ваших Советов, вашей армии, и образования». В заключение письма он передавал привет В. И. Ленину, которого называл своим другом.

Когда осенью 1920 г. в Шанхай приехал представитель Дальневосточного секретариата ИККИ Г. Н. Войтинский, Сунь Ятсен буквально засыпал его вопросами об Октябрьской революции, о жизни Советской России, интересуясь мельчайшими подробностями общественной и экономической структуры молодого Советского государства, выразил пожелание поддерживать постоянный контакт с Советской Россией. Весной и летом 1922 г. Сунь Ятсен имел несколько встреч с русским коммунистом С. Далиным, прибывшим на Юг Китая для уча-

[11] Документы внешней политики СССР, т. 1. М., 1957, с. 415.

стия в съезде Социалистической молодежи Китая, и жадно расспрашивал о революционной практике молодой Советской Республики. Осенью 1922 г., вернувшись в Шанхай после контрреволюционного мятежа Чэнь Цзюнмина, Сунь Ятсен вступил в активную переписку с прибывшим к тому времени в Пекин полпредом РСФСР А. А. Иоффе и послал в Пекин своего сторонника Чжан Цзи для переговоров об организации личной встречи с советским дипломатом.

В январе 1923 г. А. А. Иоффе проездом в Японию прибыл в Шанхай и имел ряд бесед с Сунь Ятсеном о положении в СССР, о задачах китайской революции, о советско-китайских отношениях. С целью поддержания в дальнейшем контактов с Иоффе и продолжения бесед с ним по различным вопросам, связанным с международными отношениями, революционным опытом Советской России, опытом партийной работы и т. д., Сунь Ятсен направил в Японию своего ближайшего соратника Ляо Чжункая.

В те же годы крепли связи Сунь Ятсена с деятелями молодой Коммунистической партии Китая. После победы Великого Октября революционные идеи марксизма-ленинизма стали огромной притягательной силой для всех китайских патриотов. Вслед за «движением 4 мая» в различных городах Китая — Шанхае, Пекине, Чанша, Ухане и других возникли первые марксистские кружки, которыми руководили молодые интеллигенты, начавшие изучать марксизм, стали выходить первые рабочие газеты и журналы, велась активная устная и печатная пропаганда марксистско-ленинских идей, стали появляться переводы работ К. Маркса и В. И. Ленина.

1 июля 1921 г. в Шанхае нелегально собрался I съезд Компартии Китая. Исходя из ленинских положений и решений II конгресса Коминтерна о том, что коммунисты в колониальных и зависимых странах должны поддерживать буржуазные освободительные движения, когда эти движения действительно революционны, съезд принял установку оказывать помощь Сунь Ятсену в его борьбе против произвола милитаристов и стоявших за их спинами империалистов. Это было началом последующего тесного сотрудничества КПК с Сунь Ятсеном, продолжавшегося до конца его жизни. Коммунистическая партия Китая направила стихийную антиимпериалистическую и антифеодальную борьбу героического рабочего класса Китая и широких крестьянских масс в русло сознательного революционного движения.

Созданный в сентябре 1922 г. центральный орган КПК, журнал «Сяндао», активно поддерживал революционную деятельность Сунь Ятсена, одобрял его политику борьбы с империалистическим гнетом и сближения с Советской Россией, призывал его к опоре на широкие рабоче-крестьянские массы Китая. Под влиянием героической борьбы Советской России с иностранными интервентами и дружественной внешней политики Советского государства в отношении Китая, под впечатлением роста общенародного антиимпериалистического и антифеодального движения в самом Китае, извлекая уроки из своего прошлого революционного опыта, Сунь Ятсен начал серьезно задумываться над вопросом о сплочении революционных сил и превращении Гоминьдана в эффективную политическую организацию, способную по-настоящему возглавить революционную борьбу масс.

Сунь Ятсен все чаще и чаще прислушивается к советам Компартии Китая, действенно претворявшей в жизнь призыв В. И. Ленина, обращенный еще в 1913 г. к будущей партии китайского пролетариата, которая, «критикуя мелкобуржуазные утопии и реакционные взгляды Сунь Ятсена, будет, наверное, заботливо выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро его политической и аграрной программы» [12]. Все резче звучит гневный голос Сунь Ятсена, осуж-

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 406.

дающий деятельность империалистов в Китае, активно финансировавших китайских милитаристов, которые грабили и убивали мирных жителей страны, препятствовали объединению Китая. В своих выступлениях и статьях Сунь Ятсен постоянно обращается к опыту Советской России; одновременно он открыто выступает в поддержку выдвигавших антиимпериалистические и антимилитаристские требования бастующих рабочих, например сянганских моряков и грузчиков в начале 1922 г., железнодорожников Пекин — Ханькоуской железной дороги в начале 1923 г.

В январе 1923 г. оставшиеся верными Сунь Ятсену войска выбили из Гуанчжоу контрреволюционные части Чэнь Цзюнмина, и 21 февраля 1923 г. Сунь Ятсен вновь возвращается на юг и становится во главе революционного правительства. Он начинает подготовку к реорганизации своей партии Гоминьдан с учетом революционного опыта русских большевиков.

Состоявшийся в июне 1923 г. в Гуанчжоу III съезд КПК специально рассмотрел вопрос о создании единого революционного фронта с Гоминьданом. На съезде были подвергнуты дружественной критике прошлые ошибки Сунь Ятсена, его, вытекавшая из оторванности от масс, надежда добиться победы, опираясь на отдельные группировки империалистов и феодалов-милитаристов. Одновременно съезд поддержал борьбу Сунь Ятсена за демократию, его стремление создать революционную армию и реорганизовать Гоминьдан в массовую революционную политическую партию. Съезд принял решение о сотрудничестве Компартии с Сунь Ятсеном и о вступлении коммунистов в Гоминьдан при сохранении Компартией политической и организационной самостоятельности. Съезд сформулировал основные принципы политики единого фронта Компартии и Гоминьдана.

Сунь Ятсен с признательностью воспринял поддержку Коммунистической партии Китая и стал готовить создание массовой опоры революционного южного правительства. С целью более полного изучения революционного и военного опыта Советского Союза осенью 1923 г. он послал в Москву специальную партийно-военную делегацию и одновременно пригласил в Гуанчжоу коммуниста М. М. Бородина в качестве политического советника гуанчжоуского правительства и группу советских военных специалистов для организации офицерской школы.

В ноябре 1923 г. Сунь Ятсен объявил о реорганизации Гоминьдана и о своей решимости впредь опираться на широкие народные массы, изучать и применять в Китае опыт революционной России и русских коммунистов. «Мы должны учиться у России ее методам, ее организации, ее подготовке членов партии, только тогда мы можем надеяться на победу»[13], — говорил Сунь Ятсен, выражая твердую решимость довести китайскую революцию, направленную против милитаристов и империалистов, до победного конца.

Опираясь на мощную поддержку трудящихся провинции Гуандун, правительство Сунь Ятсена отбило попытку нападения Чэнь Цзюнмина на Гуанчжоу и дало решительный отпор империалистическим державам, установив свой контроль над администрацией Гуанчжоуской таможни. Морские таможни Китая, сбор соляного налога находились в руках империалистических государств — через английскую администрацию таможен, регулярно удерживавшую из таможенных и прочих налоговых поступлений суммы, которые шли на погашение иностранных займов и контрибуций. Оставшиеся суммы, «излишки» таможенных сборов, передавались английской таможенной администрацией пекинскому правительству и расходовались последним по своему усмот-

[13] Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 327.

рению, в том числе для ведения военных операций против гуанчжоуского правительства.

Еще в сентябре 1923 г. Сунь Ятсен сделал представление консульскому корпусу в Гуанчжоу, в котором потребовал впредь выплачивать «излишки» таможенных сборов, собранных на Юге Китая, гуанчжоускому правительству. Консульский корпус не дал Сунь Ятсену никакого ответа. Не последовало также ответа на второе представление, сделанное Сунь Ятсеном по этому вопросу в октябре. В декабре 1923 г. Сунь Ятсен заявил иностранным державам, что правительство юга в случае необходимости силой захватит Гуанчжоускую таможню. В ответ на это английские, американские и французские военные корабли, стоявшие на реке Чжуцзян, высадили вооруженные десанты для охраны таможенного управления в Гуанчжоу.

На рейде Гуанчжоу находилось 19 иностранных военных кораблей; 9 января 1924 г. военные суда шести держав — Англии, США, Франции, Японии, Италии и Португалии — произвели совместную военно-морскую демонстрацию с целью оказания нажима на Сунь Ятсена в вопросе о таможнях. Гуанчжоуский пролетариат ответил на это новым подъемом забастовочного движения на предприятиях, принадлежавших иностранному капиталу. По всему городу патриотические организации расклеили плакаты, призывавшие жителей бойкотировать англичан и американцев, сплотиться и вернуть таможни Китаю.

Решительная позиция гуанчжоуского правительства заставила державы пойти на уступку и возобновить выплату таможенных «излишков».

17 декабря 1923 г. Сунь Ятсен направил в США «Обращение к американскому народу», в котором писал: «Америка... была для нас примером, когда мы начинали революцию, чтобы уничтожить самодержавие и продажные министерства и установить республику в Китае. Мы могли ожидать появления американского Лафайета, который пришел бы сражаться рядом с нами за великое дело. Но на двенадцатом году нашей борьбы за свободу приходит не Лафайет, а американский адмирал, который привел с собой в наши воды военные суда в количестве большем, чем какие-либо другие нации, чтобы присоединиться к тем, кто хочет раздавить нас и добиться, чтобы Китайская Республика погибла» [14].

Аналогичные мысли были высказаны Сунь Ятсеном в конце декабря 1923 г. в телеграмме в Лондон лейбористскому премьер-министру Р. Макдональду, которого Сунь Ятсен просил «довести до сведения британского народа, особенно рабочих, о серьезном положении, создавшемся в Гуанчжоу, вследствие, главным образом, позиции британского посланника в Китае. Международная эскадра, состоящая из двух десятков крейсеров и канонерок, угрожает моему правительству военными действиями. Вооруженные солдаты уже высадились в Шамыне. Все это дело рук дипломатического корпуса в Пекине, поддерживаемого английским посланником по совету старшины консульского корпуса в Гуанчжоу, который одновременно является представителем британской армии и англичанина — генерального инспектора таможен» [15]. Сунь Ятсен предупреждал английское правительство о непригодности метода использования канонерок в Китае.

В интервью, которое Сунь Ятсен дал в то же время редактору газеты «Peking Leader» Г. Кларку, он заявил, что «руководящие деятели иностранных государств всегда поддерживали реакционеров и даже монархистов в Китае, всегда были против революционного движения

[14] «Far Eastern Times», 21.XII.1923.

[15] Сообщение агентства Рейтер от 23 декабря 1923 г. о встрече секретаря Сунь Ятсена Чэнь Южэня с губернатором Сянгана.

в стране»[16]. «Сунь Ятсен особенно резко настроен против Америки, — писал Кларк, — хотя он думает, что американский народ в целом симпатизирует его стремлениям. В силу каких-то странных причин американское правительство со времени Вашингтонской конференции заняло враждебную Китаю позицию, следуя в этом примеру Англии, но иногда заходя гораздо дальше нее. В доказательство он указывает на то, что американских судов в Гуанчжоу было гораздо больше, чем других, а также, что посланник США в Китае Шурман помог избранию Цао Куня и признанию его державами»[17].

В этом же интервью Сунь Ятсен с огромным уважением говорил о политике Советского Союза, подчеркивал, что «Россия и Китай являются естественными друзьями, союз которых фактически неуязвим. В будущей мировой схватке, — продолжал Сунь Ятсен, — народы, стремящиеся получить истинную свободу, — китайцы, индусы, русские, немцы, ирландцы, филиппинцы и американские негры — выступят совместно без различия расы и цвета кожи против угнетателей»[18].

Выступая активным поборником быстрейшего установления китайско-советских дипломатических отношений, Сунь Ятсен призывал к нормализации отношений с Советским Союзом и правящие круги Японии. В письме к японскому министру Инукаи в ноябре 1923 г. он гневно разоблачал политику английских и американских империалистов, направленную на провоцирование японской агрессии против Китая и СССР, и предупреждал, что в случае следования на поводу у Англии и США японский народ сам станет первой жертвой такой безрассудной политики. «...Путь сближения с Советской Россией — это для Японии единственный путь самосохранения»[19], — писал Сунь Ятсен, советуя Инукаи и японскому кабинету незамедлительно признать Советский Союз, так как безрассудное следование японского правительства в этом вопросе за Англией, Францией и США наносит огромный вред интересам Японии. «...Япония должна первой признать правительство Советской России, — писал Сунь Ятсен. — Она должна сделать это немедленно, ни в коем случае не оглядываясь на великие державы»[20].

Сунь Ятсен осуждал участие Японии в интервенции против Советской Республики. Он опровергал доводы тех японских политических деятелей, которые заявляли, что для Японии невозможно признать Советское государство, поскольку оно-де строится на совершенно иных принципах, чем японское. «Люди, рассуждающие подобным образом, уподобляются тем, кто смотрит на небо со дна колодца: кругозор их поистине узок!»[21] — писал Сунь Ятсен.

Письмо Сунь Ятсена Инукаи имеет существенное значение и для понимания эволюции взглядов Сунь Ятсена на солидарность народов Азии в борьбе с империализмом.

Сунь Ятсен с самого начала своей революционной деятельности с большой симпатией относился к борьбе народов Филиппин с американским империализмом, к революционной деятельности вьетнамских патриотов, боровшихся с французскими колонизаторами, однако на его тогдашних воззрениях еще лежал груз буржуазно-ограниченного, расового понимания принципов солидарности. В письме же к Инукаи Сунь Ятсен обращал его внимание на то, что после европейской войны в мире возникла новая сила: «Массы поднялись на борьбу с насилием. Бо́льшая часть угнетенных живет в Азии, и поэтому азиатские нации, оказавшись вовлеченными в этот мировой поток, обязательно подни-

[16] «Peking Leader», 12.I.1924.
[17] Там же, 15.I.1924.
[18] Там же, 17.I.1924.
[19] Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 318.
[20] Там же, с. 316.
[21] Там же, с. 317.

мутся против европейского насилия»[22]. Отмечая, что на этот путь уже стали Турция, Персия, Афганистан, что за ними неизбежно последуют Индия и Малайя, Сунь Ятсен придавал особое значение вступлению на этот путь также и 400-миллионного Китая. Симпатии всех этих стран, говорил Сунь Ятсен, обращены сейчас к Советской России — спасительнице угнетенных народов Европы и главной противнице угнетателей. Народы Азии угнетены неизмеримо больше, чем народы Европы, и с нетерпением жаждут своего освобождения. Поскольку в Азии нет страны, которая могла бы прийти к ним на помощь, они тоже все свои надежды возлагают на Советскую Россию. Чаяния Персии и Турции на помощь Советского Союза уже сбылись, а сейчас его поддержкой собираются воспользоваться Китай и Индия. Сунь Ятсен призывал Японию последовать примеру Советского Союза и выступить в защиту угнетенных народов. В этом же письме к Инукаи Сунь Ятсен критиковал шовинистические идеи «паназиатизма», расистские «теории» неизбежности войны между народами желтой и белой расы, распространявшиеся в те годы японской военщиной.

20 января 1924 г. в Гуанчжоу под руководством Сунь Ятсена открылся I съезд Гоминьдана, на котором присутствовало 165 делегатов от провинциальных и заграничных организаций партии. В работе съезда принимали активное участие руководители КПК. Съезд одобрил реорганизацию Гоминьдана и линию на сотрудничество с КПК. В выступлениях Сунь Ятсена и в Манифесте съезда содержалось детальное изложение новой политической программы Сунь Ятсена, новая интерпретация его «трех народных принципов», отражавшая дальнейший рост его идейно-теоретического уровня, его способность совершенствовать свои воззрения, учитывать реальную обстановку и прислушиваться к требованиям широких народных масс.

Принцип «национализма» выражал идеи борьбы за свержение гнета империализма в Китае и требование полного равноправия всех национальностей страны. Антиимпериалистическая направленность принципа «национализма» способствовала росту популярности Сунь Ятсена и партии Гоминьдан в стране.

Принцип «народовластия» содержал критику недостатков буржуазной парламентской системы и призыв к учреждению такого государственного строя, который мог бы обеспечить широким народным массам подлинные демократические права и свободы; этот принцип предусматривал активную борьбу с иностранным империализмом и его ставленниками.

Принцип «народного благосостояния» в Манифесте I съезда Гоминьдана получил свое выражение в требовании наделения землей безземельных крестьян-арендаторов, государственной помощи безработным, улучшения условий труда, защиты рабочих организаций. Однако аграрная и рабочая программы Сунь Ятсена еще не были свободными от иллюзий о возможности мирными методами разрешить конфликт между крестьянами и помещиками, рабочими и предпринимателями. Сунь Ятсен явно переоценивал возможность урегулирования всех этих вопросов при помощи государственного законодательства, без развертывания классовой борьбы. Как выразитель интересов национальной буржуазии он призывал рабочих к классовому миру и к совместной с предпринимателями борьбе против политического и экономического гнета империалистических держав в Китае. Неоднократно подчеркивая, что Китай — страна земледельческая, Сунь Ятсен апеллировал в первую очередь к крестьянству, а затем уже к рабочим.

Третий принцип Сунь Ятсена, как и два первых, стал ярко антиимпериалистическим по своему содержанию: Сунь Ятсен подчеркивал ве-

[22] Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 313.

дущую роль крестьянских и рабочих масс в борьбе с иностранным капиталом, призывал Гоминьдан всемерно развивать антиимпериалистическое движение среди крестьян и рабочих, содействовать росту крестьянских и профессиональных союзов. Он предлагал ввести «ограничение капитала» и передать иностранные предприятия, а также предприятия китайского монополистического капитала государству.

«Три народных принципа» Сунь Ятсена в их новой трактовке были положены в основу политической программы Гоминьдана, выработанной на I съезде. Среди минимальных, самых неотложных политических требований, съезд Гоминьдана назвал ликвидацию неравноправных договоров между Китаем и империалистическими державами и заключение новых договоров с иностранными государствами на принципах равенства и полного суверенитета обеих сторон, восстановление демократических свобод, упорядочение сбора земельного налога, отмену всякого рода поборов с крестьян, улучшение жизни крестьян, восстановление профсоюзов, четкое разделение функций центральных и провинциальных органов власти. В избранный съездом Центральный исполнительный комитет Гоминьдана вошел также ряд руководящих деятелей КПК.

Съезд Гоминьдана прошел под знаком укрепления дружбы революционного Китая с Советским Союзом. Сунь Ятсен призывал Гоминьдан учиться у Советского Союза, высоко оценивал помощь Советского Союза борьбе китайского народа за освобождение от империализма. Съезд одобрил выдвинутые Сунь Ятсеном три основные политические установки: союз с СССР, союз с Компартией Китая и поддержка борьбы крестьянских и рабочих масс Китая. В этих установках нашли свое наглядное отражение последовательные прогрессивные изменения, которые к этому времени произошли в сознании выдающегося китайского революционера-демократа.

С глубокой скорбью отметили Сунь Ятсен и делегаты съезда кончину В. И. Ленина. В Гуанчжоу был объявлен трехдневный траур, работа съезда была прервана. Сунь Ятсен выступил с проникновенной речью на траурном митинге, посвященном памяти Ленина, и собственноручно начертал памятную каллиграфическую надпись, посвященную Ленину: «Друг Китая, учитель народов».

После I съезда Гоминьдана Сунь Ятсен уделял много времени пропаганде его решений, выступлениям перед крестьянами и рабочими провинции Гуандун, организации революционной армии и подготовке похода против северных милитаристов. Революционное гуанчжоуское правительство Сунь Ятсена активно поддержало антиимпериалистическую борьбу китайского пролетариата и в свою очередь опиралось на поддержку широких народных масс в практической деятельности, направленной против попыток иностранных держав свергнуть это правительство.

Весной — летом 1924 г. Сунь Ятсен прочитал партийному активу в Гуанчжоу цикл лекций о «Трех народных принципах» и «Конституции пяти властей». Лекции свидетельствовали о больших сдвигах в системе взглядов их автора. Он понял, что главным врагом всех слоев и групп китайского народа является империализм, и призывал весь китайский народ к сплочению и борьбе с этим врагом в тесном, нерушимом союзе с первым в мире государством, порвавшим цепи империалистической эксплуатации — Советским Союзом. Искренний и цельный демократизм, стремление достичь национального освобождения от гнета империалистических колонизаторов, улучшить благосостояние народа пронизывали все выступления Сунь Ятсена. Лекции свидетельствовали о его непоколебимой решимости претворить в жизнь свои «три основные политические установки». В то же время в лекциях, как и в предыдущих своих работах (например «Учение Сунь Вэня»), Сунь Ят-

сен отдавал известную дань широко распространенным среди китайской буржуазии националистическим идеям о превосходстве китайской нации над остальными в силу многочисленности населения Китая и длительности культурных традиций, мечтал о создании «Великого восточного государства», в котором под главенством Китая объединились бы его соседи в Азии, хотя и пытался связать эти идеи с программой антиимпериалистической борьбы.

В своей повседневной практической деятельности на посту главы правительства Южного Китая Сунь Ятсен все шире опирался на поддержку китайских коммунистов, профсоюзных и крестьянских организаций. При активном участии революционного пролетариата Гуанчжоу правительство Сунь Ятсена в августе 1924 г. успешно справилось с контрреволюционным мятежом гуанчжоуского купечества, инспирированным Англией. Чтобы не допустить разгрома мятежников, английское правительство предъявило правительству Сунь Ятсена ультиматум, угрожая интервенцией в случае применения правительственными войсками артиллерии в борьбе с купеческими отрядами. Сунь Ятсен смело отверг английский ультиматум и решительно осудил агрессию против Китая, предпринятую «рабочим» правительством Макдональда. В августе 1924 г. по инициативе москвичей — трудящихся Красной Пресни, создавших добровольное общество «Руки прочь от Китая», по всему миру поднялась могучая волна пролетарской солидарности с революционным правительством Сунь Ятсена и протеста против британской интервенции; она вынудила английское правительство на время примириться с разгромом его агентуры.

По мере активизации агрессивных действий империалистов и роста массовой антиимпериалистической и антифеодальной борьбы на Юге Китая Сунь Ятсен все тверже и настойчивее призывал к самой тесной дружбе и сплочению с Советским Союзом. В самый разгар купеческого мятежа в Гуанчжоу он отдал следующую директиву революционным войскам: «...Сейчас революция немыслима без изучения опыта России... Дальнейшая революционная борьба нашей партии будет безрезультатной, если мы не будем учиться у России»[23]. Горячо приветствовал Сунь Ятсен 8 октября 1924 г. моряков советского корабля «Воровский», которые привезли из Советского Союза правительству Южного Китая столь необходимые в условиях империалистической блокады грузы — оружие и боеприпасы.

В речах, статьях и письмах последнего периода своей жизни Сунь Ятсен настойчиво и страстно пропагандировал опыт Октябрьской социалистической революции, пример Советского Союза, призывал к укреплению китайско-советской дружбы, он вел решительную и беспощадную борьбу с правыми элементами в Гоминьдане, выступавшими против союза с СССР, с Компартией Китая и с широкими народными массами. «...Ныне пришло время для открытой борьбы с мировым империализмом в Китае, — писал он полпреду СССР в Китае Л. М. Карахану 12 сентября 1924 г. — В этой борьбе я обращаюсь к Вашей великой стране за дружбой и помощью, которые помогут освободить Китай от мощной хватки империализма и восстановить нашу политическую и экономическую независимость»[24].

23 октября 1924 г. один из генералов чжилийской группировки, Фэн Юйсян, в знак протеста против антинародной политики ее лидеров порвал с ними, занял своими войсками Пекин, изгнал У Пэйфу и призвал к прекращению гражданской войны и проведению в Пекине совещания национальных лидеров с тем, чтобы обсудить вопрос о созыве в

---

[23] Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 695.
[24] Там же, с. 756.

Пекине «Национального собрания» для разработки планов мирного объединения страны. Сунь Ятсен горячо откликнулся на этот призыв и заявил о своей решимости выехать в Пекин. Он потребовал до созыва «Национального собрания» провести в Пекине подготовительную конференцию, составленную на основе широкого представительства торгово-промышленных кругов, крестьянских и рабочих организаций, организаций молодежи и работников просвещения, представителей провинций. Сунь Ятсен требовал проведения свободных выборов делегатов на эту конференцию, освобождения всех политических заключенных. Свою поездку на север Сунь Ятсен стремился использовать для широкой пропаганды идей борьбы с милитаризмом и империализмом, укрепления дружбы Китая с Советским Союзом.

Выступая на пресс-конференции китайских журналистов в Шанхае на пути в Пекин, Сунь Ятсен потребовал ликвидации кабальных договоров, которыми иностранные капиталисты опутали Китай, установления политической и экономической независимости от империалистов. Он приводил пример Советского Союза, единственной державы, которая по своей инициативе отменила все неравноправные русско-китайские договоры и стала на путь дружбы с Китаем.

Требования об упразднении неравноправных договоров, силой навязанных Китаю империалистическими державами, были высказаны Сунь Ятсеном в Кобэ, Нагасаки и Моцзи, где он останавливался по пути в Тяньцзинь ввиду отсутствия удобного прямого сообщения между Шанхаем и Тяньцзинем.

В большой речи, произнесенной 25 ноября 1924 г. в Кобэ, Сунь Ятсен призвал китайцев, проживавших в Японии, активно поддерживать движение за мирное объединение страны и за отмену неравноправных договоров империалистических держав с Китаем. Он подробно информировал своих соотечественников о той борьбе, которую гуанчжоуское правительство вело против империалистической агрессии.

Сунь Ятсен использовал свое кратковременное пребывание в Японии также и для оказания воздействия на общественное мнение Японии в интересах демократического движения в Китае.

В интервью с представителями японской прессы и на встречах с японскими общественными деятелями Сунь Ятсен апеллировал к демократическому общественному мнению Японии, призывая его возглавить движение за добровольную отмену державами неравноправных договоров с Китаем.

Указывая на пример Советского Союза, первого из иностранных государств, добровольно отказавшегося от неравноправных договоров с Китаем, Сунь Ятсен в своей речи в Кобэ 28 ноября 1924 г. говорил: «Причина, по которой Россия отказалась от неравноправных договоров, заключается в том, что после революции она стала придерживаться принципа гуманности. Зная, что эти договоры крайне неравноправные и несправедливые для Китая, Россия по своей собственной инициативе отказалась от таких договоров, отказалась от специальных прав в Китае» [25].

Ставя непременным условием дружбы Японии с Китаем отмену неравноправных договоров, Сунь Ятсен призывал Японию следовать в этом отношении примеру Советской России. Во второй своей речи в Кобэ 28 ноября 1924 г. он говорил о необходимости для отсталых и угнетаемых иностранным империализмом народов Азии равняться на Советскую Россию: «Сейчас в Европе есть новое государство. Все белые люди Европы чуждаются его. Все европейцы смотрят на него как

[25] Сунь Ятсен. Япония должна помочь Китаю отменить неравноправные договоры. — Полн. собр. соч., т. II, раздел «Речи», ч. 5. Чэнду, 1944, с. 82 (на кит. яз.).

на ядовитую змею, как на лютого зверя, а не как на человеческое государство и боятся общаться с ним. У нас в Азии есть тоже немало людей, поступающих таким же образом. Что же это за государство? Это государство — Россия. Сейчас Россия собирается полностью отделиться от Европы. Почему она намерена так поступить? Потому что она придерживается «справедливого пути», а не идет по «пути тиранов». Россия стоит на принципе гуманности, справедливости, морали и этики, не гонится за наживой и не захватывает преимущественных прав. Россия твердо придерживается принципов общественной справедливости и не согласна с угнетением большинства меньшинством. Ввиду этого новая культура, недавно возникшая в России, исключительно совпадет с древней восточной культурой, а поэтому пойдет рука об руку с Востоком и разойдется с Западом. Европейцы не желают общаться с Россией из-за ее новых взглядов; они боятся, что если взгляды России победят, то этим будет нанесен непоправимый удар принципам «пути тиранов», и поэтому клевещут на Россию»[26].

В этой речи Сунь Ятсен, по существу, развил те же идеи солидарности угнетенных империализмом народов Востока с Советской Россией, которые были высказаны им еще в письме к Инукаи в ноябре 1923 г. и в его лекциях «О трех народных принципах».

В заключение Сунь Ятсен говорил: «Угнетенные народы имеются не только в Азии. Они есть также и в пределах Европы. Государства, которые придерживаются «пути тиранов», угнетают не только народы других континентов и других стран, но угнетают также и народы своего континента и своей страны... а американские ученые считают, что всякое национально-освободительное движение является преступлением против культуры. Выдвигаемое нами сейчас требование уничтожения неравенства является преступлением лишь против «пути тиранов». Мы стоим за культуру мира среди народов и за их освобождение»[27].

Таким образом, в конце своего жизненного пути Сунь Ятсен сумел преодолеть и отбросить в сторону ограниченные буржуазно-националистические концепции так называемой расовой солидарности стран Азии и во весь голос заявил о поддержке принципа неразрывной связи национально-освободительной борьбы народов, угнетаемых империализмом, с борьбой, которая велась Советским Союзом за претворение в жизнь ленинских предначертаний, с борьбой международного пролетариата за уничтожение всей системы империалистической эксплуатации. Неоднократно в своих последних выступлениях он подчеркивал огромное значение теснейшего союза Китая и всех угнетенных империализмом народов мира с первым в мире государством Советов.

Так, в интервью корреспонденту «Нагасаки симбун» 23 ноября 1924 г. Сунь Ятсен заявил: «Цели китайской революции совпадают с целями русской революции... Китайская и русская революции идут по одному пути. Поэтому Китай и Россия не только находятся в близких отношениях, но по своим революционным связям воистину составляют одну семью»[28].

Сунь Ятсену не удалось добиться осуществления своих благородных замыслов: по прибытии на Север в конце 1924 г. он тяжело заболел и 12 марта 1925 г. скончался в Пекине. Перед смертью он оставил «Завещание», в котором призывал своих единомышленников довести до конца дело национальной революции, и «Послание Советскому Союзу», в котором пророчески писал: «Дорогие товарищи! Прощаясь с вами, я хочу выразить мою пламенную надежду — надежду на то, что

[26] Сунь Ятсен. Полн. собр. соч., т. II, ч. 5, с. 80 (на кит. яз.).
[27] Там же.
[28] См.: Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 717.

скоро наступит рассвет. Настанет время, когда Советский Союз как лучший друг и союзник будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за свободу угнетенных наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы»[29].

Начавшаяся после смерти Сунь Ятсена в 1925 г. вооруженная борьба китайского народа против объединенного господства империалистических держав и феодально-помещичьей реакции закончилась в 1927 г. временным поражением сил революции. Потребовались многие годы суровой и упорной борьбы героического китайского рабочего класса и крестьянства под руководством КПК, чтобы добиться решающей победы над вековыми врагами китайского народа. В ходе этой борьбы Компартия Китая выступала активным поборником «трех народных принципов» и трех основных политических установок Сунь Ятсена как основы политической программы демократической революции, разоблачала чанкайшистскую, ванцзинвэевскую и другие феодально-компрадорские группировки в гоминьдане, которые, спекулируя именем Сунь Ятсена, предавали национальные интересы Китая.

Вследствие силы врагов китайской революции и слабости китайской национальной буржуазии задачи антиимпериалистической и антифеодальной буржуазно-демократической революции в Китае не могли быть победоносно доведены до конца под руководством буржуазии; эту задачу оказалось возможным выполнить лишь под руководством пролетариата. Образование Китайской Народной Республики в 1949 г. явилось выдающимся событием современной истории. Народная революция в Китае нанесла сокрушительный удар по феодально-компрадорской правящей верхушке и по позициям империализма в Азии, в огромной мере способствовала изменению соотношения мировых сил в пользу социализма, дала новый мощный толчок национально-освободительному движению. В подготовку этой славной победы китайской революции над силами внутренней и внешней реакции незабываемый вклад был внесен сорокалетней революционной деятельностью выдающегося сына китайского народа Сунь Ятсена.

* * *

Сунь Ятсен завещал китайскому народу беречь и хранить как зеницу ока дружбу с братским советским народом, который в тяжелое для Китая время при жизни Сунь Ятсена всегда самоотверженно приходил на помощь своему соседу. И после кончины Сунь Ятсена советский народ остался верным своим принципам политики в отношении Китая; он единственный, кто пришел на помощь китайскому народу в 1937 г., в годину смертельной опасности, когда на Китай напали японские милитаристы. В 1945 г. Советские Вооруженные Силы сокрушили отборную Квантунскую армию японских захватчиков, освободив Северо-Восточный Китай. В составе первой бригады речных кораблей Краснознаменной Амурской флотилии, действовавшей совместно с частями Советской Армии против японских милитаристов и маньчжоугосских марионеточных войск в Северо-Восточном Китае (Маньчжурия), сражался монитор, носивший имя великого сына китайского народа. За отвагу, проявленную в боях, за стойкость, мужество, дисциплину, организованность и героизм личного состава 30 августа 1945 г. монитору «Сунь Ятсен» было присвоено звание гвардейского. Интернационализм и братская солидарность советского народа с Китаем ярко проявились и в годы гражданской войны и американской интервенции в Китае 1946—1949 гг., обеспечив как благоприятные внешние условия для победы китайской революции, так и существенную материальную

[29] Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 742.

помощь демократическим силам Китая; великой исторической миссией советского народа было и оказание братской помощи КНР в деле восстановления хозяйства и создания основ социалистической индустриализации страны в 1949—1960 гг. Завет Сунь Ятсена о необходимости для Китая беречь дружбу с Советским Союзом как никогда злободневно звучит сегодня, когда вновь над миром сгущаются тучи военной опасности в результате развязанной империализмом США безудержной гонки вооружений.

В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду КПСС, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, с удовлетворением отмечалось определенное улучшение взаимоотношений Советского Союза с его великим соседом — социалистическим Китаем и подчеркивалась «возможность во многих случаях работать совместно, взаимодействовать на равноправной и принципиальной основе, не в ущерб третьим странам» [30].

[30] М. С. Горбачев. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1986 г. М., 1986, с. 92.

Сун Цинлин — видный государственный и общественный деятель Китая

Р. А. МИРОВИЦКАЯ,
кандидат исторических наук

Сун Цинлин, супруга и соратник великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена, почетный Председатель КНР, председатель Центрального правления Общества китайско-советской дружбы, хорошо известна в Советском Союзе. Она родилась в Шанхае 27 января 1893 г. Китай в то время, как известно, был отсталым полуколониальным государством, управляемым Цинской династией. В стране нарастало недовольство политикой цинской администрации.

Дом отца Сун Цинлин, христианского пастора, был центром, где собирались китайские революционеры, спорили о будущем страны, о путях, которые могут вывести отсталый Китай на путь прогресса. Здесь и познакомился Сунь Ятсен с Цинлин. Затем она уехала на учебу в США.

После Синьхайской революции (1911—1913) Сун Цинлин возвратилась в Китай и вела просветительскую работу среди китайской учащейся молодежи. Ее путь на родину лежал через Японию. Там она вновь встретилась с Сунь Ятсеном, президентом Китайской Республики, созданной в ходе Синьхайской революции, который вынужден был покинуть Китай.

Обосновавшись в Японии, Сунь Ятсен работал над проблемами реорганизации гоминьдана, готовился к новому этапу борьбы за развитие Китая по демократическому пути. 8 июня 1914 г. в Токио, в условиях глубокой конспирации, состоялось учредительное собрание созданной Сунь Ятсеном новой революционной партии — Чжунхуа гэминдан, поставившей задачей свержение диктатуры Юань Шикая. Очарованная умом, глубоким политическим мышлением, высокими нравственными и революционными идеями Сунь Ятсена Сун Цинлин становится секретарем, а в октябре 1915 г. — женой Сунь Ятсена. Десять лет продолжалась их совместная деятельность.

В 1917—1919 гг. Сунь Ятсен завершил «Программу строительства государства» — систематизированное изложение политических и экономических планов. Он, первый среди выдающихся деятелей Азии, сумел по-новому оценить роль Советского государства и Китая в современном мире, принял исторические решения о сотрудничестве и дружбе с СССР, приступил к осуществлению этой программы, на многие годы вперед определившей судьбу китайской революции. Впоследствии Сун Цинлин неоднократно в своих выступлениях и статьях возвращалась к первым годам дружбы и сотрудничества Сунь Ятсена с Советской Россией. «Сунь Ятсен, — писала она в 1956 г., — рано стал сочувствовать русской революции и внимательно следил за ее развитием. Он был чрезвычайно обрадован, когда узнал о ее успехе... Сунь Ятсен высоко оценил опыт Октябрьской социалистической революции... Он использовал этот опыт на деле, проведя пересмотр своей революционной платформы и оздоровив гоминьдан...

Следует помнить, что это происходило в то время, когда империалистические державы не останавливались ни перед чем в своих попытках сломить Сунь Ятсена и приостановить развитие китайской революции»[1].

Сун Цинлин помогала Суню, обобщая материалы о Советской России, публиковавшиеся в иностранной печати, переписывала его статьи и речи... Сун Цинлин была рядом с Сунь Ятсеном и на церемонии открытия военной школы Вампу (16 июня 1924 г.), где готовились командные кадры для вооруженных сил китайской революции с помощью советских военных советников. Через нее проходили важнейшие документы, в том числе переписка Сунь Ятсена с руководителями Советского государства. Сун Цинлин сопровождала Суня в его последней поездке на Север в конце 1924 — начале 1925 годов. Иными словами, жизнь связала Сун Цинлин с виднейшим руководителем китайской революции в насыщенный событиями и ответственный период китайской истории.

Ей было всего 32 года, когда ушел из жизни Сунь Ятсен. Сун Цинлин избиралась на высшие посты гоминьдана. На II съезде ГМД (1926) была избрана в ЦИК ГМД. В это время она являлась членом национального правительства. По ее собственным словам, она принадлежала к левому крылу партии гоминьдан.

После контрреволюционного переворота Чан Кайши в 1927 г. Сун Цинлин заявила протест, в котором резко осудила отказ от «трех политических установок» Сунь Ятсена. В августе 1927 г. Сун Цинлин прибыла в Москву, где ей была устроена теплая встреча.

В Москве и Ленинграде Сун Цинлин встречалась с советскими людьми, выступала на страницах советской прессы. В «Заявлении, опубликованном в Москве» (6 сентября 1927 г.) она следующим образом писала о цели приезда в СССР: «Приехала в СССР, чтобы поблагодарить советский народ за помощь китайской революции... Сунь Ятсен, — подчеркивала она, — мечтал приехать в СССР, вступить в личный контакт с руководителями социалистической России и завещал мне посетить Москву, поэтому я в данном случае представляю его, а также я представляю революционный китайский народ и от его имени выражаю чувства благодарности советскому народу»[2].

После вторжения японских агрессоров в начале 30-х годов в Северо-Восточный Китай Сун Цинлин возвратилась на родину. В книгах, опубликованных в КНР в 80-е годы, рассказывается о том, что она была в первых рядах борцов против японской агрессии.

Личное обаяние, международный авторитет, признание демократической общественности Китая, наконец, положение вдовы и соратника усопшего Сунь Ятсена позволяли ей привлекать внимание зарубежной общественности к китайским делам, обеспечивать Китаю моральную поддержку и помощь со стороны народов стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, а также США. По ее инициативе создавались «лиги», «фонды», «общества», через которые тогдашнее правительство Китая, а впоследствии и КНР получали поддержку из-за рубежа, в основном от частных лиц и неправительственных организаций.

Сун Цинлин приложила немало усилий для создания единого национального антияпонского фронта, выступая на V съезде гоминьдана (1934), пленумах, в печати.

В начале 30-х годов Сун Цинлин вместе с великим китайским писателем Лу Синем, известным ученым-просветителем Цай Юаньпэем и др. создали Лигу борьбы за гражданские права, общественную организацию, которая выступала против разгула реакции в стране и международной реакции. К этому времени Сун Цинлин была уже видным деятелем международного демократического движения — в 1927 и 1929 гг. она избира-

[1] «Народный Китай». Пекин, 1956, № 23, с. 7—8.
[2] Сун Цинлин. Борьба за новый Китай. Пекин, 1952, с. 14, 15—16.

лась почетным председателем Международной лиги борьбы против империализма.

Началась антияпонская война. Большую разностороннюю морально-политическую, военно-техническую помощь сражающемуся Китаю оказал Советский Союз. Сун Цинлин жила в то время в Гонконге и в 1938 г. с помощью своих единомышленников организовала Лигу защиты Китая. Основная задача лиги состояла в привлечении внимания мировой общественности к агрессии Японии в Китае, получении помощи, особенно медикаментов для госпиталей и больниц. Позже руководство лиги переехало в Чунцин, столицу гоминьдановского Китая времен войны. Ее дом в Чунцине превратился в один из центров общественной жизни. Резиденция лиги находилась в Шанхае. В доме Сун Цинлин бывали Рихард Зорге, многие советские и иностранные журналисты, ученые, политические деятели. Современники свидетельствуют, что личное участие Сун Цинлин в благотворительных мероприятиях, просто ее подпись под письмом или воззванием лиги играли исключительную роль, обеспечивая сражающемуся Китаю помощь зарубежных китайцев. В литературе приводится такой пример: в 1942 г. вследствие стихийного бедствия в провинции Хэнань миллионы людей остались без крова. Гоминьдановские власти не спешили с помощью. Сун Цинлин, узнав о случившемся, приняла решение добыть определенные средства для женщин и детей Хэнани путем организации благотворительных зрелищных мероприятий. В их числе был, например, футбольный матч с участием находившегося в Чунцине дипломатического корпуса. Приняли участие все иностранные послы, включая советского посла А. С. Панюшкина [3]. Сун Цинлин была желанной гостьей в советском посольстве в Чунцине. Советские дипломаты вспоминают, что она присутствовала на всех официальных приемах, в ее честь также устраивались приемы.

У лиги было несколько своих военных госпиталей. Несколько отрядов иностранного медперсонала лига направила в расположение армий КПК — 8-й и Новой 4-й [4].

Одним словом, в годы серьезных испытаний страны Сун Цинлин была в первых рядах борцов, высоко неся знамя Сунь Ятсена. В истории советско-китайских отношений были периоды, когда непосредственные контакты китайской Компартии с мировым коммунистическим движением были затруднены. Необходимые КПК средства на приобретение оружия, боеприпасов нередко передавались через благотворительные организации, руководимые Сун Цинлин.

В декабре 1945 г. Лига защиты Китая опубликовала заявление, в котором подчеркивалось, что после окончания антияпонской войны лига будет работать над тем, чтобы улучшить жизнь народа, восстановить народное хозяйство, серьезно пострадавшее от затяжных войн. Лига защиты Китая была преобразована в Фонд благосостояния Китая. Центр фонда находился в Чунцине, а затем в Шанхае. В 1946—1949 гг. Сун Цинлин возглавляла Фонд благосостояния Китая.

После образования КНР Лига была реорганизована в Общество благосостояния Китая, главной задачей которого была охрана жизни и здоровья женщин и детей. После кончины Сун Цинлин, в память о ней был создан Фонд Сун Цинлин. Данный Фонд поддерживает связи с общественными организациями, народами зарубежных стран, которые хотят внести свой вклад в дело повышения культурного уровня, образования и здоровья китайских детей. Председатель фонда — Кан Кэцин, вдова маршала Чжу Дэ.

После образования КНР Сун Цинлин занимала видные почетные

[3] Сун Цинлин. Пекин, 1984, с. 9 (на кит. яз.).

[4] Сборник статей памяти Сун Цинлин. Пекин, 1982; Шэнь Цичжэнь. Помощь Новой 4-й армии, оказанная лигой защиты Китая. — В кн.: Сун Цинлин. Навеки с партией. Шанхай, 1983, с. 70—73.

государственные и общественные посты. В сентябре 1949 г. она была избрана заместителем председателя Центрального народного правительства КНР, в сентябре 1954 г. — заместителем председателя Постоянного Комитета народного национального конгресса, а в декабре того же года — заместителем председателя Народного политического консультативного совета Китая. В апреле 1959 и январе 1965 гг. она дважды избиралась заместителем Председателя КНР; в январе 1975 и феврале 1978 гг. — заместителем председателя Постоянного Комитета НПКСК. В 1981 г. в последние дни жизни была избрана почетным Председателем КНР. Она являлась также почетным председателем Всекитайской федерации женщин и Председателем Национального комитета защиты детей. Одновременно с 1954 г. Сун Цинлин — председатель Центрального правления Общества китайско-советской дружбы. На какие бы посты ни направляло ее государство, она оставалась доступной миллионам жителей Китая, хранила верность заветам Сунь Ятсена.

Она продолжала активную международную деятельность. В 1950 г., представляя КНР во Всемирном Совете Мира, была президентом комитета Афро-Азиатской солидарности (1952).

Сун Цинлин, китайская патриотка, интернационалистка, видный деятель международного демократического движения, была награждена Международной премией мира (1951). Всю жизнь Сун Цинлин хранила верность провозглашенному Сунь Ятсеном курсу на дружбу с СССР, с гордостью отмечала усиление могущества СССР, приветствовала укрепление китайско-советских связей. На посту Председателя Центрального правления Общества китайско-советской дружбы она принимала советские делегации, выступала активным пропагандистом идей китайско-советской дружбы, важности политического единства с СССР для дела строительства нового Китая. Приведем некоторые выдержки из ее статей. В 1954 г. Сун Цинлин писала: «Благодаря осуществлению китайско-советского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи Китай оказался в состоянии наметить перспективу своего движения вперед, по пути быстрого прогресса... Наши соглашения с Советским Союзом с самого же начала стали приносить Китаю большую пользу. И в то время, когда наше хозяйство было обессилено, и в ходе борьбы за его восстановление и развитие, и теперь, когда наша страна находится в процессе индустриализации, — на всех этих этапах сотрудничество Советского Союза было жизненно необходимым, и... поддержка... всегда была щедрой»[5]. На собрании в Пекине, посвященном пятой годовщине Общества китайско-советской дружбы (13 февраля 1955 г.) она подчеркивала, что советская поддержка «во всех случаях... учитывает главные задачи, стоящие перед Китаем»[6]. В 1959 г. в статье «Путь вперед нам освещает свет Октябрьской революции» она также отмечала, что «в социалистическом строительстве, которое ведется у нас, СССР оказал нашей стране огромную братскую помощь»[7]. Характеризуя содержание китайско-советской дружбы, Сунь Цинлин писала в статье «Начало новой мировой эры», что «наиболее рельефно характерные черты этой дружбы проявляются в единстве взглядов обеих сторон по основным точкам зрения и конкретным вопросам, в имеющем чрезвычайно важное значение тесном сотрудничестве в области социалистического и коммунистического строительства»[8].

В публичных выступлениях Сун Цинлин неоднократно обращалась к проблеме пролетарского интернационализма как основе развития китай-

[5] «Народный Китай», 1954, № 4, с. 8—9.
[6] «Жэньминь жибао», 14.II.1955.
[7] Там же, 7.XI.1959.
[8] «Народный Китай», 1959, № 9, с. 7.

ско-советских отношений, подчеркивая, что пролетарский интернационализм обеспечивает народам возможность безграничного развития [9].

В конце 50-х — начале 60-х годов. Сун Цинлин вела активную переписку с Обществом советско-китайской дружбы. Она приветствовала успешный полет первого космонавта Ю. А. Гагарина (12 апреля 1961 г.), запуск советского космического корабля «Восток-2». В телеграмме в адрес руководства Общества советско-китайской дружбы по случаю очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции подчеркивалось, что «дружба и сплоченность между народами Китая и Советского Союза отвечают интересам стран социалистического лагеря, отвечают интересам всего мира» [10].

Сун Цинлин неоднократно посещала СССР. Весной 1957 г. она принимала советскую партийно-правительственную делегацию во главе с К. Е. Ворошиловым. А осенью того же года в составе партийно-правительственной делегации побывала в Москве. Незадолго до поездки она писала, что «дело построения нового Китая требует огромных усилий. В этом отношении оно подобно социалистическому строительству в Советском Союзе... Вы смогли внести свой вклад в оба эти исполинских огромного исторического значения похода... Забота советских людей о прогрессе Китая нас глубоко трогает» [11].

В 1982 г. в первую годовщину кончины Сун Цинлин в ее пекинской резиденции был создан музей «Мемориальная квартира Сун Цинлин». Здесь собраны ее личные вещи, подарки от зарубежных друзей, в том числе из Советского Союза, — картины, фотоматериалы. В них запечатлена деятельность Сун Цинлин на различных этапах китайской истории. В 1985 г. мы посетили музей и видели ряд материалов 20-х и 50-х годов, свидетельствующих о дружеских связях Сун Цинлин с нашей страной.

Сун Цинлин неизменно выступала за дружбу и сотрудничество Китая с СССР.

---

[9] «Жэньминь жибао», 3—5.V.1959, 13.IV и 8.VIII.1961.
[10] Там же, 7.XI.1962.
[11] «Дружба», 1951, № 1, с. 3.

Выдающийся деятель КПК и КНР Линь Боцюй

Ю. М. ГАЛЕНОВИЧ,
доктор исторических наук

Линь Боцюй принадлежит к когорте основателей Коммунистической партии Китая, к поколению, которое вступило на путь революционной борьбы в начале нашего столетия, из которого вышли первые члены коммунистических кружков, а затем и Коммунистической партии Китая. Линь Боцюй обладал выдающимися способностями революционера-организатора, на протяжении всей жизни был верен идеалам дела революционной борьбы, учению марксизма-ленинизма.

Линь Боцюй (Линь Цзухань) родился 20 марта 1886 г. в глухом уголке на юге провинции Хунань. Его отец был сельским учителем, обладавшим широкими познаниями в ряде наук: астрономии, географии, математике, горном деле. Он был возмущен империалистической агрессией, сочувствовал людям труда, разделял настроения реформаторов конца XIX в. Все это оказало влияние на формирование взглядов Линь Боцюя, который с ранних лет начал помогать отцу, тянулся к книгам, к знаниям. В нем рано проснулся интерес к политической жизни. Большое впечатление произвело на Линь Боцюя поражение Китая в войне против Японии на рубеже XX в. Как и многие молодые люди, он горячо воспринял призыв, пропагандировавшийся Ли Хунчжаном: «Сделаем наше государство богатым, а нашу армию сильной». Линь Боцюй вспоминал: «Люди моего поколения выросли именно в то время, когда Китай подвергался иностранному вторжению»[1]. Формирование политических взглядов Линь Боцюя началось, по его собственным словам, с «национального патриотизма», а «классовое понимание было смутным»[2].

Стремясь проявить свой патриотизм на деле, внести вклад в развитие Китая, Линь Боцюй решил стать учителем и нести знания своему народу. В возрасте 16 лет он поступил в педагогическое училище, в котором проучился два с половиной года. Затем как одного из наиболее способных учащихся его отправили на учебу в Японию, где в 1904 г. он начал изучать экономические науки. Здесь он продолжал жадно интересоваться политическими вопросами. Он знал о том, что «группа ранних буржуазных политических деятелей Китая — Кан Ювэй, Лян Цичао и другие — потребовала от тогдашнего китайского императора следовать примеру русского императора Петра Великого и японского императора Мэйдзи и осуществить всесторонние реформы»[3].

Сначала Линь Боцюй попал под влияние взглядов ранних буржуазных политических деятелей-реформаторов Кан Ювэя и Лян Цичао. Однако вскоре он познакомился с Сунь Ятсеном, который, как отмечал сам Линь Боцюй, «выдвинул программу свержения маньчжурского правительства и создания буржуазной республики. Эта программа по-

[1] Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956, с. 331.
[2] Дневники Линь Боцюя. Август 1913 — сентябрь 1914 г. Январь 1916 — сентябрь 1917 г. Хунань, 1984, с. 194 (на кит. яз.).
[3] Материалы..., с. 332.

лучила поддержку народа, маньчжурские правители стали для всех бельмом на глазу, а парламентарная система — всеисцеляющим средством»[4]. Линь Боцюй стал одним из активных сподвижников Сунь Ятсена, в 1905 г. вступил в члены Китайского революционного союза, созданного Сунь Ятсеном. Ряд будущих видных деятелей гоминьдана стали в Японии друзьями Линь Боцюя. К их числу относятся такие китайские революционеры, как Хуан Син, Сун Цзяожэнь, Ляо Чжункай.

Закончить учебу Линь Боцюю не удалось. Он был вынужден прервать ее после того, как участвовал в выступлениях китайских студентов, обучавшихся в Японии, против политики, проводившейся по отношению к ним японскими властями.

В 1906 г. Линь Боцюй возвратился в Китай, чтобы по заданию Сунь Ятсена вести революционную борьбу. Так началась более чем полувековая жизнь Линь Боцюя в качестве профессионального революционера.

Возвратившись на родину, он сначала вел работу в провинции Цзилинь, а затем в родной провинции Хунань, пропагандируя там революционные идеи среди военнослужащих. Эта работа принесла ощутимые результаты. Линь Боцюй гордился тем, что именно провинция Хунань первой поддержала начавшуюся в 1911 г. Синьхайскую революцию, объявив о выходе из подчинения маньчжурскому правительству в Пекине[5]. В 1912 г. Линь Боцюй становится одним из первых членов созданной тогда партии гоминьдан, участвует в вооруженной борьбе против Юань Шикая. После поражения революционных сил он бежит в Японию. Оценивая свои взгляды того периода, Линь Боцюй писал, что к тому времени он уже не был «чистой воды националистом», а становился «последовательным демократом»[6].

Великая Октябрьская социалистическая революция в России оказала огромное влияние на китайских революционеров, в том числе и на Линь Боцюя, который подчеркивал, что именно благодаря Октябрьской революции он понял, что трудящиеся могут обрести свободу, только свергнув капитализм, что пролетариат является основной движущей силой революции[7].

В Японии Линь Боцюй познакомился с одним из первых пропагандистов марксистских идей в Китае Ли Дачжао, который стал его лучшим другом и начал снабжать Линь Боцюя марксистской литературой. В этот период, как отмечает Линь Боцюй, под влиянием Ли Дачжао и того факта, что в Советской России была создана Красная Армия, Линь Боцюй пришел к мысли о необходимости создавать в Китае верную революции, не оторванную от народа, а тесно связанную с ним рабоче-крестьянскую армию[8].

В 1920 г. Линь Боцюй, активно сотрудничая с Сунь Ятсеном, одновременно принимал участие в издании в Гуанчжоу журнала «Гэсин пинлунь», в котором популяризировались социалистические идеи. В январе 1921 г. Линь Боцюй стал членом коммунистического кружка в Шанхае, куда был принят по рекомендации Ли Дачжао и Чэнь Дусю. В том же году, вскоре после создания Коммунистической партии Китая, он вступил в ее ряды.

Активно работая в гоминьдане, Линь Боцюй помогал Сунь Ятсену вырабатывать политические установки на союз с Советской Россией, союз с КПК и на поддержку рабочих и крестьян, а также в деле ре-

---

[4] Там же.
[5] Дневники..., с. 194.
[6] Там же, с. 196.
[7] См. там же.
[8] См. там же.

организации гоминьдана. Он был первым из деятелей КПК, выступивших за сотрудничество с Сунь Ятсеном.

В 1922 г. Линь Боцюй работал в Шанхае, где тогда находился ЦИК гоминьдана. Будучи казначеем и начальником общего отдела гоминьдана, он способствовал сближению КПК и гоминьдана, установлению личных контактов руководителей Коммунистической партии Китая и Сунь Ятсена. В августе 1922 г. Линь Боцюй был в числе участников встречи Ли Дачжао и Сунь Ятсена. Во время встречи согласовывались принципиальные вопросы, касавшиеся создания единого фронта, сотрудничества между двумя партиями.

Во второй половине 1922 г. в Шанхае при содействии Ли Дачжао и Линь Боцюя были организованы беседы Сунь Ятсена с представителем Советской России А. Иоффе. Линь Боцюй принял участие и в этих встречах.

В январе 1924 г. на первом съезде гоминьдана был создан единый фронт КПК и гоминьдана. Коммунисты вошли в руководящие органы гоминьдана, а Линь Боцюй был избран сначала кандидатом в члены ЦИК, а через год — членом ЦИК этой партии. Круг интересов и обязанностей Линь Боцюя был обширен. Это были и организационные вопросы, и проблемы экономики, и разработка теории и практики крестьянского движения, и вопросы, касавшиеся создания вооруженных сил. Линь Боцюй стал первым руководителем созданного в 1924 г. крестьянского отдела ЦИК гоминьдана.

Подготовка и осуществление Северного похода также неотделимы от деятельности Линь Боцюя. Будучи представителем гоминьдана в шестом армейском корпусе, Линь Боцюй оказывал большое влияние на его командующего Чэнь Цяня, много сделал для налаживания боевой подготовки и управления боевыми действиями этого корпуса. В то время военным советником в шестом корпусе был советский военачальник Н. И. Кончиц, с которым у Линь Боцюя установились дружеские отношения. Линь Боцюй был также знаком с В. К. Блюхером, М. М. Бородиным, А. И. Черепановым.

После убийства одного из руководителей гоминьдана, человека прогрессивных взглядов, Ляо Чжункая, Линь Боцюй занял пост одного из трех постоянных членов ЦИК гоминьдана. Вплоть до предательства Чан Кайши дела китайской революции Линь Боцюй продолжал играть важную роль в руководстве гоминьдана, стремясь удержать гоминьдан на позициях сотрудничества между КПК и гоминьданом.

Когда реакционные гоминьдановцы 12 апреля 1927 г. совершили контрреволюционный переворот, то ряд деятелей левого гоминьдана и членов КПК, в том числе и Линь Боцюй, направили телеграмму, осуждавшую действия Чан Кайши. В ответ гоминьдановское правительство отдало приказ об аресте Линь Боцюя. Один из его старых друзей, деятель гоминьдана, настойчиво советовал ему выступить в печати с заявлением о разрыве с КПК, обещая в этом случае помощь и поддержку. Линь Боцюй решительно отказался от этого предложения [9].

В это время Линь Боцюй сблизился с революционно настроенными военачальниками Хэ Луном и Е Тином и принял участие в восстании 1 августа 1927 г. в Наньчане, положившем начало истории китайской Красной армии. Он входил в состав революционного комитета восстания, возглавлял финансовый комитет. После поражения Наньчанского восстания Линь Боцюй вместе с Хэ Луном, Лю Бочэном, Пэн Баем был вынужден отправиться в Гонконг. Затем он переехал в Японию.

В 1928 г. Линь Боцюй по решению ЦК КПК отправился на учебу в СССР. Он пробыл в нашей стране около четырех лет: учился в

[9] См.: «Жэньминь жибао», 6.I.1986.

КУТК, знакомился с опытом строительства социализма и с жизнью в СССР.

В 1932 г. Линь Боцюй возвратился в Китай. С большими трудностями, будучи раненым по дороге, он пробрался в Центральный советский район в провинции Цзянси. Во Временном центральном правительстве Китайской советской республики Линь Боцюй стал комиссаром народного хозяйства, а затем комиссаром финансов. В то время Центральный советский район был окружен гоминьдановскими войсками, переживал большие экономические трудности. Для того чтобы решать сложнейшие задачи жизнеобеспечения района, нужны были знания, энергия, умение работать. Всеми этими качествами в полной мере обладал Линь Боцюй.

Во время Великого северо-западного похода Линь Боцюй обеспечивал снабжение его участников, мужественно преодолевая все трудности тысячекилометрового перехода. В северной части провинции Шэньси Линь Боцюй вновь назначается комиссаром финансов советского правительства и одновременно директором банка.

Значительный вклад внес Линь Боцюй в создание единого антияпонского фронта. После известных сианьских событий он был руководителем представительства 8-й армии в Сиани. Линь Боцюй много сделал для выработки соглашения с гоминьданом о борьбе против агрессии японского милитаризма. Вместе с другими руководящими деятелями КПК Линь Боцюй в июне 1937 г. вел переговоры с Чан Кайши, в результате которых КПК и гоминьдан достигли договоренности о признании КПК легальной партией. Советское правительство на Северо-Западе Китая было преобразовано в демократическое правительство Пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся, а Красная армия — в 8-ю армию Национально-революционной армии Китая. КПК опубликовала декларацию о сотрудничестве с гоминьданом в интересах национального спасения.

В соответствии с достигнутой договоренностью в июне 1937 г., то есть еще до нападения Японии на Северный Китай 7 июля 1937 г., было созвано собрание народных представителей района Шэньси — Ганьсу — Нинся, которое избрало правительство района. Главой правительства стал Линь Боцюй, подчеркивавший, что это правительство создано на демократических принципах Сунь Ятсена, и выдвигавший первоочередной задачей создание антияпонского единого фронта всех политических партий Китая.

В 1938 г. на VI пленуме ЦК КПК Линь Боцюй стал членом ЦК КПК. Это явилось признанием большой работы, которую он вел, руководя правительством пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся, а также проводя в жизнь курс партии на сплочение всех антияпонских сил.

На VII съезде КПК (апрель — июнь 1945 г.) Линь Боцюй вновь был избран членом ЦК КПК, а на первом пленуме ЦК — членом Политбюро. С момента образования КНР он стал генеральным секретарем Центрального народного правительства, членом Центрального народного правительственного совета (высшего законодательного органа в 1949—1954 гг.), членом Всекитайского комитета НПКСК. После принятия в 1954 г. первой конституции КНР Линь Боцюй был избран заместителем Председателя ПК ВСНП и переизбран на этот пост в 1959 г. На VIII съезде КПК в сентябре 1956 г. Линь Боцюй был снова избран членом ЦК партии и членом Политбюро ЦК КПК.

В своей речи на VIII съезде КПК Линь Боцюй поделился с делегатами съезда своими раздумьями. Он, в частности, говорил: «Смешно, что за последние годы многие иностранные буржуазные теоретики пытаются заставить китайский народ поверить, что капиталистическая система лучше социалистической. Мы не сможем не признать подоб-

ные попытки глупыми, потому что китайский народ избрал социализм именно после того, как он понял, что капиталистическая система не пригодна для Китая»[10]. И далее: «В прошлом субъективизм привел нас к поражению в демократической революции, и сейчас он может привести нас к серьезным неудачам в социалистической революции.

Нам необходимо упорно изучать марксизм-ленинизм. В своем Политическом отчете, сделанном от имени Центрального Комитета партии, товарищ Лю Шаоци особо подчеркнул необходимость систематического изучения марксистско-ленинской теории для руководящих кадров; я считаю это предложение исключительно важным. Победа социалистического строительства в нашей стране может считаться прочно обеспеченной только при условии, если у нас будет все больше и больше людей, по-настоящему овладевших марксизмом-ленинизмом и способных умело его применять»[11]. Это было последнее выступление Линь Боцюя на партийном форуме.

Линь Боцюй был искренним другом революционной России, Советского Союза. Отнюдь не случайно до последних дней своей жизни он являлся заместителем председателя Общества китайско-советской дружбы. Именно в этом качестве выступая со статьей, озаглавленной «Неуклонно идти вперед по пути Октябрьской революции», помещенной в журнале «Дружба» в связи с 40-летием Октябрьской революции в 1957 г., Линь Боцюй подчеркивал, что китайский народ считает своей главной задачей «твердо и бесповоротно идти по пути Октябрьской революции. Народ нашей страны в течение длительного времени вел трудную революционную борьбу, но лишь после того как Октябрьская революция донесла до Китая марксизм-ленинизм, облик китайской революции изменился, и, в конце концов, мы достигли наших нынешних побед и успехов».

Линь Боцюй призывал «решительно и неуклонно укреплять дружественную сплоченность Китая и Советского Союза». Он тесно связывал перспективы строительства социализма с делом защиты мира, исходил из неразделимости понятий «мир» и «социализм». «Такая сплоченность, — говорил Линь Боцюй, имея в виду сплоченность КНР и СССР, — не только является гарантией успешного строительства нашей родины, но также залогом процветания и развития социалистического лагеря, залогом поддержания мира во всем мире»[12].

29 мая 1960 г. на 75-ом году жизни перестало биться сердце Линь Боцюя, который был и остается в нашей памяти китайским коммунистом, интернационалистом, человеком, который более сорока лет своей жизни активно содействовал развитию и укреплению советско-китайской дружбы, работал ради интересов мира и социализма.

---

[10] Материалы..., с. 333.
[11] Там же, с. 335.
[12] «Дружба», 1957, № 9, с. 1—2.

К вопросу о методологии изучения истории китайской философии

В. Ф. ФЕОКТИСТОВ,
кандидат философских наук

Значительное развитие в последние годы историко-философских исследований по Китаю выдвинуло ряд серьезных методологических вопросов как частного, так и общего порядка. В целом они могут быть сведены к проблеме единства общего и особенного в истории китайской философии.

Проблема эта не нова, но ее острота ощущается именно в последнее время, когда не только возросло количество работ по истории китайской философии, но и изменился их характер — появились сравнительные исследования, в которых содержатся попытки выяснить специфику историко-философского процесса в Китае в целом, выявить его особенные, национальные черты, и в то же время соотнесенность с общемировой историей философии [1]. Такого рода исследования, естественно, несут огромную методологическую нагрузку уже своим содержанием, особенно те, в которых не только анализируются взгляды того или иного мыслителя, но ставятся проблемы закономерностей развития социального, прежде всего философского, знания, соотношения в нем логического и исторического, интернационального (общемирового) и национального моментов. Наконец, можно указать и на работы, прямо рассматривающие методологию китайской философии, ее особенности и отличия от других ветвей мирового историко-философского процесса [2]. Серьезность и научно-методологическая актуальность указанных выше вопросов обусловливает необходимость столь же серьезного подхода к проблеме единства общего и особенного в развитии китайской философии.

* * *

Начать это обсуждение хотелось бы с вопроса о том, как преломлялся в условиях Китая принцип партийности философии и как происходила в нем борьба двух лагерей — материализма и идеализма.

Накопленный русским и советским китаеведением материал позволяет сделать вывод о том, что в главном, принципиальном китайская философия развивалась в общем русле мирового философского процесса и, следовательно, ее эволюции присуща и общая закономерность — борьба материалистических течений с идеалистическими [3]. Конечно, эта борьба имела в Китае свои существенные особенности (определявшиеся спецификой его исторического развития, исторической практики), главной из которых следует признать отсутствие в древней, средневековой и новой китайской философии развитых систем как материалистического, так и идеалистического характера, а также скрытый, завуалированный, «превращенный» характер онтологических воззрений, как правило облеченных в этические, космологические и натурфило-

[1] См.: А. И. Кобзев. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983; Из истории традиционной китайской идеологии. М., 1984.

[2] См.: А. И. Кобзев. Методология традиционной китайской философии. — «Народы Азии и Африки», 1984, № 4, с. 52—62.

[3] См.: В. Г. Буров, М. Л. Титаренко. Философия Древнего Китая. — Древнекитайская философия, т. 1. М., 1972, с. 13—14.

софские оболочки. Давно выяснено, что основными проблемами, которыми занимались китайские философы на протяжении многовековой истории Китая, были вопросы норм и принципов социального поведения, общественного устройства и политического управления, поиск и утверждение их «абсолютных» форм и вытекающая отсюда проблема человека, его родовой и общественной сущности. Этический, часто этико-политический характер носила и онтология, и гносеология как в древней, так и в средневековой китайской философии [5].

Другой особенностью развития противоположных лагерей в истории китайской философии явилось их своеобразное переплетение, «сосуществование» в рамках одной традиционной философской «школы». Так, например, марксистскими исследованиями китайской философии и в СССР, и в КНР доказано существование внутри конфуцианства этико-политического течения и идеалистических, и материалистических тенденций. Если во взглядах Конфуция проблемы онтологии не занимали самостоятельного места и говорить о материалистическом или идеалистическом характере его мировоззрения с достаточной долей научной обоснованности вряд ли возможно, то уже у Мэн-цзы — второго крупнейшего столпа древнего конфуцианства — мы находим идеалистическую в своей основе трактовку понятий «ци» («эфир», «воздух», «жизненная сила»), «чжи» («воля»), «лян чжи» («врожденные знания»). Мэн-цзы принадлежит и ставшее классическим для отртодоксального конфуцианского мировоззрения выражение: «Вся тьма вещей находится во мне» [5]. С другой стороны, примерно в этот же период (IV—III вв. до н. э.) в раннем конфуцианстве возникло и другое, наивно-материалистическое направление, представленное философией Сюнь-цзы. В его сочинениях материалистические тенденции выражены уже не в виде отдельных фраз или сентенций, а в форме достаточно законченных по содержанию, самостоятельных трактатов, в первую очередь таких, как «О Небе» («Тянь лунь»), «Освободиться от заблуждений» («Цзэ би») и «Исправление имен» («Чжэн мин»). В памятнике «Сюнь-цзы» проблемы сущности мира, отношений человека и природы решаются в целом материалистически. Исходным положением мировоззрения Сюнь-цзы является наивно-материалистическое понимание им Неба как Природы, как «естественной» реальности, существующей независимо от человека. Именно в этом значении — «естественности», Природы — Сюнь-цзы рассматривал Небо как единственный источник происхождения всех вещей, а также и человека. «Одна за другой совершают звезды полный круг [по Небу], — пишет он в трактате «О Небе», — свет луны сменяет сияние солнца; сменяют друг друга четыре времени года; силы «инь» и «ян» вызывают великие изменения; повсюду дуют ветры и выпадают дожди; через гармонию этих сил рождаются вещи, они получают [от Неба] все необходимое, чтобы существовать и совершенствоваться... Когда деятельность Неба осуществлена и результат достигнут, рождается человек: сначала плоть, а затем дух». Материалистические тенденции присущи и гносеологии Сюнь-цзы, которая исходит из признания объективности и познаваемости мира. Человек, считал Сюнь-цзы, не только порождение природы, он способен с помощью органов чувств, а затем и разума («синь» — «сердца») познать ее «путь» («дао») и даже «подчинить себе вещи». «Способность познавать [вещи] — врожденное свойство человека; возможность быть познанным — закономерность вещей» — таков блестящий, замечательный для своего времени вывод, к которому приходит в своих философских взглядах Сюнь-цзы [6].

И в дальнейшем развитии конфуцианства продолжали сосуществовать обе эти тенденции решения основного вопроса философии. Даже в период оформления сунской ортодоксии конфуцианство не было едино и однотипно с этой точки зрения: наряду с материалистическими взглядами Чжоу Дуньи (1017—1073) и Чжан Цзая (1020—1077) в нем развивались и идеалистические представления Чэн И (1033—1107), и — как «синтетическое обобщение» обеих этих тенденций — дуалистические по сути взгляды Чжу Си (1130—1200). Материализм продолжал развиваться в рамках конфуцианства и в XVII в. Крупнейшим его представителем был последователь Чжан Цзая Ван Чуаньшань (1619—1692) [7]. Все это говорит о специфическом характере борьбы материализма с идеализмом в китайской философии. Кстати, таким же неоднородным, противоречивым было развитие и философского даосизма, где наряду с материалистическими тенденциями и атеистическими воззрениями существовали идеалистические, даже мистические мотивы.

Учитывая эту особенность истории китайской философии (особенно в древний и средневековый период), вполне логично задаться вопросом: а правомерно ли тогда вообще говорить о школах и направлениях в китайской философии? Думается, что указанная выше особенность борьбы двух лагерей в истории китайской философии

---

[4] См.: М. Л. Титаренко. Предисловие к книге Ян Хиншуна «Материалистическая мысль в Древнем Китае». М., 1984, с. 3—12.

[5] Чжуцзы цаньэн, т. 1. Шанхай, 1935, с. 520. См.: Ян Хиншун. Материалистическая мысль в Древнем Китае, с. 88—90.

[6] Цит. по: В. Ф. Феоктистов. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Исследование и пер. М., 1976, с. 69—77, 91.

[7] См.: В. Г. Буров. Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуаньшаня. М., 1976.

не отменяет классификации по традиционным «школам», ибо в основе ее лежали иные принципы; принадлежность к той или иной «школе» китайская традиция определяла главным образом по этико-политическим параметрам, по ведущему принципу политической доктрины. Вопросы же онтологии и гносеологии, решение основного вопроса философии не являлись при этом основным, так сказать, «школообразующим» критерием. Отсюда и пестрота, непоследовательность, противоречивость отдельных школ китайской философии в решении ими основного вопроса философии. Все это, однако, отнюдь не означает отсутствия борьбы материализма и идеализма в историко-философском процессе Китая. Вопрос стоит в иной плоскости: в умении, не впадая в вульгаризацию, вскрыть сложные, многослойные процессы развития китайской философии, не умаляя, не игнорируя их специфичности и в то же время не преувеличивая эту специфику до степени изоляции философии Китая от всемирного историко-философского процесса.

Большинство работ советских историков китайской философии в последние 10—15 лет не только убедительно показали существование борьбы материалистических и идеалистических тенденций в историко-философском процессе в Китае, но и вскрыли ее специфичность, особенность, о которой говорилось выше [8]. Это несомненная заслуга советского китаеведения, которое опровергло попытки западной, буржуазной синологии игнорировать или вовсе вычеркнуть из истории китайской философии материалистические тенденции и тем самым вообще снять вопрос о борьбе в ней материализма и идеализма. Даже тогда, когда, казалось бы, невозможно отрицать материалистический характер взглядов того или иного китайского мыслителя, буржуазные исследователи стараются ввести другие, «нейтральные» термины и дефиниции для их характеристики. Чаще всего материализм в китайской философии фигурирует в их трудах как «реализм», «натурализм», «скептицизм» и т. п. Именно такие характеристики получили в трудах одного из самых маститых американских синологов, профессора Чэнь Юн-цзе, взгляды китайских материалистов Сюнь-цзы, Ван Чуна, Чжан Цзая[9]. «Реалистами» и «натуралистами» называл представителей материалистического направления и Фэн Юлань в своей 2-томной «Истории китайской философии», изданной большими тиражами в Китае 30—40-х годов, и в «Краткой истории китайской философии», изданной на английском языке в США в 1948 г. За всем этим стояла вполне определенная, в данном случае позитивистская, методология авторов. Некорректность употребления дефиниций «реализм» и «натурализм» усугубляется еще и тем обстоятельством, что сами эти определения имеют неоднозначный смысл и их содержание (точнее, применение) менялось в процессе развития истории мировой философии. Достаточно напомнить о различных течениях реализма («критического» и «нео»-реализма) в англо-американской философии XX в., а также довольно широкий спектр толкований понятия «натурализм» в истории философии, к которому причислялись как прогрессивные направления философии XVII—XVIII вв., «антропологический принцип» Фейербаха и Чернышевского [10], так и идеалистические воззрения прагматика Д. Дьюи, «критических реалистов» Дж. Сантаяны, Дж. Пратта и теиста Ф. В. Вудбриджа [11]. Известно, что Д. Дьюи пытался прикрыть термином «натурализм» свои идеалистические взгляды. «Философия Дьюи, — писал видный английский философ-марксист Морис Корнфорт, — которую он рекламирует как «натурализм», находящийся в оппозиции к идеализму, в действительности представляет собой не что иное, как тонкую и завуалированную форму субъективного идеализма» [12].

Следовательно, само по себе понятие «философский натурализм» неоднозначно, исторично и требует корректного применения с учетом действительного, а не субъективно и произвольно трактуемого содержания. Здесь необходим, как и вообще в историко-философском исследовании, конкретно-исторический анализ, предполагающий рассмотрение содержания различных философских течений в конкретно-исторических условиях, а также в их становлении и развитии, как отражение ступеней развития человеческого знания вообще. Уместно вспомнить и ту непримиримую борьбу, которую вели К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин против попыток буржуазных философов «снять» или «преодолеть» коренное различие между материализмом и идеализмом с помощью словесной эквилибристики, «схоластической игры в новые философские "измы"». В этих попытках В. И. Ленин видел не проявление «беспартий-

---

[8] См.: Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. М., 1972; В. Г. Буров, М. Л. Титаренко. Указ. соч., т. 1, с. 5—77; Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. М., 1967; Ян Хиишуи. Указ. соч., М. Л. Титаренко. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985 и др.

[9] In: A Source Book in Chinese Philosophy. Transl. and comp. by Wing-tsit Chan. Princeton, 1963, p. IX, 115, 495. Объективности ради надо отметить, что взгляды Ван Чуаньшаня характеризуются тем же автором как материалистические.

[10] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 64.

[11] См.: А. М. Каримский. Философия американского натурализма. М., 1972; А. С. Богомолов. Буржуазная философия США XX века. М., 1974, с. 294—308.

[12] М. Корнфорт. Наука против идеализма. В защиту философии против позитивизма и прагматизма. М., 1957, с. 461.

ности» в философии, которой нет и быть не может, а «сплошную и неуклонную борьбу с материализмом» [13]. Подобную же тенденцию можно усмотреть и в стремлении некоторых современных буржуазных историков китайской философии с помощью «новой» классификации ее материалистического направления («реализм», «спектицизм», «натурализм» и даже «позитивизм») «снять» вопрос о его существовании.

Марксистско-ленинская методология историко-философских исследований оперирует точными понятиями «материализм» и «идеализм», ибо только они и позволяют выявить истинную философскую природу того или иного мыслителя или течения, какими бы терминами и названиями они себя ни обозначали. При этом, конечно, необходимо учитывать, как уже отмечалось, сложный, противоречивый характер процесса развития двух партий в истории философии Китая, частое переплетение в одном идеологическом течении и материалистических и идеалистических тенденций, что не снимает в принципе вопроса о их существовании и борьбе в историческом процессе развития философского знания в этой стране, ибо не может нигде быть философии, обходящей основной ее вопрос. Важно также различать этапы, стадии в развитии как материализма, так и идеализма в Китае, видеть поступательный, спиралевидный характер их эволюции и давать адекватное определение отдельным ее этапам.

С учетом сказанного неубедительным выглядит тезис А. И. Кобзева о том, что «специфику традиционной китайской философии в содержательном аспекте определяет прежде всего господство натурализма и отсутствие в ней развитых идеалистических концепций типа платонизма или неоплатонизма». Если со второй частью положения этого автора можно согласиться, то первая — о господстве натурализма — вызывает возражение именно по причинам, о которых говорилось выше: неоднозначность, историчность понятия «натурализм», которое к тому же затемняет вопрос о ступенях развития материализма в Китае. Тем более спорным представляется объяснение А. И. Кобзевым причин, побудивших его отвергнуть принятую в марксистской литературе классификацию партий в философии: «Мы говорим именно о натурализме, а не материализме потому, что последний коррелятивен идеализму и вне этой корреляции термин «материализм» утрачивает научный смысл. Само понятие материи европейская философия получила из недр платоновского идеализма» [14]. А. И. Кобзев подменяет здесь проблему существования материализма в китайской философии вопросом о его соотнесенности с идеализмом, причем в развитых формах типа учения Платона. Логика рассуждений автора такова: если в Китае не было развитых идеалистических концепций, то, стало быть, «ненаучно» говорить и о существовании там материализма. Но история китайской философии, как уже отмечалось, неопровержимо свидетельствует о наличии в ней как материалистических, так и идеалистических тенденций и течений. Другое дело, что эти тенденции не развились в законченные системы (типа платонизма или гегельянства). Но этот факт не опровергает существования и борьбы двух лагерей в китайской философии. Речь, следовательно, может идти лишь о степени зрелости в ней как идеализма, так и материализма, а это уже другой вопрос.

Спорной представляется и другая сторона постановки вопроса А. И. Кобзевым: вне корреляции идеализму о материализме говорить нельзя. Материализм определяется не соотнесением с идеализмом, а решением основного вопроса философии. История ряда стран показывает, что материалистические течения могут существовать и получать развитие, причем весьма существенное, вне зависимости от наличия в данной стране их развитого антипода. Таков, например, процесс развития философии в России XVIII—XIX вв., где материалистическая традиция представляла господствующую ветвь философского процесса при отсутствии достаточно развитых идеалистических концепций.

Существование материалистического направления в философии само по себе не зависит от того определения, которое оно избрало для себя само или приобрело впоследствии. Из того факта, что классическое, законченное определение материи как философской категории дано Лениным лишь в начале XX в., вовсе не следует, что эта категория прежде не существовала реально. Наоборот, и Ф. Энгельс и В. И. Ленин, определяя понятие материи, а затем и сущность философского материализма, исходили из всего мирового опыта развития философии, впервые дав ему подлинно научную характеристику.

* * *

Методологическую значимость приобрела в последние годы и проблема так называемой «традиционной китайской философии».

Закономерный с научной точки зрения интерес к роли традиций в современном и старом Китае привел к появлению большого числа специальных исследований как за рубежом, так и в нашей стране. «Традиционное китайское общество», «традиционная китайская философия (идеология)», «традиционная китайская культура» — эти понятия, кажется, прочно вошли в лексикон современных научных работ по Китаю.

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 357, 362.
[14] А. И. Кобзев. Методология традиционной китайской философии, с. 52—53.

Не касаясь чисто исторического аспекта проблемы, хотелось бы остановиться на другой ее стороне — методологической правомерности самого понятия «традиционная китайская философия».

На наш взгляд, применение его далеко не безупречно с точки зрения научной марксистской методологии. Не оспаривая огромной роли духовных, в том числе философских, традиций в многовековой истории Китая (и не только Китая) — издревле и до наших дней, — хотелось бы все же отметить, что сведение всего многообразия философских школ и идеологических вообще течений, к единому понятию «традиционная философия (идеология)» обедняет и искажает процесс развития философии и борьбы идеологических, в том числе философских, течений в истории Китая. Характерно, что и сами авторы, исследующие аспекты «традиционной китайской идеологии», в конечном счете признают ее неоднозначный, сложный, «синкретический» характер [15]. Однако признания одного «синкретического» характера китайской «традиционной идеологии» явно недостаточно для выяснения ее классового, партийного характера, ее сущности и природы, ее исторического места.

Традиции, какую бы сферу жизни общества они ни затрагивали — экономическую, политическую, духовную, — всегда социальны, они воплощаются не только в духовных ценностях, но и через них — в общественных отношениях. Это тем более относится к идеологическим традициям, которые по своей природе и функциональной роли не могут не носить классового характера, в какие бы общенациональные одежды они ни рядились. Ленинское положение о партийности философии целиком относится к исследованию философских традиций, которые также не могут быть безразличны к борьбе лагерей в философии, иными словами, не могут быть идеями, нейтральными в социальном смысле. Отсюда понятно, что, исследуя те или иные традиции в китайской философии, в китайской культуре вообще (а роль их в истории Китая, бесспорно, огромна), следует выделять различные по характеру, социальному содержанию и исторической ценности традиционные направления, течения, тенденции, а не пытаться свести их все к некоей общей (пусть даже «синкретической») «традиционной культуре», «традиционной идеологии». Само по себе стремление к комплексному изучению истории общества, подход к нему как к системе органически связанных, интегральных компонентов и структур, — подход вполне научный. Однако он предполагает также различение социальной специфики этих компонентов, определение их общественной сущности и отсюда — социальной функции. Именно таким компонентом, интегральной частью китайского общества являлась и является философия как идеологическая категория. Поэтому изучение ее истории, в том числе традиционной стороны ее содержания, предполагает не идеологически нейтральное исследование отдельных ее частей и элементов, а вскрытие их партийной принадлежности, той роли, которую они играли в поступательном развитии философского знания.

С этой точки зрения неправомерно и неплодотворно зачислять в категорию «традиционная китайская идеология» наряду с конфуцианством и даосизм, и «народную религию». Тот факт, что господствовавшая конфуцианская (и то лишь в основе своей, так как она в свое время вобрала в себя многие положения легизма) идеология синтезировала в себе отдельные идеи даосизма как философского учения, а также элементы «народной религии» (точнее, народных культов и верований), еще не значит, что она вместе с ними составила идеологически единую господствующую официальную идеологию. Ведь даосизм еще в средние века был в известной степени идейным знаменем большинства крестьянских восстаний и уже по одной этой причине никак не может рассматриваться в качестве компонента единой господствующей идеологической системы. В философском же плане даосизм всегда был оппонентом конфуцианства. Вряд ли правомерно объединять в общее понятие «традиционной культуры» и таких различных по своей ориентации и художественной манере (методу) поэтов и писателей, как Цюй Юань, Чжан Хэн, Бо Цзюйи, Пу Сунлин и Юань Мэй [16]. При таком подходе понятия «традиционная идеология», «традиционная культура» приобретают социальную и художественную аморфность и превращаются, по существу, в синоним понятия «идеология (культура) прошлого».

Иногда под «традиционной китайской идеологией» понимают господствующую идеологическую ортодоксию, основу которой составляет конфуцианство. В чисто идеологическом аспекте это не вызывает возражений, если иметь в виду классовый характер конфуцианства, столетиями господствовавшего в Китае. Однако в философском аспекте это понятие выглядит недостаточным. Как уже говорилось, внутри самого конфуцианства существовали различные течения — как материалистического, так и идеалистического характера, — и в этом смысле, очевидно, необходим дифференцированный подход и к «традиционному» конфуцианству, то есть выделение в нем материалистической и идеалистической традиций. Именно с этих позиций было бы более продуктивным изучение философских традиций в Китае с учетом как их специфики, так и общих закономерностей. Напомним в связи с этим, какое большое внимание этой стороне историко-философских исследований уделял

[15] См.: О. Л. Фишман. Некоторые проблемы традиционной китайской идеологии. — Из истории традиционной китайской идеологии. М., 1984, с. 8.

[16] См.: там же, с. 9.

В. И. Ленин, выделивший «солидную материалистическую традицию» в общественной мысли России [17]. Речь, следовательно, должна идти — с методологической точки зрения — о выявлении общего и особенного в развитии материализма и идеализма в Китае, что и явится содержательным анализом философских традиций этой страны.

Разработка проблемы «традиционной китайской философии» затронула в последнее время и вопрос о ее методологии. А. И. Кобзев в результате проведенных им исследований специфичности историко-философского процесса в Китае пришел к выводу, что единой для всей китайской традиционной философии методологией является «нумерологическая методология».

По тем же причинам, о которых уже говорилось выше, сама постановка вопроса о существовании единой методологии для всей «традиционной» китайской философии представляется спорной. Методология, возникая на определенной стадии развития общества и научного, теоретического знания, выражает мировоззрение, позицию того или иного мыслителя и, следовательно, не может быть одной и той же для разных философов и философских течений. История китайской философии содержит в себе диалектические и метафизические, материалистические и идеалистические идеи и тенденции (конечно, с разной степенью зрелости и разработанности) и, следовательно, уже в силу этого не может обладать единой методологией.

А. И. Кобзев справедливо отмечает, что Китай не дал развитой науки логики, которая могла бы сравниться с аристотелевским «Органоном». Но из этого вовсе не следует, что у всей китайской философии был какой-то иной и общий метод, иная и общая методология. Предлагаемая А. И. Кобзевым «нумерологическая методология» определяется им как «теоретическая система, элементами которой являются математические или математикообразные объекты — числовые комплексы и пространственные структуры, связанные, однако, между собой главным образом не по законам математики, а как-то иначе — символически, ассоциативно, фактуально, эстетически, мнемонически, суггестивно и т. д.». При всем том автор этой идеи не настаивает на научном характере нумерологической методологии, не считает ее ни логикой, ни наукой вообще; более того, он рассматривает ее «как оппозиционную альтернативу науке логике в ее общеметодологической функции» [18]. Действительно, история философии показывает, что подлинно научной методологией явился лишь диалектический материализм. Но и до него философское знание, опираясь на соответствующую ступень развития науки и общественной практики, содержало в себе элементы научного познания мира, образуя диалектическую спираль его восхождения от незнания к знанию. Развивалась и сама методология — от стихийной диалектики (которая не была еще методологией в собственном смысле слова) к диалектике субъективной как осознанному методу познания закономерности природы и общества.

Этот процесс имел в Китае свои особенности: зародившиеся в глубокой древности, в первых философских памятниках ростки диалектического мышления не получили затем серьезного развития. Уровень мышления китайских философов в силу общеисторических причин не поднялся выше наивно-диалектических концепций древности, что, естественно, затрудняло процесс адекватного раскрытия закономерностей объективного мира китайскими мыслителями. В этом действительная специфика историко-философского процесса в Китае. Но значит ли это, что в нем на всем протяжении многовековой истории существовала «особая», противоположная «научной», единая методология для всех школ и направлений — от наивных материалистов и диалектиков до философов нового времени? А. И. Кобзев отвечает на этот вопрос однозначно и положительно: такой методологией была «нумерология». Между тем доказательства методологической природы «нумерологии», приводимые А. И. Кобзевым, не выглядят убедительными. Многочисленные примеры числовой символики, приводимые им в статье, не раскрывают главного — природы этих чисел, их внутренней связи с закономерностями бытия и мышления, не вскрывают того «самодвижения содержания», о котором говорил Гегель, характеризуя понятие метода в философии [19].

В самом деле, какие бы связи и зависимости между числами, их рядами, моделями и комбинациями ни приводил исследователь, они не приобретают методологического смысла вне их отношения к методу познания закономерностей внешнего мира. Символика чисел — реальный факт, свидетельствующий о действительных особенностях мышления китайцев, нашедших свое отражение в памятниках их духовной культуры. Но из этого еще не следует вывод о методологической функции этой символики. Ведь, в самом деле, указание на числовую символику глав «Лунь юя» и параграфов «Дао дэ цзина» (в связи с упоминанием гексаграмм «Сунь» и «И») никак не раскрывает «самодвижения содержания» знания, отношения мыслителя к действительности, его метода познания ее закономерностей. Указание на функциональную роль числовых символов, даже таких, которые содержат в себе

[17] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 24.
[18] А. И. Кобзев. Методология традиционной китайской философии, с. 53, 54.
[19] См.: Г.-В. Гегель. Соч., т. 5. М., 1937, с. 19.

серьезную онтологическую нагрузку (например, «троица» Небо — Земля — Человек), ничего не добавляет к уже известным особенностям структуры философской рефлексии китайских мыслителей. Для методологической характеристики важно иное — отношение этой структуры, выраженной в ней символики чисел к мировоззрению философа, к решению им онтологических и гносеологических проблем познания мира, другими словами — содержательная природа самих чисел, их место в объективном и субъективном мире. На эти вопросы предлагаемая А. И. Кобзевым «нумерологическая» концепция ответа не дает.

Следовательно, проблема методологии китайской философии, различных ее направлений не может считаться решенной — она ожидает дальнейших разработок и поисков. Не решает ее и данная статья. Ее цель — попытаться наметить контуры самого общего к ней подхода.

* * *

С проблемой общего и особенного в истории китайской философии тесно связан и вопрос о понятийном аппарате соответствующих исследований. Здесь можно выделить две его стороны: 1) адекватность перевода категорий и понятий китайской философии, 2) научность наших (авторских) определений, интерпретаций.

Современные работы по истории китайской философии убедительно показали необходимость включения в историко-философские исследования филологического анализа оригинальных текстов. Это действительно специфическая (хотя и не главная) черта методологии изучения древней, средневековой и новой истории китайской философии. Она объясняется особенностями языкового материала источников (гувэня и вэньяня). Переводчик и исследователь этих текстов сталкивается порой с непреодолимыми трудностями, обусловленными недостаточной формализацией древнего китайского языка (гувэня), допускающей различные толкования как значения отдельных слов, так и синтаксиса переводимых текстов. В более позднем литературном языке вэньянь (с V—VI вв. н. э.) этих трудностей становится меньше, — проблема перемещается в плоскость интерпретации, осмысления тех или иных терминов и категорий. Тем не менее проблема филологического анализа текста имеет важное, часто решающее значение для получения адекватной картины взглядов того или иного китайского мыслителя древности или средневековья. Это особенно важно при переводе понятийного аппарата китайских философских произведений.

В этом смысле можно понять стремление ряда исследователей китайской философии предложить новые методы перевода китайских памятников, содержащихся в них понятий и категорий на русский язык. Такое стремление характерно, например, и для работ А. И. Кобзева, посвященных истории китайской философии. Однако хочется обратить внимание на один недостаток, который, на наш взгляд, присущ этим поискам: буквальный, дословный, а значит — формальный перевод с китайского языка философских понятий и категорий[20]. При таком методе игнорируется философский характер переводимых и исследуемых текстов.

В качестве примера неадекватности подобного метода можно привести дословный, буквальный перевод одного из ключевых понятий мировоззрения Ван Янмина, «лян чжи», предлагаемый А. И. Кобзевым. В своем фундаментальном исследовании, посвященном Ван Янмину, А. И. Кобзев предлагает новый вариант перевода этого термина — «благосмыслие». Термин «лян чжи» (кстати, встречающийся еще в древних философских памятниках, например в «Мэн-цзы») приобрел в позднейших китайских комментариях, в том числе у такого представителя конфуцианства, как Чжу Си, вполне определенную философскую интерпретацию — «врожденное, или прирожденное, знание». Точно так же понимал Чжу Си и традиционный термин «лян нэн» — то есть как «врожденные способности». А. И. Кобзев предлагает заменить общепринятое понимание этих терминов калькой «благосмыслие» и «благомочие», видя в этом более точный содержательный смысл. На самом же деле такой буквальный перевод лишает эти понятия философского, в данном случае гносеологического содержания. Скрупулезное, глубокое исследование понятия «лян чжи», осуществленное в самой работе А. И. Кобзевым, как это ни парадоксально, приводит к выводу о правильности традиционных интерпретации и перевода, а именно: «врожденное», «прирожденное» знание, которое, как справедливо пишет и А. И. Кобзев, отождествляется с Небом и в силу этого «есть главное природное начало человека»[21]. То же самое можно сказать и о понятии «лян нэн» — «врожденные», «прирожденные» способности, которое А. И. Кобзев предлагает переводить сомнительным даже с точки зрения русского языка сочетанием «благомочие». Указанное выше относится и к предлагаемому А. И. Кобзевым переводу понятий «лян синь» и «бэнь синь» — «благосердие» и «исконносердие». Возникают невольные ассоциации со славянофильским словотворчеством.

Таким образом, сам собой напрашивается вполне определенный вывод: поиски специфичности в переводе понятий китайской философии должны предполагать

---

[20] См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 2, с. 124—134. Феоктистов

[21] А. И. Кобзев. Учение Ван Янмина..., с. 198—201 и далее.

учет их философского содержания, этот перевод должен быть логическим, а не сводиться к простой кальке, скрадывающей это содержание.

Отмеченное выше — одна из крайностей. В последнее время проявила себя и другая — стремление выразить понятийный аппарат, содержательную характеристику взглядов китайских мыслителей прошлого в категориях западной, в том числе и современной, философии. При этом игнорируется конкретное философское содержание этих категорий, продукта и понятийного инструмента не только иной философской культуры, но даже иной исторической эпохи. Происходит далеко не безобидное в идеологическом аспекте привнесение в историю китайской философской мысли несвойственных ей категорий, характеристик и свойств.

В качестве примера такого некорректного перенесения категорий западной философии на китайский историко-философский процесс приведем уже упоминавшуюся монографию А. И. Кобзева об учении Ван Янмина.

В заключении работы автор, подводя итог анализу мировоззрения Ван Янмина, характеризует его на «уровне... онтологического фундамента» как «по существу материалистическое». Однако тут же А. И. Кобзев добавляет, основываясь на уже упоминавшейся позиции о неправомерности говорить о материализме вне корреляции с идеализмом, что это учение «правильнее квалифицировать как натурализм, основными типологическими чертами которого являются гилозоизм и панпсихизм» (с. 252). Уточняя далее характер философии Ван Янмина, автор добавляет к ней дефиницию «персоналистическая», а затем уточняет это определение — «персоналистическая монадология». При этом А. И. Кобзев оговаривает, что, употребляя термин «персонализм», он не имел в виду «идентифицировать янминизм с одним из современных направлений западной философской мысли», более того, он «абстрагировался от этого историко-философского значения данного термина» (там же). Сразу же возникает вопрос: а правомерно ли такое «абстрагирование»? В каком же тогда значении употребляется в работе данный термин? Если не в историко-философском, то, значит, в житейском, обыденном, или в чисто филологическом? И то и другое недопустимо в философском исследовании, оперирующем точными философскими дефинициями, учитывающими не обыденный, а философский, категориальный, наконец, партийный смысл тех или иных понятий. Другое дело, что могут быть известные совпадения между различными по содержанию и времени появления философскими течениями, отдельными их положениями. Однако это не значит, что более поздние категории (в данном случае «персонализм»), появившиеся на иной стадии развития философского знания и иной социально-исторической почве, можно применять для характеристики предшествующих им философских учений, существенно отличающихся и по общеисторическим, и по социокультурным, и по идеологическим (мировоззренческим) параметрам. Если учение Ван Янмина — «персоналистический натурализм», тогда можно ли квалифицировать его как «по существу материалистическое» мировоззрение?

То же самое необходимо сказать и о характеристике гносеологии Ван Янмина как «аксиологической и феноменологической» (с. 253). С первым уточнением можно согласиться — ценностные, этические моменты действительно присутствуют в гносеологических идеях Ван Янмина, это общая черта древней и средневековой китайской философии. Зато второе дополнение вызывает серьезные возражения. Здесь, как и в случае с «персонализмом», происходит привнесение в китайскую философию XVI в. категорий буржуазной идеалистической философии XIX—XX вв.

Могут возразить, что автор монографии не привносит эти категории в китайскую философию, а лишь стремится с их помощью выразить содержательный аспект понятийного аппарата китайского мыслителя, всю гамму его оттенков. Но и это объяснение, на наш взгляд, нельзя считать убедительным. Ведь сами эти дефиниции — «персонализм», «феноменология» — родились на о п р е д е л е н н о м этапе развития западной, б у р ж у а з н о й философии, введены в научный лексикон их создателями и в содержательном аспекте являются понятиями вполне определенного мировоззрения. Поэтому представляется методологически неправомерным переносить их на иное мировоззрение, в иную, значительно более раннюю историческую эпоху, нарушая тем самым один из важнейших принципов марксистской методологии — принцип историзма. Другое дело, когда категориями и дефинициями западной философии оперирует марксистский исследователь именно этой философии — они выступают о б ъ е к т о м научного анализа, в то время как его собственным инструментом служат категории и понятия марксистской методологии.

Современный уровень развития методов философского (и иного) анализа, естественно, должен учитываться и в историко-философских исследованиях. Другими словами, они должны идти в ногу с развитием других отраслей современной науки. Так, например, математическая логика, структурно-функциональный принцип лингвистического анализа — все это, безусловно, способствует более глубокому проникновению в содержание и особенности китайской философии прошлого. Но при этом необходимо различать наш, современный уровень философского знания и уровень рефлексии древних и средневековых философов Китая, не приписывать им той ступени ее развития, на которой они не находились и не могли находиться. Современные методы и методики могут выступать лишь в качестве инструмента выявления содержания взглядов мыслителей прошлого, но никак не в роли их собственных понятий и категорий, не в роли их методологии.

Вспоминая Лао Шэ

20 лет назад во время «культурной революции» трагически погиб выдающийся китайский писатель Лао Шэ.

Многие друзья писателя сегодня вспоминают о нем, посвящают ему статьи. Среди авторов — китайский писатель Ба Цзинь, вдова Лао Шэ, известная художница Ху Цзецин, дочь писателя Шу И, видный поэт Цзан Кэцзя. В 1944 г. был опубликован на русском языке первый перевод рассказа Лао Шэ «В захваченном городе». А сегодня произведения Лао Шэ выходят у нас едва ли не ежегодно, издано более 20 его книг: романы, рассказы, пьесы... В 1981 г. издательство «Прогресс» в серии «Мастера современной прозы» выпустило однотомник произведений Лао Шэ тиражом 100 тыс. экз., в который вошли романы «Рикша», «Записки о Кошачьем городе», «Под пурпурными стягами», рассказы и эссе. Через год появилась его второе издание.

Роман «Рикша» нашему читателю знаком давно: впервые перевод увидел свет в 1956 г. (впоследствии неоднократно переиздавался). Роман «Записки о Кошачьем городе» печатался в журнале «Новый мир» за 1969 г., а затем выходил отдельной книгой в 1969, 1972, 1977 гг. общим тиражом, превысившим 700 тыс. экз. В 1983 г. в сборнике «Избранные произведения драматургов Азии» был напечатан перевод пьесы Лао Шэ «Чайная», которую в КНР считают его лучшим произведением.

В 50-х годах Лао Шэ трижды приезжал в СССР, бывал гостем на съездах Союза писателей СССР, у него было много друзей в нашей стране.

В 1966 г. мне довелось быть в Пекине, когда погиб Лао Шэ. В 1973 г. я написал об этом: «В тот день особенно бурной была активность хунвэйбинов на центральной торговой улице Ванфуцзин... Вот и угол Большого универмага. На углу висело рукописное сообщение одного из «боевых отрядов»: «„Буржуазный элемент Лао Шэ черным самоубийством доказал свою контрреволюционность"».

Я читал, а верить не хотел. Не верил там, на улице Ванфуцзин, не верил и много позже, когда писал о Китае, вернувшись в Москву. Хунвэйбины могли ведь и соврать в настенном безответственном листке. Но время шло, молчание вокруг имени Лао Шэ подозрительно затянулось...

«Боевой отряд» хунвэйбинов прочесывал один из районов столицы, заходя в каждый дом. Так вошли они и к Лао Шэ. В квартире старого писателя они испытали «возмущение и революционный гнев». Образ его жизни показался им смесью «феодализма и капитализма». Стены были увешаны картинами мастеров китайской национальной живописи, имелась ценная коллекция старинного китайского фарфора и «ни одной чашки с изображением красного знамени». Наконец, дом был набит «ядовитой литературой», как окрестили хунвэйбины библиотеку писателя. Листок перечислял старинные китайские издания, упоминал «тьму-тьмущую» литературы на иностранных языках — эта улика доказывала, что Лао Шэ был «иностранным рабом». В его библиотеке «до сих пор хранились ядовитые книги на русском языке».

Писатель не проявил уважения к налетчикам. Поэтому они решили «бороться с ним в духе культурной революции».

Для начала хунвэйбины заставили его встать и обратились с увещеванием. Юнцы предложили «порвать с контрреволюционным прошлым» решительно, просто и наглядно: самому немедленно уничтожить все предметы феодальной, буржуазной и иностранной культуры в его доме. Писатель ответствовал «контрреволюционным молчанием». Хунвэйбины посовещались и решили, что он разоблачил себя и их прямой долг «помочь ему революционизироваться». Они перешли к решительным действиям и на глазах беспомощных хозяев в клочья порвали картины и перебили фарфор, весь пол покрылся битыми черепками.

Лао Шэ не вынес гнусного лицемерия и заговорил. По сообщению хунвэйбинов, он «хвастался своими заслугами перед китайской культурой» и «демогогически» обозвал их варварами. Закончил же он словами, что они не ведают что творят, но когда вырастут, то раскаются. Хунвэйбины сказали, что лучший способ понять «культурную революцию» — самому принять в ней искреннее участие; они предложили писателю для начала сейчас же, на их глазах, самому сжечь свои книги прямо на полу комнаты. Лао Шэ не двинулся; ему обещали помочь снести книги в кучу, «считаясь с его возрастом и физической немощью», — он не шевельнулся. Тогда хунвэйбины взяли его под руки, чтобы заставить сжечь книги; листовка отрицает всякое насилие или оскорбление...

Дальше случилось непредвиденное: «в припадке контрреволюционной злобы» супруга Лао Шэ набросилась на хунвэйбинов, царапаясь и кусаясь, «как бешеная собака»,

не позволяя им «помочь ему жечь книги»... Женщину быстро скрутили. Лао Шэ пытался защитить жену, несмотря на ее «контрреволюционное» поведение. Тем самым он саморазоблачился окончательно как враг «культурной революции»: «тайное стало явным» — сообщалось в листовке. Апофеозом враждебности был его следующий поступок: «ослепленный классовой ненавистью», старый писатель покончил с собой.

Не хотелось верить, что за бесстыдной демагогией, трескучими фразами стоит жестокая истина расправы, но Лао Шэ умолк с тех пор.

Оставшаяся в живых вдова писателя Ху Цзецин и его друзья-писатели недавно выпустили книгу воспоминаний о Лао Шэ.

Мы публикуем воспоминания двух известных литераторов — Ба Цзиня[1] и поэта Цзан Кэцзя[2].

А. И. Желохозцев

БА ЦЗИНЬ

Горячо любимый товарищ Лао Шэ *

В этом году 3 марта исполняется 85 лет со дня рождения Лао Шэ. При его жизни мне не доводилось поднимать бокал за его здоровье, и ныне, когда литературно-художественная общественность столицы чествует его память, я болен и не могу принять участия. А я его старый читатель и друг. Мы работали рядом несколько десятков лет. Когда его постигла беда, я не мог ему помочь; когда его унижали, не мог за него заступиться; я не смог проститься с его телом; не мог отмщением умиротворить его оскорбленную душу. Мне стыдно перед соратником.

Недавно я прочел в дневнике Ян Мо[3] запись от 23 августа 1966 г., и снова в памяти предстал тот день: черный мрак накрыл небеса, и передо мной с плотно сжатыми губами и округлившимися глазами стоит старик, на груди его — позорный фанерный щит, лицо и голова окровавлены. Неужели таков был конец Лао Шэ? За 44 дня до этого, 10 июля, я встретил его в Зале народных собраний. Мы сидели рядом в президиуме собрания, которое было посвящено поддержке борьбы вьетнамского народа против агрессии США. Перед началом он рассказывал о себе, расспрашивал меня и радостно говорил: «Со мной все в полном порядке. Скажи друзьям, что я не под вопросом». Вот уже 18 лет как у меня в ушах звучит его голос, и сегодня я слышу его все так же ясно. Весь китайский народ знал, что он «не под вопросом», читатели всего мира верили, что он «не под вопросом».

Первым написал статью, посвященную памяти Лао Шэ, по-моему, японский писатель, японский друг. Тогда я сам, чтобы остаться в живых, на собраниях борьбы и критики непрерывно каялся. И только в конце 1977 г. я впервые упомянул его имя в статье, почтил его память. Через полгода я был на пекинском кладбище Бабаошан на церемонии перезахоронения его праха. Стеклось множество народа, но я не мог ни сосчитать бесчисленные головы толпы, ни разобрать прощальные речи. Передо мной стояло его лицо и звучал его голос: «Я не могу умереть, я еще могу создать столько хороших произведений!..»

Он оставил нам свои шедевры: «Рикша», «Серп луны», «Драконов ус», «Чайная»... Ведь это же духовное богатство китайского народа! Но он унес с собой все, что создал бы, если б жил до сих пор, его душа одарила бы нас столькими дарами!

Из нашего последнего разговора в Зале народных собраний я запомнил его слова: «Я — правильный человек, я — честный человек». Он был взволнован, многое хотел сказать, но не все высказал. Я понимал его состояние.

— Мы все верим вам, — сказал я ему. А хотел сказать: «Мы вас любим». Началось собрание, и мы простились, как оказалось — навеки, его не стало всего через 40 с лишним дней. До сих пор я кляну себя, что не условился о встрече с ним после собрания, что не состоялся у нас разговор по душам, что я не высказал ему свое уважение и любовь.

Я знал его 39 лет, иногда мы не встречались годами, а иногда часто общались, мы редко и мало переписывались, но я всегда следил за его творчеством. Он достиг единства личности и творчества. Я любил и уважал его, потому что он был действительно «правильный человек». Он был не только честен, но и добр, силен и отважен.

Я любил его, потому что он был великим патриотом. Патриотизм красной нитью пронизывает все его произведения, его мысли всегда кружили вокруг простых истин:

---

[1] Ба Цзинь (род. в 1904 г.) — председатель Союза китайских писателей. В 1958—1962 гг. было издано собрание сочинений в 14 томах. (Здесь и далее прим. перев.).

[2] Цзан Кэцзя (род. в 1905 г.) — редактор и советник журнала «Шикань» («Поэзия»).

* См.: «Жэньминь жибао», 15.III.1984.

[3] Ян Мо (род. в 1915 г.) — писательница. Ее роман «Песня молодости» был переведен на русский язык в 1959 г.

процветание государства, счастье народа. Я понимал его, потому что сам видел бесчинства иностранных агрессоров на нашей родной земле; мне тоже довелось бесприютным сиротой скитаться за границей, сносить унижения и косые взгляды.

Когда 1 октября 1949 г. воспрянул китайский народ, Лао Шэ, бывший тогда в США, не колеблясь вернулся в Пекин. Он сразу же включился в напряженную работу. Я любил его, потому что он был народным художником. Этим званием наградил его город Пекин, и он был его достоин.

Он был скромен, сам называл себя «писакой» и действительно писал ежедневно, писал безостановочно, пока «культурная революция» не отняла у него жизнь. Он был трудолюбивым «писакой». Я люблю его, потому что он выдающийся писатель-реалист, в его произведениях — повседневная жизнь простых китайцев, их мысли и настроения, их душевное богатство. Он был также летописцем старой жизни и старых нравов, под его пером оживал ушедший в прошлое старый Пекин, а его обитатели представали перед нами как живые.

Я люблю его и за то, что он обладал драгоценным чувством — он «любил наше сегодня». Вернувшись в Пекин из США, он написал больше десятка пьес о новой жизни, признавался: «Хочу остановиться, да не могу». Это ценнейшее чувство. Он сам говорил: «Если любить наше сегодня, если любить сегодняшнего человека, то будут и произведения у нас». Автор пьесы «Драконов ус» отдал нам свое сердце. Человек, любящий наше сегодня, имеет право сегодня жить. Горько, что он не дожил до своего юбилея, но его пламенное сердце нетленно. Пусть в его урне нет праха: душа его живет в каждом из его друзей, в каждом его читателе. Созданные им шедевры войдут в сокровищницу мировой литературы.

ЦЗАН КЭЦЗЯ

Он живет вечно

Нет ничего тяжелее в человеческой жизни, как браться за перо и писать мемориальную статью о погибшем, перечитывая произведения, которые он оставил людям. Уже прошло 12 лет, как Линь Бяо и «банда четырех» довели до смерти Лао Шэ. Но Лао Шэ живет вечно! Пусть мы не увидим его больше, но в наших душах вечен его образ.

Еще в 20-е годы я начал читать произведения Лао Шэ. Он был трудолюбив и много печатался; обладал собственным, своеобразным стилем, который ставил его на неизмеримую высоту над тогдашней литературой, имя его гремело, широкий читатель принимал его, влияние Лао Шэ было огромно. Нечего и говорить о «Разводе» или «Дне рождения Сяопо», даже короткий рассказ «Черный и белый Ли» привлек общее внимание и вызвал восхищение.

В 1935 г. в Циндао я впервые встретился с Лао Шэ. Шаньдунский государственный университет пригласил его преподавать, а я как раз в тот год окончил этот университет в числе первого выпуска и поехал учителем в среднюю школу Линьцина провинции Шаньдун. Я не успел стать его студентом, но мои отношения с Лао Шэ были чем-то средним между отношениями с учителем и старшим другом. С годами мы все больше сближались и сделались близкими друзьями; почтительное отношение ученика к учителю испарилось вовсе.

В Циндао я жил долго, этот город всего в 200 ли от моей родной деревни. Я там жил студентом 4 года. А когда стал учителем, приезжал туда на летние каникулы. В Циндао у меня было множество родных и друзей, учителей и школьных товарищей. Этот приморский город очень красив, особенно летом, когда красные крыши среди изумрудной зелени сверкают чистотой — ни пылинки. Все вокруг зеленое: небо, море, деревья, асфальт, даже ветер кажется зеленым. Утром на морском берегу любуешься солнечным восходом, а вечером ловишь прохладу, забираясь на острый конек крыши; вечерняя заря охватывает полнеба, с берега доносятся песни рыбаков, свежий бриз по-осеннему прохладен. Этот знаменитый на весь мир морской курорт каждое лето, как железной цепью, запирался от океанских просторов рядами американских и японских военных кораблей. Иностранная матросня бушевала здесь в пьяном загуле, нагло демонстрируя все прелести торжествующей военщины. Циндао был тогда раем для иностранных агрессоров и отечественных реакционеров: отставных министров, знати, компрадоров и торгашей. А рабочие окраин и крестьяне предместий жили как в аду — дьявольский контраст!

Вот в каком месте я впервые встретился с Лао Шэ.

Шел 1935 год, Северо-Восток уже был потерян, Север Китая находился в опасности, а Чан Кайши жертвовал суверенитетом и унижал государство, всячески обуздывал антияпонские настроения народа и развертывал военное и культурное наступление на красную власть внутри страны. Люди были полны гнева, атмосфера была душной, как перед грозой.

Вот в какое время я впервые встретился с Лао Шэ.

Лао Шэ был писателем с острым чувством справедливости. Он гордился своим

положением писателя и профессора, своей чистой совестью, но страдал за будущее родины. В его смятенной душе не было ясности, за что стоит бороться.

В Циндао благодаря Шаньдунскому университету собралось тогда немало именитых ученых, профессоров и писателей. Общие интересы и настроения сближали людей, мы часто сходились для задушевных бесед во время летних каникул: Лао Шэ Хун Шэнь[4], Ван Тунчжао[5], У Босяо[6]. Не помню, кто именно предложил: «Давайте заведем собственный литературный садик». И по общему согласию организовали еженедельный специальный выпуск газеты «Циндао миньбао», причем несколько сот экземпляров печатали на бумаге даолинь и продавали сверх обычного тиража. Нужно было заглавие, и Хун Шэнь предложил назвать «Беседы укрывшихся на даче», причем пояснил, что укрывшихся не от жары, а от нестерпимого своевластия гоминьдановских бар. Предложение всем понравилось и оставило глубокое впечатление: до сих пор помню совершенно ясно. Раз в неделю, перед выпуском, все собирались и читали рукописи друг друга. Вышло несколько приложений, а с окончанием летних каникул кончилось и приложение.

Помню, что Лао Шэ жил неподалеку от университета на Второй улице Цзинькоу (Цзинькоу эрлу). Надо было пройти через Восточный рынок прямо к дому, калитка выходила на восток. Дворик был крохотный, очень тихий, сплошной травяной ковер. В доме направо от входной двери на стене были развешаны мечи, пики и палицы: Лао Шэ тогда любил закаляться, упражняясь холодным оружием.

Каждый раз, когда я входил в его дом, испытывал уважение, к которому примешивалась дружеская теплота. Он занимал тогда важнейшее место в литературе: его имя было у всех на устах. Его произведения увлекали людей. Конечно, он любил юмор, любил подшучивать, но я подозреваю, что на душе у него было горько, несмотря на шуточки. Или же он заставлял себя смеяться, веселой песней заменяя слезы?

Моя дружба и общение с Лао Шэ не прерывались до самой его кончины, и тому была причина. В июле 1937 г. я издал на собственные средства первый сборник своих стихов. Мальчишка, без имени, выпустил книжку — это потруднее, чем вскарабкаться на небеса! К этому сборнику «Клеймо», предисловие написал Вэнь Идо[7], а Ван Тунчжао согласился стать издателем; им обоим пришлось похлопотать, да еще заплатить по 20 юаней за бумагу. И вот сразу же после выхода книжки во влиятельном тогда журнале «Вэньсюэ» появилось сразу две рецензии в одном номере. Одна была написана Мао Дунем[8], а другая — Лао Шэ. Лао Шэ рецензировал стихи — не то что другие, — я сам изумился! Его рецензия была необычной, отдельные слова я помню до сих пор. Он утверждал, что стихи из сборника «Клеймо» «похожи на камень, брошенный в выгребную яму, неизвестно, воняет сам камень или нет, но понятно, что камень твердый»! Благодаря двум рецензиям книжные магазины согласились принять к продаже «Клеймо», и я прошел сквозь Драконовы врата — вступил в литературу.

Я потому тогда изумлялся, что считал Лао Шэ прозаиком, и мне не приходило в голову, что он прочтет стихи, да еще новую поэзию, которую презирали «именитые знатоки», и не только прочтет, но и напишет рецензию. Жизнь доказала, что я тогда не понимал Лао Шэ, он не только был разносторонним писателем, но и владел любым литературным жанром, и владел мастерски! Его романы, рассказы, пьесы, стихи! Слава романов и пьес затмила славу его стихов. А он был поэтом не ради красного словца, а по существу своему! Прозаик и драматург, Лао Шэ был и поэтом тоже. Он умел писать в жанре новой поэзии, что доказывает его поэма «Отвоеванный север» («Цзяньбэй пянь»); стихи старых форм тоже получались у него отличными: сильными и талантливыми. В 1962 г. я написал заметку «Зрение проясняется, когда увидишь прекрасную поэтическую строку», в которой говорил о стихотворении Лао Шэ, написанном в классической форме, «Впечатление о поездке на восток Внутренней Монголии». В ней я цитировал прекрасные строки из стихотворения:

Электрический свет многоэтажных зданий
обновляет пейзаж,
Песни звонкие в маленьком городке
долетают из дома в дом...
Старый горец-охотник —
волшебный стрелок,
Привязал коня к белой березе,
настрелял фазанов...
Старик любит напевы далеких лет,
Девушка любит наиновейшую моду...

[4] Хун Шэнь (1894—1955) — драматург, видный режиссер театра и кино.

[5] Ван Тунчжао (1898—1957) — прогрессивный писатель, автор романа «Горный дождь».

[6] У Босяо (1906—1982)— публицист, педагог, литературовед.

[7] Вэнь Идо (1899—1946) — поэт, ученый. Прогрессивный общественный деятель. Убит гоминьдановской охранкой.

[8] Мао Дунь (1896—1981) — крупнейший китайский романист. Его сочинения в 3 томах изданы в СССР в 1956 г. Министр культуры КНР в 1949—1964 гг.

Да, все это — настоящая Внутренняя Монголия, а в строках — вкус танской поэзии.

Однажды я пришел к Лао Шэ и поднялся за ним по лестнице в кабинет. Домик был маленький, моря не видно, но в вечерней тишине было слышно его мерное дыхание. Мы сидели вдвоем, беседуя о чем придется, и он сказал, что хочет написать про рикшу. О содержании он ничего не сказал, но я помню, что был удивлен: откуда ему знать о жизни рикш? Потом появился роман «Рикша». Тогда я восхищался Лао Шэ и завидовал ему, его славе известного писателя и положению университетского профессора. Он почувствовал мое отношение и многозначительно сказал: «У меня семья, и каждому нужна чашка риса. Я хоть и «профессор», но за душой у меня ничего нет, жалованья хватает самое большее на две недели. Напишу — и тут же продаю. А есть писатели, тоже профессора, — тут он хмыкнул и показал два пальца правой руки, — у которых через два часа ничего не остается...»

Я слушал его с удивлением. Лао Шэ был настолько откровенен, скромен, прост и говорил мне всю правду о себе. Он извлек из выдвижного ящика стола веер, очень красивый, и развернул передо мной, потом тщательно протер его платочком, своей рукой развел тушь, открыл футляр с кистями и выбрал, придирчиво приглядываясь, одну. Обмакнув ее кончик в тушь, попробовал кисть на большом пальце левой руки и сказал:

— Выберем эту. Пишите.

Я послушно взял кисть, не отказываясь. Я не каллиграф, но я знал, что Лао Шэ нужно нечто большее, чем красиво написанные знаки. Я писал торжественно, и Лао Шэ был доволен, он глядел на меня, и этот взгляд я не забуду никогда в жизни: в нем была и теплота, и искренность, и поощрение, и дружба — как вспомню, до сих пор в душе поднимается прилив нежности и благодарности. С тех пор прошло 43 года, вот уже 10 лет, как умер Лао Шэ, а я пишу эти воспоминания о нем и плачу, слезы падают на бумагу. В человеческой жизни самое трудное — познать самого себя. Тогда он был гигантом нашей литературы, а я — безвестной пешкой, выползшей из хижины.

Помнится, как после ужина, пока не стемнело, мы вдвоем с Лао Шэ прогуливались по набережной Тайпинлу. Мы брели на закат по асфальту, встречных прохожих почти не было, прохладный ветерок трепал наши длинные тонкие халаты, и думалось легко-легко... Бирюзовое море, голубое небо, необъятный простор и манящие зеленые огоньки «маленького Циндао» вдалеке... Мы шли навстречу вечерней заре, которая алыми шелковыми полосами ложилась на бирюзу — какая свежесть, какая дивная красота! Мы постояли на вдающемся далеко в море причале, оба помолчали, сосредоточенные, грустные, гневные... Великолепны наши горы и реки, но уже разбит золотой фиал, отторгнуты наши земли, враг стоит перед нами, глумится и вымогает. Смущен народ, а волю к единству и сопротивлению подавляют. Будущее государства и личное будущее каждого мутны, как волны морского прилива...

7 июля 1937 г. я услышал в Бэйпине[9], как у моста Лугоуцяо грохнул первый пушечный выстрел антияпонской войны, потом опасность приблизилась к Линьцину и наш институт был распущен; подавленный и удрученный, я переправился через Хуанхэ и вернулся в родную деревню. В октябре, чтобы узнать новости и повидать друзей, я решился поехать в Линьцин к своим любимым студентам, и вот я в Цзинани. Сразу же попал под воздушную тревогу: вражеские самолеты бомбили большой мост через Хуанхэ в Локоу. Вечером в перерыве между тревогами я пошел навестить Лао Шэ. Он тогда преподавал в Университете Цилу, и в смутное время чувство дружбы стало еще дороже. За высокими воротами стояли деревья в роскошном осеннем наряде, среди них были разбросаны высокие здания, окруженные газонами. Привратник указал мне на коттедж иностранного вида; там я издали разглядел фигуру человека в темно-красном халате на газоне, с ним была женщина с двумя детьми, которые играли под деревьями. Я подошел, чтобы расспросить их, и тогда только понял, что передо мной мой друг со всей своей семьей. Он пригласил меня в новый дом. Заговорили о войне, потом о литературе, потом о личных перспективах. Тогда печатать произведения стало невозможно, и он начал преподавать в университете Цилу, но сразу же налеты сделали занятия редкими. Ректор был иностранец и давно сбежал; студенты тоже разбежались. Он вздыхал, что сам не может тронуться с места, цепляется за этот «персиковый источник потустороннего мира». Его слова были горькими. Он говорил, что есть материал для большого романа, но нет душевных сил поднять перо, голова идет кругом. Пишет он мелочишку для местных газеток, на столе валялись журнальчики-однодневки. Только разговорились — тревога. Мы оба в смущении вместе с Ху Цзецин и детьми укрылись под деревом. Там было много детей, они пальцами указывали на самолеты и со смехом кричали:

— Летит, летит!

Я посмотрел и понял, что они показывают на старого орла. В глазах темнело и сжималось сердце, когда в небе Китая кружились вражеские самолеты и бомбили нашу землю. Почему мазали наши зенитки, почему не взлетали наши самолеты? Если б хоть десяток наших самолетов появился, как бы мы были рады! А самолеты врага строились парами, демонстрируя свое превосходство. Лао Шэ заметил, что прилетели шуметь, а не бомбить Цзинань. Его слова походили на юмор, но в них

[9] Старое название Пекина.

была истина. Япония заигрывала с Хань Фуцзюем [10], а бомбы могли принудить его к сопротивлению. Мы вернулись во двор, распаленные гневом, все уселись на траве полукругом. Старая полусухая трава была мягкой как пух, осенние краски поражали взгляд вокруг, но рев авиационных моторов спугнул покой и тишину и вернул нас к окровавленной действительности. Только подняли палочки, как вошла огромная, как тигренок, кошка. Хозяин предложил ей рис, но кошка, мурлыкая, пренебрегла им. Она была черная с рыжими пятнами, свирепой наружности. Лао Шэ сказал мне, что хозяин кошки сбежал, так что бедствия войны коснулись и этого животного. Обычно хозяин ее холил, давал молоко и мясо, так что теперь она не хочет есть рис. Мы ели молча, потом молча курили, пили чай. Отбой прозвучал, как амнистия, и я тут же поднялся прощаться. Было уже больше четырех часов пополудни.

— Давай знать о себе, куда б тебя ни занесло, — тепло попрощался со мной Лао Шэ, когда я обернулся к нему на ходу.

В марте 1938 г. я поехал с фронта в Ухань и сразу же навестил Лао Шэ. Он жил в резиденции Фын Юйсяна [11], который любил литературу и охотно поддерживал дружбу с литераторами. У него жили У Цзусян [12] и Чжао Ванъюнь [13]. Сам Фын Юйсян писал новые стихи в духе народных песен и очень почитал Лао Шэ.

Мы обрадовались встрече, но к радости примешивалась горечь: ведь мы увиделись на берегах Янцзы в самую трудную смутную пору.

— Цзецин и дети тоже с тобой? — спросил я.

— Не было такой возможности, — растроганно отвечал он. — Кому о них заботиться? Пришлось оставить их на прежнем месте, и теперь мучаюсь, потому что перед ними виноват. Страна в беде, война всего важнее, мы не должны думать только о себе и своих семьях! Вчера в госпитале я видел раненого солдата: ноги оторваны, бледный, истощенный, в грязи и кровище. Он не кричал, а лежал спокойно на боку, сидеть не мог. Врач вымыл и перевязал его, а раненый не стонал. Кто-то дал ему сигарету, все глядели на него с таким уважением. Его дух вселил в меня уверенность в нашем общем будущем. Сейчас эгоизм и личности просто непристойны. Мне стыдно, что я не гожусь для фронта. Мне придется служить войне Сопротивления своим пером.

Он сказал мне, что созывается учредительный съезд Всекитайской ассоциации литературно-художественной общественности по отпору врагу.

Когда окончилась моя затянувшаяся на пять лет фронтовая жизнь с ее лишениями, опасностями, преследованиями и гонениями, весь пылающий гневом, я 14 августа 1942 г. прибыл в так называемую временную столицу в горах — туманный Чунцин.

Через два месяца я участвовал в собрании, посвященном памяти Лу Синя в связи с шестой годовщиной его кончины, которое проходило в Доме культуры Общества китайско-советской дружбы. Все принесли с собой немного чая, чтобы после собрания побеседовать. Председательствовал Лао Шэ. Не успел он закончить слова о начале собрания, как десяток молодых парней со свирепыми рожами повскакали с мест и с улюлюканьем ринулись на трибуну. Визжа и ругаясь, пиная ногами и размахивая руками, они стащили Лао Шэ с трибуны. Разъяренный Лао Шэ только стонал. Чаепитие в зале скомкалось, все кинулись к выходу, где уже поджидали агенты в штатском; потихоньку они устремились кое за кем из расходившихся.

Таков был мой первый урок во временной военной столице. Легко можно себе представить тогдашнее состояние духа Лао Шэ.

Он жил в Бэйпэй и часто приходил на собрания. Носилками не пользовался, поднимался и спускался сам. После собраний или по праздникам вместе с семьями угощались, пили вино из больших кувшинов через соломинки, чтобы взбодриться. Глотнув вина, Лао Шэ возбуждался, говорил громко, жестикулировал. Обычная же жизнь была крайне стесненной: курили только самые дешевые сигареты, покупали их вроссыпь по одной. Когда удавалось съесть в харчевне миску лапши, это считалось роскошью.

В Чунцине Лао Шэ то и дело выступал, непрерывно работал. Был очень энергичен: писал пьесы о войне Сопротивления, новые стихи, эстрадные номера и популярную литературу. Это был занятой человек; он отдавал делу все силы и внес огромный вклад в литературу о войне Сопротивления.

В 1945 г. Чан Кайши приказал стрелять в мирную студенческую демонстрацию в Куньмине, произошло кровопролитие, все негодовали и протестовали. Чунцинцы почтили память четверых убитых в большом храме. Лао Шэ возглавил нас. С надгробными надписями в руках, длинной вереницей мы вошли в храм, в скорбном молчании и с гневом в душе отдавали тройной поклон перед портретами погибших. Это прощание прозвучало как раскат грома среди общего безмолвия.

---

[10] Тогдашний губернатор провинции Шаньдун, настроенный прояпонски.

[11] Китайский генерал (1882—1948), член гоминьдана. В последние годы жизни порвал с кликой Чан Кайши. Погиб в результате несчастного случая.

[12] У Цзусян (род. в 1908 г.) — писатель, профессор филологии Пекинского университета.

[13] Чжао Ванъюнь (1906—1977) — известный китайский художник, мастер национальной живописи (гохуа).

В 1946 г., на второй год после победы над Японией, я получил письмо от Лао Шэ. Он собирался уехать в США, прощался с друзьями и хотел повидаться со мной. На следующий день я поехал в город. В ресторане «Тяньлиньчунь» ели кунжутные лепешки и выпили по чашечке водки. Это была чарка на прощанье. Разлука делает людей молчаливыми, а уж в тех-то обстоятельствах... Он курил, слегка закинув голову, и смотрел вслед растворяющимся колечкам дыма...

Прошло четыре года. Он писал мне из США: «Живу в Нью-Йорке, на громадной площади, вокруг столпотворение, а я сижу один в пустом номере и невыносимо скучаю».

В конце 1949 г. Лао Шэ вернулся на родину. Сразу после Освобождения в общежитиях было очень тесно. Я ютился в каморке в здании издательского центра, старшая дочь у меня только что разрешилась от бремени, двуспальная кровать и софа занимали все помещение; протиснуться было очень трудно. Лао Шэ пришел ко мне и уселся на софу, а я сел на кровать.

— Вернулся, а все переменилось! Как я рад, с души свалился камень. Даже моя непослушная нога стала лучше слушаться меня, — говорил он.

Я жил, как и Лао Шэ, на восточной стороне города, вместе с ним работал в Союзе писателей, в течение 17 лет встречал его на собраниях, часто бывал у него в переулке Фэншэн, в общем, постоянно общался. За 10 лет он написал множество произведений, воспел социализм, завоевал любовь масс, был удостоен почетного звания Народного художника, но никогда не был ни высокомерным, ни самодовольным.

Лао Шэ писал иероглифы в стиле стел династии Вэй. В его гостиной западная стена была увешана каллиграфическими надписями, как выставка, и каждый раз как я приходил, надписи менялись. Он подробно объяснял мне, кто автор, какой они эпохи, какой школы. Это мне многое дало. Он коллекционировал каллиграфические надписи; кроме того, у него было больше 30 картин Ци Байши. Среди его друзей было много художников.

В ресторане «Фаншань» едва мы вошли, официант приветствовал:

— Лао Шэ пришел!

И так всякий раз, когда я вместе с ним бывал в ресторанах, официанты узнавали его, приходили в волнение, и не потому, что он был именитым гостем, нет, все они просили его сделать надпись, просили Ху Цзецин нарисовать картину, чтобы повесить у себя в зале. Название ресторана «Фаншань» написано им и потом выгравировано по камню.

Всем известно, как Лао Шэ любил цветы. В его дворике они пышно цвели круглый год. Осенью распускались хризантемы, больше 80 сортов, так что разбегались глаза, а оттенков цвета — не перечислить. Две хурмы покрывались красно-желтыми плодами. Каждую осень Лао Шэ просил Ху Цзецин послать мне несколько десятков штук прямо на ветках с листьями. Квадратные, остроконечные, крупные, мелкие... Я раскладывал их на подносе из исинской глины и любовался, как натюрмортом.

В 1966 г. началась «великая культурная революция». Мы не виделись. Молча вспоминали друг о друге. Однажды утром — телефонный звонок. Я снял трубку.

— Это я, Лао Шэ, — сказал он низким дрожащим голосом и помолчал. — Последнее время мне что-то нездоровится. В горле лопнул сосуд, харкаю кровью. Врач запретил курить и пить. В горкоме мне сказали на учебу не ходить, лечиться дома. Сказали, что среди тех, кого критикуют на собраниях, много наших общих друзей, их воспитывают...

Так я в последний раз услышал голос Лао Шэ.

Я зашептал в трубку, сдерживая волнение, советуя беречь себя. Смысл не сказанных им вслух слов был мне ясен. Как хотелось броситься к нему, обнять его!

Его голос еще звучал в моих ушах, когда роковое известие дошло до меня. Острая боль схватила сердце, слез не было.

Лао Шэ замучили. Справедливость и истина — бессмертны. Имя Лао Шэ переживет века.

Глядя на сверкающую звезду, — наверно, она и есть «звездный старец»?[14] — я вспоминаю Лао Шэ, моего старшего по возрасту близкого друга.

7 августа 1978 г., в Пекине.

Перевод с китайского А. Н. Желоховцева

---

[14] Звездный старец — китайское народное название звезды Канопус (Прим. перев.).

Страницы научных и культурных связей

К визиту в Советский Союз делегации Академии общественных наук Китая

С 11 мая по 2 июня 1986 г. в Советском Союзе по приглашению АН СССР находилась делегация Академии общественных наук Китая (АОН Китая) во главе с заместителем генерального ученого секретаря профессором Дин Вэйчжи. В ее состав входили директор Института философии АОН Китая профессор Син Бэньсы, заместитель начальника Управления внешних сношений АОН Китая Цзян Ханьчжан, заведующий отделом Института СССР и стран Восточной Европы Ван Ци, заведующий отделом Института права АОН Китая Жэнь Юньчжэнь, профессор Института мировой экономики и международной политики Ван Шоухай, сотрудник Управления внешних сношений АОН Китая Ян Цзяньго. В состав делегации был также включен второй секретарь посольства КНР в Москве Тянь Шихуэй.

Программой пребывания китайской делегации в СССР предусматривалось проведение переговоров об установлении научных связей и сотрудничестве в области общественных наук с Академией наук Советского Союза, делегацию которой на переговорах возглавил заместитель главного ученого секретаря АН СССР академик Ю. В. Бромлей.

АОН Китая была создана на базе институтов, входивших в секцию общественных наук АН КНР, в 1977 г. В настоящее время АОН насчитывает 32 института, в которых работают около 5200 научных сотрудников. Основными направлениями деятельности АОН Китая являются: анализ проблем, связанных с проводимой ныне в КНР экономической реформой; изучение вопросов марксистско-ленинской философии и современной буржуазной философии; история, идеология и культура Китая; исследования в области права; исследования проблем мировой экономики, международных отношений, анализ политики и экономики зарубежных стран; изучение национальных проблем Китая; исследования истории, идеологии и культуры зарубежных стран.

В ходе визита делегация посетила целый ряд научных центров и промышленных предприятий в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Алма-Ате и Новосибирске. Членами делегации были возложены венки и цветы к обелискам, монументам и памятникам советским воинам, отдавшим жизнь за освобождение Родины в Великой Отечественной войне.

В центре внимания состоявшихся бесед находились вопросы, связанные с решениями XXVII съезда КПСС, претворением их в жизнь.

Китайских специалистов прежде всего интересовали вопросы экономики, такие, как расширение самостоятельности предприятий, их самоокупаемость и хозрасчет, практическое осуществление курса перевода экономики на рельсы интенсивного развития, а также политика ускорения технического перевооружения. Особый интерес проявили китайские ученые к перестройке планирования (причем больше всего их интересовала задача сокращения числа спускаемых сверху директивных показателей) и материально-технического снабжения (задавалось особенно много вопросов о развитии прямых связей между поставщиками и потребителями). Специалисты из КНР проявляли большой интерес к вопросу о формировании фонда заработной платы предприятий, других фондов и о правах предприятий распоряжаться фондами; они уделяли большое внимание проблемам, связанным с зависимостью заработной платы и премий работников от результатов их труда; интересовались и вопросами, связанными с совершенствованием системы цен в нашей стране, проблемой социалистического соревнования между предприятиями. Китайские специалисты отмечали, что в экономической области «решения XXVII съезда КПСС уже начали проводиться в жизнь».

К концу своего пребывания в нашей стране члены делегации АОН Китая пришли к убеждению, что между СССР и КНР имеются широкие возможности для обмена опытом в области развития экономики, особенно в вопросах сочетания курса на повышение эффективности централизованного планирования с расширением самостоятельности предприятий, реформы системы цен, реорганизации управления экономикой. Руководитель делегации Дин Вэйчжи обратил внимание на сходство стратегических

целей, стоящих перед экономическим развитием СССР и КНР, и задач китайской 7-й пятилетки и нашей 12-й пятилетки.

Китайские ученые высоко оценили техническую оснащенность советских предприятий, которые они посетили, широкое использование ЭВМ и автоматизированных производственных комплексов, создание научно-производственных объединений как наиболее эффективный путь внедрения достижений НТР в производство, а также организации на наших предприятиях условий как для труда, так и для отдыха рабочих.

Китайские обществоведы уделили внимание региональным особенностям развития экономики нашей страны. Так, в Ленинграде они ознакомились с программой «Интенсификация — 90» и конкретными путями ее осуществления; в Тбилиси детально интересовались экономическими экспериментами, например, семейным подрядом в горных районах.

Советские экономисты в свою очередь интересовались проводимой в КНР реформой в сельском хозяйстве и в городах Китая, положением в частном секторе в китайской экономике. Что касается частного сектора, то Ван Шоухай постоянно подчеркивал, что он имеет место только в сфере услуг и в мелкой торговле, играет крайне незначительную роль в экономике страны и находится под полным контролем со стороны государства. Основные формы этого контроля состоят, во-первых, в выдаче государством разрешений на частное предпринимательство и, во-вторых, во введении прогрессивного налога на доходы мелких предприятий. В целом, заявлял Ван Шоухай, специалисты в КНР считают частный сектор «полезным дополнением к экономике общественной», которая по-прежнему будет играть в стране определяющую роль.

Советских ученых интересовала проблема использования наемного труда в частном секторе экономики КНР. Ван Шоухай отвечал, что пока еще не существует единых для всей страны законов на этот счет, но в принципе «дозволяется нанимать нескольких работников». Государство уделяет этой проблеме серьезное внимание и исходит из того, что нельзя допускать формирования эксплуататорских отношений, а следовательно, нужно ограничивать использование наемного труда, строго регламентировать условия его использования, но не «подрывать активность» частных предпринимателей. По словам Ван Шоухая, «через некоторое время» после накопления практического опыта будет принят общегосударственный закон о наемном труде в частном секторе.

Делегация АОН Китая отметила благоприятные перспективы экономического сотрудничества между Китаем и СССР, основу для которого создает «взаимодополняемость экономик» наших двух стран. Дин Вэйчжи указал, что для Китая сейчас наиболее актуальными являются проблемы развития энергетики и транспорта и что в этих областях сотрудничество с СССР могло бы быть для КНР особенно полезным.

В Киеве в беседах затрагивались проблемы, связанные с аварией на Чернобыльской АЭС. 20 мая на встрече в Президиуме АН Украины Дин Вэйчжи заявил, что «западные средства массовой информации всячески раздувают масштабы аварии», однако, члены китайской делегации, побывав в Киеве, «смогли лично убедиться в том, что город живет спокойной, нормальной жизнью и что нет и намека на панику».

Важной областью для обмена опытом и совместных исследований является сфера идеологии и марксистско-ленинской теории. Была дана высокая оценка советским исследованиям, посвященным критике буржуазных философских концепций, достижениям в области философских проблем естествознания и научно-технического прогресса. С учетом новых задач, стоящих перед нашими странами, подчеркнули китайские специалисты, большое значение приобретают социологические исследования, разработка их методологических основ и практическое использование результатов.

В ходе бесед затрагивался также вопрос о перестройке системы преподавания общественных наук в высших учебных заведениях КНР. По мнению Син Бэньсы, основной задачей происходящей ныне перестройки является отказ от начетничества и творческое «самостоятельное использование марксистской методологии для анализа современных проблем Китая и зарубежных стран».

Большой интерес проявляли китайские ученые к проблемам совершенствования политической и правовой системы нашего государства, в частности мерам по проведению в жизнь Закона о трудовых коллективах. На делегатов из КНР произвело большое впечатление развитие коллективизма на наших предприятиях, демократии, та значительная роль, которую играют трудовые коллективы на ряде предприятий (например, в Новосибирском производственном объединении «Сибэлектротерм») в назначении или увольнении руководящих кадров. Делегаты также интересовались какую роль играют собрания трудовых коллективов в определении планов социально-экономического развития предприятий, функциями советов бригадиров предприятий.

Много вопросов задавалось о механизме решения споров и конфликтов между руководством предприятия и трудовым коллективом. В целом, по заявлениям китайских представителей, у них сложилось впечатление, что в претворении в жизнь Закона о трудовых коллективах после XXVII съезда КПСС «были предприняты энергичные и уже принесшие результаты усилия». Члены делегации подчеркивали, что рассматривают Закон о трудовых коллективах как один из путей практической реализации социалистического самоуправления.

В центре внимания находился также вопрос о более четком разделении функций между партийными, государственными и хозяйственными органами. Ван Ци подчеркнул, что в Китае «вызвало большой интерес выступление тов. Ельцина на XXVII съезде

КПСС». В ходе бесед на предприятиях китайским ученым были даны обстоятельные разъяснения проблем партийного обеспечения производственной работы, конкретных форм взаимодействия парткомов и администраций.

Членов китайской делегации интересовали новые задачи, которые поставил перед нашей юридической наукой XXVII съезд КПСС. Они неоднократно признавали, что и ранее и сейчас китайские юристы «придают исключительно большое значение» использованию достижений советских коллег и что «советский опыт чрезвычайно важен для создания юридической системы КНР», заявляли о необходимости налаживания «постоянного обмена информацией о законодательной деятельности» между юристами наших двух стран».

Во время беседы в Президиуме АН СССР с китайской делегацией, в которой принимали участие вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев и ректор АОН при ЦК КПСС профессор Р. Г. Яновский, была рассмотрена целесообразность налаживания научных контактов между АОН Китая и АОН при ЦК КПСС. Руководитель китайской делегации профессор Дин Вэйчжи ответил, что «это предложение представляет интерес», и заверил, что непременно передаст его руководству АОН Китая. В ходе беседы академик П. Н. Федосеев передал приглашение президенту АОН Китая Ху Шэну посетить нашу страну в качестве гостя АН СССР. Китайские представители обещали передать своему руководству это предложение.

На представителей китайской делегации глубокое впечатление произвела забота нашей партии и правительства о развитии общественных наук и общий высокий уровень исследований. Они интересовались организационной перестройкой работы исследовательских учреждений, переходом на новую систему оплаты труда научных работников и конкретными особенностями проведения переаттестации.

В результате переговоров 2 июня главами делегаций был подписан итоговый Протокол, предусматривающий обмен научными сотрудниками и делегациями сроком на один год.

Члены делегации неоднократно подчеркивали, что установление и дальнейшее развитие контактов между АОН Китая и АН СССР, несомненно, позволит нашим народам лучше узнать друг друга и открыть новые пути развития и укрепления дружеских отношений наших стран. Была достигнута устная договоренность об оказании всемерного содействия стажерам двух стран в деле выполнения ими своих научных заданий.

По мнению обеих сторон, визит был успешным, способствовал углублению взаимопонимания и созданию новых возможностей для обмена опытом и общему улучшению советско-китайских отношений.

Е. П. СТЕПАНОВ

Взаимный интерес, широкие перспективы

К 30-летию культурного Соглашения СССР и КНР

В. Я. МАТЯЕВ,
Г. С. СЯЛОВ

5 июля с. г. исполнилось 30 лет со дня подписания Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики о культурном сотрудничестве, которое вступило в силу 7 декабря 1956 г. Оно сыграло большую роль во взаимном ознакомлении народов двух стран с культурными достижениями друг друга. Да и сегодня Соглашение является хорошей основой для развития обменов между СССР и КНР в сфере науки и образования, литературы и искусства, спорта и здравоохранения, книгоиздательства, телевидения и радиовещания. Соглашение представляет собой прочный, проверенный временем договорно-правовой фундамент всего комплекса советско-китайских связей в сфере культуры.

Следуя завету В. И. Ленина, Советский Союз всегда выступал за то, чтобы обогащать духовную жизнь трудящихся благами общечеловеческой цивилизации, знакомить их средствами искусства с жизнью народов всех стран. Социалистическая культура неизменно является глашатаем передовых идей современности — идей мира, гуманизма, социального прогресса. Воплощая идейное богатство и многообразие духовной жизни социалистического общества, его реальный гуманизм, она обогащает мировую культуру, все полнее проявляет себя как могучий фактор духовного прогресса человечества. В нынешнее тревожное время, когда под вопрос поставлена судьба всего рода человеческого, еще более возрастает роль искусства как средства духовного объединения людей. В принятой XXVII съездом КПСС новой редакции Программы КПСС отмечается: «КПСС — сторонница широкого взаимного обмена подлинными культурными ценностями. Такой обмен должен служить гуманным целям: духовному обогащению народов, упрочению мира и добрососедства».

В преамбуле советско-китайского Соглашения о культурном сотрудничестве указывается, что правительства СССР и КНР решили заключить его «в целях дальнейшего укрепления тесной братской дружбы народов обеих стран, содействия быстрому развитию культурного строительства в обеих странах, поддержания мира во всем мире и прогресса человечества».

В Соглашении от 5 июля 1956 г. устанавливался срок действия в 5 лет, с автоматической пролонгацией на последующее пятилетие, если за 6 месяцев до истечения срока ни одна из сторон не выразит желания прекратить его действие. В последующие годы, несмотря на то что советско-китайские отношения в разные периоды времени носили разный характер, ни одна из договаривающихся сторон не заявляла о намерении прекратить действие этого Соглашения. Оно всегда рассматривалось в Советском Союзе как одно из важных составных частей договорно-правовой основы отношений между СССР и КНР. Судя по заявлениям китайской стороны, такую же оценку дают Соглашению и в Китае.

Непреходящая жизненная сила советско-китайского Соглашения от 5 июля 1956 г. состоит в том, что оно явилось закономерным результатом многолетней истории культурных обменов, вдохновителями которых выступали передовые представители советской и китайской культуры.

Культурное сотрудничество между СССР и КНР строилось на равноправной и взаимовыгодной основе. Оно было проникнуто глубоким уважением к национальным особенностям и традициям, носило подлинно массовый характер, оказывало огромное влияние на широкие слои трудящихся.

Знакомство с культурной жизнью советского народа, прошедшего длительный путь борьбы за социализм, с его наукой, литературой и искусством способствовало усилению влияния марксистско-ленинского мировоззрения на китайских трудящихся, усвоению строителями нового Китая социалистических идей, давало живые, наглядные образцы, которые помогали отыскивать новые пути прогресса и могли быть использованы в развитии духовной жизни многомиллионных масс еще совсем недавно полуфеодальной и полуколониальной страны.

Принципы социалистического интернационализма нашли яркое проявление не только во всесторонних культурных обменах периода 1949—1959 гг., но и в факте безвозмездной передачи правительству КНР уникальных памятников китайской на-

циональной культуры, хранившихся в советских музеях и архивах. С конца 70-х годов в Китае взят курс на решительный подъем культурного уровня миллиардного населения. Объективная историческая тенденция к широкому и живому культурному общению двух великих соседних социалистических стран с неизбежностью прокладывают дорогу.

Все эти годы в Советском Союзе не прекращалось знакомство советской общественности с китайской культурой, особенно заметную роль в этой деятельности сыграло Общество советско-китайской дружбы. С начала 80-х годов в Китае массовыми тиражами возобновилось издание переводов русской классической и советской многонациональной литературы. Одновременно с переводами советской художественной литературы появляются переводы книг советских авторов по самым различным отраслям знаний, а также учебников для советской школы. В конце 1980 — начале 1981 г. было издано более ста книг русских и советских авторов, из них более 30 — произведения современной советской литературы, в том числе «Тростинка на ветру» и «Завещание» Г. Маркова, «Закон вечности» Н. Думбадзе, «Калина красная» В. Шукшина, повести Ч. Айтматова и, конечно, русская классика — Л. Толстой, В. Белинский, А. Чехов, Н. Гоголь. Уже к началу 1981 г. русская классическая и советская литература вышла на первое место по числу издаваемых переводов.

В 1980 г. начал выходить журнал «Сулянь вэньсюе» («Советская литература»), издаваемый Институтом советской литературы при Пекинском педагогическом университете, а вскоре вслед за ним — два других: «Сулянь вэньи» («Советская литература и искусство»), орган Пекинского института иностранных языков, и «Эсу вэньсюе» («Русская и советская литература»), выпускаемый силами восьми университетов разных провинций Китая.

В Китае происходит как бы новое открытие русской и советской литературы. Китайские читатели познакомились с драматургией А. Вампилова. После длительного перерыва стало вновь пропагандироваться творчество М. Шолохова. В 1981 г. в Пекине были изданы третий и четвертый тома «Тихого Дона», опубликован новый, исправленный перевод «Судьбы человека». В 1982 г. издан большой том «Материалов по изучению Шолохова», содержащий как высказывания о творчестве писателя крупнейших художников слова — М. Горького, А. Серафимовича, А. Фадеева, К. Федина, так и работы советских литературоведов — Л. Якименко, К. Приймы, А. Бирюкова и др. Китайские переводчики и издатели стали широко знакомить читателей с советской литературой последнего десятилетия, с рассказами В. Шукшина, творчеством В. Тендрякова, Б. Полевого, В. Распутина, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Липатова.

Первые контакты в области литературы приняли форму книжного обмена между Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР и Институтом зарубежных литератур АОН Китая, Пекинским университетом, Шаньдунским университетом, Тяньцзинским отделением Союза китайских писателей, Академией общественных наук провинции Гуандун. В ноябре—декабре 1983 г. известные китайские переводчики советской литературы заместитель главного редактора журнала «Шицзе вэньсюе» («Мировая литература») Гао Ман и старший научный сотрудник ИЗЛ АОН Китая Гэ Баоцюань приняли участие в VI Международной встрече переводчиков советской литературы в Москве. На встрече Гэ Баоцюаню от имени Правления Союза писателей СССР была вручена Почетная грамота «За большие заслуги в многолетней работе по переводу советской литературы». В декабре 1983 — январе 1984 г. в СССР находились заместитель директора Института зарубежных литератур Академии общественных наук Китая Чжан Юй и заведующий отделом литературы СССР ИЗЛ АОН Китая Ли Хуэйфань.

В июне — ноябре 1982 г. советские организации по приглашению Китайской компании по импорту и экспорту печатных изданий участвовали в 5 традиционных китайских книжных выставках. В июле 1983 г. впервые китайские книги экспонировались на Московской международной книжной выставке-ярмарке. В сентябре китайские фильмы демонстрировались на XIII Международном кинофестивале в Москве.

В феврале 1982 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР выразило готовность наладить ежегодный обмен группами студентов и преподавателей. В августе—сентябре 1983 г. в КНР и в СССР выехали первые группы студентов и стажеров (по 10 человек с каждой стороны).

Заметный сдвиг в советско-китайских культурных связях произошел в 1984 г. В мае Министерство культуры СССР провело консультации между советскими и китайскими представителями, в результате которых стороны согласовали план культурных обменов на 1984 г. В соответствии с этим планом в мае—июне в Москве, Кишиневе и Одессе прошли гастроли артистов из Китайской Народной Республики. Советская аудитория была покорена поэтичностью и изяществом исполнения лауреата международных конкурсов пианиста Вэй Даньвэя. Теплым звучанием инструмента, глубоким проникновением в содержание и стиль мелодии пленил слушателей скрипач Сюе Вэй, также лауреат международных конкурсов. Совершенной вокальной чистотой голосов, полнотой и технической завершенностью отличались выступления певцов Чжань Маньхуа (меццо-сопрано), Чжан Фэньи (сопрано), Фу Хайцзина (баритон), проникновенно исполнившего арию Игоря из оперы А. П. Бородина. В сентябре — октябре состоялись выступления в КНР группы советских артистов: балетного дуэта —

лауреата Государственной премии народной артистки СССР Н. Бессмертновой и лауреата Международного конкурса артистов балета в Москве И. Мухмедова, вокалистов — народного артиста СССР Х. Крумма и заслуженной артистки Азербайджанской ССР Х. Касимовой, лауреатов конкурса имени П. И. Чайковского пианиста Н. Демиденко и скрипача А. Винницкого. Возглавлял группу известный советский композитор А. Флярковский. Советские мастера искусств познакомили зрителей Пекина, Нанкина, Шанхая и Гуанчжоу с произведениями русских и советских композиторов, а также исполнили произведения китайских авторов.

С 8 по 23 ноября 1984 г. в КНР на гастролях находился народный артист РСФСР, солист Ленинградского государственного академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова Ю. Марусин, на его концертах в Пекине, Тяньцзине и Гуанчжоу побывало более 10 тыс. человек. «Техника Ю. Марусина великолепна, — писала газета «Чайна Дэйли», ссылаясь на мнение профессора Центральной консерватории Китая Шэнь Сяна. — Он уверенно держит верхние ноты, которые звучат мощно и насыщенно, в то время как низкие звучат нежно и проникновенно». В феврале 1985 г. советские поклонники вокального жанра аплодировали замечательному искусству известной китайской певицы Ху Сяопин.

В сентябре 1984 г. в Государственном музее искусства народов Востока прошла выставка живописи «гохуа». В ноябре—декабре в Пекине, а затем в Сиани экспонировалась выставка «Советская современная живопись». На ней демонстрировались более 60 работ художников, представлявших многонациональное советское искусство. Выставки вызвали самый живой интерес в обеих странах.

Взаимные культурные обмены 1984 г. не ограничивались рамками плана. Два виднейших представителя музыкальной культуры КНР — дирижер Пекинской филармонии Ли Дэлунь и композитор Чжу Цзяньэр в качестве почетных гостей присутствовали на II Московском международном музыкальном фестивале. На нем прозвучала симфоническая фантазия Чжу Цзяньэра «Памяти героев, погибших за правду» в исполнении оркестра под управлением Ф. Глущенко. Произведение китайского автора получило высокую оценку специалистов и у широкой аудитории. Сам автор отметил высокое мастерство советских исполнителей.

В 1984 г. расширились контакты в области книгоиздательства и полиграфии. Группа китайских ученых — специалистов по изучению классического романа «Сон в Красном тереме» посетила Советский Союз и ознакомилась с уникальной рукописью этого шедевра китайской художественной прозы, хранящейся в Ленинградском филиале Института востоковедения АН СССР. Была достигнута договоренность о совместном факсимильном издании романа. Осуществлялись деловые контакты между энциклопедическими издательствами двух стран.

Существенно расширилось сотрудничество в области образования. Количество студентов и стажеров было увеличено до 70 человек с каждой стороны, а в круг специальностей помимо гуманитарных, включены естественные и технические дисциплины.

Быстрое восстановление культурных контактов между нашими странами показало, что взаимный интерес к богатой национальной культуре друг друга никогда не ослабевал. Жизнь показала, что принципы и идеи, которые были заложены в Соглашении 1956 г., живы и поныне и что само Соглашение выдержало нелегкое испытание временем, доказало свою полезность, эффективность и жизненную силу. Поэтому закономерно, что в начале 1985 г. стороны подтвердили действенность Соглашения о культурном сотрудничестве 1956 г. и договорились в дальнейшем осуществлять культурные обмены на основе межправительственных планов на базе этого Соглашения. В июне 1985 г. в Пекине прошли переговоры между правительственными культурными делегациями СССР и КНР, был подписан план культурного сотрудничества на 1985 г. Стороны обменялись крупными художественными коллективами. В сентябре советские зрители очень тепло приняли балетную труппу провинции Ганьсу, которая показала спектакль «Цветами осыпан Шелковый путь». Во время V Международного конкурса артистов балета в Москве летом 1985 г. китайские исполнители привлекли внимание профессионалов и любителей хореографии.

С большим успехом прошли в октябре 1985 г. выступления труппы Государственного концертного ансамбля СССР московский «Классический балет» под руководством народной артистки РСФСР Н. Касаткиной и заслуженного деятеля искусств РСФСР В. Василёва в Пекине и Шанхае. Вместе с советскими артистами в спектаклях приняли участие и китайские танцоры, участники V Международного конкурса артистов балета в Москве Тан Минь и Чжан Вэйцян.

В декабре в Китае гастролировал Государственный академический народный хор БССР. На семи выступлениях, прошедших с огромным успехом, в общей сложности побывало более 12 тыс. зрителей. Китайская пресса отмечала, что программа выступлений советского коллектива не замыкалась целиком на национальных традиционных жанрах, в ней была отражена культура СССР в целом.

Большой успех имели в обеих странах гастроли сольных исполнителей. При переполненных залах прошли концерты Г. Провоторова, главного дирижера Государственного академического большого театра БССР — первого советского дирижера, приобывшего в Китай за много лет. По отзывам китайской печати, «аудитория была покорена его энергичной трактовкой русской музыки». В Пекине советский музыкант

выступал с оркестром Пекинской филармонии, которым руководит известный китайский дирижер Ли Дэлунь, одноклассник Г. Провоторова по Московской государственной консерватории. Необычайная легкость, темперамент и благородство исполнения — так оценила китайская пресса концерты пианистки Э. Анджапаридзе. В декабре 1985 — январе 1986 г. слушатели Каунаса, Вильнюса и Новосибирска аплодировали мастерам искусств из КНР — дирижеру Шанхайской филармонии Чэнь Сияню и скрипачу Шанхайской консерватории Ван Сяодуну.

Большой интерес китайской художественной общественности вызвала открывшаяся 14 ноября 1985 г. в залах Исторического музея Китая выставка советского изобразительного искусства. На ней экспонировалось 150 картин из Государственного Русского музея в Ленинграде. В приветствии Министерства культуры КНР по случаю открытия выставки подчеркивалось, что представленные на ней произведения советских художников не только отражают их любовь к Родине, но и идеалы мира, гуманизма и прогресса. Отмечалось, что выставка будет способствовать взаимопониманию и дружбе народов КНР и СССР. Выставка «Современное декоративно-прикладное искусство Китая» прошла осенью 1985 г. в Государственном музее искусства народов Востока.

В 1985 г. были восстановлены связи между творческими союзами двух стран. В октябре—ноябре 1985 г. в КНР по приглашению Союза китайских писателей находилась делегация советских литераторов в составе С. Михалкова, Е. Евтушенко, Ю. Семенова и Л. Эйдлина. Они побывали в Нанкине, Шанхае, Сучжоу, участвовали в творческом семинаре, имели встречи с видными китайскими писателями, переводчиками, специалистами русского языка. Залы, где они выступали, всегда были заполнены до отказа. В Институте иностранных языков Шанхая был устроен концерт силами студентов, которые на русском языке читали стихи и басни С. Михалкова, лирику Е. Евтушенко, отрывки из произведений Ю. Семенова. Профессор Л. Эйдлин выступил перед студентами и преподавателями с сообщением на китайском языке о работе советских китаеведов. Делегация имела теплую встречу с одним из старейших писателей Китая, председателем Союза китайских писателей Ба Цзинем.

17 ноября 1985 г. в СССР с ответным визитом прибыла делегация Союза китайских писателей в составе прозаиков Шао Хуа, Ли Говэня, переводчика, редактора издательства «Народная литература» Лю Ляои и критика, главного редактора газеты «Вэньи бао» («Литература и искусство») Се Юнвана. Гости побывали в Москве, Ленинграде и Тбилиси, участвовали в многочисленных встречах с советскими литераторами, посетили промышленные предприятия и колхозы, познакомились с жизнью рабочих и крестьян нашей страны. Накануне отъезда из Советского Союза глава делегации, член секретариата Союза китайских писателей Шао Хуа в беседе с корреспондентом газеты «Известия» подчеркнул: «Непосредственные контакты литераторов двух стран, знакомство друг с другом имеют огромное значение для укрепления дружбы и взаимопонимания между нашими народами».

В октябре 1985 г. Всероссийское театральное общество принимало делегацию Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства во главе с директором детского художественного театра Китая Чжоу Лаем. Китайские работники театра встретились с руководством ВТО, имели беседы в ВААП, в редакции журнала «Театр», посетили Киев и Ленинград. В ноябре—декабре 1985 г. в КНР совершили поездку делегации советских художников во главе с секретарем правления Союза художников СССР, председателем Союза художников УССР А. М. Лопуховым, советских композиторов во главе с секретарем Союза композиторов СССР, председателем правления Союза композиторов Эстонии Я. П. Рээтсом.

В сентябре 1985 г. в Китае побывала делегация работников советского театрального искусства. В ее состав входили: начальник управления театров Министерства культуры СССР А. Жаров, народные артисты СССР Р. Стручкова, М. Ульянов, Г. Ансимов. В ноябре 1985 г. КНР посетила группа деятелей советского кино во главе с председателем Государственного комитета СССР по кинематографии Ф. Т. Ермашом, в ее составе — известные режиссеры С. Ростоцкий, Э. Рязанов, актриса И. Шевчук. «Советское киноискусство оказало большое влияние на становление и развитие китайского кино, — отметил заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Сайфуддин при встрече с делегацией. — Расширение советско-китайского культурного сотрудничества будет способствовать взаимопониманию между двумя народами и двумя странами».

Делегация советских хореографов посетила в декабре 1985 г. ряд учебных заведений Пекина, Сиани, Гуанчжоу, Шанхая, имела встречи с деятелями танцевального искусства КНР, обменялась мнениями по проблемам развития балетного искусства в обеих странах. Советские преподаватели дали несколько показательных уроков для учащихся хореографических школ. Китайские мастера балета рассказали, что поставленный П. Гусевым балет «Красавица рыбка» идет в Китае до сих пор.

Полезной была поездка в КНР работников Госкомиздата СССР, ознакомившихся с работой издательства «Большая китайская энциклопедия», типографии «Синьхуа», литературного издательства «Вэньсюе чубаньшэ».

Культурные связи между нашими странами в 1985 г. также не ограничились рамками подписанного плана. Выше уже упоминалось, что китайские представители впер-

вые за много лет приняли участие в V Международном конкурсе артистов балета в Москве.

5 июля 1985 г. в Центральном выставочном зале китайской столицы была открыта выставка советской книги. Были представлены собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма, книги, рассказывающие о социалистическом строительстве в СССР, научно-техническая литература ведущих советских издательств, словари, альбомы, издания на языках народов СССР, а также произведения китайских писателей, выпущенные в Советском Союзе. Одна из ведущих экспозиций выставки была посвящена Победе советского народа над германским фашизмом и японским милитаризмом.

Обширна и привлекательна была экспозиция Китайской Народной Республики на V Московской международной книжной выставке-ярмарке, проходившей в сентябре 1985 г. Издательства КНР представили 2 тыс. книг — на четверть больше, чем на прошлой ярмарке. «Это отражение того, как успешно развивается обмен между нашими странами, — сказал вице-президент компании по импорту и экспорту книжной продукции Вэй Юнхэ. — И нынешняя ярмарка даст ему новый толчок. Уже достигнут ряд договоренностей: например, расширяется сеть книжных магазинов по продаже советской литературы у нас и китайской в вашей стране». Об интересе в Китае к русской и советской литературе свидетельствовала сама экспозиция Китая: на полках — переводы произведений Пушкина, Гоголя, Толстого, Маяковского, Симонова, Федина.

25 июля в Институте востоковедения АН СССР состоялась церемония передачи посольству КНР Большого китайско-русского словаря в 4 томах. Вручая издание послу КНР в СССР Ли Цзэвану, академик Е. М. Примаков отметил, что это самый крупный китайско-иностранный словарь в мире. Его непосредственная подготовка началась почти 30 лет назад, а фактически работа велась еще раньше, в предвоенные годы. В словаре отражен труд и китайских ученых. Посол Ли Цзэван, выразив глубокую признательность за ценный дар, назвал его символом культурного обмена между народами двух стран.

В августе 1985 г. в столице КНР состоялась премьера оперы советского композитора К. Молчанова «А зори здесь тихие...», в основе которой — одноименная повесть Б. Васильева. Постановка была осуществлена оперной труппой при Главном политуправлении Народно-освободительной армии Китая и посвящена 40-летию Победы над гитлеровским фашизмом и милитаристской Японией. Это была первая постановка коллективом зарубежной оперы на китайской сцене. Партитура оперы была передана в дар китайской стороне.

В декабре 1985 г. в Пекине на торжественном заседании, посвященном великому русскому писателю А. П. Чехову, выступил находившийся в Китае директор Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР Г. П. Бердников. В 1984—1985 гг. в КНР неуклонно росло количество изданий переводов русской и советской литературы. По неполным подсчетам, за это время было опубликовано около 130 книг русской и советской литературы, а вместе с романами, повестями, киносценариями, помещавшимися в журналах, этот список превысил 150 названий. Стала широко переводиться советская поэзия. В 1984—1985 гг. один за другим вышли два сборника стихов советских поэтов: «Избранная советская поэзия» и «Советская лирика». В различных провинциях Китая началось издание новых серий по советской литературе. Издательство литературы и искусства провинции Чжэцзян (Ханчжоу) с 1984 г. выпускает серию «Современная советская литература», в которой уже вышли «Журавлиный крик» В. Быкова и «Времена года» В. Пановой, готовится издание романа «Сибирь» Г. Маркова, книг К. Симонова, Д. Гранина и др. С 1986 г. в Чанша Издательство литературы и искусства провинции Хунань начинает выпускать серию «Произведения советской литературы, отмеченные Ленинской, Государственной и другими премиями». В Ухани издательством «Чанцзян вэньи чубаньшэ» основана серия «Переводы русской и советской литературы», а в Харбине стала издаваться серия «Советские революционеры». Этот список можно еще продолжить.

Большой популярностью пользуется в Китае советское кино. В КНР с неизменным интересом встречают ленты, относящиеся к классике нашего кинематографа: «Ленин в Октябре», «Чапаев» и др. Признание зрителей сразу завоевали работы современных советских кинематографистов, демонстрация которых началась в Китае с 1983 г. Глубокий отклик вызвали картины, посвященные подвигу советского народа в Великой Отечественной войне — «А зори здесь тихие...», «Александр маленький». Широкий резонанс получают киноленты, затрагивающие морально-этические и социально-экономические проблемы сегодняшнего дня нашей страны, — «Москва слезам не верит», «Дублер начинает действовать» и др.

В 1985 г. на XIV Международном кинофестивале в Москве состоялось знакомство советского зрителя с творчеством современных кинематографистов КНР. Художественные киноленты «Девушка с горы Хуаншань» и «Зачем я появился на свет» (последняя была представлена для внеконкурсного показа) сразу заслужили одобрительные отзывы любителей кино в нашей стране. В настоящее время на экранах советских кинотеатров демонстрируются фильмы «Улочка» и «Под мостом», понравившиеся поклонникам искусства кино в СССР.

Значительное развитие получили в 1985 г. связи с КНР в области образования.

26 мая 1986 г. в Москве состоялось подписание плана культурного сотрудничества между Правительством СССР и Правительством КНР на 1986—1987 гг. Этот план по своей насыщенности, широте охвата сфер, форм и видов обменов еще более полно отражает содержание Соглашения о культурном сотрудничестве от 5 июля 1956 г. Фиксируя принципиальные положения на два года, план предусматривает возможность заключать дополнительные годичные межведомственные протоколы, регулирующие формы и количество обменов по отдельным направлениям, в частности, в области высшей школы, спорта, между Академией наук СССР, Академией наук Китая и Академией общественных наук КНР.

С лучшими образцами из сокровищницы национальной и мировой культуры познакомят китайскую аудиторию Государственный ансамбль народного танца УССР им. П. Вирского (1986) и Государственный камерный оркестр СССР (1987). Советского зрителя ожидают встречи с чарующим своеобразием Пекинской оперы (1987) и неповторимым искусством традиционного китайского танца в исполнении Центральной балетной труппы Китая (1986). Стороны обменяются коллективами, чье творчество не оставит равнодушной ни одну категорию зрителей: в 1987 г. в КНР на гастроли выезжает всемирно известный Центральный театр кукол под руководством С. В. Образцова, а в нашу страну приезжает театр кукол, представитель искусства, которое в Китае развивается с давних времен.

Не вызывает сомнений, что лучшему ознакомлению китайских людей с трудом и бытом советского человека, его жизненной позицией и отстаиваемыми идеалами будет способствовать выставка живописи и скульптуры «Образ современника в советском изобразительном искусстве» (1986). 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции посвящается выставка «Реликвии Октября» в голографическом изображении, намеченная на юбилейный год. Поклонники искусства в Советском Союзе с интересом ожидают выставок из КНР «Изделия и гравюры по лаку» (1986) и «Современная китайская живопись маслом» (1987).

Планом определяется, что будут установлены непосредственные связи между Московской государственной консерваторией им. П. И. Чайковского и Центральной консерваторией Пекина, Московским академическим хореографическим училищем и Центральным хореографическим училищем Пекина, Государственным Эрмитажем и Пекинским музеем «Гугун». Планом намечены обширные контакты между нашими странами в области издательств, полиграфии и книжной торговли. Стороны продолжат обсуждение практических вопросов сотрудничества в издании энциклопедической литературы, Большого русско-китайского толкового словаря и другой справочной литературы. Как и в предыдущие годы, СССР и КНР примут участие в книжных ярмарках в Пекине и Москве. Новое развитие получат связи в области кинематографии. Намечаются обмены по линии Центрального телевидения и Радио двух стран. План на 1986—1987 гг. предусматривает дальнейшее расширение масштабов связей между советскими и китайскими творческими союзами. Запланированы контакты между Телеграфным агентством Советского Союза и Информационным агентством Синьхуа, обмены в области здравоохранения, социального обеспечения. Нет сомнения, что этот план отвечает возросшему уровню советско-китайских связей, а его осуществление придаст новый мощный импульс обмену лучшими образцами культуры, сделает более плодотворным взаимное духовное обогащение. Поступательное развитие советско-китайских культурных связей, придание им все более разнообразного и насыщенного характера в Советском Союзе рассматривают как важный и неотъемлемый компонент общего процесса улучшения советско-китайских отношений на равноправной и взаимовыгодной основе.

Воззрения деятелей русской культуры на Китай

Б. А. БОРОДИН,
кандидат исторических наук

На протяжении нескольких веков по-разному складывались русско-китайские отношения, но неизменными всегда оставались настроения прогрессивных элементов русского и китайского общества в пользу лучшего взаимопонимания, расширения всесторонних связей, укрепления дружбы народов-соседей.

Археологические раскопки и старинные летописи свидетельствуют о том, что контакты между народами, населявшими нынешние территории Советского Союза и Китая, существовали еще в древние времена. В величайшем памятнике древнерусской литературы — «Слове о полку Игореве», 800-летие которого по решению ЮНЕСКО отмечается во всем мире, — несколько раз упоминается страна или народ, означенные словом «Хинови». Академик Д. С. Лихачев считает, что «Хинови» — это либо общее название восточных народов, кочевников, либо название какого-то неведомого нам восточного племени [1]. Писатель В. А. Чивилихин пошел дальше в своих предположениях о происхождении этого слова. «На многих языках, — писал он, — Китай назывался словами «шин», «хин», «чин»... Автор «Слова» мог не ведать всех евразийских исторических подробностей, но, будучи очень знающим и начитанным человеком и чрезвычайно информированным политиком, наверняка слышал из византийских или арабских источников о самых дальних восточных народах, называя их обобщенно «Хинове», хотя вполне можно допустить, что кипчаки-половцы, кочевавшие от предгорий Центральной Азии до Днестра, далеко на Запад занесли Великою Степью весть о могучем государстве, уже много десятилетий существующем там, где восходит солнце» [2].

Со времен Ивана Грозного русские предпринимают попытки найти пути в Китай. В XVII в. в Китае побывали первые посланцы Русского государства И. Петлин, Ф. Байков, И. Перфильев, Н. Спафарий-Милеску. Их впечатления значительно обогатили существовавшие в России представления о Китае.

В 1689 г. в Нерчинске был заключен первый русско-китайский договор, предусматривавший урегулирование пограничных споров мирным путем и устанавливавший принцип равноправия в торговле для обеих сторон, что открывало возможности для развития мирных политических и торговых отношений между Россией и Китаем.

К углублению отношений с Китаем стремился Петр I. В начале XVIII в. ему принадлежала инициатива направить в Китай русскую духовную миссию, по существу, положившую начало постоянным культурным и научным связям двух стран.

Главным пунктом русско-китайской торговли стала Кяхта, которая пользовалась славой «песчаной Венеции». В конце XVIII в. через Кяхту проходило 7—9 % внешнего товарооборота России. На важную роль Кяхты в международной торговле указывал К. Маркс [3].

Общение России с Востоком приветствовал гениальный руский ученый-энциклопедист и просветитель М. В. Ломоносов (1711—1765). Он был активным сторонником расширения внешней торговли «с отдаленными народами», культурных обменов между Россией и странами Востока. Ломоносов считал, что русские люди должны чаще ездить в Японию, Китай и Индию, укрепляя тем самым добрососедские отношения с этими странами [4].

Передовые люди России, посвятившие свои помыслы служению Родине, борьбе за лучшее будущее ее народа, выступали в то же время за согласие между всеми народами, за добрососедство и взаимополезное общение между народами России и Китая. Первый русский революционный мыслитель А. Н. Радищев (1749—1802) был активным сторонником развития русско-китайской торговли. Вопросами торговли с Китаем он занимался еще будучи на службе в Коммерц-коллегии и Петербургской таможне. Когда Радищев был сослан Екатериной II в Сибирь и несколько лет жил там, он еще ближе познакомился с состоянием торговых дел между двумя странами. Крупный государственный деятель второй половины XVIII в., президент Коммерц-коллегии граф А. Р. Воронцов, высоко ценя мнение Радищева, обращался к нему с поручениями выяснить ряд экономических вопросов, касаю-

---

[1] См.: Слово о полку Игореве. М., 1983, с. 67, 70, 75, 207.
[2] В. Чивилихин. Память. Роман-эссе. М., 1982, с. 208.
[3] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 159; т. 13, с. 131—132.
[4] См.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, М. — Л., 1952, с. 421—422.

щихся Сибири и Китая, исполняя которые Радищев направлял свои письма, специальные записки и проекты.

«Говоря о городе и деревнях, — писал Радищев Воронцову из Тобольска в марте 1791 г., — не могу не упомянуть вашему сиятельству об общем желании возобновления китайского торга. Пользы, от него проистекающие, велики». В мае того же года он докладывал: «По моему мнению, лишь большой недостаток в чае, употребление коего стало первейшей необходимостью, заставляет желать торговли с Китаем». «Мне, — сообщал Радищев из Иркутска в ноябре 1791 г., — очень приятно будет, если зимний путь станет неделею позже, ибо буду иметь случай видеть китайцев» [5].

Брат А. Р. Воронцова С. Р. Воронцов, полномочный министр России в Лондоне, обеспокоенный британской активностью в Китае, в 1792 г. предлагал направить туда российскую миссию с целью ограждения русских торговых интересов, включив в состав этой миссии Радищева как человека, хорошо разбирающегося в вопросах русско-китайской торговли. Царское правительство отвергло это предложение.

Свои мысли о торговле с Китаем Радищев высказал в большом исследовании без заголовка, написанном в виде письма А. Р. Воронцову и вошедшем в литературу под условным названием «Письмо о Китайском торге». В отличие от официальной позиции автор проанализировал торговые отношения между Россией и Китаем с точки зрения интересов их народов. Подробно рассмотрев вопрос о выгоде для сибиряков, и особенно для жителей Иркутска, торговли с Китаем, Радищев сделал вывод: «Мы видели, каким образом сей торг полезен вообще, что не токмо большие в одном обращаются капиталы, но, что гораздо полезнее, малые, давая пропитание большому числу людей» [6].

Заслуживает внимания тот факт, что российский экспорт товаров в Китай в течение большей части XVIII в. значительно превосходил английский [7].

Политические и торговые отношения Китая с Россией складывались совершенно иначе, чем его отношения с западноевропейскими странами, а позднее с США. На специфический характер этих отношений обращал внимание К. Маркс. «У России, — писал он, — совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время как англичане и мы сами лишены привилегии непосредственной связи даже с наместником Кантона... русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине (имеется в виду русская духовная миссия. — Б. Б.)... Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом и не вмешиваются теперь; на русских не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря». К. Маркс отмечал, что «русские ведут специфическую для них внутреннюю сухопутную торговлю, в которой у них, по-видимому, не будет соперников» [8].

Глубоким уважением к китайскому народу были проникнуты труды основоположника научного китаеведения в России Н. Я. Бичурина (1777—1853). Возглавив в 1807 г. Российскую духовную миссию, он пробыл в Китае почти полтора десятка лет. Религиозная деятельность не являлась призванием Бичурина, и он сосредоточил силы на всестороннем изучении Китая. В совершенстве овладев китайским языком, Бичурин перевел на русский язык многие китайские исторические, географические и философские произведения. Его перу принадлежит свыше 100 крупных исследований по Китаю, не потерявших своего значения до нашего времени.

При жизни Бичурина в России было предпринято издание китайских текстов, литографированных по оригинальному методу ученого, изобретателя и путешественника П. Л. Шиллинга, доброжелательно относившегося к Бичурину и бравшего у него уроки китайского языка. Тексты были снабжены переводом и пояснениями Бичурина, что делало их ценным пособием для изучающих китайский язык. По отзывам специалистов того времени, китайские иероглифы в текстах были воспроизведены с такой точностью и четкостью, что не уступали стереотипу Пекинской дворцовой типографии.

В 1830 г. Бичурин вместе с Шиллингом отправился в научную экспедицию на границу с Цинской империей, в район Кяхты. Под его руководством начались занятия в Кяхтинском училище китайского языка, где он использовал на практике составленные им первые краткие китайско-русские словари и китайскую грамматику. Училище просуществовало до 1862 г., сыграв важную роль в подготовке русских китаистов. К тому времени уже были открыты кафедры китайского языка в Казанском (1837) и Петербургском (1854) университетах.

В Восточной Сибири Бичурин встречался со ссыльными декабристами, которые проявляли живой интерес к Китаю и развитию русско-китайских связей. Особенно

---

[5] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3. М. — Л., 1952, с. 357, 377, 398.

[6] Там же, т. 2, 1941, с. 21.

[7] См.: А. Л. Гальперин. Русско-китайская торговля в XVIII — первой половине XIX века (Опыт сравнения кяхтинского торга с торговлей через Гуанчжоу). — «Проблемы востоковедения», 1959, № 5, с. 219.

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 157—158.

дружен он был с Н. А. Бестужевым [9]. Общение с декабристами и другими передовыми людьми той эпохи укрепляло прогрессивные убеждения Бичурина, осуждавшего писания апологетов колониализма и отвергавшего человеконенавистнические, расистские теории неполноценности азиатских народов. В трудах Бичурина проводилась мысль о недопустимости высокомерного, презрительного отношения к китайцам, указывалось на необходимость понимания Китая, особенностей жизни, нравов и обычаев его народа, специфики его развития. Бичурин мечтал о «братском согласии» русского и китайского народов. Он писал: «Представляя в уме минувшие события, полагаю, ничто не может возмутить братского согласия великих народов...» [10].

Китай манил к себе А. С. Пушкина (1799—1837). Еще в детстве он немало слышал об этой стране от матери, дед которой А. П. Ганнибал, будучи в ссылке на границе с Китаем, участвовал в строительстве крепости Селенгинск. В юные годы интерес Пушкина к Китаю поддерживался увлечением русской знати всем китайским. В домах дворян были модными китайская мебель, посуда, вазы, картины и т. д. В середине XVIII в. в Ораниенбауме близ Петербурга был построен увеселительный Китайский дворец, а позднее в Царском Селе, где учился Пушкин, были сооружены театр, павильоны и беседки в китайском стиле.

Поэта интересовала литература о Китае. В его личной библиотеке были книги по истории Китая и китайской философии. Известный исследователь русской и советской литературы Гэ Баоцюань обращал внимание на упоминание о Конфуции в черновой рукописи первой главы поэмы Пушкина «Евгений Онегин», хранящейся в рукописном фонде Пушкинского дома:

Мудрец Китая
Конфуций
Нас учит юность уважать [11].

Представления Пушкина о Китае расширялись в беседах с людьми, побывавшими в этой стране. Одним из таких людей был Ф. Ф. Вигель, сопровождавший в 1805 г. русского посла Ю. А. Головкина.

Пушкин был близко знаком с Бичуриным, который подарил ему несколько своих переводов с китайского и ряд собственных работ со специальными посвящениями. Отдельные из них великий поэт использовал при подготовке «Истории Пугачева». Он высоко ценил труды Бичурина, которые, по его словам, «разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком» [12].

Рассказы прекрасного знатока Китая настолько увлекли Пушкина, что он собирался отправиться в Китай, чтобы самому увидеть необычайную страну, ее людей, ее природу — все, что могло питать его поэтическое вдохновение. Под впечатлением подготовки к поездке родились строки поэта:

Поедем, я готов; куда бы вы друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец
Где Тасса не поет уже ночной гребец [13].

7 января 1830 г. Пушкин обратился к шефу жандармов Бенкендорфу с просьбой разрешить ему поездку в Китай. «Покамест я не женат и не зачислен на службу, — говорилось в прошении, — я хотел бы совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством» [14]. Бенкендорф ответил отказом. Но и после этого Пушкин не потерял интереса к привлекавшей его стране. Он много читал о Китае, работал в архивах, изучая наряду с другими материалами документы о русско-китайских отношениях.

Одаренный представитель русской либерально-дворянской интеллигенции — писа-

---

[9] Интересно, что сын Бестужева, став впоследствии чаеторговцем, вел дела с Китаем. Будучи знаком с А. Н. Герценом, он доставлял из Лондона «Полярную звезду» и «Колокол» южными морями, через Китай и Кяхту, откуда запретная литература расходилась по всей России. Значителен его вклад в развитие связей России и Китая: прекрасно владея китайским и другими языками, он принимал участие в русско-китайских переговорах, занимался изданием трудов русских китаеведов, на его средства были построены многие здания в Тяньцзине и первая в Китае железная дорога (см. В. Бараев. Продолжение подвига. — «Коммунист», 1984, № 5, с. 80).

[10] Цит. по: А. Таланов, Н. Ромова. Друг Чжунго. М., 1955, с. 213.

[11] См.: Гэ Баоцюань. А. С. Пушкин и Китай. — «Дружба», 1959, № 28, с. 22.

[12] А. С. Пушкин. Собр. соч., т. 7. М., 1976, с. 98.

[13] Там же, т. 2, 1974, с. 195.

[14] Там же, т. 9, 1977, с. 283—284.

тель, философ, популяризатор науки, музыкальный просветитель В. Ф. Одоевский (1804—1869), в салоне которого часто встречались Пушкин и Бичурин, видимо не без влияния Бичурина, написал фантастический роман «4338-й год», посвященный будущим взаимоотношениям России и Китая [15]. Автор утопии представляет Россию и Китай в 44-м столетии как центры мировой культуры. Оба государства живут в мире и согласии, обмениваются достижениями науки и техники, ведут переговоры о том, как предотвратить грозящую всей Земле опасность из-за предполагаемого столкновения ее с кометой. Любопытно, что Одоевский, как и Пушкин, отрицательно относившийся к поведению американской буржуазии, вложил в уста героя своего повествования — студента главной пекинской школы, приехавшего в Россию, слова осуждения «одичавших американцев», «против которых мы одни в целом мире должны содержать войско».

Судя по заметкам в архиве Одоевского, он предполагал, что всемирную историю в перспективе можно будет разделить на три крупных периода: до рождества Христова (древняя), от рождества Христова до разделения мира на Китай и Россию (средняя) и последующий период, который мыслился им, очевидно, как период стирания различий между государствами и братства между народами.

История стран Востока, включая Китай, входила в круг научных интересов великого русского писателя Н. В. Гоголя (1809—1852), который в середине 30-х годов XIX в. в качестве адъюнкт-профессора читал лекции в Петербургском университете. Нестандартное описание и трактовка событий, живость мысли, высокий гражданский пафос, яркий, образный язык были несомненными достоинствами этих лекций, вызывавших восторг у студентов. Одним запоминающимся штрихом Гоголь мог обозначить целую историческую веху. Вот как, например, он рассказывал о захвате монголами Китая: «...Степи увидели среди себя Чингисхана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами».

Гоголь горячо отстаивал право восточных народов занять достойное место в мировой истории. Заслуживает внимания его замечание о том, что всемирная история «должна собрать в одно все народы мира, разрозненные временем, случаем, горами, морями, и соединить их в одно стройное целое; из них составить одну величественную полную поэму» [16].

Против игнорирования и умаления роли Востока в истории человечества, против проповедовавшихся буржуазными идеологами расовых теорий о «неполноценности» индийцев, китайцев и других азиатских народов решительно выступали русские революционные демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, их ученики и последователи.

В рецензии на книгу Ф. Лоренца «Руководство к всеобщей истории» В. Г. Белинский протестовал против попытки ее автора исключить из всемирной истории великие страны — Индию и Китай, подчеркивал их вклад в развитие общественных отношений и культуры. Он указывал, что «Китай и Индия — страны, в высшей степени исторические», что «Китай — великое явление...» [17]. Белинский написал несколько рецензий на книги о Китае, в том числе на работы Бичурина. Великий критик высоко оценивал их, хотя и порой упрекал автора за некритический подход к отдельным сторонам китайской действительности, за некоторую идеализацию Китая.

А. С. Грибоедов (1795—1829) в своей бессмертной комедии «Горе от ума», увидевшей свет в 1833 г., обличал пороки современного ему высшего русского общества, в том числе и его преклонение перед всем иностранным. Герой комедии Чацкий призывал брать пример с китайцев, ограждавших свою страну от иностранного влияния:

Ах, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев [18].

Н. Г. Чернышевский (1828—1889) отзывался о китайцах как о «расе, имевшей великих мыслителей, сделавшей великие технические открытия». Замечательный представитель русской революционной демократии бичевал расистские взгляды колонизаторов на китайцев. Он подчеркивал наличие общих черт в развитии китайского и других народов. «Нам, белым, — писал Чернышевский, — никак нельзя оставаться при мысли, что белая и желтая расы — две группы существ разного происхождения. Китайцы произошли от тех же самых предков, как и мы. Они не особенная порода людей, а люди одной с нами породы; поэтому они должны подлежать тем же законам жизни и мышления, как и мы... Те особенности, какие мы замечаем в китайцах, — не особенности китайцев, а общие качества людей данного исторического состояния и общественного положе-

[15] См.: В. Ф. Одоевский. Повести и рассказы. М., 1959, с. 416—448.
[16] Н. В. Гоголь. Собр. соч., т. 6. М., 1978, с. 34, 40.
[17] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1955, с. 99, 101.
[18] А. С. Грибоедов. Избранное. М., 1978, с. 100.

ния». Чернышевский выражал несогласие с концепциями «неподвижности китайского быта и китайских понятий. Он считал, что подобные концепции отражают «мнимые китайские особенности». «Китайская история, — отмечал Чернышевский, — имеет те же самые черты, как история всякого народа при таких же обстоятельствах...» [19]

Во время мощного антифеодального и антиманьчжурского восстания, известного как восстание тайпинов (1851—1864), Чернышевский приветствовал поднявшихся на борьбу за свое освобождение китайских крестьян. В заметке о книге Т. Медоуза «Китайцы и их восстания», помещенной в журнале «Современник», № 8 за 1856 г., под заголовком «Объяснение китайской революции», он заявлял о поддержке тайпинов, стремившихся «возродить Китай». Анализируя причины тайпинского восстания, Чернышевский писал: «Хотя маньчжуры, как чуждое племя, никогда не пользовались популярностью в Китае, но главною причиною возмущения и беспорядков была несчастная война с Англией» [20]. Как и другие передовые люди России, он гневно осуждал разбойничьи действия британских агрессоров на китайской земле.

В журнале «Русское слово» были напечатаны обширные статьи ученика Чернышевского Н. В. Шелгунова «Цивилизация Китая», знакомившие с историей Китая и клеймившие позором поведение иностранных колонизаторов в этой стране. «Обновления китайской жизни, — писал автор, — нужно ждать не от тех, кто до сих пор стоял во главе умственной, ученой китайской спячки, а от той части общества, которая на своих плечах практическим образом вынесла все теоретические ошибки китайских мудрецов и организаторов». Этой части общества, то есть народу, делает вывод Шелгунов, «суждено обновить Китай и создать для него новую жизнь» [21].

Симпатиями к китайскому народу проникнуто описание увиденного в Китае И. А. Гончаровым (1812—1891). В 1853 г. фрегат «Паллада», на котором он совершал кругосветное путешествие, бросил якорь вблизи Шанхая. Наблюдая на китайской земле сцены жизни и быта, писатель часто замечал: «Как у нас». В характере и облике китайцев он стремился запечатлеть не столько их особенности, сколько общечеловеческие черты, которые рассматривал как предпосылки, ведущие к сближению народов. Он подмечал в жизни далеких от России народов «рядом с поразительным несходством» «неизбежные родовые сходственные черты» и отстаивал мысль, что каждый народ должен сделать вклад своих совокупных национальных сил — ума, творчества духа и воли — «в общую кассу человечества» [22].

Гончаров подчеркивал разительный контраст между поведением русских, уважительно относившихся к местному населению, и поведением других европейцев в Китае. Писателя глубоко возмущало иноземное, прежде всего британское и американское, вмешательство в китайские дела. «Вообще, — писал он, — обращение англичан с китайцами, да и с другими, особенно подвластными им, народами не то чтоб было жестоко, а повелительно, грубо или холодно-презрительно, так что смотреть больно. Они не признают эти народы за людей».

В то же время многие стороны феодальной действительности Китая вызывали у Гончарова критическое отношение. Явившись свидетелем борьбы народных масс против маньчжуро-китайских феодалов, против унижения заморскими колонизаторами национальных чувств китайцев, он с симпатией относился к этой борьбе. Гончаров предсказывал далеко идущее международное значение тайпинского восстания в Китае: «Далеко отзовется этот удар, нанесенный торговле: его, как удар землетрясения, почувствует Гонконг, Сингапур, Индия, Англия и Соединенные Штаты» [23].

Тайпины вызывали восхищение замечательного украинского поэта Т. Г. Шевченко (1814—1861). Он видел в их историческом подвиге пример для русских крестьян. Прочитав в 1857 г. в газете «Русский инвалид» выступление вождя тайпинов Гонга (Хун Сюцюаня), в котором тот назвал мандаринов жирным убойным скотом, Шевченко записал в своем дневнике: «Скоро ли во всеуслышание можно будет сказать про русских бояр то же самое?» [24]

За событиями в Китае внимательно следил и живо откликался на них великий русский писатель Л. Н. Толстой (1828—1910). В молодости он едва не попал в Китай. Китайское правительство, опасаясь нависшей над Китаем угрозы со стороны Англии, пригласило военных специалистов из России для обучения своей армии. Такое приглашение получил и участник Севастопольской обороны, опытный офицер-артиллерист Толстой. Впоследствии, вспоминая об этом, Лев Николаевич рассказывал: «После Крымской войны посылали в Китай людей. Приятель уговаривал меня пойти в инструкторы артиллерийских офицеров. Помню, я очень колебался» [25]. Толстого не прельщала та роль, которую возлагало на командируемых царское правительство, дававшее им еще «и другие поручения». Выбор был сделан в пользу оставления военной службы и занятий писательским трудом.

---

[19] Н. Г. Чернышевский. Поли. собр. соч., т. X. М., 1951, с. 822—824.
[20] Там же, т. III, 1947, с. 758.
[21] Цит. по: Э. Ривош. Русские революционные демократы и прогрессивная печать XIX века. — «Дальний Восток», 1958, № 1, с. 179.
[22] И. А. Гончаров. Собр. соч., т. 8. М., 1952, с. 80, 259.
[23] Там же, т. 6. 1952, с. 106, 109.
[24] Т. Шевченко. Собр. соч., т. 5. М., 1956, с. 121.
[25] Цит. по: А. Шифман. Лев Толстой и Восток. М., 1960, с. 47.

Толстой осуждал преступления западных держав, в первую очередь Англии, пытавшихся подавить восстание тайпинов, расширить и укрепить свои позиции в Китае. Находясь в Париже, он сделал 30 апреля 1857 г. в дневнике такую запись: «Читал отвратительные дела англичан с Китаем и спорил о том со стариком англичанином». О жестокостях и лицемерии англичан шла речь в написанном вскоре после этого рассказе «Люцерн». Выражая возмущение тем, что «англичане убили еще тысячу китайцев», Толстой писал: «Вот событие, которое историки нашего времени должны записать огненными неизгладимыми буквами. Это событие значительнее, серьезнее и имеет глубочайший смысл, чем факты, записываемые в газетах и историях». В статье «Прогресс и определение образования» (1862) Толстой выразил глубокое возмущение действиями Англии, Франции и Америки, которые огнем и мечом насаждали на Востоке «христианскую цивилизацию», «вводили веру прогресса в Китай посредством пороха и ядер» [26].

Толстой старался быть в курсе отечественной и западноевропейской литературы по Китаю, проявлял интерес к переводам памятников китайской культуры, а, по утверждению одного из современников, в 80-е годы будто бы даже пробовал изучать китайский язык. Как признавал сам Толстой в 1891 г., «большое влияние» на него оказали китайские философы Конфуций и Мэн-цзы и «огромное» — Лао-цзы. Толстой внимательно проштудировал все оказавшиеся доступными переводы на русский, английский, французский и немецкий языки произведений китайской классической философии. Сам он написал несколько специальных статей, в которых толковал учения китайских мыслителей древности, неоднократно ссылался в своих произведениях на их высказывания, издавал сборники их изречений. Привлекала Толстого и китайская литература, особенно народное творчество. Еще в начале творческого пути писатель использовал китайские легенды, поговорки и пословицы. Вплоть до последних лет жизни он продолжал знакомить русских читателей с сокровищами древнекитайской поэзии и фольклора.

Писатель-гуманист был потрясен учиненной в 1900 г. империалистами расправой над участниками ихэтуаньского восстания в Китае. Тогда у него возникло желание публично обратиться к китайскому народу. 29 сентября 1900 г. Толстой поделился своими планами с В. Г. Чертковым: «Ужасно захотелось написать послание китайцам» [27]. Известны четыре наброска такого послания, сделанные Толстым в октябре — ноябре 1900 г., но, к сожалению, оставшиеся незаконченными. «Мы, — говорилось в одном из набросков, — всей душой сочувствуем незаслуженным страданиям, которые несет теперь ваш народ, в особенности сострадаем лишенным крова и пищи миллионам детей, женщин, стариков; возмущаемся против зверств, совершаемых европейцами среди вашего народа...» В другом наброске проводилась мысль, что китайцы не должны отождествлять европейских колонизаторов с простым народом, трудовым людом тех стран, откуда они пришли. «Ужасно то, — писал Толстой, — что своими поступками и клеветами... они разлучают с вами нас, страдающих от того же насилия той же шайки разбойников». Наибольшей силы разоблачение колонизаторов достигает в последнем варианте обращения. Здесь империалисты предстают уже не только как угнетатели китайского народа, но и как «шайка самых ужасных, бессовестных разбойников, не переставая грабивших и грабящих, мучающих, развращающих и губящих телесно и душевно весь рабочий народ — $^{9}/_{10}$ населения в Европе и Америке».

Толстой, проповедовавший непротивление злу насилием, был далек от одобрения революционных форм национально-освободительной борьбы, но он постепенно подходил к мысли, что ожесточенная борьба народа за свободу и независимость Китая неизбежна. Вскоре после революции 1905 г. в знаменитом «Письме китайцу» (1906) он писал: «В настоящее время, я думаю, что наступил черед и восточных народов, и для Китая точно так же, почувствовать весь вред деспотической власти и отыскивать средства освобождения от деспотической власти, при теперешних условиях жизни ставшей непереносимой». Толстой выражал уверенность в великой исторической будущности Китая: «Я думаю, что в наше время совершается великий переворот в жизни человечества и что в этом перевороте Китай должен во главе восточных народов играть великую роль».

Горячую поддержку Толстого получили доводы в пользу русско-китайской дружбы, изложенные в полученном им письме от одного из представителей прогрессивной китайской интеллигенции — Чжан Чинтуна (правильнее Чжан Цинтуна). «Вполне согласен с вами, — ответил своему китайскому корреспонденту великий русский писатель, — что есть внутренняя, духовная связь между двумя великими народами, русским и китайским, и им надо идти рука об руку» [28].

Разносторонний интерес к Китаю проявлял всемирно известный ученый Д. И. Менделеев (1834—1907), который был не только выдающимся химиком и естествоиспытателем, но и крупным экономистом и, если выражаться современным языком, социологом и политологом. Систематическое изучение будущим ученым Китая началось с обстоятельной подготовки пробной лекции о школьном образовании в Китае, прочитанной им в студенческие годы в Главном педагогическом институте. В 1856 г., че-

[26] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 47, с. 125; т. 5, с. 23; т. 8, с. 337.
[27] Там же, т. 88, с. 205.
[28] Там же, т. 76, с. 63; т. 34, с. 339—341; т. 36, с. 292—293.

рез год после окончания института, Менделеев обращается с просьбой направить его на работу в русскую магнитно-метеорологическую лабораторию в Пекине. Правда, задуманная поездка не состоялась, и в том же году ученый приступает к работе в Петербургском университете. Однако интерес к Китаю и всему китайскому не покидал его никогда. В частности, в 60-х годах он проводит в своем имении Боблово успешные опыты по внедрению в полевую культуру северных районов России китайской люцерны и китайской пшеницы.

Менделеев углубляет свои представления о Китае, черпая сведения о развитии китайского общества, материальной и духовной культуры китайцев из известных в то время печатных источников и из живого, непосредственного общения с преподававшими на Восточном факультете университета учеными-китаеведами. Он следит за текущими событиями в Китае, пытаясь осмыслить их с учетом накопленных знаний об этой стране и ее народе.

В целом ряде опубликованных и неопубликованных работ Менделеев обращался к китайской проблематике [29]. В «Дополнении к познанию России», увидевшем свет уже после смерти автора в 1907 г., он указывал на взаимосвязь событий в России и Китае, на то, что «едва ли не вследствие того, что совершается в России... Китай уже явно просыпается». Верой в прогресс Китая, уважением к его самобытности и надеждой на его мирное развитие были проникнуты слова ученого: «Китай пойдет быстро, и можно надеяться, что он наложит особый, оригинальный, мудрый и мирный отпечаток на результаты своих успехов в новом направлении своего просвещения».

Выступая за сближение России и Китая, Менделеев обращал внимание на важность поддержки русскими китайцев перед лицом усилившегося давления на последних со стороны внешних сил: «На основании древних дружественных отношений к Китаю Россия может с бо́льшим, чем какая иная держава, основанием вступить в союз с Китаем, которому русское посредничество может многое обеспечить и обезопасить от давления других европейцев первые шаги несомненных будущих успехов, обеспечиваемых талантливостью, трудолюбием и многолюдием китайского народа».

Обширные познания, многолетний и многогранный опыт ученого позволили Менделееву сделать вывод о возможном влиянии желательного русско-китайского союза на ход мирового развития. «Союз России с Китаем, — заявлял он, — мне представляется если не наилучшею, то вернейшею и простейшею гарантиею мирного прогресса не только этих стран, но и всего света» [30].

Весомый вклад в ознакомление соотечественников с жизнью и культурой китайского народа, в расширение их знаний о Китае внесли представители русского китаеведения XIX в. Крупнейшими из них были П. И. Кафаров (1817—1878) — автор известного китайско-русского словаря, облегчившего поколениям студентов и специалистов изучение китайского языка, перевод китайской литературы на русский язык, и академик В. П. Васильев (1818—1900) — специалист в области языкознания, талантливый и неутомимый исследователь и популяризатор китайской классической литературы. Русские китаеведы хорошо сознавали важность расширения и углубления экономических связей, развития всесторонних контактов, взаимного обогащения культур России и Китая. «Мы твердо убеждены, — писал академик Васильев, — что рано или поздно путь, по которому двигались орды и полчища варваров, проходивших с Востока на отдаленный Запад, превратится некогда в великий путь международных сношений» [31].

«Добродушнейшим народом» называл китайцев А. П. Чехов. Он встречался с китайцами во время поездки по Амуру и на остров Сахалин в 1890 г. С дороги Чехов писал издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину: «Вот Вам и Амур... Налево русский берег, направо китайский. Хочу — на Россию гляжу, хочу — на Китай». В письме родным он сообщал: «Гулял по китайскому городу Айгуну. Мало-помалу вступаю я в фантастический мир». Спутником писателя в поездке был китаец Сун Соли. По просьбе Чехова он сделал надпись иероглифами на одном из его писем [32].

Во время антиимпериалистического движения ихэтуаней поехать корреспондентом в Китай собирался А. М. Горький, придававший исключительно большое значение борьбе китайского народа против империалистов. В архиве писателя сохранилось его письмо общему другу Горького и Чехова врачу Л. В. Средину, датированное 7 января 1900 г.: «Если только объявят настоящую войну, я еду. Обязательно. Я этой войне придаю огромное значение. Меня бы нисколько не удивило, если бы она затянулась лет на 30 и завершилась общей трепкой всей Европы. Эх, зачем я не китаец!» О своем желании ехать в Китай Горький в начале июля 1900 г. писал Чехову: «Поедемте в Китай? Как-то раз в Ялте Вы сказали, что поехали бы. Поедемте! Мне ужасно хочется попасть туда... Там — интересно, здесь серо». Через несколько дней он снова обращается к Чехову: «Одолевают меня китайские мысли. Очень хочется в Китай!

---

[29] См.: А. А. Екимов. Менделеев о Китае. — «Советское китаеведение», 1958, № 4, с. 236—239.

[30] Д. И. Менделеев. Соч., т. XXI. М. — Л., 1952, с. 581, 588, 595.

[31] Цит. по: История и культура Китая (Сборник памяти академика В. П. Васильева). М., 1974, с. 115.

[32] А. П. Чехов. Поли. собр. соч. и писем. Письма, т. 4. М., 1976, с. 126—127, 129—130.

Давно уж ничего не хотелось с такой силой. Вам тоже хочется ехать далеко — поедемте! Право! Хорошо бы» [33].

Мы пока еще располагаем меньшим числом свидетельств интереса китайцев к России до начала XX в., их стремления к дружбе со своим соседом, но есть и такие свидетельства. Видный деятель Цинской империи, организатор отпора британскому вторжению в Китай в начале 40-х годов XIX в. Линь Цзэсюй перевел книгу «Общее описание России». Определенное внимание России уделяется также в составленном им «Описании заморских стран».

Один из идеологов тайпинского движения Хун Жэньгань, старший брат вождя тайпинов Хун Сюцюаня, в программном документе «Новое сочинение в помощь управлению» писал, что «на протяжении ста с лишним лет сила и авторитет России росли с каждым днем и ныне эта страна является самым славным и могущественным северным государством» [34].

Когда в конце XIX в. в Китае развернулось движение за реформы, Кан Ювэй и другие реформаторы обращались к опыту Петра Великого в преобразовании России. Вот, например, что писал активный участник реформаторского движения Лян Цичао: «Теперь возьмем Россию. Она расположена в зоне холодного климата и находилась ранее под игом монголов. Благодаря жестоким притеснениям предыдущих царей дух народа был подавлен... Но с того времени, когда Петр Первый, вернувшись на родину из заморских стран, куда он ездил с целью получения знаний в области промышленности, осуществил в стране политические реформы, а последующие цари продолжили его политику, Россия стала процветать, намного расширив свою территорию» [35].

Китайский просветитель и переводчик Янь Фу опубликовал в 1897 г. трактат «О дружбе между Китаем и Россией», где приводились многочисленные доводы в пользу укрепления дружбы с русским народом. «История развития отношений между нашими странами, — говорилось в нем, в частности, — исчисляется веками, а поэтому и взаимные чувства существуют очень давно. Близость территории способствует взаимному пониманию событий, происходящих в наших странах, а так как между нами нет военных столкновений, то, как у близких друзей, у нас не существует взаимных подозрений и опасений. Поэтому необходимость дружбы современного Китая с Россией объясняется объективным ходом событий» [36].

Здесь были упомянуты лишь отдельные вехи в русско-китайских связях, приведены лишь некоторые высказывания передовых представителей русского и китайского народов, в которых выражались взаимные симпатии, стремление к тесному общению друг с другом. Но и из этого видна давняя обоюдная заинтересованность народов России и Китая в нормальных взаимоотношениях, их общее желание жить в мире и дружбе.

Хотя отношения России и Китая до конца прошлого века в целом складывались благоприятно, исторические условия того времени исключали осуществление в полной мере чаяний народов двух стран. Путь к подлинно дружественным и братским отношениям лежал через социальное и национальное освобождение народов. Лучшие люди России не только проявляли глубокий интерес к борьбе китайского народа против внутренних и внешних угнетателей, но и выражали свою солидарность с этой борьбой, заявляли о ее безусловной и решительной поддержке.

На рубеже XIX и XX вв. китайский народ обрел новых друзей и союзников в лице российского революционного пролетариата и его марксистской партии. Примечательно, что в первом же номере газеты «Искра», вышедшем в декабре 1900 г., были опубликованы две статьи В. И. Ленина. В одной из них, озаглавленной «Насущные задачи нашего движения», говорилось о необходимости создания сильной и единой пролетарской партии в России, а в другой, названной «Китайская война», шла речь о борьбе китайского народа против иностранного империализма. В первой статье В. И. Ленин выступал как вождь русских рабочих, основатель их боевой партии, а во второй — как пламенный интернационалист, великий друг китайского народа.

Касаясь отпора китайцев вмешательству империалистов в дела их страны, В. И. Ленин писал: «Чем же вызвано нападение китайцев на европейцев, этот мятеж, усмиряемый с таким рвением англичанами, французами, немцами, русскими, японцами и проч.? «Враждой желтой расы к белой расе», «ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации», — уверяют сторонники войны. Да, китайцы действительно ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят, и за что? Не евро-

---

[33] М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания. М., 1951, с. 74. 12 июля 1900 г. Чехов ответил Горькому: «Как бы ни было, в Китай ехать уже поздно, так как, по-видимому, война приходит к концу. Да и поехать туда я могу только врачом. Военным врачом. Если война затянется, то поеду, а пока сижу и пишу помаленьку». (А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 9, М., 1980, с. 93).

[34] Тайпинское восстание 1850—1864 гг. Сборник документов. М., 1960, с. 48.

[35] Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени. (1840—1898). М., 1961, с. 149—150.

[36] Цит. по: С. Л. Тихвинский. Советско-китайские культурные связи. — 10 лет Китайской Народной Республики. М., 1959, с. 200.

пейские народы ненавидят китайцы — с ними у них не было столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства».

Вождь трудящихся четко разграничивал интересы капиталистов и находящихся у них на службе правительств, включая царское правительство, с интересами трудового народа. «...Перед правительством и перед денежным мешком журналисты, — отмечал он, — из кожи лезут вон, чтобы разжечь ненависть в народе к Китаю. Но китайский народ ничем и никогда не притеснял русского народа: китайский народ сам страдает от тех же зол, от которых изнемогает и русский, — от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое стремление к свободе, — от гнета капитала, пробравшегося и в Срединное царство.

Русский рабочий класс начинает выбиваться из той политической забитости и темноты, в которой находится масса народа. На всех сознательных рабочих лежит поэтому долг — всеми силами восстать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов» [37].

Из статьи В. И. Ленина следовал вывод, что у русских и китайских трудящихся масс одни и те же враги, одни и те же задачи борьбы.

Тучи революционных бурь, сгущавшиеся в России и Китае, предвещали грядущие перемены в жизни народов обеих стран, в их общественном сознании. Создавались предпосылки для широкого распространения революционных идей в обеих странах, для взаимодействия русских и китайских революционеров в их борьбе за социальный прогресс своих народов, за лучшее будущее всего человечества.

[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 379, 382—383.

ПО МАТЕРИАЛАМ КИТАЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Развитие межотраслевых («горизонтальных») связей в КНР

Среди многочисленных материалов китайской печати о путях осуществления хозяйственной реформы в КНР в последнее время преобладают статьи, интервью с общественными и хозяйственными деятелями, в которых рассматриваются вопросы установления и развития между различными предприятиями, организациями, научно-исследовательскими учреждениями так называемых горизонтальных, то есть межотраслевых связей, их роль в экономической жизни в настоящее время и в ближайшей перспективе.

Курс на развитие «горизонтальных» связей начал проводиться в Китае с начала 80-х годов. Необходимость такого рода связей, как объясняет китайская печать, обусловлена тем, что при существующей системе организации хозяйства взаимодействие между промышленными предприятиями, научно-исследовательскими организациями, торговыми предприятиями, сдерживалось «вертикальными перегородками». Объединение предприятий и организаций «по горизонтали», считает руководство КНР, позволяет, «не меняя формы собственности составляющих объединение единиц и имеющихся связей, использовать хозяйственные рычаги». Исходя из принципа «добровольности, равенства и взаимной выгоды создаются объединения, связанные одной целью — выпуск новой продукции и техники, разработка новой технологии или осуществление технических преобразований», что повышает эффективность производства.

Экономические связи «по горизонтали» получили довольно большое развитие в ходе выполнения VI пятилетнего плана и проведения реформы хозяйственной структуры, расширения самостоятельности предприятий, пишет «Жэньминь жибао» (13.III.1986). Согласно неполным статистическим данным, указывает газета, количество соглашений о сотрудничестве в области экономики и техники достигло в стране 85 тыс., что в 11 с лишним раз больше в сравнении с 1981 г. В стоимостном выражении объем этого сотрудничества составил 16 млрд. юаней, или в 5 с лишним раз больше по сравнению с 1981 г.

В развитии «горизонтальных связей», как отмечается китайской печатью, сейчас появились новые тенденции.

Во-первых, расширение их масштабов, когда собственность объединений выходит за рамки отраслей, переходит границы административных и экономических районов. Примером, указывает «Жэньминь жибао», может быть Второй автомобильный завод и 100 с лишним предприятий из более чем 20 провинций страны, объединившихся в компанию «Дунфэн» по производству пятитонных грузовиков. В одних случаях «горизонтальные связи» носят прочный характер, в других они еще не оформились на долговременной основе. Одни касаются непосредственно производства, другие носят вспомогательный, обслуживающий характер.

Во-вторых, укрепляются связи между предприятиями в городах и районах с учетом сложившихся исторически и географически отношений. В качестве примера в китайской печати приводится Шанхайский экономический район, три провинции и два города Северного Китая, четыре провинции Юго-Западного Китая. В трех провинциях Северо-Восточного Китая начаты совместное производство и кооперированные поставки некоторых видов продукции для развития транспорта и энергетики, производства сырьевых товаров. Организуются межпровинциальные совместные перевозки по 30 шоссейным дорогам, а также совместное строительство портов и пристаней.

В-третьих, важной тенденцией является то, отмечают китайские газеты, что главным содержанием «горизонтальных связей» становится техническое сотрудничество. В 1985 г. количество соглашений о технических связях составило 19 тыс., то есть увеличилось в сравнении с предыдущим годом в три раза. Сейчас на соглашения о техническом сотрудничестве приходится до 60 % всех соглашений об установлении межотраслевых связей, пишет «Жэньминь жибао» (13.III.1986). По оценке китайских экономистов, сообщает газета, «в связи с расширением технического сотрудничества, обогащения его содержания и форм, дальнейшее развитие получила взаимная координация науки, техники и производства», в результате «научно-технические достижения быстро становятся производительной силой». В настоящее время имеется почти 10 тыс. научно-производственных объединений, развивается «рынок технологии».

В-четвертых, стабильной тенденцией в развитии «горизонтальных связей», по оценке китайской печати, является переход на долгосрочные связи. Это, считает «Жэньминь жибао», стало настоятельным требованием для эффективного развития экономики многих районов и предприятий. Например, в провинции Цзянсу в 1985 г. треть израсходованного угля, четверть проката, 40 % пиломатериалов поставлялось по каналам стабильных «горизонтальных связей».

Опыт внедрения «горизонтальных хозяйственных связей» в экономическую практику был обобщен, как можно полагать, на проведенном по инициативе Государственного совета КНР в начале марта 1986 г. в Пекине Первом Всекитайском рабочем совещании по осуществлению реформы хозяйственной структуры в городах. Как писала газета «Гуанмин жибао» (17.III.1986), «на совещании с особой серьезностью обсуждался вопрос о горизонтальных хозяйственных связях». 15 марта с отчетом о ходе совещания на Постоянном совещании в Госсовете КНР выступил премьер Госсовета Чжао Цзыян. В своей речи, пишет та же газета, он подчеркнул, что «отныне создание объединений на основе горизонтальных хозяйственных связей следует считать важнейшей работой».

Указывая на большое значение горизонтальных хозяйственных связей для развития структурной реформы экономики города и деревни, Чжао Цзыян отметил, что создание объединений на основе таких связей — это «требование развития социалистической товарной экономики, требование модернизации производства». В 1985 г. ЦК КПК принял решение о реформе хозяйственной структуры. Это решение, указал Чжао Цзыян, «было пронизано одной основной идеей — экономическая структура в Китае должна соответствовать требованиям развития социалистического товарного хозяйства». Горизонтальные хозяйственные связи, по оценке Чжао Цзыяна, как раз и «являются одним из основных условий существования и развития товарной экономики, снимают перегородки между различными отраслями».

В экономической структуре в прошлом, по словам Чжао Цзыяна, не было связей между отдельными ее частями, что тормозило развитие товарного хозяйства. Реформа призвана разрешить это противоречие. Без этого условия, отметил Чжао Цзыян, бессмысленно говорить о товарной экономике. Связи по административному принципу, отметил он, сковывали предприятия. С другой стороны, заявил премьер Госсовета КНР, вертикальная разобщенность ведет к тому, что «всенародная собственность фактически превращается в собственность ведомств, в собственность районов, и в этой обстановке зависимость предприятий от ведомств и районов слишком велика». В прошлом, сказал далее Чжао Цзыян, хозяйственная деятельность в Китае строилась на основе вертикальной подчиненности. Во многом это положение сохраняется и сейчас. Товарное же хозяйство требует развития связей по горизонталям, формирования системы единого рынка и всеохватывающей хозяйственной сети. С этой точки зрения процесс перехода от старой структуры к новой является процессом широкого развития горизонтальных хозяйственных связей и ликвидации разобщенности, отметил Чжао Цзыян.

В Китае понимают, что в процессе перестройки будут возникать значительные трудности. «Само объединение по горизонтали, — считает Чжао Цзыян, — наносит удар по старой структуре, дает бой разобщенности, и в процессе создания объединений неизбежно возникнут противоречия со старой экономической структурой, особенно в области планирования, финансов, валюты, материального снабжения и денежного обращения». На совещании Чжао Цзыян призывал «вскрывать то, что в нынешней системе препятствует развитию горизонтальных связей»,— пишет газета «Гуанмин жибао» (17.III.1986).

Сейчас в КНР создаются различные объединения предприятий на основе горизонтальных связей. Они совершенно отличны от компаний, организованных по административному принципу. Их участники объединяются на добровольных началах, на основе взаимного обслуживания, взаимной поддержки, взаимосвязей, координации действий. Установление горизонтальных связей и деятельность объединений на их основе, судя по публикациям в китайской печати, сталкивались со значительными трудностями из-за отсутствия юридических норм, соответствующих законодательных актов. Это отмечалось и на Первом Всекитайском рабочем совещании по осуществлению реформы хозяйственной структуры в городах. Поэтому вскоре после совещания, 24 марта 1986 г., были опубликованы «Положения Государственного совета КНР о некоторых вопросах дальнейшего внедрения горизонтальных хозяйственных связей». О том, какое значение придается руководством КНР этому документу свидетельствует уже то, что полный его текст опубликован всеми центральными газетами на первых полосах.

Положения содержат 30 статей, сгруппированных по тематике в несколько разделов.

Во вступительной части указывается, что со времени III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва, состоявшегося в конце 1978 г., при «оживлении» экономики «большое развитие получили горизонтальные хозяйственные связи в сфере производства, обращения, науки и техники, на различных уровнях и в многообразных формах». На базе расширения самостоятельности предприятий между ними стали «создаваться экономические объединения на основе горизонтальных хозяйственных связей, различные по форме и содержанию». Это новое явление в хозяйственной жизни Китая, подчеркивается в документе, «уже отчетливо проявило свои огромные преимущества и большую жизненную силу». Экономические связи по горизонтали расцениваются как «важнейшее содержание реформы хозяйственной структуры», как «требование развития производительных сил общества».

Опыт развития таких связей, говорится далее, уже показал, что они «способствовали выявлению ресурсов, рациональному использованию средств, содействовали формированию товарного обращения и единого социалистического рынка, содействовали рациональному обмену талантливыми кадрами и прогрессу техники, рационализации хозяйственной структуры и формированию районов».

По мнению китайского руководства, и это подчеркивается в Положениях, хозяйственные связи по горизонтали и возникающие на их основе объединения, «являются объективным требованием развития социалистической товарной экономики, неизбежной тенденцией обобществления производства, они нанесли ощутимый удар по изолированности различных отраслей экономики».

В разделе Положений «Принципы и цели объединений на основе горизонтальных связей» указывается, что «объединения предприятий являются основной формой горизонтальных связей». Особо подчеркивается, что при этом «должны устраняться ограничения между районами, ведомствами, а также ограничения, связанные с формой собственности». Считается, что в ходе развития горизонтальных хозяйственных связей между предприятиями постепенно сформируются новые хозяйственные объединения, которые в конечном итоге разовьются в единый хозяйственный организм. Положения призывают «обеспечивать самостоятельность основанных на принципах горизонтальных связей объединений», в них указывается, что «предприятия, на основе соглашений и уставов, должны иметь право добровольно входить в состав таких объединений и добровольно выходить из них». Формы управления в объединениях «согласовываются и устанавливаются участвующими сторонами». Положения обязывают соответствующие ведомства «проводить в жизнь установки, касающиеся самостоятельности предприятий», «отказаться от вмешательства в процесс развития горизонтальных связей, исходя из местнических интересов». Прямо указывается, что необходимо «пресекать в дальнейшем использование административных методов для образования хозяйственных объединений».

При большом внимании к соблюдению самостоятельности в развитии горизонтальных связей в Положениях, с другой стороны, в разделе «Улучшить плановое управление и методы статистики», указывается на необходимость совершенствования управления и руководства на макроуровне на основе плановости и статистики. Подчеркивается, что управление на макроуровне не должно «действовать вслепую, а должно ориентировать на комплексное использование ресурсов, ликвидацию дефицита, расширение производства экспортной продукции, на сокращение производства продукции низкого технологического и технического уровня». В отдельной статье участвующим в экономических объединениях предприятиям предписано гарантировать выполнение планов, спускаемых государственными органами, строго выполнять контракты. Производственные планы входящим в объединения предприятиям устанавливаются или по уже имеющимся каналам курирующими ведомствами и районами, или непосредственно экономическим объединениям. Различные технико-экономические показатели экономических объединений, как определено Положениями, должны «включаться в единую государственную статистику».

В документе говорится, что «ведомства, контролирующие средства производства, должны способствовать широкому созданию хозяйственных объединений, основанных на горизонтальных связях», а перед местными руководителями поставлена также задача «расширять рынки средств производства», «создавать для этого торговые центры». Дальнейшему развитию горизонтальных хозяйственных связей должна способствовать «активизация рыночного механизма». Продукцию, дополнительно производимую в хозяйственных объединениях, основанных на горизонтальных связях (помимо специально определенной государством и поставляемой по плану), предприятиям разрешено продавать по своему усмотрению.

Определяются и другие льготы для предприятий, входящих в объединения на основе горизонтальных связей. Эти льготы имеют целью развитие энергетики и инфраструктуры, экономики окраинных и отсталых районов страны.

Выделяется в Положениях раздел «Усилить сотрудничество производства, науки и техники», в котором идет речь о принципах и целях научно-производственных связей. Подчеркивается, что хозяйственные объединения должны шире использовать свои технические возможности, подключая к работе научно-исследовательские организации, участвовать в посреднических опытах, а курирующие ведомства должны предусматривать это и своих планах. В свою очередь банки должны выработать порядок кредитования подобных работ.

В следующем разделе «Развивать финансовые операции в объединениях, созданных на основе горизонтальных связей», указывается, что после регистрации хозяйственных объединений административно-управленческими ведомствами для таких объединений в банках открываются специальные счета. Банкам разрешается самостоятельно решать вопросы кредитования на основные фонды этих хозяйственных объединений в пределах определяемых государством размеров капиталовложений и лимитов на кредиты. При этом особо подчеркивается необходимость «обеспечить в этом отношении самостоятельность банков, оградить их от вмешательства». Определяется также порядок кредитования на оборотные средства.

В разделе «Урегулировать способы взимания налогов» даются установки о порядке налогообложения хозяйственных объединений. Главное, как указывается в Положениях, оградить предприятия объединений от «вторичного налогообложения» — как с отдельно-

го предприятия и как с члена объединения. В отдельных случаях могут, тем не менее, вводиться дополнительные прямые налоги. Порядок налогообложения фиксируется в центральном налоговом управлении министерства финансов. Положения определяют налоговые льготы для предприятий в слаборазвитых районах, вкладывающих средства в инфраструктуру или энергетику, снижается налог на выпуск новой продукции и во многих других случаях, что используется для стимулирования деятельности объединений в общегосударственных интересах.

Заключительный раздел Положений касается гарантий прав и интересов хозяйственных объединений, создаваемых на основе горизонтальных связей. В соответствии с Положениями эти объединения подлежат регистрации торгово-промышленными и административно-управленческими ведомствами после утверждения их компетентными органами местных правительств. Такие хозяйственные объединения, подчеркивается в документе, «должны соблюдать государственное законодательство и соответствующие политические установки и положения», а их законные права и интересы, касающиеся «основного капитала, процентов, прибыли, продукции, отчислений иностранной валюты, охраняются законами государства». Основным юридическим документом объединения является его устав, который должен «четко определять права и обязанности участвующих сторон, распределение интересов и ответственности, порядок формирования руководящих органов и назначения руководящих работников».

Документ дает большую свободу действий как предприятиям, так и административным органам на местах. В нем прямо указывается, что «провинции, автономные районы и города центрального подчинения, а также специальные экономические зоны могут в соответствии с данными положениями вырабатывать конкретные способы осуществления мероприятий».

После опубликования Положений материалы по проблемам горизонтальных хозяйственных связей в китайских газетах появляются значительно чаще и стали более разнообразными. Во всех комментарийных материалах развитие связей по горизонтали расценивается как положительное явление в экономике страны.

Во многих комментариях как специальное, важное направление развития таких хозяйственных связей рассматривается смычка научно-исследовательских организаций и производственных предприятий в городе и деревне. Модернизированное производство, пишет в газете «Гуанмин жибао» (30.III.1986) обозреватель Юй Вэйдун, это «социализированное, обобществленное производство, созданное на базе передовой науки и техники. Поэтому ее особенностью является нарастающее с каждым днем тесное сотрудничество и смычка между процессом научных исследований и производством». В принципе такое сотрудничество, отмечает автор, возникло не сегодня. В первые годы после образования КНР оно осуществлялось в довольно широких масштабах. В то время действовало 156 научно-производственных объединений, существовали они и в 60-е годы. Однако все эти объединения создавались административными методами.

Научно-производственные объединения, образованные на новой основе, китайская печать делит на два вида.

Первые объединяют научно-исследовательские организации и предприятия в соответствии с контрактами по ряду позиций. Совместно они отрабатывают выпуск новой продукции, техники и после того, как контракт по данной позиции выполнен, задача объединения считается законченной и оно, как правило, ликвидируется. Объединения этого типа являются временными и как пишут китайские газеты, представляют собой «низшую форму объединений на основе связей по горизонтали».

Вторая форма — это такое объединение, когда сотрудничество двух или нескольких сторон предполагает слияние их капиталов. Организуется единый хозяйственный механизм, который осуществляет единую хозяйственную деятельность, распределение прибылей и т. д. Примером такого объединения, как сообщает «Гуанмин жибао», считается Даляньское ситценабивное производственное объединение. В него входят вуз, НИИ и 16 предприятий. Это позволило организовать комплекс исследований и производство от создания образцов сырья, химических препаратов, до конечного продукта. Здесь за два года был налажен выпуск нескольких новых видов продукции.

Горизонтальные связи науки и производства за последние годы, писала «Гуанмин жибао» (30.III.1986), «получили большое развитие, проявив свою жизненную силу». Их роль, по мнению газеты, заключается, во-первых, в том, что они способствуют техническому прогрессу на предприятиях, особенно средних и мелких, в волостях и поселках, причем эффективность сотрудничества, как указывает газета, уже доказана хозяйственной практикой. Во-вторых, научно-исследовательские организации и вузы «поворачиваются лицом к насущным задачам экономического строительства». К тому же у научных организаций появились доходы, укрепилась база для дальнейшего развития, повысился уровень научных исследований, преподавания и обучения. Воспитываются новые кадры «соединяющие теорию с практикой». В-третьих, значительная группа научно-технических работников «выходит из кабинетов» на практическую работу, на передовую линию производства, чтобы приложить свои знания на мелких и средних предприятиях волостей и поселков.

В развитии горизонтальных связей, отмечают китайские газеты, еще остается много нерешенных проблем. В первую очередь это касается выработки соответствующего законодательства, гарантирующего законные права и интересы сторон в объединениях. Имеются также проблемы и в области финансирования. Существенным недостатком,

указывается в газете «Гуанмин жибао», является отсутствие теоретических исследований, касающихся «товарности технических достижений, материальности науки». Это ведет к тому, что на так называемом «рынке технологии» существует большая путаница в ценах, по-разному осуществляется вознаграждение за разработку новой технологии. В целом, делается вывод: развитие горизонтальных связей между научно-исследовательскими и производственными организациями — это «требование модернизации современного производства, это требование социалистического товарного хозяйства».

Среди препятствий, которые стоят на пути развития горизонтальных хозяйственных связей, китайская печать указывает в первую очередь на «живучесть старых форм и консерватизм в мышлении». Так, «Жэньминь жибао» в передовой статье (31.III.1986) указывает, в частности, на сохраняющиеся «неразумные административные ограничения». Характерно в этом отношении и высказывание премьера Госсовета Чжао Цзыяна на заседании Государственного совета КНР («Гуанмин жибао», 17.III.1986): «От того, сможем ли мы обеспечить самостоятельность предприятий, зависит возможность развития объединений на здоровой основе». Газета «Гунжэнь жибао» (29.IV. 1986) указывала, что в процессе реформы выявились «недостаточная теоретическая подготовка, отсутствие единства в понимании реформы среди широких слоев народных масс, потребительское отношение людей к реформе». Автор этой статьи, тем не менее, считает, что эти факты являются следствием «субъективных причин, просчетов и ошибок, допускаемых в экономической работе».

Какие надежды в Китае возлагают на горизонтальные связи? Уже сейчас, как пишет «Жэньминь жибао» (31.III.1986) со ссылкой на данные Государственного экономического комитета КНР, в ходе осуществления хозяйственной реформы в результате установления межотраслевых экономических связей прослеживаются следующие положительные тенденции: идет процесс образования новых групп предприятий, сотрудничающих между собой независимо от районов и отраслевой принадлежности; укрепляется сотрудничество между районами и городами страны; развивается техническое сотрудничество; стабилизируется экономика страны; получает новое развитие политика оказания помощи периферийным районам со стороны экономически развитых районов; создаются необходимые предпосылки для более рационального размещения и использования материальных и сырьевых ресурсов, техники, оборудования и рабочей силы.

Развитие этих тенденций и в целом горизонтальных хозяйственных связей, судя по высказываниям китайской печати, поможет дальнейшей реализации экономической реформы в Китае, будет способствовать повышению эффективности народного хозяйства.

Б. Н. БАСОВ

Китай о развивающихся странах

В рамках политики Китая, направленной на установление и расширение всесторонних связей с развивающимися странами Азиатско-тихоокеанского региона, Африки и Латинской Америки, печать КНР немалое внимание уделяет политическим, экономическим и социальным проблемам, с которыми сталкиваются эти страны. В КНР создана и продолжает расширяться сеть специализированных научно-исследовательских организаций, в которых изучаются эти проблемы. К таким организациям следует отнести Институт Азии и Африки при Пекинском университете, Институт Латинской Америки АОН КНР, Институт Юго-Восточной Азии при Цзинаньском университете, Институт Южной Азии Сычуаньского университета, Институт Южных морей Сямэньского университета. Изучение проблем развивающихся государств предусмотрено в программах ряда других учебных заведений, научно-исследовательских и практических учреждений Китая.

Деятельность вышеназванных научных организаций и учебных заведений в плане изучения проблематики развивающихся стран находит отражение на страницах издаваемых ими научных журналов, учебных вестников и бюллетеней, центральных газет, ведущих журналов по международной тематике.

Все вопросы, стоящие перед развивающимися государствами, в публикациях китайской периодики подразделяются в целом на политические и экономические. К числу первых китайская печать относит проблемы, связанные с защитой национальной независимости и государственного суверенитета, укреплением политической независимости на основе упрочения независимости экономической. При анализе этих проблем китайские политологи в публикуемых материалах исходят из тезиса о «борьбе двух сверхдержав», как основной причине нестабильности и напряженности в мире, которая отражается соответствующим образом, (по мнению китайских политологов) в частности, на развивающихся странах. Так, на страницах «Шицзе чжишн» — журнала, посвященного международной тематике, — отмечается, что «с начала 80-х годов борьба Советского Союза и Соединенных Штатов за влияние в третьем мире еще больше обострилась»; и журнал делает вывод, что это является «главным источником беспорядков и нестабильности в третьем мире» [1]. В качестве примеров негативного влияния «борьбы двух сверхдержав» на политическую обстановку вокруг и внутри развивающихся государств в КНР рассматривают положение на Ближнем Востоке, в Центральной Америке; в известном ключе трактуется и обстановка вокруг Афганистана и Кампучии.

Что касается внутриполитических проблем развивающихся государств то, анализируя их, китайская печать по сути дела обходит социальные и внутриполитические вопросы, определяемые главным образом воздействием «неоглобалистской» политики империалистических государств, прежде всего США, а также деятельность транснациональных корпораций. Анализ этих проблем если и предлагается китайскими политологами читателям, то сводится в основном к прослеживанию причастности и выявлению роли одной из «двух сверхдержав» к ситуациям, сложившимся в тех или иных странах и регионах [2].

Основное внимание в публикациях по проблемам развивающихся государств китайская печать уделяет вопросам экономического характера. Например, в журнале «Ляован» в минувшем году были опубликованы высказывания Дэн Сяопина о положении в современном мире, где, в частности подчеркивалось, что проблема взаимоотношений развитых и развивающихся стран «имеет глобальное стратегическое значение» и в равной степени стоит как перед первой, так и перед второй группой государств, ибо «если Юг не получит соответствующего развития, то и вывоз капиталов и товаров Севера будет очень ограниченным» [3]. Известный политолог Цянь Цзюньжуй в статье «Третий мир и новый мировой экономический порядок», опубликованной в журнале «Шицзе цзинцзи», подчеркивал, что «внутренние противоречия для развивающихся стран занимают второстепенное место, по-прежнему главная задача — создание определенного, сравнительно равноправного и справедливого мирового экономического порядка, с тем чтобы противостоять грабежу и ослабить диктат со стороны развитых капиталистических стран» [4].

Задача борьбы за экономические преобразования на международной арене, за создание нового мирового экономического порядка (НМЭП) рассматривается в качестве первоочередной, поскольку корни всех политических и экономических проблем развивающихся государств, которые материализуются в «ухудшении условий для ведения внешней торговли, обилии долгов, отсталости сельского хозяйства, недостатке продо-

---

[1] «Шицзе чжиши», 1986, № 8, с. 16.
[2] См.: «Шицзе цзинцзи», 1985, № 1.
[3] «Ляован», 1985, № 1, с. 10.
[4] «Шицзе цзинцзи», 1984, № 7, с. 5.

вольствия, серьезной безработице, крайней бедности, уровне жизни трудящихся масс, находящимся ниже границы бедности»[5], по мнению китайских ученых, состоят в том, что «современная мировая экономическая структура, несмотря на уже существующую новую и мощную социалистическую систему, несмотря на достижение многими странами третьего мира политической независимости, если смотреть в целом, по-прежнему представляет собой крайне нерациональный, крайне несправедливый и крайне неравноправный старый порядок, которым распоряжаются и который контролируют империализм, колониализм и гегемонизм, где государства третьего мира являются главным объектом диктата и эксплуатации»[6].

Борьба развивающихся стран за достижение и упрочение экономической независимости рассматривается китайской печатью в качестве «неотъемлемой черты исторического развития» современной эпохи. Делается вывод о том, что усилия, прилагаемые этой группой стран для создания НМЭП, являются «продолжением и развитием великого послевоенного национально-освободительного движения»[7]. Таким образом, китайские экономисты и политологи в качестве главной задачи, стоящей перед развивающимися государствами, видят задачу по преобразованию существующей системы международных экономических отношений таким образом, чтобы это позволило решить все их экономические, социальные, внутриполитические и внешнеполитические проблемы. Теоретический орган ЦК КПК журнал «Хунци» в одном из своих номеров в статье «Защита прав и интересов стран третьего мира — непреложный интернациональный долг нашей страны» подчеркивал, что «в настоящее время национально-освободительная борьба народов государств третьего мира уже вступила в новый исторический этап, а главная задача переместилась в область защиты национальной независимости, развития национальной экономики, достижения экономической независимости в целях укрепления независимости политической»[8].

Китайские газеты и журналы пишут, что «в сфере экономики положение многих стран третьего мира трудное»[9]. Подчеркивается, что «под влиянием экономических кризисов на Западе экономика развивающихся государств с начала 80-х годов переживает небывало трудный период»[10]. Отмечается, что перекладывание развитыми капиталистическими государствами последствий экономических кризисов и других негативных явлений в экономике на плечи развивающихся стран наносит серьезный ущерб экономике этих стран, что приводит к значительному снижению темпов роста и к углублению неравномерности развития в различных районах мира.

Среди многообразия экономических проблем, стоящих перед развивающимися государствами, китайская печать сосредоточивает особое внимание на проблеме долговой кабалы. По мнению одного из китайских исследователей, Чжао Цзихуа, вопрос о долгах развивающихся стран занимает основное место в отношениях между «Севером и Югом»[11]. Известный китайский политолог Хуань Сян в этой связи отмечал, что данные вопросы «затрагивают и развивающиеся, и развитые государства» и что они носят не только экономический, но и политический характер[12].

Китайские ученые считают, что причины нерешенности указанных проблем «кроются в том, что несправедливая мировая экономическая система в основе своей не меняется», а внешняя задолженность и проценты по невыплаченным долгам продолжают расти[13]. Немалую роль в увеличении долгового бремени развивающихся государств играют такие факторы, как углубление несбалансированности их внешней торговли, резкое падение цен на сырье и полуфабрикаты, на долю которых приходится 85 % общего экспорта развивающихся государств, а также замедление экономического роста и снижение цен на сырую нефть и в этой связи отток нефтедолларов, начавшийся после экономического кризиса капитализма в 1979—1982 гг.[14].

В ряде публикаций подчеркивается негативная роль политики Соединенных Штатов, усугубляющей трудное положение развивающихся стран. Говоря о подходе американской администрации к проблеме долгов этих стран, уже упоминавшийся политолог Чжао Цзихуа подчеркивает, что «экономическая политика США повинна в углублении долгового кризиса», а «в отношении долговых обязательств третьего мира они последовательно придерживаются твердолобого подхода». Повышение американской стороной процентных ставок все больше увеличивает сумму долговых обязательств развивающихся стран. Китайская печать указывает, что «при повышении ставок на 1 % развивающиеся государства должны ежегодно дополнительно выплачивать 2 млрд. американских долл. в виде процентов»[15]. По мнению Чжао Цзихуа, в корректировке нуждается и линия, проводимая США в рамках деятельности МВФ по оказанию помощи

[5] «Шицзе цзинцзи», 1983, № 10, с. 2.
[6] Там же.
[7] Там же, с. 3.
[8] «Хунци», 1984, № 16, с. 13.
[9] Там же, с. 20.
[10] «Гоцзи вэньти яньцзю», 1984, № 2, с. 11.
[11] Там же, с. 34.
[12] См.: «Шицзе чжиши», 1986, № 3, с. 2—6.
[13] См. там же.
[14] См.: «Гоцзи вэньти яньцзю», 1984, № 2, с. 14.
[15] Там же, с. 34; «Шицзе чжиши», 1984, № 5, с. 9.

развивающимся государствам. Однако, отмечает автор, американская политика «предоставления помощи зарубежным странам имеет неприкрытые политические и военные цели» [16]. Такая политика Вашингтона предусматривает «вмешательство во внутренние дела государств третьего мира и упрочение позиций американского монополистического капитала» [17].

Печать КНР отмечает также и негативную роль усилившегося в начале 80-х годов торгового протекционизма со стороны развитых капиталистических государств в отношении развивающихся стран. Отмечая это, китайские ученые подсчитали, что только в 1985 г. доходы развивающихся государств от экспорта по сравнению с 1984 г. сократились на 2,5 % [18]. Введение протекционистских мер, по мнению китайской печати, «вызывает серьезную озабоченность в развивающихся странах», поскольку это «ослабляет их возможности в плане покрытия долгов, компенсации разрыва между внешними доходами и расходами, изыскания и развития валютных запасов и достижения поворота к лучшему в экономике» [19].

Многие авторы отметили влияние ухудшающегося финансово-экономического положения развивающихся стран на уровень жизни населения этих стран. Подчеркивается, что проводимые экстренные меры по урегулированию и стабилизации экономической обстановки лишь «ставят серьезные препятствия на пути экономического развития и улучшения жизненного уровня народа» [20]. Это в свою очередь «оказывает глубокое влияние на стабильность политической обстановки» и «имеет непосредственную связь» с ухудшением внутриполитического климата в ряде развивающихся государств [21].

Давая в целом достаточно полное и объективное описание проблем и трудностей, с которыми сталкиваются в экономической сфере развивающиеся государства, китайские ученые и международники подводят под этот анализ собственный общий знаменатель. По их мнению, главная причина кроется исключительно в несбалансированности отношений между «богатым Севером» и «бедным Югом» [22], в существовании «нерационального и несправедливого „мирового экономического порядка"» а не в эксплуатации развивающихся стран империализмом и транснациональными монополиями. Подобное видение проблем развивающихся стран придает специфический оттенок оценкам и прогнозам китайской печати. Сюда следует добавить и то, что некоторые китайские ученые, рассматривая проблему взаимосвязи мировой экономики с мировой политикой, приходят к выводу, что «в настоящее время все свидетельствует о том, что экономика играет решающую роль по отношению к политике» [23].

В этой связи главной задачей развивающихся государств в Китае видят борьбу за установление НМЭП, за перестройку современных международных экономических отношений. Известный специалист-международник Сюе Моухун отмечал, что в условиях экономических трудностей развивающимся странам «необходимо тесно соединять долговременные цели в борьбе за создание нового международного экономического порядка с быстрейшим разрешением некоторых актуальных экономических вопросов» [24]. По мнению китайских политологов, успехи в этом направлении позволят развивающимся странам разрешить весь комплекс стоящих перед ними проблем, включая социальные и политические.

В китайской печати рассматривается ряд мероприятий, которые необходимо осуществлять развивающимся государствам для достижения прогресса на указанных направлениях. В статье «Перемены в экономических связях Юга и Севера и перспективы экономического развития», опубликованной в 1985 г. в журнале «Гоцзи вэньти яньцзю», отмечалось, что для обеспечения устойчивого экономического роста развивающимся странам «необходимо путем осуществления торговли «Юг — Юг» и урегулирования народного хозяйства, поиска внутренних движущих сил в конечном итоге избавляться от зависимости от развитых стран». Подчеркивается, что развивающимся странам следует проводить урегулирование своей экономики по двум направлениям: в плане структурной реорганизации — обобщать опыт, создавать собственные модели развития, искать свои новые пути подъема народного хозяйства; в плане урегулирования хозяйственной политики — проводить политику расширения связей с заграницей, то есть «политику открытых дверей», сокращать масштабы строительства, всемерно поощрять экспорт и строго контролировать импорт, сокращать расходы [25]. При этом отмечается, что каждая страна должна искать свой путь и что вряд ли от проведения реформ следует ожидать немедленных результатов. В качестве общей рекомендации указывается, что «всем государствам третьего мира необходимо строго контролировать и направлять деятельность иностранного капитала, необходимо завершить антифеодальную земельную реформу, необходимо гарантировать и повышать демократические права народных масс, усиливать

[16] «Гоцзи вэньти яньцзю», 1984, № 2, с. 36.
[17] Там же, с. 36.
[18] См.: «Шицзе цзинцзи», 1986, № 2, с. 21.
[19] «Шицзе чжиши», 1984, № 5, с. 9.
[20] «Шицзе цзинцзи», 1986, № 2, с. 21.
[21] См.: «Гоцзи вэньти яньцзю», 1984, № 2, с. 13.
[22] «Шицзе цзинцзи», 1985, № 1, с. 7.
[23] См.: «Шицзе цзинцзи», 1984, № 7.
[24] «Хунци», 1986, № 6, с. 20.
[25] См.: «Гоцзи вэньти яньцзю», 1985, № 3, с. 11; 1984, № 2, с. 16.

национальное сплочение внутри народа, а также постепенно улучшать материально-культурную жизнь народных масс» [26].

С вполне конкретными рекомендациями по преодолению экономических трудностей выступил на состоявшемся в декабре 1985 г. собеседовании по вопросам международной ситуации, устроенном редакцией журнала «Шицзе чжиши», директор Института Западной Европы Ли Цзун. Он предлагал четыре способа преодоления проблемы задолженности: 1) введение странами-должниками всемерного контроля за развитием экономики и строгой экономии; 2) курс на увеличение доходов от экспорта; 3) снижение Соединенными Штатами курса доллара и учетных ставок; 4) новое перераспределение долгов [27]. Отмечая, что реализация предлагаемых способов в существенной мере зависит от государств-кредиторов, Ли Цзун подчеркнул, что они должны быть сами в этом заинтересованы, поскольку медленный экономический рост развивающихся стран будет ограничивать и экономическое процветание развитых государств.

Большое внимание в китайской печати уделяется и сотрудничеству между самими развивающимися государствами, так называемому сотрудничеству Юг — Юг, которое, по мнению специалистов КНР, является одним из самых действенных средств для решения экономических проблем развивающихся стран и продвижения диалога «Юг — Север». В этой связи в уже упоминавшейся статье из «Гоцзи вэньти яньцзю», в частности, подчеркивалось, что хотя прямые капиталовложения из развитых государств и торговля с ними на паритетных началах и могут в некоторой степени улучшить положение развивающихся стран в области финансов и торговли, но «в долгосрочной перспективе развивающиеся государства смогут обеспечить продолжительный экономический рост только за счет торговли «Юг — Юг» и урегулирования народного хозяйства». В качестве примеров такого сотрудничества приводится деятельность ряда региональных организаций экономического сотрудничества в Африке, Азии, Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Авторы, отмечая роль международных конференций по проблемам сотрудничества развивающихся стран, особое значение придают совещанию в Нью-Дели в феврале 1982 г. и симпозиуму по вопросам «сотрудничества Юг — Юг» в апреле 1983 г. в Пекине. Указывается, что эти мероприятия «вывели межгосударственное сотрудничество стран третьего мира на новый этап развития» [28].

Китайская печать стремится всячески пропагандировать такого рода взаимодействие этих стран на основе принципа «коллективной опоры на собственные силы». Характерно, что в последнее время в китайских публикациях стал появляться тезис о том, что «опора на собственные силы не является отгораживанием от внешнего мира». Подчеркивается, что «развивающиеся государства не могут разорвать связей с развитыми странами, поскольку это не только нереально, но и вредно... напротив, развивающиеся государства должны получать соответствующую внешнюю помощь».

Установление НМЭП, диалог «Юг — Север» — эти вопросы находятся постоянно в центре внимания средств массовой информации КНР. Основная ответственность за то, что «переговоры Юг — Север с начала 80-х годов находятся в тупике», возлагается китайскими политологами на «возглавляемую Соединенными Штатами группу развитых стран, которые борются за сохранение своих монополистических позиций в мировой экономике и в отношении существующего международного экономического порядка занимают твердолобую, бескомпромиссную позицию» [29].

Следует отметить, что в целом ряде случаев взгляды советских и китайских ученых-международников на некоторые проблемы развивающихся государств совпадают. К числу таких точек соприкосновения можно отнести подход к вопросам, связанным с установлением нового международного экономического порядка, проблемам внешней задолженности развивающихся стран и негативной роли политики Соединенных Штатов в этих вопросах. Совпадают точки зрения и относительно деятельности транснациональных корпораций (ТНК) в развивающихся государствах, установления нового информационного порядка и др.

Вместе с тем нельзя не отметить необоснованность в постановке китайскими политологами в ряде случаев знака равенства между политикой Советского Союза и деятельностью Соединенных Штатов в отношении развивающихся стран. Вряд ли является правомерной и часто встречающаяся на страницах китайской печати точка зрения о том, что развивающимся государствам следует в первую очередь заниматься урегулированием исключительно экономических проблем, а решение вопросов социального переустройства отложить на будущее. Неоправданно малое место отводится в китайских публикациях и политическим проблемам, в частности анализу роли и возможностей развивающихся стран в деле борьбы за укрепление мира во всем мире, предотвращение гонки вооружений и разрядку международной напряженности, что, несомненно, способствовало бы упрочению их позиций в борьбе против политического и экономического гнета империализма.

И. О. ОЛЬШАНСКИЙ

[26] «Шицзе цзинцзи», 1983, № 10, с. 4.
[27] См.: «Шицзе чжиши», 1986, № 1, с. 3.
[28] «Шицзе цзинцзи», 1983, № 10, с. 4.
[29] «Гоцзи вэньти яньцзю», 1984, № 7, с. 16.

ПУБЛИКАЦИИ

Путешествие по России

БЕНИГНО С. АКИНО

2 июня 1986 г. исполнилась десятая годовщина установления дипломатических отношений между нашей страной и Республикой Филиппины. Путь, которым шли наши страны к установлению отношений, не был легким. Пришлось преодолевать многочисленные искусственные барьеры, насаждавшиеся на протяжении десятилетий западными политиками и пропагандой.

Понимание выгодности и полезности налаживания отношений Филиппин с Советским Союзом и другими социалистическими странами пришло не сразу. Грандиозные социально-экономические и культурные свершения в социалистических странах, направленность их внешней политики, которая основывается на принципах уважения суверенитета, территориальной целостности, равноправия, невмешательства во внутренние дела независимо от географических, национальных и расовых особенностей партнера, оказывали и оказывают на развивающиеся страны все большее влияние силой своего примера, благородством целей и практических дел. Несмотря на проводившуюся в течение десятилетий западную, в первую очередь американскую, пропаганду, культивировавшую извращенное представление о внутренней и внешней политике Советского Союза, этот процесс не обошел стороной и Филиппины. В известной мере этому способствовал и рост национального самосознания филиппинского общества.

Автор публикуемых ниже фрагментов из брошюры «Путешествие по России» — сенатор Бенигно С. Акино-младший (1928—1983) — являлся видным политическим и общественным деятелем Филиппин, уделявшим серьезное внимание определению основных направлений внешней политики республики. Будучи, по свидетельству современников, одним из наиболее проницательных представителей своего поколения, он не мог не прийти к выводу, что односторонняя ориентация на США в условиях реального существования в мире двух общественно-политических систем ведет страну к самоизоляции и к удержанию ее в роли придатка американского империализма на мировой арене.

Сенатор посетил Советский Союз в качестве гостя Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами, был принят в Верховном Совете СССР и МИД СССР, совершил поездку в Ленинград. Свои впечатления о поездке он изложил в серии статей в газете «Манила таймс», которые годом позже были опубликованы в виде отдельной брошюры.

Брошюра произвела большое впечатление на местную общественность. Сенатор Б. Акино, не разделявший идей коммунизма, тем не менее проявил достаточно мудрости, чтобы публично признать достоинства и преимущества социалистического строя. Б. Акино, хотя и в типичной для буржуазной журналистики манере, нарисовал в общем честную и откровенную картину того, что он увидел в СССР и чему стал лично свидетелем. Приводимые в брошюре статистические данные о достижениях в реконструкции СССР в различных областях относятся к периоду более чем 15-летней давности. И все же даже сегодня они воспринимаются как впечатляющие и внушительные в сопоставлении с соответствующими показателями дореволюционной России. Сенатор воздает должное героическому подвигу советского народа в Великой Отечественной войне и с пониманием разделяет его стремление к сохранению и упрочению мира и дружественного международного сотрудничества.

Высказанная им мысль, что налаживание нормальных отношений с СССР отвечает национальным интересам Филиппин, во многом расходилась с прежней официальной доктриной, провозглашавшей «особые отношения» с США и налагавшей табу на контакты с социалистическими странами.

Не лишенный классовых предрассудков, касающихся нашей страны, автор, однако, сделал заслуживающий внимания вывод о том, что какая бы политическая партия или группировка ни приходила к власти на Филиппинах, ей необходимо поддерживать отношения с социалистическими странами, поскольку это диктуется национальными интересами республики. В этой связи показательно, что именно с этих позиций Б. Акино расценил принятое филиппинским руководством в 1976 г. решение установить дипломатические отношения с Советским Союзом, несмотря на то, что сам сенатор выступал ярым оппонентом политики правительства того времени.

Гибель Б. Акино в аэропорту Манилы в 1983 г. по возвращении из эмиграции стала своего рода катализатором начала процесса консолидации разрозненных групп анти-

маркосовских сил, что в конечном счете привело в феврале с. г. к бурным событиям в этой стране. Победу, как известно, одержала вдова Б. Акино — Корасон Акино, которая стала президентом страны.

Сейчас Филиппины переживают сложный момент в своей истории. Продолжается процесс смены власти, перегруппировки практически всех политических сил; определяются пути и методы вывода страны из того тяжелого положения, в котором она оказалась в результате тяжелейшего за все послевоенные годы финансово-экономического кризиса.

Редакция, публикуя отрывки из брошюры Б. Акино, надеется, что они дадут читателям представление, с одной стороны, о нынешней филиппинской действительности, поскольку многие из положений записок актуальны и по сей день, а с другой — об определенной эволюции мировоззрения той части филиппинской национальной буржуазии, представители которой возглавили новое руководство.

Из предисловия к филиппинскому изданию 1970 года [1]

Когда серия статей сенатора Б. Акино о сегодняшней жизни в России появилась в 1969 г. на страницах газеты «Манила таймс», две ведущие политические партии Филиппин [2] сошлись во мнении о желательности налаживания торговых и культурных связей с социалистическими странами. Тем не менее ни одна из них не решалась взять на себя инициативу в этом процессе. К этому моменту довольно много представителей деловых кругов Филиппин уже бывали в СССР, при этом все они возвращались из поездок окрыленные идеями использовать «русскую альтернативу» в качестве лекарства против усиливающегося ухудшения социально-экономической ситуации в стране. Однако лишь поездка Б. Акино в страну, чье положение и влияние в международных делах сделали ее державой, с которой необходимо считаться любому правительству, носила политическое содержание.

Автор проник в особенности национального характера советских людей, который становится весьма привлекательным для филиппинцев, особенно в нынешние времена народных выступлений и массовых волнений.

Разумеется, было бы наивным полагать, что все соображения сенатора, высказанные в его заметках, могут быть безоговорочно приняты как панацея от тех бед, с которыми сегодня сталкивается филиппинское общество. Но его размышления по поводу того, что он видел и чему был свидетелем во время своего путешествия, могут быть полезны филиппинскому читателю в плане расширения представления о том, как можно решать больные вопросы и облегчать достижение общенациональных целей.

Записки Б. Акино приобретают особое значение в свете нынешних массовых выступлений и демонстраций протеста против существующего режима [3]. Размышления сенатора о том, что он увидел в Советском Союзе, косвенно наводят на мысль, что независимо от того, какой путь будет избран Филиппинами в ближайшее время, этот путь должен отражать чаяния и надежды всего народа, если только страна хочет добиться более благополучного материального и более богатого духовного существования.

Поездка в страну Ленина вдребезги разбивает прежние взгляды на нее

Трудно описать мысли и чувства филиппинца, впервые приехавшего в Советский Союз. Находясь в течение 25 лет под влиянием западного взгляда на эту страну и получая лишь тщательно отсортированную и отфильтрованную информацию о ней, средний филиппинец, отвечая на вопрос о целях русских, автоматически отвечает: навязывание всем и вся коммунистической системы, советизация всего мира.

Рядовой филиппинец заранее готов согласиться с наиболее часто повторяемыми антикоммунистическими постулатами Запада: русские являются узниками своих собственных тиранических правительств; Советский Союз — огромный концентрационный лагерь; русские живут в постоянном страхе и разговаривают только шепотом; русские боятся не только своих руководителей, но и шпионящих за ними соседей по дому и даже собственных детей; имея хоть малейший шанс, каждый из них стремится убежать из своей страны и получить политическое убежище за границей.

Должен сознаться, что до своей поездки в Советский Союз, я также разделял некоторые из перечисленных представлений об этой стране и ее народе. Когда в 1969 г. Советская сторона пригласила меня посетить СССР, я запустил своего рода пробный шар, задав немыслимый (по моим тогдашним представлениям) вопрос, могу

---

[1] Sen. Benigno S. Aquino, Jr. Journey through Russia. Manila, 1970.

[2] Партия националистов, возглавлявшаяся Ф. Маркосом, и оппозиционная ей Либеральная партия, генеральным секретарем которой был в то время Б. Акино.

[3] Имеется в виду режим Ф. Маркоса, бывшего президентом Филиппин с 1966 по 1986 г.; осенью 1969 г. в стране проводились очередные президентские выборы, накануне которых имели место антимаркосовские выступления.

ли я посещать любое место на советской территории и брать интервью у каждого, у кого пожелаю? Наиболее каверзным из моих вопросов была просьба разрешить привезти с собой несколько филиппинских телеоператоров.

Представьте мое изумление, когда занимавшийся моей поездкой советский представитель ответил буквально следующее: «Вы можете посетить любую точку на советской территории, за исключением, разумеется, мест, закрытых для посещения иностранцами по чисто оборонным причинам; что касается интервью, то можете общаться, с кем пожелаете; с телеоператорами также проблем нет». Теперь я должен сделать второе признание: подобный ответ заставил меня о многом задуматься по-новому.

В конечном счете именно на наших условиях — Аугустуса Ллоренте, оператора пятого телеканала, и меня самого — мы и поехали в СССР, громадную страну, родину В. И. Ленина, к русским, которые дали миру величайшую революцию в истории, революцию, которая благодаря своей безудержной силе и несгибаемой воле создала ту великую державу, каковой является современная Россия.

Мы отправились в поездку, подхлестываемые своим прошлым журналистским опытом, чтобы самим все увидеть, испытать и вынести объективную оценку.

Разумеется, наши заметки далеки от полной объективности. Как мы ни старались, чтобы они вышли таковыми, время все же было очень ограниченно, хотя нам и были предоставлены все возможности, на которые только могут претендовать журналисты.

Как бы ни было коротко наше пребывание в СССР, оно в значительной мере дало возможность очиститься от тех наслоений предвзятости, о которых упоминалось выше. Нам при всем старании не удалось увидеть даже признака того, чем пугает западная пропаганда, куда бы мы ни направлялись во время поездки. Возможно ли, чтобы все это было каким-либо хитрым образом спрятано от нас?

В любом случае, Советский Союз, как мы его увидели, меньше всего напоминает концентрационный лагерь. Внешний вид советских людей ассоциировался у нас скорее с внешностью жителей любой из западных стран, нежели с привитым нам карикатурным представлением об их образе жизни. Обычные рядовые жители, с которыми мы встречались, отнюдь не выглядели боящимися своих детей или шпионящими друг за другом и соседями. В действительности они оказались так же свободны и смелы в своих высказываниях, как любой лихой водитель филиппинского «джипни»[4]. Более того, нам показалось, что они вообще никого и ничего не боятся.

Национальный характер советского человека отличается большим патриотизмом. Именно его любовь к Матери-Родине поддерживала его в долгие годы жертв и страданий, помогала ему подчинять свои личные интересы интересам общества. «Прежде всего Родина и Партия» — лозунг, стоящий в центре его мировоззрения.

Кроме всего прочего, русские отличаются гуманностью в самом широком смысле слова. Они добры и сердечны, как типичные обитатели филиппинской провинции. Часто они бывают чувствительны и сентиментальны и всегда жаждут быть полезным незнакомцу. Простые русские, с которыми мы встречались, делали все возможное, лишь бы сделать нам приятное или выполнить наше пожелание.

Врожденное русское гостеприимство, пожалуй, единственное, что осталось в этой стране полностью неизменным за годы, прошедшие после Октябрьской революции. Во всем остальном — идет ли речь об обществе, правительстве или экономике — произведена полная перестройка.

Когда в 1917 г. произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, царская Россия была феодальной страной огромных контрастов и потрясающего неравенства. В то время, когда знать жила в роскошных особняках и дворцах, каждый третий русский от рождения до смерти вынужден был жить в рабских условиях.

Россия, развитие которой тормозилось феодальными пережитками, периодически становилась жертвой то монгольских ханов, то турецких султанов, то шведских ярлов, то польско-литовских панов, то, наконец, англо-французских империалистов и японских самураев. Даже самая маленькая страна зачастую могла позволить себе терзать своего великого соседа. Тем не менее, именно в России быстрее всех восприняли пламенный призыв К. Маркса, который он произнес еще в 1848 г.: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Пролетариату нечего терять кроме своих цепей!»

Сегодня каждый советский гражданин умеет читать и писать. Четверть населения СССР имеет высшее или неполное высшее образование. Треть населения проживает в современных жилищах. Каждый шестой получает по достижении соответствующего возраста государственную пенсию. Все это сделала для своего народа советская власть, которая под руководством В. И. Ленина стала властью всего народа.

Кроме того, советская власть превратила СССР в державу, великую как в своих внутренних делах, так и в международных, а в последнее время — и в космических.

Русские — первая в истории человечества нация, открывшая человечеству запуском своего спутника дорогу в космос. Они достигли поистине фантастических высот в науке, народном образовании, экономике.

Даже сама Москва, несмотря на ее все же где-то остающийся провинциальным вид, изменилась коренным образом. Впервые приезжающему в этот город она предстает чуть ли не средневековой столицей, потому что лишена того шума и вакхана-

[4] Дешевые частные маршрутные такси, основной вид городского транспорта на Филиппинах.

лии огней, которые являются неотъемлемой принадлежностью большого города на Западе. Расположенная на отлогих зеленых холмах, окруженная сосновыми лесами, Москва выглядит красавицей, которая, полагаясь на свое природное обаяние и мало заботясь о своей внешности, возводит свою простоту в высшую добродетель.

Старая Москва царского времени безвозвратно ушла в прошлое. За древними стенами Кремля располагается сложный, высокоорганизованный государственный аппарат, на который возложено управление всей страной и ее народом, ее внутренней и внешней политикой или, как говорят теперь в России, «мирным соревнованием с капиталистическим миром».

Прогресс, достигнутый Советским Союзом, поистине фантастичен! Начиная с 1917 г. советская экономика ежегодно делала по огромному шагу вперед, увеличивая национальный доход быстрыми темпами. Даже уже к 1940 г. национальный доход увеличился по сравнению с уровнем 1913 г. на 555 %! К 1965 г. его объем составлял уже более 190 млрд. руб., причем из них 140 млрд. руб. было затрачено на удовлетворение материальных и культурных потребностей населения. В настоящее время особое внимание уделяется сближению темпов роста производства товаров народного потребления с темпами роста производства средств производства, что отражает стремление советского руководства к более полному и скорейшему удовлетворению насущных потребностей своего народа.

Возможно, филиппинскому читателю будет небезынтересно узнать, что в Советском Союзе не существует частной собственности на землю и на средства производства. Государство является единственным работодателем, обеспечивающим зарплату всем своим служащим.

В добавление к непосредственной заработной плате государство обеспечивает для трудящихся распределение части национального бюджета через «фонды общественного потребления». За счет этих фондов осуществляется бесплатная медицинская помощь, бесплатное обучение, а также выплата пенсий. Кроме того, из этих же фондов обеспечиваются пособия для матерей-одиночек и многодетных семей. Из этих фондов государством также оплачиваются бюллетени рабочих и служащих в связи с временной потерей трудоспособности или по болезни. На деньги фонда общественного потребления содержатся дома отдыха и санатории для трудящихся, а также культурные учреждения. Примерно от 35 до 40 % государственного бюджета расходуется ежегодно на нужды граждан.

Советская Конституция гарантирует каждому гражданину своей страны право на труд, отдых, образование, социальное обеспечение. Таким образом, в Советском Союзе нет безработных. Те же, кто относится к категории нетрудоспособных, получают социальное обеспечение со стороны государства.

Другой социально-экономической сферой, где достигнуты замечательные результаты, является жилищное строительство. Начав практически с нуля, русские уже к середине 60-х годов обеспечили современным жильем примерно 130 млн. человек. Как говорят советские руководители, жилищная проблема в СССР была бы решена уже давно, если бы не огромные разрушения, нанесенные стране нацистами во время второй мировой войны. Тем не менее каждый русский уверен, что рано или поздно он переедет в новое, более комфортабельное жилище, если раньше уже не сделал этого. Советский рабочий тратит на оплату своего жилья всего приблизительно 4 % своей среднемесячной зарплаты. Самое поразительное то, что если приложить это соотношение к нашим филиппинским реалиям, то выходит, что рабочий, получающий в среднем 200 песо в месяц, тратил бы на двухкомнатную квартиру всего около 8 песо!

У меня не вызывает сомнения, что Советская Россия в настоящее время прогрессирует быстрее и значительно многограннее, нежели за всю свою прежнюю историю. Конечно, надо признать, что это еще не то бесклассовое общество полнейшего изобилия, надежда на которое была поднята на щит В. И. Лениным в 1917 г. Однако советское общество приближается к этому идеалу и причем весьма быстрыми темпами. Этот вывод напрашивается при рассмотрении любой сферы советской жизни.

Все это свидетельствует об одном: советское руководство привержено задаче продвижения своего государства и народа к лучшей жизни, которая была предсказана К. Марксом и обещана В. И. Лениным. Это государство и его народ в конечном счете станут тем желанным для них процветающим бесклассовым обществом, которое ни в малой степени не похоже на кошмар, рисуемый западной пропагандой.

Я старался пристально вглядываться в то, что видел в России, и, полагаю, мои следующие обнадеживающие впечатления небезосновательны. Россия никак не походит на воинствующую державу, да она, я бы сказал, просто и не может желать войны. Русские люди слишком дорожат жизнью, которую они для себя создали, чтобы когда бы то ни было стремиться к войне.

Таня Савичева: антивоенный символ

На земле нет другого народа, который бы помнил о своих погибших так, как их помнят русские. Особую боль вызывает память о тех миллионах жизней, которые потибли в период 900-дневной блокады гитлеровскими войсками Ленинграда. Ни один русский, как сказала в своих знаменитых строках советская поэтесса Ольга Бергольц, не может забыть об этом. «Никто не забыт. Ничто не забыто». Для советских

людей Ленинград стал символом и напоминанием тех ужасов и страданий, которые несет с собой война.

Как к Мавзолею В. И. Ленина в Москве, так к Пискаревскому кладбищу в Ленинграде никогда не кончается поток людей, тысячами приходящих сюда, чтобы отдать дань уважения миллиону своих безымянных соотечественников — мужчин, женщин, детей, — похороненных в торжественном мемориальном парке на берегу Невы.

По бокам главного входа на кладбище стоят два монолитных здания. Одно из них используется под контору администрации кладбища, а в другом размещен небольшой музей 900-дневной блокады города. Внутри музея луч света выхватывает из темноты фотографию 11-летней русской девочки Тани Савичевой, умершей во время блокады. Тут же расположены фотокопии страничек ее дневника, который был зажат в детских ручках, когда ее тело обнаружила спасательная команда. Слова, написанные русской девочкой, врезаются болью в сердце. Большими буквами, в которых безошибочно угадывается детский почерк, начертано буквально следующее:

«День первый: умерла сестра.
День второй: умерла бабушка.
День третий: умерли брат и оба дяди.
День четвертый: умерла мама.
День пятый:: умер папа. Умерли все.
День шестой: я осталась одна».

Как известно, блокада Ленинграда была наиболее долгой и ужасной, которой когда бы то ни было подвергались города мира начиная с библейских времен. По своим трагическим последствиям она превосходит ужасы варшавского гетто и даже Хиросимы. К началу блокады население Ленинграда насчитывало три с лишним миллиона человек. Почти миллион погибли, большинство из них — в период с октября 1941 г. до середины апреля 1942 г., когда в неотапливаемом городе не было ни электричества, ни воды, ни продовольствия, не работал транспорт, а температура воздуха нередко опускалась до 30° ниже нуля. На кладбище нет отдельных могил; каждый день умирало столько народу, что времени для индивидуального захоронения не было. Во избежание эпидемий умерших приходилось хоронить в огромных братских могилах, на которых едва успевали обозначать дату захоронения и количество умерших. Так, на одной из этих могил написано: 12 февраля 1942 года. 6212 человек».

К настоящему времени уже более 50 % населения Советского Союза непосредственно не знает ужасов войны, так как родились после ее окончания. Однако память о войне не умирает. Помимо Пискаревского мемориального кладбища в России имеется бесчисленное множество ему подобных. Русские люди постоянно помнят о тех трагедиях и бесчеловечности, которые несет с собой война.

СССР потерял во второй мировой войне 20 млн. своих граждан — больше чем любая другая страна, участвовавшая в ней. На его территории есть города, в которых из ушедших на фронт мужчин живым не вернулся ни один.

Учитывая все это, нетрудно поверить в правдивость того, что простые русские люди испытывают откровенную ненависть к войне. Особенно в настоящее время, в век ядерного оружия, практически каждый русский твердо убежден, что следующая война, случись она, будет последней для всех. «В этой войне уже не будет ни победителей, ни побежденных, — сказала мне мой ленинградский гид, когда я заговорил с ней на эту тему, — мы, русские, не хотим войны».

В настоящее время советская пропаганда уделяет большое внимание окружению советской территории кольцом американских военных баз. Выдвигая свои контраргументы Вашингтону, пытающемуся доказать оборонительный характер этих баз, Москва рассматривает их в качестве ударной силы передового базирования, нацеленной против СССР. В подобных условиях, подчеркивается в советских средствах массовой информации, мы обязаны быть достаточно сильными, чтобы в случае необходимости справиться с агрессором.

Как заявил мне один из советских официальных представителей: «...русские искренне хотят мира, а не войны; американцы же считают, что с нами дело обстоит совершенно наоборот. Ну, посудите сами, разве это так?» В заключение нашей с ним беседы он добавил: «Только народ, который никогда не испытывал, что такое настоящая война, который никогда не терял под вражескими обстрелами и бомбежками своих близких и любимых, который, наконец, никогда не сталкивался с многолетним голодом, только такой народ может думать о войне. Для нас, русских, война — дело немыслимое». И я возвратился к себе домой, веря его словам.

Советско-филиппинские отношения

Каково Ваше мнение о возможностях советско-филиппинских отношений? Подобный вопрос был задан не в качестве простой протокольной вежливости, а явно с целью прозондировать мою позицию, когда я был принят Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР И. В. Спиридоновым. После обмена обычными любезностями И. В. Спиридонов сразу спросил, что мешает установлению дипломатических отношений между нашими странами. Обсуждение данной темы превратило мой в общем-то

протокольный визит в его расположенный в Кремле кабинет в обстоятельную двухчасовую беседу, в течение которой мы подробно обсудили многие проблемы и возможности, связанные с нормализацией отношений между СССР и Филиппинами.

К моменту моей поездки в Советский Союз в этой стране уже бывали спикер конгресса Х. Лаурель, а также конгрессмены М. Энверга, К. Барберо и др. В этой связи И. В. Спиридонов заметил, что по сложившемуся у него впечатлению филиппинские политические деятели разделяют точку зрения Советского Союза на полезность установления отношений между двумя нашими странами. В чем же тогда дело? Почему Манила не подает знака о желательности установления отношений?

У меня не вызывает сомнения, что мой собеседник и, по-видимому, другие члены советского руководства благожелательно относятся к идее установления дипломатических отношений с Республикой Филиппины. Такое впечатление сложилось у нашей группы и в результате неофициальной встречи в Министерстве иностранных дел СССР, где мы беседовали с заведующим Отделом Юго-Восточной Азии М. С. Капицей и его заместителем С. С. Немчиной.

Естественно, что, учитывая высокое положение И. В. Спиридонова в Верховном Совете СССР, советском парламенте, мы с особым вниманием отнеслись ко всему, что было им сказано в отношении советско-филиппинских связей.

В беседе с ним нами было сказано, что из-за боязни подрывной коммунистической деятельности преобладающим мнением в Маниле становится идея ограничить связи с коммунистическими странами, лишь «областью торговых и культурных обменов». Мне пришлось даже откровенно сказать, что по указанным причинам некоторые влиятельные руководители на Филиппинах пока не готовы пойти даже и на это.

Терпеливо выслушав все наши соображения, И. В. Спиридонов опроверг буквально каждое из них. Привожу его слова почти дословно.

В СССР знают, что Филиппины сталкиваются с проблемой внутреннего повстанческого движения. Однако филиппинская сторона может быть уверена, что советское правительство никогда не вмешивается во внутренние дела других государств. Было ли хоть одно свидетельство тому, что Советский Союз засылал своих людей к повстанцам или направлял им оружие или боеприпасы? Насколько известно, захваченное у них оружие и снаряжение преимущественно американского производства. Следовало бы иметь в виду и то, что СССР твердо придерживается взгляда, что повстанческое движение невозможно экспортировать в другие страны. Если на Филиппинах есть серьезные внутренние проблемы, то будет и социальное беспокойство независимо, присутствует в Маниле советское посольство или нет. Ликвидация повстанческого движения возможна только тогда, когда будут устранены внутренние причины, его породившие.

Советский Союз поддерживает дипломатические отношения с более чем 110 государствами. Правительства многих азиатских стран, с которыми Советский Союз поддерживает отношения, имеют антикоммунистический характер. Некоторые из них являются даже членами военных блоков, скажем Пакистан и Таиланд, входящие в СЕАТО. Что же в таком случае мешает Филиппинам иметь такие же отношения с нами?

Ведь СССР никогда и никого не подстрекал вести против Филиппин подрывную деятельность, не предоставлял никаких средств кому бы то ни было для создания фондов поддержки подрывных сил и т. д.

СССР с пониманием относится к тому, что Филиппины являются союзной страной США. Но имейте в виду, что среди иностранных посольств в Москве американское — самое крупное. Еще хотел бы напомнить о том солидном объеме торговли, которую мы ведем с США. И последнее: все ваши партнеры по СЕАТО — США, Англия, Франция, Таиланд, Пакистан, Австралия и Новая Зеландия — имеют с нами дипломатические отношения. Только восьмой член этого блока — Филиппины — отношений с СССР пока не поддерживают.

Ответив таким образом на все без исключения наши вопросы, И. В. Спиридонов сделал конкретное предложение о налаживании отношений между нашими государствами, для начала хотя бы в области торговли и культуры. Разумеется, не беря лично на себя никаких обязательств, мы тем не менее обещали сообщить на Филиппинах о данном предложении.

Указанные беседы не могли не вызвать у меня некоторые размышления.

Если бы Филиппины пошли на установление дипломатических отношений с Советским Союзом, являющимся одной из двух наиболее могущественных держав современности, то в этом случае мы получили бы возможность иметь свое посольство в одной из наиболее важных столиц мира. Я твердо убежден, что данное соображение заслуживает внимания. Если только мы хотим иметь информацию из первых рук о том, что происходит в другой половине современного мира, мы должны пойти на это. В этом случае наши государственные деятели имели бы больше возможностей для более широкого взгляда на важнейшие международные проблемы. Исходя из этих соображений, я не сомневаюсь, что теперь настало время, когда Филиппины должны сделать шаг навстречу Советскому Союзу.

Публикацию подготовил А. А. НИКОЛАЕВ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. СОБЫТИЯ

Дружба и сотрудничество народов СССР и КНДР

В. И. АНДРЕЕВ,
В. И. ОСИПОВ

В советско-корейских отношениях есть немало знаменательных событий, которые отражают дружественный характер отношений между Советским Союзом и народной Кореей. Среди них особое место принадлежит Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между нашими странами, подписанному 6 июля 1961 г. во время визита в СССР корейской партийно-правительственной делегации во главе с товарищем Ким Ир Сеном.

Договор воплотил в себе стремление партий и народов обоих государств укреплять политические, экономические и культурные связи, а также связи в области обороны на принципах социалистического интернационализма, стал важным инструментом обеспечения мира и безопасности в Азии и на Дальнем Востоке. В нем констатируется, что укрепление дружбы, добрососедства и сотрудничества между СССР и КНДР отвечает жизненным интересам наших стран и способствует их дальнейшему экономическому и культурному развитию. В статье I Договора подчеркивается, что обе стороны «будут участвовать во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире, и будут вносить свой вклад в дело осуществления этих высоких задач». СССР и КНДР взяли обязательство «консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим интересы обоих государств, руководствуясь стремлением содействовать укреплению мира и всеобщей безопасности» [1].

Основываясь на Договоре, Советский Союз и социалистическая Корея неуклонно развивают двусторонние отношения. Новый импульс этому процессу придали переговоры советских и корейских руководителей в ходе визита в мае 1984 г. в СССР партийно-государственной делегации КНДР во главе с Генеральным секретарем ЦК ТПК, Президентом КНДР Ким Ир Сеном. Достигнутые договоренности позволили резко расширить и углубить сотрудничество в политической, экономической, культурной и других областях.

Яркой манифестацией советско-корейской дружбы стало празднование в КНДР в августе 1985 г. 40-летия освобождения Кореи Советской Армией от японского колониального ига. В торжествах по этому случаю приняли участие партийно-государственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиевым, военная делегация во главе с первым заместителем министра обороны СССР Маршалом Советского Союза В. И. Петровым, а также делегации министерств, ведомств и организаций, имеющих связи со своими корейскими коллегами.

Важно отметить, что в последние годы заметно активизировалось внешнеполитическое сотрудничество между нашими странами. Состоялся обмен визитами руководителей дипломатических ведомств СССР и КНДР: в апреле 1985 г. в Москве с официальным визитом побывал член Политбюро ЦК ТПК, заместитель Премьера Административного совета, министр иностранных дел КНДР Ким Ен Нам. В январе 1986 г. по приглашению ЦК ТПК и правительства КНДР в Пхеньяне находился член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. Проведенный во время этих визитов обмен мнениями по широкому кругу вопросов советско-корейских отношений и международного положения выявил полное единство взглядов по всем обсуждавшимся проблемам.

В нынешней сложной международной обстановке Советский Союз и КНДР выразили обоюдное стремление к широкому политическому взаимодействию. Они проявили серьезную озабоченность в связи с попытками Соединенных Штатов Америки добиться военного превосходства над странами социализма, сломать сложившийся военный паритет,

[1] Отношения Советского Союза с народной Кореей. М., 1981, с. 196—197.

осудили развернутую ими гонку вооружений на Земле, намерение перенести ее в космическое пространство.

Корейская сторона активно поддержала позицию СССР на советско-американской встрече на высшем уровне в Женеве в ноябре 1985 г. В Заявлении политических партий и общественных организаций КНДР, опубликованном в связи с женевскими переговорами, выражена полная поддержка «неутомимым усилиям Советского Союза, направленным на прекращение гонки вооружений, разрядку международной напряженности и упрочение мира и безопасности во всем мире» [2].

Социалистическая Корея проявила солидарность с советской инициативой о введении одностороннего моратория на ядерные взрывы и его пролонгацию. С глубоким пониманием Трудовой партией Кореи были встречены миролюбивые предложения СССР, изложенные в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. «В опубликованном 15 января с. г. заявлении, — подчеркивал товарищ Ким Ир Сен, — Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев выдвинул новое мирное предложение о полной ликвидации ядерного оружия. На XXVII съезде КПСС на основе глубокого анализа современного международного положения он также со всей ясностью изложил миролюбивую внешнюю политику Советского Союза. Многочисленные новые предложения и инициативы, с которыми выступила в последнее время Коммунистическая партия Советского Союза, имеют исключительно важное значение для устранения угрозы ядерной войны и сохранения мира и безопасности на земле» [3].

Советский Союз и КНДР обращают серьезное внимание на развитие ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе. Как подчеркивалось в итоговых документах о переговорах министров иностранных дел СССР и КНДР, в Азии и в районе Тихого океана возрастает напряженность в результате гегемонистского стремления Вашингтона превратить этот регион в еще одну арену военно-политической конфронтации с Советским Союзом, КНДР, другими странами социализма. В Северо-Восточной Азии идет процесс формирования новой милитаристской структуры Вашингтон — Токио — Сеул. США, опираясь на «договор безопасности», настойчиво подталкивают Японию к увеличению ее военной мощи.

Соединенные Штаты всемерно укрепляют сеульский режим как «региональную» силу и важное звено трехстороннего военно-политического союза США — Япония — Южная Корея. Южнокорейской армии поставляются современное вооружение и боевая техника, самолеты, танки, электронное оборудование. Ежегодно Пентагон выделяет крупные средства Сеулу, которые идут на модернизацию вооруженных сил Южной Кореи. В 1985 г. Юг получил 220 млн., на 1986 г. запланировано предоставление 220.2 млн. долл., на 1987 г. — 236 млн. долл. [4] В нынешнем году Сеул начал получать истребители-бомбардировщики «F-16». Всего будет поставлено 38 таких самолетов [5].

В ходе совещания по вопросам «безопасности» в Сеуле в апреле 1986 г. министр обороны США К. Уайнбергер вновь подчеркнул, что Вашингтон выполнит свои «обязательства перед Южной Кореей и обеспечит дальнейшее наращивание американской военной помощи» [6] южнокорейскому режиму.

Важным элементом трехстороннего союза стали регулярно проводимые с 1976 г. американо-южнокорейские военные маневры «Тим спирит». В последние годы в этих учениях принимает участие более 200 тыс. военнослужащих США и Южной Кореи. Цель этих маневров состоит в отработке наступательных операций в условиях Корейского полуострова [7]. Фактически отрабатываются планы ведения военных действий против СССР и КНДР. В Заявлении ТАСС от 9 февраля 1986 г. решительно осуждены «провокационные милитаристские игрища американской и южнокорейской военщины на юге Корейского полуострова, подрывающие устои безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе и несущие угрозу КНДР, другим миролюбивым государствам, всеобщему миру» [8].

Соединенные Штаты всячески подталкивают Токио и Сеул к развитию активных военно-политических связей. Визит Накасонэ в Южную Корею в январе 1983 г. и ответная поездка главаря южнокорейского режима Чон Ду Хвана в Токио в сентябре 1984 г. привели к дальнейшему укреплению звена Токио — Сеул в трехсторонней милитаристской структуре США — Япония — Южная Корея.

Во время политических контактов СССР и КНДР подвергли детальному рассмотрению пути снижения напряженности в Азии и в Корее. Корейские товарищи высказали одобрение советской инициативе о комплексном подходе к обеспечению мира и безопасности в Азии. «Корейская сторона, — указывается в совместном коммюнике по итогам визита в Пхеньян тов. Э. А. Шеварднадзе, — считает важной и поддерживает высказанную Советским Союзом идею найти общий, комплексный подход к решению проблемы безопасности в Азии» [9]. В КНДР позитивно относятся к созданию безъядерных зон как на Европейском континенте, так и в других районах мира. КНДР совместно с Советским

[2] «Нодон синмун», 9.XII.1985.
[3] Там же, 12.III.1986.
[4] In: «Korea Herald», 13.X.1984; «Нодон синмун», 6.IV.1986.
[5] См.: «Нодон синмун», 6.IV.1986.
[6] «Korea Herald», 4.IV.1986.
[7] См.: «Нодон синмун», 7.IV.1986.
[8] «Правда», 9.II.1986.
[9] Там же, 24.I.1986; «Нодон синмун», 24.I.1986.

Союзом, другими странами социализма выступает в поддержку предложений, направленных на превращение Юго-Восточной Азии в зону мира, превращение Индийского океана в зону мира и равноправного сотрудничества [10].

Широкий отклик у корейской общественности нашло Заявление советского правительства от 23 апреля 1986 г. в связи с попытками США и Японии сколотить так называемое Тихоокеанское сообщество. В КНДР солидаризировались с выдвинутыми в этом заявлении идеями относительно обеспечения мира, безопасности и стабильности в Азии и Тихоокеанском регионе [11].

Советский Союз со своей стороны неоднократно подчеркивал актуальность предложения КНДР о выводе американских войск и ядерного оружия из Южной Кореи и превращении Корейского полуострова в зону мира, безъядерную зону.

Как известно, еще в 1980 г., на VI съезде, Трудовая партия Кореи выступила с предложением превратить Корейский полуостров в безъядерную зону. Это стремление ТПК было подтверждено в Совместной декларации Трудовой партии Кореи и Социалистической партии Японии, подписанной в Пхеньяне в марте 1981 г. по итогам переговоров делегаций двух партий. В декларации выдвинуто предложение о создании безъядерной зоны в районе, охватывающем Корейский полуостров и Японские острова. Для достижения этой цели стороны предложили вывезти из Южной Кореи и Японии все ядерное оружие, а также запретить его разработку, испытание, производство, владение им, его ввоз и перемещение, хранение и применение. ТПК и СПЯ высказались за ликвидацию военных баз в этом регионе и вывод иностранных войск, а также роспуск существующих там агрессивных блоков [12]. Во время переговоров в Пхеньяне в сентябре 1984 г. делегаций ТПК и СПЯ стороны вновь подтвердили важность создания безъядерной зоны в Корее и Японии. «Мы, — подчеркивал товарищ Ким Ир Сен на встрече с делегацией японских социалистов, — считаем необходимым широко развернуть борьбу за создание в Азии безъядерной зоны, зоны мира, объединив усилия политических партий и общественных организаций, различных стран этого района» [13].

СССР и КНДР выступают с единых позиций по проблемам урегулирования «горячих» точек на нашей планете. Наши страны солидарны с народом и правительством Афганистана в его борьбе в защиту завоеваний Апрельской революции. Советский Союз и социалистическая Корея требуют справедливого и всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке на основе вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий, осуществления законного права палестинского народа на самоопределение и создание собственного государства. СССР и КНДР поддерживают борьбу южноафриканского народа против апартеида, за предоставление независимости Намибии, прекращение вооруженных провокаций Претории против прифронтовых государств.

В Москве и Пхеньяне резко осуждают империалистическое вмешательство во внутренние дела стран Карибского бассейна и проявляют солидарность с кубинским и никарагуанским народами, которые борются в защиту суверенитета, за мирное урегулирование в Центральной Америке [14].

Как и в Советском Союзе, с гневом и возмущением встретили в КНДР известие о варварских бомбардировках американскими самолетами территории Ливии. В заявлении правительства республики было подчеркнуто, что «корейский народ твердо стоит на стороне ливийского народа и будет и впредь оказывать его справедливому делу помощь во всех возможных формах» [15].

Советский Союз, верный своим обязательствам по Договору, оказывает последовательную поддержку КНДР в ее борьбе за мирное демократическое урегулирование положения в Корее.

Корейский народ на протяжении более 40 лет ведет мужественную борьбу за мирное объединение своей родины. Правительство КНДР выдвинуло немало конструктивных предложений, направленных на вывод американских войск из Южной Кореи, создание конфедерации Севера и Юга путем мирного диалога, замену соглашения о перемирии мирным соглашением, выработку декларации о ненападении между Севером и Югом. С целью смягчения напряженности на полуострове правительство республики приняло решение не проводить с 1 февраля 1986 г. крупные военные маневры на Севере и предложило США и Южной Корее прекратить любые военные учения на период внутрикорейских переговоров [16]. Однако Вашингтон и Сеул отвергли эти миролюбивые предложения Пхеньяна. КНДР выразила согласие и на переговоры на высшем уровне между Севером и Югом при условии достижения прогресса в контактах по линии обществ Красного Креста, между парламентами двух сторон, в экономических переговорах. Однако Сеул и его вашингтонские покровители торпедируют мирные предложения КНДР, требуют «перекрестного признания» Северной и Южной Кореи (СССР и КНР устанавливают дипломатические отношения с Сеулом, а США и Япония — с КНДР), их одновременно-

[10] См. «Нодон синмун», 24.I.1986.
[11] См. Там же, 25.IV. 1986.
[12] См. там же, 17.III.1981.
[13] Ким Ир Сен. Беседа с делегацией Социалистической партии Японии. Пхеньян, 1984, с. 2 (на корейск. яз.).
[14] См.: «Правда», 24.I.1986.
[15] «Нодон синмун», 17.IV.1986.
[16] См. там же, 12.I.1986.

го вступления в ООН или вступления в эту всемирную организацию только Южной Кореи. СССР выступает против попыток добиться создания «ситуации двух Корей» и полностью солидарен с КНДР в этом вопросе.

Корейская Народно-Демократическая Республика предложила организовать XXIV Олимпийские игры 1988 г. одновременно в Сеуле и Пхеньяне, с тем чтобы предотвратить закрепление раскола Кореи, создать благоприятную политическую и международную атмосферу для мирного объединения страны.

Как и предусмотрено Договором, народная Корея принимает участие в коллективных мероприятиях социалистических государств, направленных на предотвращение ядерной войны, обеспечение прочного мира. Во время консультативной встречи представителей парламентов социалистических государств Азии, проходившей в марте 1986 г. в Улан-Баторе, был рассмотрен вопрос о роли парламентов в укреплении мира и безопасности в Азии и в районе Тихого океана.

На встрече парламентариев была подчеркнута необходимость расширения взаимодействия парламентов стран Азии в борьбе против военной угрозы, за мир, за проведение после соответствующей подготовки общеазиатского форума для решения вопросов безопасности, отмечена важность активизации сотрудничества парламентов в реализации внешнеполитических инициатив соцалистических и других стран, направленных на укрепление мира и безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе, включая предложение о комплексном подходе к проблеме безопасности в Азии, о применении мер доверия на Дальнем Востоке, о заключении странами Азии и Тихого океана конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы, о выводе из Южной Кореи всех видов ядерного оружия, оздоровлении обстановки на Корейском полуострове и превращении его в безъядерную, мирную зону [17]. Итоги улан-баторской встречи вместе с тем явились действенной поддержкой для КНДР в ее борьбе за мирное урегулирование в Корее.

В последние годы значительно окрепла правовая база советско-корейских отношений. Достаточно сказать, что только в 80-е годы между СССР и КНДР заключены Договор о прохождении линии советско-корейской границы, Консульская конвенция, Договор о разграничении экономической зоны и континентального шельфа, Межправительственное соглашение о взаимных поездках граждан.

Неуклонно развиваются экономические, торговые и научно-технические связи между нашими странами. При техническом содействии Советского Союза в КНДР построено, реконструировано и восстановлено свыше 70 народнохозяйственных объектов. Предприятия, сооруженные при содействии СССР, составляют костяк национальной экономики республики, материализуют политику ТПК в области индустриализации и охватывают практически все основные отрасли народного хозяйства.

В декабре 1985 г. в Москве с официальным дружественным визитом находился член Политбюро ЦК ТПК, Премьер Административного совета КНДР Кан Сен Сан. В результате состоявшихся переговоров были подписаны межправительственные соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве и об экономическом и техническом сотрудничестве в сфере развития корейской энергетики, протокол о результатах переговоров плановых органов обеих стран о развитии торгово-экономического сотрудничества между СССР и КНДР на 1986—1990 гг. [18]

В соответствии с соглашениями Советский Союз окажет содействие народной Корее в строительстве и расширении более десяти крупных народнохозяйственных объектов, в области электроэнергетики. В Пхеньяне будет, в частности, сооружена ТЭЦ мощностью 200 тыс. кВт. Достигнута принципиальная договоренность о строительстве в районе города Анджу ГЭС мощностью 1,2 млн. кВт на низкокалорийном угле [19].

Советско-корейское сотрудничество в электроэнергетической промышленности имеет многолетнюю историю. В КНДР при помощи СССР введены в строй Супхунская ГЭС, Пукчанская ТЭС, теплоэлектроцентрали в Пхеньяне, Сонбоне, Чхончжине, совокупная мощность которых составляет около 3 млн. кВт. На этих станциях производится ныне свыше 60 % электроэнергии [20].

В настоящее время при содействии СССР в республике сооружается и расширяется 5 промышленных объектов, в том числе идет вторая очередь расширения металлургического завода им. Ким Чака в Чхончжине для увеличения выплавки стали с 1,0 млн. до 2,4 млн. т и ее переработки в горячекатаный лист [21]. Вскоре начнется строительство на компенсационной основе завода огнеупорных изделий производительностью 150 тыс. т магнезитового кирпича в год, текстильного комбината на 100 тыс. веретен будут проводиться исследования на нефть на континентальном шельфе КНДР [22]. Совсем недавно, весной 1986 г., в Пхеньяне с участием корейской общественности и советских представителей состоялась торжественная церемония ввода в строй действующих двух крупных предприятий, построенных при помощи СССР, — завода микроэлектродвигателей мощностью 1 млн. электродвигателей и подшипникового завода производительностью 10 млн. шариковых и роликовых подшипников общего назначения в год.

[17] См.: «Известия», 29.III.1986.
[18] См.: «Правда», 27.XII.1985.
[19] См.: «Экономическая газета», 1986, № 8, с. 21.
[20] См.: Корейская Народно-Демократическая Республика, М., 1985, с. 179.
[21] См. там же.
[22] См.: «Экономическая газета», 1986, № 8, с. 21.

Успешно развивается сотрудничество в заготовке леса и технологической щепы корейскими рабочими на территории Хабаровского края и Амурской области, где для нужд народного хозяйства КНДР создано несколько корейских лесозаготовительных хозяйств. Такое сотрудничество выгодно как для Советского Союза, так и для КНДР, поскольку соединяет трудовые ресурсы республики с природными богатствами СССР. За счет поставок леса из нашей страны ныне удовлетворяется свыше половины потребностей народной Кореи в деловой древесине.

Торговые связи между нашими странами строятся на принципах взаимной выгоды и полного равенства. Советский Союз поставляет в КНДР машины и оборудование, нефть и нефтепродукты, кокс и коксующийся уголь, хлопок, товары широкого потребления. В свою очередь социалистическая Корея экспортирует в СССР магнезитовый порошок для металлургической промышленности, автомобильные аккумуляторы, цветные и черные металлы, товары легкой промышленности, продукцию сельского хозяйства. В 1985 г. товарооборот между нашими странами увеличился почти в полтора раза по сравнению с предыдущим годом и составил 1051,2 млн. руб., в том числе советский экспорт — 648,4 млн. и импорт — 402,8 млн. руб.[23]. В 1986—1990 гг. объем торговли между СССР и КНДР увеличится по сравнению с предыдущим пятилетием более чем в два раза — до 8 млрд. руб.[24].

Важное значение для КНДР имеет научно-техническое сотрудничество с Советским Союзом. В соответствии с решением сессий постоянной подкомиссии по научно-техническому сотрудничеству за последние 5 лет в СССР приняты специалисты КНДР, которые ознакомились с достижениями в области науки и техники, передовым опытом по 28 темам. Корейские инженерно-технические работники проходили на советских предприятиях производственную практику. Корейская сторона в прошедшей пятилетке имела у себя советских специалистов.

Получила развитие перспективная форма научно-технического сотрудничества с КНДР — проведение совместных исследований на основе согласованных рабочих планов. Такие исследования осуществляются, в частности, в области сельского хозяйства и здравоохранения. Советские и корейские специалисты общими усилиями изучают вопросы защиты растений от вредителей, использования минеральных удобрений в рисоводстве, новые методы диагностики инфекционных и неинфекционных болезней риса, проблемы онкологии и рефлексотерапии. В 1985 г. установлены научные контакты между Академией народного хозяйства при Совете Министров СССР и Институтом народного хозяйства при ЦК ТПК.

В рамках межправительственного соглашения между СССР и КНДР осуществляется сотрудничество в области рыбного хозяйства, результаты которого способствуют освоению в Советском Союзе и народной Корее морских биологических ресурсов, развитию марикультуры. Осуществляется сотрудничество в области научно-технической информации, стандартизации и метрологии, происходит обмен опытом работы в области добывающей промышленности, металлургии, энергетики, электроники.

Плодотворно развиваются культурные связи между нашими государствами. Крупными событиями в советско-корейском культурном взаимообогащении, культурной жизни обеих стран являются гастроли художественных коллективов, цирковых ансамблей, групп артистов. Активные контакты существуют между кинематографистами СССР и КНДР.

Сотрудничество в области высшего образования, подготовки национальных кадров является важнейшим компонентом советско-корейских отношений. В мае 1985 г. состоялись переговоры между делегациями Министерства высшего и среднего специального образования и Комитетом по образованию КНДР, в ходе которых достигнута договоренность о расширении двустороннего сотрудничества. Ежегодно в Советский Союз на учебу направляются корейские студенты. Подписаны планы сотрудничества между Институтом русского языка им. А. С. Пушкина и Университетом им. Ким Ир Сена и Пхеньянским институтом иностранных языков в области обучения русскому языку в 1986—1987 гг. Планами предусмотрен ежегодный прием в Институт русского языка корейских студентов и направление в КНДР советских преподавателей-русистов. Началась подготовка учебников русского языка для корейских вузов и средних школ.

В апреле 1986 г. подписаны соглашение о сотрудничестве между Академией наук СССР и Академией общественных наук КНДР на 1986—1990 гг. и план обменов между ними, которые предусматривают значительное расширение связей между учеными, укрепление связей между ведущими научными учреждениями обеих стран, проведение совместных исследований, выпуск монографий.

Большую роль в укреплении дружбы между СССР и КНДР, советским и корейским народами играют общества советско-корейской и корейско-советской дружбы. Совместное празднование исторических дат в отношениях наших стран, знаменательных событий

[23] См.: «Внешняя торговля СССР», 1986, № 4.
[24] См.: «Правда», 23.III.1986.

в Советском Союзе и социалистической Корее, поездки, знакомство с жизнью друг друга — вот далеко не полный перечень дел, которые находятся в поле зрения общества дружбы СССР и КНДР.

* * *

Четверть века живет и действует союзный советско-корейский Договор. В 1981 г. по согласованию между правительствами СССР и КНДР Договор был пролонгирован. Немало ярких страниц за этот период было вписано в историю советско-корейских отношений. Договор продемонстрировал свою большую жизненную силу, высокий авторитет, ибо он отвечает интересам народов Советского Союза и КНДР, служит прочной основой дальнейшего упрочения уз дружбы и сотрудничества между нашими народами и странами. Все более активное взаимодействие социалистических стран, как отмечал на XXVII съезде КПСС товарищ М. С. Горбачев, «служит стимулом ускорения общего движения вперед» [25]. Именно в таком направлении намерен действовать Советский Союз, строя свои отношения с социалистической Кореей.

[25] М. С. Горбачев. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС. М., 1986, с. 88.

К итогам сессии ВСНП

К. А. ЕГОРОВ,
кандидат юридических наук

25 марта — 12 апреля 1986 г. состоялась IV сессия Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва. На сессию были вынесены вопросы, отнесенные Конституцией КНР к сфере исключительной компетенции высшего органа государственной власти. В центре внимания депутатов находились проблемы экономического строительства, рассмотренные в связи с подведением итогов шестого (1981—1985) и принятием седьмого (1986—1990) пятилетних планов, а также утверждением плана экономического и социального развития и государственного бюджета на 1986 г. В качестве высшего законодательного органа КНР сессия приняла три важных правовых акта: Общие положения гражданского права, Закон об обязательном образовании, Закон о предприятиях иностранного капитала. Осуществляя верховный контроль за деятельностью других органов государства, сессия ВСНП рассмотрела отчеты о работе Постоянного комитета ВСНП, Государственного совета КНР, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры. Были произведены также новые назначения ряда государственных должностных лиц.

Главным документом сессии явился доклад премьера Госсовета Чжао Цзыяна о седьмом пятилетнем плане[1]. В нем указывалось, что в ходе шестой пятилетки разрешались «оставшиеся от прошлого различные вопросы, препятствующие хозяйственному развитию» страны. При этом акцентировалось внимание на высоких темпах экономического роста. Среднегодовой прирост валового промышленного и сельскохозяйственного производства составил 11 %, а валового национального продукта — 10 %. По словам Чжао Цзыяна, темпы экономического роста Китая превысили темпы ведущих стран мира за тот же период.

В докладе премьера Госсовета приведены основные показатели роста валового промышленного производства, в результате которого КНР передвинулась по производству угля с третьего места в мире на первое, стали — с пятого на четвертое, электроэнергии с шестого на пятое. В 1985 г. было произведено 850 млн. т угля, 125 млн. т нефти,46,66 млн. т стали, 407,3 млрд. кВт·ч электроэнергии. Среднегодовое производство зерна за шестую пятилетку составило 370,62 млн. т, увеличившись на 65,32 млн. т по сравнению с пятой пятилеткой (1976—1980), что позволило добиться самообеспечения страны зерном.

В годы шестой пятилетки, отметил Чжао Цзыян, активно проводилась политика «открытия для внешнего мира». В результате форсированного развития внешней торговли объем экспорта и импорта достиг 230 млрд. ам. долл., увеличившись по сравнению с пятой пятилеткой в 2 раза. За прошедшие 5 лет использовано иностранных инвестиций на сумму 10,3 млрд. ам. долл., что способствовало осуществлению технической реконструкции машиностроения и электронной промышленности и удвоению удельного веса тех видов продукции, которые достигли международного уровня.

Отмечены определенные достижения и в социальной сфере. С учетом фактора инфляции чистые среднегодовые доходы крестьян увеличивались в среднем на 13,7 % на человека, а среднегодовые доходы каждого члена семьи городских рабочих и служащих — на 6,9 %. За пятилетие устроено на работу в городах и поселках более 35 млн. человек[2].

С учетом указанных достижений на сессии был сделан вывод о том, что положение в стране является «наилучшим со времени образования КНР»[3]. В то же время отмечалось, что заметный экономический рост обеспечивался при невысоком исходном уровне и наличии значительных недоиспользованных резервов, «многих трудностей и проблем», связанных прежде всего с низкими эффективностью производства и производительностью труда, невысоким общим техническим уровнем и качеством продукции, сохранением безработицы и отсутствием необходимых средств для модернизации страны.

На сессии ВСНП вскрылись некоторые «нездоровые явления», возникшие при проведении политики «открытия для внешнего мира». В частности, высказывалось немало нареканий по поводу недостаточно эффективной защиты китайской национальной промышленности, что проявлялось в ввозе в больших объемах тех товаров зарубежного производства, которые могут производиться в КНР[4]. Отмечались факты бесхо-

---

[1] См.: «Жэньминь жибао», 14.IV.1986.
[2] См. там же.
[3] Там же, 19.IV.1986.
[4] См. там же, 11.IV.1986.

зяйственного отношения к дорогостоящему импортному оборудованию. Так, в 1984 г. Китай приобрел за рубежом приборы и оборудование для научных целей на сумму 300 млн. ам. долл., что равно сумме государственных расходов на приборостроение в период с 1958 по 1985 г. При этом более половины импортных приборов и научного оборудования не используется [5].

Ряд недостатков относится к области сельского и лесного хозяйства. Депутаты высказывали критику инвестиционной политики, связанной с сокращением государственных расходов на водохозяйственное и другое капитальное строительство в деревне, развитие лесного хозяйства. Они выражали серьезную озабоченность снижением плодородия почвы, изношенностью парка сельскохозяйственных машин, ухудшением состояния водохозяйственных объектов, снижением производства зерна (несмотря на его относительный рост). Как отмечали депутаты, в условиях подрядной системы хозяйствования для крестьян стало менее выгодным выращивание зерновых, чем технических культур; крестьяне стараются не вносить удобрения на поля, поскольку подрядные участки закрепляются за одним двором на срок не более трех лет, после чего участки переходят к другому лицу [6].

Существующие «трудности и проблемы» учитывались при составлении седьмого пятилетнего плана экономического и социального развития КНР в 1986—1990 гг., ставящего главной задачей строительство основ более совершенной хозяйственной системы при поддержании рациональных темпов стабильного экономического роста, расширении масштабов использования зарубежного капитала, заимствовании достижений передовой зарубежной техники с целью создания материально-технических условий для дальнейшего развития в 1990-е годы.

На основе повышения экономической эффективности производства план предусматривает увеличение за 5 лет валовой продукции промышленности и сельского хозяйства на 38 %, а валового национального продукта — на 44 %. О масштабах планируемого экономического роста в 1980-е годы свидетельствует намечаемое увеличение валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в 1990 г. в 2,3 раза, а валового национального продукта — в 2,6 раза по сравнению с 1980 г. При этом предполагается значительный качественный скачок: около 40 % главных видов промышленной продукции достигнет по качеству уровня развитых стран мира конца 1970-х — начала 1980-х годов.

Сессия ВСНП высказалась против чрезмерного ускорения темпов роста, взяла курс на более плавное развитие хозяйственной структуры Китая с усилением акцента на строительство и расширение ведущих объектов и реконструкцию части важнейших из существующих предприятий. Согласно плановым показателям седьмой пятилетки, среднегодовой прирост валовой продукции промышленности и сельского хозяйства установлен в размере 6,7 %, а валового национального продукта — 7,5 % (вместо соответственно 11 % и 10 % в шестой пятилетке) [7].

Седьмой пятилетний план ставит целью определение разумных размеров капитальных вложений и рациональную перестройку их структуры, отдавая приоритет увеличению затрат на техническое перевооружение и реконструкцию — на 87 % по сравнению с шестой пятилеткой.

По мере развития производства и повышения его эффективности намечено повышение материального и культурного уровня жизни народа. Предполагается увеличение среднегодовых чистых доходов крестьян на 7 %, а реальной зарплаты рабочих и служащих — на 4 %. Вместе с тем дается установка на «строгое сдерживание непомерно быстрого роста фонда потребления», осуществление рационализации структуры потребления с использованием экономических рычагов и административных мер. Ставится задача преодоления уравниловки и вместе с тем устранения непомерно большой разницы в доходах предприятий, отдельных членов общества и районов страны.

Так, по официальным китайским данным, в настоящее время уровень жизни примерно 70 млн. человек — жителей главным образом национальных окраин Китая провинций Цинхай, Гуйчжоу, Ганьсу и Хэбэй — находится ниже установленной черты бедности. Поэтому государственный бюджет на 1986 г. предусматривает выделение 800 млн. юаней на оказание помощи беднякам [8].

Особое место на сессии ВСНП заняло рассмотрение вопросов реформы хозяйственной системы. Назвав реформу «сердцевиной седьмого пятилетнего плана», председатель Центральной комиссии советников КПК Дэн Сяопин отметил, что в предстоящий пятилетний период «будет решено, сможет ли реформа завершиться успехом» [9]. С другой стороны, поступательное экономическое развитие в КНР непосредственно связывается с осуществлением хозяйственной реформы [10].

Как указывалось в докладе Чжао Цзыяна на сессии ВСНП, дальнейшему проведению глубокой и последовательной реформы хозяйственной системы придается ре-

---

[5] См. там же, 1.IV.1986.
[6] См. там же, 2.IV.1986.
[7] См. там же, 15.IV.1986.
[8] In: «China Daily», 10. IV. 1986.
[9] «Жэньминь жибао», 24.IV.1986.
[10] См. там же, 21.IV.1986.

шающее значение для «правильной реализации направлений экономического строительства». В годы седьмой пятилетки с помощью реформы предполагается создать «каркас» новой хозяйственной системы и «вывести экономику на ее орбиту» [11]. При этом предусматриваются следующие меры: полный перевод государственных предприятий на самостоятельное хозяйствование и самоокупаемость; снижение удельного веса «директивного планирования» в пользу «направляющего планирования»; переход от непосредственного государственного контроля за деятельностью хозяйственных организаций к «косвенному контролю» с помощью налоговой, кредитной политики, регулирования цен и т. п.; развитие конкуренции в рамках экономики «открытого типа»; развитие межхозяйственных и межрегиональных «горизонтальных» связей, объединение подрядных крестьянских дворов в хозяйственные комплексы; внедрение прогрессивной технологии; повышение качества выпускаемой продукции.

В связи с проведением указанных мероприятий на сессии обсуждались вопросы приспособления функций государства к условиям, создаваемым реформой. В частности, речь идет о переходе от прямого административного контроля органов государства над хозяйственными организациями к осуществлению «главным образом косвенного контроля», от определения производственных заданий, распределения материальных и финансовых средств к координации единого планирования, применению методов экономического стимулирования производственной деятельности. При этом предполагается обеспечение более полного и четкого законодательного регулирования взаимоотношений органов государственного управления специальной компетенции с производственными объединениями и развития различного рода хозяйственных связей.

При обсуждении этого вопроса на сессии ВСНП одни депутаты высказывались в пользу освобождения хозяйственных организаций от всякого контроля со стороны государственных административных органов [12], другие выступали за усиление государственного контроля над экономикой в интересах «здорового развития реформы», пресечения действий тех хозяйственных руководителей, которые после расширения прав предприятий пытаются злоупотреблять своим служебным положением, расходуя государственные средства по своему усмотрению [13].

Судя по материалам сессии, осуществление реформы хозяйственной системы связывается с усилением борьбы государства против негативных явлений в обществе, порождаемых, по словам Чжао Цзыяна, «тлетворным воздействием гнилой буржуазной идеологии, буржуазного образа жизни» и носящих «серьезный характер» [14].

В частности, обращалось внимание на широкое распространение хозяйственных и должностных преступлений, наносящих большой экономический ущерб государству [15]. В связи с этим в докладе Генерального прокурора Ян Ичэня на сессии ВСНП указывалось, что борьба с хозяйственной преступностью стала главной задачей органов прокуратуры, поскольку наблюдается «разгул» преступности, а число хозяйственных и должностных преступлений удвоилось за полтора года. Только за счет совершения актов мошенничества под видом заключения хозяйственных договоров государству уже нанесен ущерб на сумму порядка 10 млрд. юаней [16].

Председатель Верховного народного суда Чжэн Тяньсян в своем докладе на сессии ВСНП особо подчеркнул, что хозяйственные преступления в Китае не только наносят тяжелый экономический ущерб, но и ставят под удар хозяйственную реформу и даже дело социалистического строительства в КНР [17]. При этом он сослался на соучастие в совершении многих преступлений ответственных работников хозяйственных организаций, партийных, государственных и военных органов.

По его данным, наибольшее распространение получили такие виды преступлений, как использование служебного положения в корыстных целях, мошенничество, взяточничество, спекуляция, контрабанда, нарушение правил о валютных операциях. Ставя вопрос о корнях преступности в современном Китае, председатель Верховного народного суда высказал мнение, что такого рода преступления совершаются не по причине плохих условий жизни, а главным образом из-за проникновения «разлагающей буржуазной идеологии», проявляющейся в стремлении к получению исключительной выгоды.

В связи с распространением негативных явлений в обществе на сессии ВСНП ставился вопрос о перспективах укрепления правопорядка, остающегося, по словам официальных лиц КНР, «трудно разрешимой исторической задачей», поскольку в стране отмечается «почти повсеместное несоблюдение законов» [18].

Поэтому депутатами подчеркивалась «гарантирующая и стимулирующая роль» правовых норм, говорилось о законодательном закреплении все более широкого круга экономических отношений, выдвигалась задача создания сравнительно целостной системы хозяйственно-правовых актов, чтобы «постепенно поставить всю хозяйствен-

---

[11] «Жэньминь жибао», 14.IV.1986.
[12] См. там же, 2.IV.1986.
[13] См. там же, 4.IV.1986.
[14] Там же, 14.IV.1986.
[15] См. там же, 10.IV.1986.
[16] См. там же, 20.IV.1986.
[17] См.: «Жэньминь жибао», 20.IV.1986.
[18] Там же, 14 и 20.IV.1986.

ную деятельность на правовую основу»[19]. Депутаты выступили на сессии с целым рядом конкретных предложений по усилению правотворчества, прежде всего в хозяйственной сфере и области охраны окружающей среды. В числе предлагавшихся ими мероприятий — разработка Таможенного кодекса, законов о планировании городов, предотвращения загрязнения воздушного бассейна городов, а также положений, касающихся механизации сельского хозяйства, развития транспорта, дорожного хозяйства и др.[20] Депутаты рассматривали систематизацию законодательства и строительство правовой системы как гарантию успешного проведения хозяйственной реформы и модернизации страны, обеспечения политической преемственности и стабильности общества[21].

В связи с этим законодательная работа явилась главным направлением деятельности Постоянного комитета ВСНП. Только в течение года, прошедшего между очередными сессиями ВСНП, было принято шесть законов (о степях, о рыбном хозяйстве, о бухгалтерском учете, о природных ископаемых, о контроле за въездом и выездом иностранцев, о контроле за въездом и выездом китайских граждан), Положение о паспортной системе, а также рассмотрены Общие положения гражданского права, Закон об обязательном образовании, Закон о предприятиях иностранного капитала, принятые на нынешней сессии ВСНП.

Заместитель председателя ПК ВСНП Чэнь Писянь отметил в докладе о работе Постоянного комитета на сессии ВСНП, что основным руководством при разработке законодательных актов служит указание III пленума ЦК КПК двенадцатого созыва (1985) о том, что проведение реформы хозяйственной системы все более нуждается в правовом оформлении экономических отношений и хозяйственной деятельности в стране. В связи с этим на сессии стало известно, что готовится целый ряд новых законодательных актов, в том числе законы о фирме, об охране труда рабочих и служащих, об использовании электроэнергии, о государственных автомобильных дорогах и другие[22].

Кроме того, ведется разработка актов о государственных должностных лицах, авторских правах, научно-технических договорах, а также актов в области просвещения, науки, культуры, здравоохранения. Помимо того, Госсоветом КНР на основании полномочий, предоставленных ему ВСНП, разрабатываются временные правовые акты по вопросам проведения хозяйственной реформы и политики «открытия для внешнего мира». На уровне провинций, автономных районов, городов центрального подчинения разрабатываются правовые акты местного значения[23].

Из трех важных законов, принятых сессией ВСНП, особое значение приобретают Общие положения гражданского права КНР[24]. Этот акт напоминает по своей форме раздел «Общие положения» готовящегося в КНР Гражданского кодекса, однако он выходит за общепринятые рамки такого раздела и представляет собой своеобразный закон, который в дальнейшем может быть включен в Гражданский кодекс.

Разработка такого кодекса, регулирующего весьма широкий круг общественных отношений, представляет собой довольно сложную проблему для современного Китая. Известно, что еще в 50-е, а затем в начале 60-х годов в КНР велась разработка положений гражданского права, и после длительного перерыва она смогла возобновиться в 1979 г., когда комиссия по правовой работе Постоянного комитета ВСНП образовала специальную группу по подготовке проекта Гражданского кодекса.

В течение пяти лет удалось разработать только проект Общих положений гражданского права, рассмотренный до вынесения на сессию ВСНП на двух заседаниях Постоянного комитета и широко представительной конференции с участием ученых и практических работников.

Общие положения не явились первым из принятых в КНР и единственным актом гражданского права. В течение ряда лет был принят целый ряд гражданско-правовых нормативных актов, включая Законы о хозяйственном договоре, о внешнеэкономическом договоре, о браке, о наследовании, о товарных знаках, Патентный закон. Однако за пределами правового регулирования оставался ряд общих проблем, в том числе определение правового положения граждан и юридических лиц, квалификация гражданско-правовых действий, гражданской правоспособности и дееспособности, гражданской ответственности и отношений с зарубежными юридическими лицами.

За время работы над Гражданским кодексом резко возросла практическая потребность в законодательном регулировании при разрешении гражданских дел, решавшихся, как правило, на основе бытующих обычаев и судебных прецедентов. При этом в различных районах страны судами принимались неодинаковые решения по тому же вопросу. Более того, в большей части случаев гражданские дела разрешались не народными судами, а самодеятельными организациями народа — комитетами городского населения и комитетами сельского населения, действовавшими не на основе закона, а по собственному, дискреционному усмотрению, с использованием привычных для

[19] Там же, 14.IV.1986.
[20] См.: «Жэньминь жибао», 1.IV.1986.
[21] См. там же, 9.IV.1986.
[22] См. там же, 19.IV.1986.
[23] См.: «Жэньминь жибао», 19.IV.1986.
[24] Там же, 17.IV.1986.

общества методов критики и самокритики, свойственных идеологической работе, а не деятельности правоприменительных органов [25].

Принятие сессией ВСНП Общих положений гражданского права отразило стремление упорядочить складывающиеся гражданские отношения с учетом особенностей современной экономики Китая — ее планово-товарного характера, развития межрегиональных и межотраслевых хозяйственных связей, расширения самостоятельности государственных предприятий, личного либо коллективного хозяйствования на подрядных условиях, развития частных хозяйств.

Специфические черты современного гражданского права КНР нашли выражение в определении статуса граждан, юридических лиц, регулировании права собственности, обязательственного права, подрядного хозяйствования и т. д. Так, согласно ст. 41 Общих положений, статус китайских юридических лиц приобретают образованные в КНР совместные предприятия китайского и иностранного капитала, кооперативные предприятия с использованием китайского и иностранного капитала, а также предприятия иностранного капитала. В числе оснований для прекращения юридического лица называется банкротство.

С учетом специфики складывающихся в обществе экономических отношений к охраняемым законом объектам права личной собственности граждан относят не только имущество, предназначенное для удовлетворения материальных и культурных потребностей, но и средства производства (ст. 75).

Особенной чертой Общих положений является включение в них главы о личных правах (ст. 98—105), регулируемых также другими правовыми актами КНР, в том числе Конституцией и Законом о браке. Значительная часть этого акта занята вопросами гражданской ответственности и способам ее обеспечения в случаях задолженности, нанесения ущерба, нарушения договора и различных гражданских прав.

Общие положения регулируют гражданские отношения с зарубежными юридическими лицами на следующей основе: 1) законов КНР — при возникновении гражданских отношений на территории Китая; 2) законов иностранных государств — при условии их непротиворечия «общественным интересам» КНР; 3) международных обычаев — при отсутствии соответствующих установлений законов КНР либо международных отношений; 4) законов, выбираемых сторонами по совместной договоренности.

В рамках политики «открытия для внешнего мира» закон гибко решает такие вопросы гражданских отношений, как гражданская дееспособность граждан КНР, постоянно проживающих за рубежом (ст. 143), право на недвижимую собственность (ст. 144), возмещение ущерба в результате международного деликта (ст. 146).

С учетом специфики рассматриваемого акта на сессии ВСНП депутатами подчеркивалось, что Общие положения гражданского права прежде всего соответствуют потребностям реформы хозяйственной системы, ключевой вопрос которой заключается в расширении самостоятельности хозяйственных организаций, а также усилению связей с внешним миром [26].

Дальнейшее развитие политики «открытия для внешнего мира» потребовало законодательного регулирования статуса создаваемых в КНР предприятий, основанных целиком на иностранном капитале.

Зарубежные инвесторы начали открывать частные предприятия в Китае в 1980 г., а к концу 1985 г. число таких предприятий, размещенных главным образом в «особых экономических зонах» и «открытых» приморских городах увеличилось с 5 до 120, причем общий объем вложенного в них капитала зарубежных инвесторов составил более 570 млн. ам. долл. [27] Наметилась тенденция к росту иностранных инвестиций в такие предприятия: в 1985 г. по сравнению с 1984 г. они увеличились на 127,7 % при этом остались неиспользованными значительные резервы [28].

Закон КНР о предприятиях иностранного капитала [29] ставит своей целью предоставление юридических гарантий для дальнейшего привлечения иностранного капитала и передовой зарубежной технологии в КНР. В то же время он обеспечивает многоплановый государственный контроль за деятельностью таких предприятий.

Согласно закону, государство защищает законные права и интересы иностранных инвесторов (ст. 1), охраняет их капиталовложения, получаемые ими прибыли (ст. 4), предоставляет им право найма китайских рабочих и служащих (ст. 12), приобретения в КНР либо на международных рынках сырья, топлива и других необходимых материалов (ст. 15), право переводить за границу прибыли, полученные законно от деятельности предприятия, а также другие доходы и фонды, оставленные после ликвидации предприятия (ст. 19), предоставляет право перевода за границу зарплаты и других законных доходов, получаемых иностранными рабочими и служащими на предприятия иностранного капитала (ст. 19).

В то же время КНР сохраняет за собой важные рычаги контроля за деятельностью таких предприятий, которые, согласно закону, обязаны содействовать развитию

---

[25] См.: «Жэньминь жибао», 9.IV.1986.

[26] См. там же.

[27] См. там же, 3.IV.1986; «Бэйцзин ревью», 1986, № 18, с. 16.

[28] См.: «Жэньминь жибао», 18.IV.1986.

[29] См. там же.

народного хозяйства Китая (ст. 3), не заниматься запрещаемой государством деятельностью (ст. 3), подчиняться законам КНР, не наносить ущерба ее интересам (ст. 4), сообщать компетентным органам КНР планы развития производства и предпринимательства (ст. 11), предоставлять финансовым и налоговым органам КНР соответствующие документы для проверки (ст. 14), отдавать предпочтение китайскому рынку при закупке сырья, топлива и материалов (ст. 15), открывать счет только в Банке Китая либо ином указанном КНР банке (ст. 18).

Закон допускает в исключительных случаях национализацию или экспроприацию иностранных предприятий при обязательной компенсации в разумных пределах (ст. 5). Законом оговаривается право создания на предприятиях иностранного капитала профсоюзов, защищающих законные права и интересы рабочих и служащих, при этом иностранное предприятие обязано «обеспечивать необходимые условия» для их деятельности (ст. 13). Однако в законе не указывается, каким образом профсоюзы могут добиться недопущения ущемления прав трудящихся хозяевами иностранных предприятий, хотя депутаты добивались на сессии ВСНП включения в закон соответствующих установлений. Подобным же образом в законе не содержится ответа на вопрос депутатов о том, могут ли иностранные предприятия выпускать и распространять акции в Китае [30].

Закон не содержит конкретных указаний и относительно сферы деятельности таких предприятий, оставляя решение вопроса на усмотрение Госсовета, занимающегося разработкой положения о порядке его применения. Известно только, что иностранные предприятия не могут быть вовлечены в деятельность, связанную с государственными тайнами, изготовлением традиционных китайских изделий, произведений искусства [31].

* * *

При обсуждении на сессии ВСНП конкретных вопросов экономического и социального развития обращалось особое внимание на актуальность существенного повышения общеобразовательного уровня населения страны. Известно, что еще в 1951 г. ставилась задача повсеместного введения всеобщего начального образования, но до сих пор ее решение не доведено до конца. По официальным китайским данным, до образования КНР в школу могло поступить лишь 20 % детей школьного возраста, а в настоящее время — более 90 [32], но менее 100 %. Не случайно на сессии указывалось, что существующее положение в области образования не соответствует растущим потребностям модернизации страны.

По данным, приведенным в выступлении заместителя премьера Госсовета, председателя Госкомитета по делам просвещения Ли Пэна, всеобщее начальное образование еще не введено в части сельских районов, многие дети не заканчивают начальные школы, среди молодежи распространена неграмотность, многим школьным учителям недостает профессиональной подготовки и общей культуры, заработная плата педагогов низка, школьные здания находятся в заброшенном состоянии, ощущается нехватка школьного оборудования и наглядных пособий [33].

Как указывали в своих выступлениях депутаты ВСНП, дело заключается в том, что на цели просвещения до сих пор отпускалось явно недостаточно средств. Основные нормы расходов на просвещение были установлены в 50-е годы, и, хотя общие затраты на просвещение в последние годы стали выше, в расчете на душу населения они фактически снизились. Особенно неблагополучное положение сложилось в отдаленных районах — местах проживания национальных меньшинств. В качестве примера на сессии приводился уезд Мадо в провинции Цинхай, где в школу поступает 4,6 % детей [34].

Для изменения сложившегося состояния школы в Китае неизбежно потребовались и меры законодательного характера. В мае 1985 г. ЦК КПК принял Постановление о реформе системы образования в КНР, указавшее на необходимость разработки проекта Закона об обязательном образовании в стране.

Принятие сессией Закона об обязательном образовании [35] после двухкратного рассмотрения его проекта на заседаниях Постоянного комитета ВСНП связано с известной перестройкой жизни китайского общества. Во-первых, закон устанавливает принцип обязательного девятилетнего образования в стране (ст. 2). Предусматриваются административные санкции в отношении родителей, заставляющих детей бросать учебу в школе в силу отживших предрассудков либо стремления использовать труд детей на производстве ради получения дохода. Различным хозяйственным организациям не только запрещено использовать детский труд, но и установлены санкции за нарушение положений закона вплоть до приостановки производства и даже лишения права на ведение хозяйства (ст. 15).

Во-вторых, законом проводится принцип всеобщности образования в стране на основе дифференцированного подхода при постепенном введении девятилетки в районах

---

[30] См.: «Жэньминь жибао», 17.IV.1986.
[31] In: «Beijing Review», 1986, N 18, p. 14.
[32] См.: «Жэньминь жибао», 18.IV.1986.
[33] См. там же.
[34] См. там же, 9.IV.1986.
[35] См. там же, 18.IV.1986.

с неодинаковым уровнем развития, разделенных на три группы: а) в районах развитых в экономическом и культурном отношениях девятилетнее образование вводится в основном в 1990 г.; б) в районах среднего уровня развития вводится обязательное начальное образование в 1990 г. и «создаются условия» для девятилетнего образования в 1995 г.; в) неразвитые районы вводят обязательное начальное образование к концу нынешнего столетия.

На деле экономическое и культурное развитие неравномерно не только в стране в целом, но и в рамках отдельной провинции или автономного района и даже уезда. Поэтому закон предусматривает установление неодинаковых сроков и проведение различных мероприятий даже в рамках мелких регионов страны.

В-третьих, законом предусматривается определенное распределение затрат между государством и обществом таким образом, что государство берет на себя основную тяжесть затрат, в то же время рассчитывая на создание школ предприятиями, учреждениями, общественными организациями, поощряя взносы рабочих и служащих в деле развития школьного образования в стране (ст. 9). В связи с этим ответственность за осуществление мероприятий по введению обязательного образования возлагается государством на местные народные правительства, действующие под общим руководством Госсовета (ст. 8). При этом государство оказывает дополнительную материальную помощь районам, испытывающим экономические трудности, а также местам проживания национальных меньшинств.

В связи с введением в действие закона предусматривается увеличение на 72 % по сравнению с шестой пятилеткой затрат на просвещение, в том числе на подготовку квалифицированных педагогов, улучшение их материального положения, поощрение лучших работников [36]. В законе (ст. 14) впервые юридически закреплена гражданская обязанность всех членов общества «с уважением относиться к учителям», а один из выходных дней года объявлен «Днем учителя».

Принятый сессией ВСНП Закон об обязательном образовании призван в первую очередь обеспечить успешную реализацию планов социально-экономического развития страны, поскольку без ликвидации отсталости в этой области ставится под вопрос возможность осуществления программы модернизации Китая [37]. В то же время депутаты высказывали мнение о том, что Закон об обязательном образовании еще не в состоянии решить все назревшие проблемы в области просвещения. Они предлагали разработать Основной закон о просвещении либо дополнить принятый закон другими нормативными актами, в том числе о педагогах, их должностных обязанностях, аттестации, материальном обеспечении, а также предусмотреть в законодательном порядке систематическое возрастание расходов на цели просвещения, включая увеличение фонда зарплаты школьных учителей [38].

* * *

Принятие сессией ВСНП указанных трех законодательных актов, несомненно, явилось известным вкладом в формирование современной правовой системы КНР, в упорядочение процесса проведения экономической реформы и модернизации страны.

Судя по материалам сессии ВСНП, большое значение также придается совершенствованию деятельности государственного аппарата, о чем говорилось в связи с отчетами о работе высших органов государства. Говоря об усилении повседневного контроля за проведением в жизнь установлений Конституции и законов, заместитель председателя ПК ВСНП Чэнь Писянь вскрыл наиболее распространенные случаи их нарушения в деятельности органов государства. Они относятся прежде всего к процедуре проведения выборов и назначения государственных должностных лиц, особенно в низовом звене — волостях и поселках, где вместо избрания их местными СНП или назначения и смещения соответствующими постоянными комитетами они назначаются вышестоящими органами. По словам Чэнь Писяня, принимаемые меры по устранению нарушений на местах пока еще оказываются «недостаточно эффективными» и в работе государственного аппарата сохраняется «немало недостатков и проблем» [39].

В то же время на пути его совершенствования достигнуты успехи, проявляющиеся, в частности, в упорядочении института депутатских обследований на местах. Такие мероприятия, ставящие своей целью усиление связей депутатов с избирателями, активизированы после опубликования циркуляра канцелярии ПК ВСНП «О способах улучшения обследований, проводимых депутатами ВСНП». Активизируются связи ПК ВСНП с местными собраниями народных представителей через постоянные комиссии ВСНП, работающие в период между сессиями собрания под руководством ПК ВСНП. С целью повышения активности депутатов ВСНП увеличивается на 60 % состав его шести постоянных комиссий [40].

В отчетах о работе органов суда и прокуратуры внимание заострилось на борьбе

[36] См.: «Жэньминь жибао», 18.IV.1986.
[37] См. там же.
[38] См. там же, 4 и 9.IV.1986.
[39] «Жэньминь жибао», 19.IV.1986.
[40] См. там же.

с преступностью, в связи с чем указывалось, что за последние два с половиной года китайские суды осудили за различные преступления более 1,5 млн. человек [41]. Вместе с тем отмечалось, что уровень раскрытия преступлений пока остается невысоким [42]. Депутаты ВСНП также указывали на несовершенство уголовного судопроизводства, особенно при определении меры наказания за хозяйственное преступление. Подчас преступником признается лицо, расхитившее государственное имущество на сумму 10 тыс. юаней, а должностное лицо, по вине которого нанесен ущерб на сумму 10 млн. юаней, таковым не считается [43].

На сессии указывалось, что в работе органов суда произошел своеобразный «бум» в части разбирательства гражданских дел. В 1985 г. отмечалось пятикратное увеличение числа таких дел по сравнению с 1983 г., хотя большая часть гражданских дел по-прежнему разрешается административными органами [44].

После завершения работы сессии китайская печать отмечала, что многие вопросы экономической и политической жизни общества не могут найти решения на современном этапе, в связи с чем она призывала «искоренять вредные пережитки феодализма», называвшиеся «серьезной помехой на пути проведения реформы, оживления экономики, создания социалистической материальной и духовной культуры» [45].

В то же время работа сессии показывает, что в КНР предпринимаются энергичные усилия по решению сохраняющихся от прошлого различных проблем.

* * *

Сессия ВСНП также дала оценку современной международной обстановки, охарактеризованной в докладе премьера Госсовета Чжао Цзыяна как «неустойчивая» и «вызывающая беспокойство»; в то же время была выражена уверенность в возможности сохранения мира. Однако при определении внешнеполитических задач под девизом «независимости и самостоятельности» фактически проводилась линия на отмежевание от внешней политики других стран социализма, прежде всего СССР, по-прежнему называвшегося «сверхдержавой», якобы стремящейся, как и США, навязывать свою волю другим. На пути действительного улучшения отношений с СССР вновь оказывалось «три препятствия» [46].

Нашли отражение и некоторые позитивные перемены в внешнеполитической позиции КНР, в частности выступление против распространения гонки вооружений на космос, за запрещение и полное уничтожение химического оружия, что полностью соответствует принципиальному подходу СССР к решению этих проблем.

---

[41] Там же, 9.IV.1986.
[42] См.: «Жэньминь жибао», 20.IV.1986.
[43] См. там же, 2.IV.1986.
[44] См. там же, 20.IV.1986.
[45] Там же, 18.IV.1986.
[46] «Жэньминь жибао», 14.IV.1986.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Очередной выпуск «Дипломатического вестника»

Дипломатический вестник, год 1985. М., «Международные отношения», 1986, 320 с.

Книжная полка специалиста-международника пополнилась еще одним интересным и нужным изданием. Вышел в свет четвертый сборник «Дипломатического вестника» — издания Дипломатической Академии МИД АССР.

Авторами статей являются видные советские ученые-международники, преподаватели Дипломатической Академии, сотрудники Министерства иностранных дел, ветераны дипломатической службы.

Хорошо продуманная, сбалансированная структура сборника отражает преемственность в освещении вопросов международной жизни, комплексность в раскрытии проблем, дает четкую картину политики КПСС и Советского правительства на международной арене. Каждый сборник в отдельности — это как бы моментальная фотография быстротекущей картины современного мира, а все они вместе — отличная возможность разглядеть глубинные тенденции изменений международной ситуации и политики ее важнейших действующих лиц. Прочитав книгу, чувствуешь, что к ней будешь еще не раз возвращаться.

Отрадно видеть, как от выпуска к выпуску совершенствуется издание, включающее в себя теперь не только статьи по ключевым вопросам, но и раздел рецензий, хронику внешней политики СССР, важнейшие внешнеполитические документы Советского Союза, данные в приложении.

Часть первую, посвященную вопросам внешней политики СССР, предваряют две передовые статьи: «Курсом мира и прогресса: советская внешняя политика в 1985 году» и «Под знаменем великой Победы». Первая из них дает широкую панораму напряженной внешнеполитической деятельности Советского государства, в летопись которой 1985 год вписан под знаком усиления активности и наступательности в борьбе за мир, международное сотрудничество и прогресс.

Главный смысл своей деятельности на мировой арене Советский союз видит в том, чтобы не допустить повторения трагедии войны и «тем более ядерной катастрофы»[1]. Именно этими соображениями были продиктованы одностороннее введение Советским Союзом моратория на ядерные взрывы в 40-ю годовщину хиросимской трагедии и позиция советской стороны на встрече на высшем уровне в Женеве.

Заметный импульс получило всестороннее сотрудничество нашей страны с государствами социалистического содружества. Их взаимодействие поднимается на новую, более высокую ступень, о чем свидетельствуют итоги экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне, встречи руководителей коммунистических и рабочих партий, социалистических стран, введение в практику ежегодных встреч секретарей ЦК братских партий по экономическим вопросам.

Немалые изменения к лучшему произошли в истекшем году в отношениях с Китайской Народной Республикой. В результате визита первого заместителя председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова в Пекин и ответной поездки в Москву заместителя премьера Госсовета КНР Яо Илиня подписаны важные документы, расширяющие торгово-экономическое сотрудничество двух стран, переводящие его на плановую, долгосрочную основу.

В 1985 г. Советским Союзом была выдвинута идея объединения усилий азиатских государств для поисков комплексного решения острых и сложных проблем Азиатского континента вплоть до проведения в исторической перспективе общеазиатского форума.

Борьба за поддержание всеобщего мира и укрепление международной безопасности ходом событий выдвигается в качестве центрального вопроса в жизни всего современного человечества, как ключевая проблема планетарного масштаба. Естественно, важнейшее место заняли эти вопросы и в сборнике, посвященном советской внешней политике.

Проблемам борьбы СССР за обуздание гонки вооружений, разоружение и мир в Организации Объединенных Наций посвящена статья видного советского дипломата, вице-президента Советской ассоциации политических наук В. Ф. Петровского. Благодаря неустанным усилиям СССР, социалистических и развивающихся государств эти вопросы, имеющие принципиальное значение для оздоровления международного климата, находились и находятся в центре внимания ООН. В ходе 40-й юбилейной сессии Генеральная Ассамблея ООН одобрила 61 решение, призывающее государства, в первую очередь ядерные, конкретными делами содействовать уменьшению бремени вооружений, прежде всего космических и ядерных. Против большинства из них (33 раза) проголосовали США, в том числе 7 раз — в полном одиночестве (с. 34). В нескольких резолюциях содержится требование о незамедлительном решении вопроса о прекращении испытаний ядерного

[1] «Правда», 24.V.1985.

оружия, к чему давно и настойчиво призывает наша страна.

Советским Союзом в качестве важного и срочного был поставлен вопрос «Об использовании космического пространства исключительно в мирных целях, на благо человечества». Резолюцию по этому вопросу, выработанную совместно социалистическими и неприсоединившимися странами, поддержали практически все государства ООН (делегация США была единственной, воздержавшейся при голосовании). ООН потребовала, чтобы государства отказались от использования силы в своей космической деятельности и призвала к незамедлительному достижению эффективных соглашений о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве.

Генеральная Ассамблея одобрила внесенный Советским Союзом проект резолюции по вопросу «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах». Решение, поддержанное 117 государствами, впервые в практике ООН провозгласило принцип недопустимости политики государственного терроризма. Отказ США и их ближайших союзников поддержать резолюцию дал ясный ответ, откуда исходит такая политика, кто стремится развязать себе руки для подрывной деятельности, угроз и прямой агрессии под предлогом «борьбы с терроризмом» (с. 31).

В ходе дискуссий по вопросам, связанным с ликвидацией очагов конфликтов и военной опасности, прогрессивные страны подвергли осуждению такие проявления практики государственного терроризма, как американская оккупация Гренады, необъявленная война против Никарагуа, бряцание оружием и угрозы в отношении целого ряда независимых государств. В числе проводников политики и практики государственного терроризма назывались Израиль и ЮАР. Было вновь отмечено, что акции Израиля «со всей определенностью свидетельствуют о том, что он не является миролюбивым государством — членом ООН и что он не выполняет своих обязательств по Уставу Организации» (с. 35).

Конструктивные решения (около трети всех резолюций) приняла Ассамблея по экономическим вопросам. В них получили отражение многие идеи, выдвинутые на московском Экономическом совещании на высшем уровне стран — членов СЭВ.

Представитель СССР на женевской конференции по разоружению, доктор исторических наук В. Л. Исраэлян выступил на страницах вестника со статьей, посвященной позиции нашей страны на переговорах в Женеве.

Выдвинутый на Женевской конференции социалистическими странами комплекс конкретных предложений по разоружению, в том числе ядерному, включает: принятие всеми ядерными державами, вслед за СССР и КНР, обязательства о неприменении первыми ядерного оружия; исключение военной силы из сферы межгосударственных отношений путем заключения Всемирного договора о неприменении силы, а также договора о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира между государствами Организации Варшавского Договора и НАТО; неприменение ядерного оружия против неядерных государств, которые не имеют его на своей территории; уважение статуса существующих безъядерных зон и создание новых (с. 41).

Активную работу продолжает в Женеве советская дипломатия, чтобы продвинуться в вопросе о запрещении химического оружия и запрещении создания и производства новых видов оружия массового уничтожения.

Статья Ю. Н. Рахманинова посвящена 10-летию подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинкские договоренности как кодекс мирного общения государств с различным общественным строем прочно вошли в структуру европейской жизни. Советский Союз проявил исторический почин, включив в новую Конституцию все десять принципов Заключительного акта в качестве основы, на которой СССР строит свои отношения с государствами иной социальной системы.

С 30 июля по 1 августа 1985 г. в Хельсинки проходила юбилейная встреча государств — участников Совещания. В своем выступлении министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе отметил историческое значение Заключительного акта, его воздействие на развитие международных отношений в Европе. Он и поныне остается живым источником, питающим тенденции к взаимопониманию и сотрудничеству в Европе, да и не только в Европе. Этот источник надо оберегать, не позволять, чтобы его «забрасывали камнями», заявил советский министр.

Статья К. И. Савинова посвящена 30-летию Варшавского Договора — союза нового типа, выражающего коренные интересы трудящихся братских государств. Будучи союзом социалистических стран, он, по определению М. С. Горбачева, «в подлинном смысле слова является союзом народов» [2]. Весомый вклад в укрепление единства и сплоченности государств-участников вносят заседания Комитета министров иностранных дел и Комитета министров обороны, повседневная деятельность других органов ОВД. Участники Договора своими делами подтверждают решимость и дальше крепить сплоченность стран социализма, развивать и углублять политическое, экономическое, культурное сотрудничество, объединять усилия в борьбе за дело мира и прогресса (с. 58). История деятельности ОВД — это история активной борьбы социалистических стран за мир и разрядку напряженности, в защиту законных прав народов.

26 апреля 1985 г. на встрече в Варшаве высших партийных и государственных деятелей стран — участниц Варшавского Договора был подписан протокол о продлении срока действия Договора на 20 лет с после-

[2] «Правда», 27.IV.1985.

дующей пролонгацией его еще на 10 лет.

Расширению и углублению экономического и научно-технического сотрудничества в СЭВ посвящена статья Л. В. Балдина.

О развитии отношений братства и сотрудничества между Советским Союзом и ГДР говорится в статье доктора исторических наук Р. Ф. Алексеева. Тесное взаимодействие двух партий, стран и народов ведет ко все более тесному переплетению экономики СССР и ГДР. Если в 1950 г. товарооборот между СССР и ГДР составил около 300 млн. рублей, то в 1984 г. он вырос до почти 15 млрд. руб. Это самый большой объем торговли, который когда-либо имели СССР и ГДР с другими странами мира (с. 74).

Раздел «Внешняя политика СССР и развивающиеся государства» включает статьи В. Н. Георгиева о советско-индийских отношениях и Г. И. Мартиросова, В. В. Попова о проблемах ближневосточного урегулирования.

В разделе, рассказывающем о политике СССР в отношении капиталистических государств, привлекает внимание материал, подготовленный М. П. Сергеевым. Автор справедливо указывает, что потребовались десятилетия упорной борьбы против попыток империалистов тем или иным путем ликвидировать социалистический строй, задушить Советское государство, прежде чем на Западе научились членораздельно произносить слова о мирном сосуществовании. Начавшийся на фронтах гражданской войны и борьбы против иностранной интервенции, продолженный в схватке с гитлеровской Германией и ее союзниками спор между социализмом и капитализмом о возможности или невозможности мирного сосуществования государств независимо от их общественного строя решен историей. Решен в пользу признания социализма, его внешней политики, начертанной Лениным (с. 102).

С большим интересом читаются собранные во второй части вестника статьи о проблемах современных международных отношений.

И. Д. Иванов отмечает новые моменты в экономической дипломатии в 80-х годах. Он подчеркивает, что международная торговля, являющаяся важным компонентом материальной ткани разрядки, испытывала на себе в этот период негативное воздействие конфронтационной линии Запада.

Проблеме задолженности развивающихся стран, приобретающей ныне взрывоопасный характер, посвящена статья О. С. Богданова. Он показывает, как империалистические государства используют «долговую петлю»[3] для достижения политических и стратегических целей. МВФ осуществляет в отношении должников поистине драконовские меры, реструктурируя их экономику в направлении капитализма «свободной конкуренции».

Развивающиеся государства не в состоянии вырваться из «порочного круга» задолженности. Многие из них используют до 90 % (а некоторые даже 100 %) вновь получаемых на Западе займов, чтобы погасить проценты по старым кредитам (с. 151). Более того, в 1983 г. эти страны впервые получили кредитов на меньшую сумму, чем выплатили по предшествующим займам, что привело к чистому оттоку в сумме около 11 млрд. долл. В настоящее время с новой силой звучат слова В. И. Ленина: «...Сотни миллионов людей осуждены теперь на то, чтобы десятилетиями платить самим и заставлять платить внуков и правнуков по займам, чтобы обогатить французских, английских и других империалистов»[4], ныне — в первую очередь американских империалистов.

Большую статью, рассказывающую о военных приготовлениях империализма в Восточной Азии и Азиатско-тихоокеанском районе и политике СССР, подготовил для Дипломатического вестника заместитель министра иностранных дел СССР профессор М. С. Капица. Он подробно анализирует меры США по наращиванию своего военного потенциала в Тихом океане, формированию оси Вашингтон — Токио — Сеул, и делает вывод, что в глобальной военной системе империализма, создаваемой Соединенными Штатами Америки, западная часть Тихого океана и Восточная Азия стали одним из трех районов передового базирования систем оружия первого удара наряду с Западной Европой, Юго-Западной Азией и Индийским океаном (с. 131).

Ставя своей задачей сплотить союзников, интегрировать их экономические и военные возможности для усиления конфронтации с Советским Союзом и социалистическими странами Азии, США и Япония проталкивают планы создания под своей эгидой так называемого «тихоокеанского сообщества».

Интересной проблеме — нормам поведения ядерных держав — посвящена статья Э. И. Скакунова. Эти нормы вытекают как из особой ответственности ядерных держав — постоянных членов Совета безопасности ООН за поддержание международного мира, так и из того факта, что в их распоряжении находится ныне колоссальный разрушительный потенциал, способный уничтожить все человечество.

В настоящий сборник включены мемуары советских дипломатов Г. С. Барулина, А. Л. Воронина и Л. Н. Кутакова.

Здесь же читатель найдет рецензии на ряд интересных книг, а также сообщение о научной деятельности Дипломатической Академии.

Можно быть уверенным, что новый выпуск «Дипломатического вестника» будет с большим интересом встречен советской читательской общественностью и явится существенным вкладом в летопись внешней политики СССР.

И. С. ГАЛИЧЕВ

[3] Сумма долга выросла с 75 млрд. долл. в 1970 г. до почти 1 трлн. долл. в 1984 г. Ежегодный размер выплат составляет ныне 96 млрд. долл. (с. 150).

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 354.

Подвиг советских востоковедов

Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов. 1941—1945. М., «Наука», 1985, 294 с.

Более сорока лет минуло после окончания Великой Отечественной войны, но время не сгладило в нашей памяти события тех грозных дней, беззаветный героизм и беспримерную стойкость советских людей, проявленные в борьбе против фашизма. Весь советский народ ковал великое дело Победы. Свой вклад в это дело внесли и ученые-востоковеды, подвигу которых в годы войны и посвящена рецензируемая книга.

Эта книга о советском востоковедении и востоковедах в Великой Отечественной войне написана очевидцами и участниками событий. Все они — генералы и офицеры, рядовые воины и гражданские лица — раскрывают новую, сравнительно мало изученную страницу борьбы нашего народа против германского фашизма и японского милитаризма. Книга предельно документирована, — и в этом одно из основных ее достоинств, ибо нет ничего убедительнее документа.

Открывает сборник статья доктора исторических наук, генерала-майора в отставке Б. Г. Сапожникова «Готовность советских востоковедных кадров к защите Родины». Свой раздел автор посвящает той огромной, напряженной работе по подготовке и организации идеологических кадров, которая велась в нашей стране еще в 30-е годы, — годы, когда фашистская диктатура в Германии и милитаристские силы в Японии вынашивали планы агрессии.

Как отмечает Б. Г. Сапожников, в этот период партия и Советское правительство принимали энергичные меры по созданию кадров военных-востоковедов. При этом учитывалась необходимость изменения социального состава студентов путем увеличения приема рабочих, колхозников и представителей трудовой интеллигенции. Несмотря на огромные трудности, в кратчайшие сроки они овладевали новыми специальностями, преодолевая «языковые барьеры». Автор подчеркивает, что в успешной реализации задач по ускоренной подготовке специалистов-востоковедов для Красной Армии большую роль сыграла помощь, оказанная Коминтерном, Профинтерном и КИМ, откомандировавших в качестве консультантов и преподавателей активных участников рабочего и коммунистического движения в Японии, Китае, Корее и Внутренней Монголии.

Важное значение в те годы отводилось обеспечению эффективности специальной пропаганды в период возможных боевых действий на Востоке. Будущие спецпропагандисты всесторонне готовились к разоблачению несправедливого, захватнического характера империалистических войн, ослаблению морально-политического потенциала армии будущего противника. «В целом, — делает вывод Б. Г. Сапожников, — следует признать, что к началу Великой Отечественной войны аппарат отделов, отделений и инструкторы политотделов соединений, а также редакции учебных газет на иностранных, главным образом на восточных, языках достигли нужного уровня подготовки к действиям в условиях войны на Дальнем, Среднем и Ближнем Востоке» (с. 27).

В суровые годы войны советские востоковеды разделились на два боевых отряда: одни выполняли сложные и опасные задания на фронтах, другие в тяжелейших условиях приближали победу в тылу. В книге приводятся многочисленные факты участия в боевых действиях ученых-востоковедов в составе регулярной армии, частей народного ополчения, партизанских отрядов.

Отдельный раздел сборника посвящен труду востоковедов в блокадном Ленинграде. Авторы этого раздела — Д. И. Тихонов, М. В. Баньковская, Б. А. Вальская — на основе личных впечатлений, документов и материалов раскрывают страницы героической эпопеи деятельности ученых-востоковедов Ленинграда в дни блокады. Сотрудники Института востоковедения АН СССР, восточного факультета ЛГУ, а также коллектив Эрмитажа проявили невиданную стойкость, выполняя в труднейших условиях работу по спасению ценностей и продолжая научную и оперативную работу. Они оказались достойными своего героического города. «И закономерно, — отмечается в книге, — что, когда в Нюрнберге мир осудил фашистских преступников, в качестве свидетеля обвинения выступил директор Эрмитажа акад. И. А. Орбели» (с. 7).

Как известно, в агрессивных планах империализма в 30—40-х годах особое место занимал Иран. Стремление фашизма превратить эту граничащую с СССР страну в активную базу шпионско-диверсионной деятельности против Советского Союза настоятельно диктовало необходимость нейтрализации фашистской пропаганды в Иране. Особую актуальность эта задача приобрела после ввода в Иран в августе 1941 г. на основе существовавших советско-иранских соглашений и по договоренности с союзницей по антигитлеровской коалиции — Англией советских и английских войск.

Раскрытию особенностей, форм и методов работы советских востоковедов в Иране посвящена статья видного политработника, генерала-майора в отставке М. И. Бурцева. В раздел включены также воспоминания доктора филологических наук Д. С. Комиссарова и доктора исторических наук М. Г. Пикулина. Как подчеркивается в книге, приход Красной Армии в Иран и широкое распространение советской мирной и дружественной политической пропаганды и информации среди иранского народа способствовали развитию демократического движения в стране, ее политическому про-

буждению и активной общественной деятельности, укреплению миролюбивых чувств и отношений между народами СССР и Ирана.

Большой интерес представляет раздел сборника, посвященный Дальнему Востоку.

С началом Великой Отечественной войны наши войска на Дальнем Востоке находились в состоянии повышенной боевой готовности. Япония, армия и флот которой на Дальнем Востоке были заняты войной против Китая, одновременно держала в Маньчжурии и северных районах Кореи мощную по составу и вооружению Квантунскую армию, предназначенную для нападения на Советский Союз.

В идеологической борьбе с противником советские политорганы широко использовали опыт спецпропаганды в войне против фашистской Германии. К началу войны против Японии политотделы были полностью укомплектованы офицерами-востоковедами, имели в распоряжении необходимую техническую базу. В политуправлении штаба Главкома был создан отдел по пропаганде среди войск и населения противника, который координировал работу трех наших фронтов. В первый же день войны против империалистической Японии в печатной пропаганде на японском, китайском, корейском и монгольском языках в доходчивой форме разъяснялось содержание Заявления Советского правительства об объявлении войны Японии, в листовках и лозунгах объяснялся справедливый характер войны со стороны Советского Союза, ее освободительная миссия для порабощенных японским империализмом народов.

В статьях и воспоминаниях Б. Г. Сапожникова и Г. К. Меклера, И. С. Мышалова, В. Я. Сидихменова на ярких и убедительных фактах показано, как развертывалась массовая политическая работа среди населения освобожденных районов стран Дальнего Востока.

Помимо этой задачи, перед политорганами стояла также и другая — проведение разъяснительной работы среди японских военнопленных, воспитанных в духе ультранационализма и вражды к Советскому Союзу. Необходимо отметить, что кропотливая работа советских политорганов принесла весьма ощутимые успехи. Как отмечают авторы книги, «в результате работы советских востоковедов в лагерях для интернированных японцев большинство этих военнопленных, вернувшись на родину, активно включились в борьбу за демократизацию Японии и поныне ведут трудную борьбу против милитаризации, за развитие дружбы и сотрудничества с СССР» (с. 157).

Как отмечалось выше, востоковеды-спецпропагандисты с первых же дней наступления развернули пропаганду в освобожденных районах. С учетом низкого уровня грамотности населения политорганы уделяли большое внимание средствам устной и наглядной агитации, проведению собраний и митингов. И везде в первых рядах выступали офицеры-востоковеды. Массовые пропагандистские мероприятия политорганов приурочивались к политическим событиям и знаменательным датам. В проведении таких митингов и демонстраций активно участвовали местные демократические организации.

Пропагандистская работа советских политорганов принесла свои плоды: в соответствии с решениями, принятыми на массовых митингах, в некоторых городах были установлены памятники в честь советских воинов-освободителей, переименован ряд улиц и площадей в честь нашей армии и СССР, в различных городах местные жители создавали общества дружбы с Советским Союзом. Так работа советских востоковедов способствовала не только освобождению соседних стран, но и установлению и развитию дружеских отношений между ними и нашей страной.

Советские востоковеды внесли достойный вклад в дело разгрома германского фашизма и японского милитаризма. Книга «Оружием слова» — еще один пример торжества идей интернационализма и мира над силами реакции и войны.

В. В. АРУНОВ

Современный революционный процесс в странах Индокитая

М. П. Исаев. Современный революционный процесс в странах Индокитая (Проблема перерастания национально-освободительных революций в социалистические). М., «Наука», 1985, 240 с.

Рецензируемая монография М. П. Исаева посвящена анализу основных тенденций в развитии современного революционного процесса в странах Индокитая, являющегося неотъемлемой частью мирового революционного процесса. Автор поставил задачу раскрыть сущность и особенности национальных народно-демократических революций 1975 г. в Южном Вьетнаме и Лаосе и национально-демократической революции 1979 г. в Кампучии, уделив особое внимание исследованию характера, движущих сил, идейной основы, форм и методов национально-освободительных движений во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии в 1945—1975 гг., перерастания национальных народно-демократических революций в Южном Вьетнаме и Лаосе в социалистические революции, специфики начального этапа перехода к социализму СРВ, ЛНДР, а также продвижения Кампучии по пути строительства нового общества после на-

ционально-демократической 1979 г. революции.

Особую значимость и актуальность работе М. П. Исаева придает стремление автора исследовать на примере стран Индокитая проблему перехода экономически слаборазвитых стран к социализму, минуя капитализм. При этом М. П. Исаев опирается на идеи В. И. Ленина о руководящей роли пролетарской партии нового типа в революции, о союзе рабочего класса с крестьянством при гегемонии пролетариата, о взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой за социализм, ленинские положения о роли национально-освободительной борьбы народов как важной составной части мирового революционного процесса, специфике перехода в современных условиях к социализму экономически неразвитых стран, которые либо вовсе не прошли стадию капиталистического развития, либо в которых капитализм не стал господствующим строем.

В своем исследовании автор совершенно справедливо исходит из тезиса о том, что изучение проблем революционного процесса во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии может помочь анализу общезначимых теоретических и практических вопросов современного революционного процесса. При этом он показывает, что все развитие революционного процесса в странах Индокитая подтверждает вывод международного коммунистического движения об углублении социального аспекта национально-освободительных революций. В современную эпоху эти революции (и это особенно ярко продемонстрировал опыт революционного движения в Индокитае) способны осуществлять в странах с неразвитой экономикой (а именно таковыми и были Вьетнам, Лаос и Кампучия) глубокий качественный переворот, направленный на ликвидацию старых (докапиталистических или незрелых капиталистических) производственных отношений и поэтапный переход к новой общественной формации — социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Борьба народов Индокитая отчетливо продемонстрировала ту роль, которую приобретает в современных условиях международный фактор, мощная поддержка социалистическим содружеством сил национального освобождения. Национально-освободительное движение в странах Индокитая развивалось, опираясь на всестороннюю поддержку мирового социализма. В этой связи принципиально важной является мысль автора о том, что сложившийся, например, в ходе антиимпериалистической борьбы народа Вьетнама военно-политический союз рабочего класса и крестьянства проявился не только в национальном, но и в интернациональном плане, так как силы освобождения могли в своей борьбе опереться на помощь СССР, стран социализма, как материальную — военную и экономическую, так и морально-политическую, дипломатическую и др. (с. 7).

Особое внимание автор уделил осмыслению политического курса, многогранной деятельности, форм и методов борьбы марксистско-ленинских авангардов национально-освободительных и революционных сил в странах Индокитая, сформировавшихся на основе созданной в 1930 г. Коммунистической партии Индокитая, — Коммунистической партии Вьетнама (в 1951—1976 гг. — Партия трудящихся Вьетнама), Народно-революционной партии Лаоса (в 1955—1972 гг. — Народная партия Лаоса) и Народно-революционной партии Кампучии. Партии вьетнамских и лаосских коммунистов возглавили руководство революционным процессом в своих странах, укрепили свою ведущую роль в национально-освободительной, антиимпериалистической борьбе, доведя революцию до победы. На примере коммунистических партий стран Индокитая видно, что в условиях экономически неразвитых, аграрных стран с преимущественно крестьянским населением определяющим моментом в деятельности партии, выборе ее политической линии является не столько численность рабочей прослойки, которая в партиях стран Индокитая в целом пока относительно невелика, сколько верность партий классовым целям и интересам пролетариата, степень овладения идеями марксизма-ленинизма, преданность идеалам пролетарского интернационализма.

Весьма актуален и в теоретическом, и в политическом отношении проведенный М. П. Исаевым анализ трагических событий в Кампучии, связанных с пребыванием у власти в стране в 1975—1978 гг. полпотовской группировки. Отход от марксизма-ленинизма, утрата связи с массами и попытка встать «над ними», игнорирование союза рабочего класса с крестьянством, пренебрежение основными закономерностями развития революции и подмена их волюнтаристскими экспериментами, наконец, разрыв связей с международным коммунистическим движением чреваты самыми серьезными ошибками стратегического и тактического характера в деятельности партии. Пример деятельности полпотовской «компартии Кампучии» — свидетельство той реальной опасности, которую несут усвоение и особенно реализация на практике разного рода мелкобуржуазных, экстремистских и волюнтаристских воззрений революционными силами, прежде всего в экономически неразвитых странах (с. 184—191).

Опыт, практика революционной и освободительной борьбы народов стран Индокитая еще раз показали, что марксистско-ленинская партия должна в совершенстве овладеть всеми формами борьбы — вооруженными и мирными — и применять их с точным учетом меняющейся обстановки. Встав на путь вооруженной борьбы против империализма и местной реакции, национально-освободительное движение Южного Вьетнама и Лаоса гибко и умело сочетало ее с борьбой на политическом и дипломатическом фронтах, что позволило ускорить достижение победы.

Большое внимание М. П. Исаев уделил исследованию значения для успеха национально-освободительной борьбы в Южном Вьетнаме и Лаосе наличия револю-

ционной базы. В годы освободительной борьбы на Юге Вьетнама такой базой являлась ДРВ — первое в ЮВА государство рабочих и крестьян. В Лаосе роль революционной базы играли созданные в северо-восточных районах страны освобожденные районы. За годы антиимпериалистической борьбы ДРВ превратилась в прочный тыл революции на Юге Вьетнама, в надежного союзника революционно-демократических сил Лаоса и Кампучии. На развитие национально-освободительного движения на Юге серьезное влияние оказали достижения ДРВ в социалистическом строительстве.

Революционные базы, освобожденные районы имеют не только военное или политическое значение. В освобожденных районах Южного Вьетнама и Лаоса осуществлялся целый комплекс преобразований в политической, экономической, социальной и идеологической областях, что способствовало зарождению и укреплению там новых производственных отношений, социально-экономических преобразований.

По своим движущим силам, политическому руководству, идейной основе и задачам национально-освободительные революции в Южном Вьетнаме и Лаосе приобрели народно-демократический характер, что открыло мирный путь для поэтапного перехода к социализму.

В апреле 1975 г. была разрешена задача антиимпериалистической борьбы в Кампучии, однако узурпация власти в стране группой Пол Пота привела к тому, что основные национальные и демократические задачи революции выполнены не были. Более того, полпотовские «эксперименты» в социально-экономической сфере привели к тому, что народ Кампучии оказался на грани национальной катастрофы. Свержение полпотовского режима в январе 1979 г. стало уникальным явлением в истории современных национально-освободительных революций. С победой национально-демократической революции в Кампучии и приходом к политической власти НРПК в стране был установлен революционно-демократический строй, что открыло возможности для преодоления при поддержке мирового социализма полпотовского наследия, создало предпосылки для социально-экономических преобразований, для продвижения Кампучии по пути создания нового общества.

Перерастание национальной народно-демократической революции в социалистическую, как показывает опыт Вьетнама и Лаоса, представляет собой этап острой классовой борьбы, на котором революционные силы под руководством марксистско-ленинской партии осуществляют целый комплекс мероприятий политического, социального, экономического, идеологического и иного характера. Особое значение приобретает установление революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян. При этом предпосылки перерастания национальной народно-демократической революции в социалистическую зарождаются и проявляются еще в процессе антиимпериалистической, национально-освободительной борьбы. Процесс же перерастания набирает силу после победы национальной народно-демократической революции. Кульминацией этого процесса является установление диктатуры пролетариата.

Для перерастания национально-освободительных революций в социалистические необходимы как внутренние, так и международные условия. В международном плане — это прежде всего союз с мировой системой социализма.

Среди внутренних факторов такого перерастания особо важны такие, как укрепление руководящей роли марксистско-ленинской партии, упрочение союза рабочего класса и крестьянства. Именно их усилиями достигается полная ликвидация политического и экономического господства эксплуататорских классов, происходит перерастание революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян в диктатуру пролетариата, основанную на союзе рабочего класса и крестьянства при руководящей роли пролетариата. Важное значение для экономически неразвитых стран, строящих новое общество минуя капитализм, приобретает выделение в рамках их перехода к социализму начального этапа, на котором происходит становление государства диктатуры пролетариата, проводятся мероприятия по подъему производительных сил страны, происходит процесс социалистических преобразований многоукладной экономики, осуществляются при интернациональной помощи первые шаги по созданию материально-технической базы социализма.

Практика стран Индокитая вновь подтверждает, подчеркивает М. П. Исаев, что в процессе реализации общих закономерностей социалистического преобразования общества каждая страна вносит в него немало национально-особенного, специфического (с. 233). В этой связи неизменно актуальным является положение В. И. Ленина о том, что «все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» [1].

Исследование автором практики перерастания национально-освободительных революций в странах Индокитая в социалистические позволяет сделать вывод о ее существенном теоретическом значении для всех стран, избравших путь социалистической ориентации.

Монография М. П. Исаева, посвященная анализу теоретически сложной и политически актуальной проблемы перерастания национально-освободительных революций в социалистические, вносит ценный вклад в ее изучение и осмысление.

П. Ю. МАСЛОВ

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 123.

Героический эпос монгольских народов: генезис и традиции

С. Ю. Неклюдов. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. Отв. ред. Е. М. Мелетинский. М., Наука, 1984, 309 с.

Советское монголоведение обогатилось еще одним интересным и содержательным исследованием по истории эпоса монгольских народов, актуальность которого для науки очевидна по ряду причин.

Несколько слов об авторе. С. Ю. Неклюдов работает в области монгольского фольклора и литературы около 15 лет, известен как специалист по сравнительной мифологии и фольклору монгольских народов, специалист широко эрудированный и талантливый. Им написано более 60 глубоких по содержанию и разнообразных по тематике статей, он является автором двух монографий [1], включая рецензируемый труд. В научных кругах он известен как опытный редактор или составитель солидных трудов и сборников.

Монография С. Ю. Неклюдова посвящена исследованию истоков и исторической эволюции эпоса монгольских народов. Зарождение эпоса, по предположению автора, относится к доскотоводческой эпохе, к начальному этапу этнических консолидаций древнемонгольских племен. Элементы архаической мифологии, отдельные матриархальные образы охотничьего уклада в эпических сказаниях монголов довольно сильны.

По своему мировоззрению монгольский эпос отражает патриархально-родовые отношения. Он — «догосударственный», это его фиксация относится к эпохе Чингисхана и его преемников, а богатырские сказания слагались, несомненно, в ранние времена. Исключениями являются известный калмыцкий «Джангар» и «дополнение» главы монгольской Гесериады, где воспевается идеальное царство кочевников-воинов во главе с идеальным государем-воином.

С. Ю. Неклюдов дает в книге обширный обзор по истории собирания и изучения эпоса монгольских народов. Известными собирателями эпоса и фольклора были выдающийся путешественник Г. Н. Потанин, бурятский просветитель М. Н. Хангалов, крупнейшие монголоведы Ц. Ж. Жамцарано, А. Д. Руднев, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Г. Д. Санжеев. Затем фольклор изучается планомерно научно-исследовательскими учреждениями и высшими учебными заведениями в МНР, Бурятии, Калмыкии. Ученые из Внутренней Монголии (КНР) также исследовали фольклор населения региона. Собирание бурятского и калмыцкого эпоса имеет любопытную и длительную историю, потому уделено ему немало внимания (с. 23—29). Дан обзор исследований соответствующих центров в СССР и за рубежом.

С. Ю. Неклюдов реально подходит к объекту исследования, создает вполне продуманную реконструкцию истории и эволюции эпоса монгольских народов от архаики до современности на основе строгого соотношения логического и исторического, удачно применив системный подход в исследовании. Изучая эпос монгольских народов в едином контексте с учетом внутренней структуры и функционального целого, достижений предшественников и современных авторов, он вносит новое в изучение исторической эволюции героического эпоса монгольских народов, раскрыв наглядно картину его развития во многих взаимосвязанных проблемах морфологии эпоса.

С. Ю. Неклюдов на большом фактическом материале освещает проблемы эпического повествования в фольклоре монгольских народов: его жанрово-тематического состава, центральных персонажей, исполнения и формы. Существует точка зрения, по которой термин «эпос» к героическим сказаниям монгольских народов несоотносим. Автор напоминает, что «в отличие от В. М. Жирмунского и Е. М. Мелетинского термин «богатырская сказка» большинство монголоведов употребляют для обозначения краткой прозаической формы эпоса с небольшими стихотворными вставками» (с. 83). По Е. М. Мелетинскому же, «классический эпос» — это тот, ядром которого является историческое предание и который возникает на этапе государственной консолидации народностей». Однако сам автор, не вступая в полемику, применяет понятие «эпос» в таком же смысле, как и его предшественники, но в разных лексико-семантических вариациях, отмечая многослойность и разнообразие жанрового состава эпоса монгольских народов.

Значительная доля книги С. Ю. Неклюдова посвящена анализу народного эпоса «Гесер» в центральноазиатских традициях, в русле генезиса монгольской его версии, в особенностях их композиционного строя и сложения книжного свода, самобытно монгольских сюжетов и их устных версий. Автором составлены любопытнейшие таблицы о взаимосвязях героев, детально изучены композиции глав книжной «Гесериады», наиболее типичные сюжеты эпоса,

[1] См.: С. Ю. Неклюдов, Ж. Тумурцерен. Монгольские сказания о Гесере: новые записи. М., 1982. В книге опубликованы 5 песен из «Гесериады», записанные от восточномонгольских сказителей Чойнхора и Самбудаша в МНР в 1974 и 1976 гг., с обширными вступительными статьями С. Ю. Неклюдова, Ж. Тумурцерена, предисловием профессора Б. Л. Рифтина.

эпизоды и главы текстуальных и устных бурятских версий. Таким образом, «Гесериада» дошла до нас в двух взаимосвязанных формах: устных и книжных.

Ряд монголоведов (Ц. Ж. Жамцарано, А. Д. Руднев, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев) рассматривали дореволюционную монгольскую литературу в отличие от произведений буддийских философов, писателей и поэтов как сплошь эпическую, или народную, если не брать во внимание произведения В. Инджаннаши, Д. Равджая и некоторых других поздних авторов.

Сейчас такой подход к литературе монголов до 1921 г. пересмотрен в целом (Ц. Дамдинсурэн, Г. Н. Михайлов, В. Хейссиг и др.). Однако книжность эпических полотен находится на стадии пристального внимания ученых, а «Гесериада» стала давно объектом текстологического, посюжетного, книговедческого исследования.

С. Ю. Неклюдов в предисловии к монографии отнюдь не случайно подчеркивает: «Взаимосвязь всех этих — устных и книжных — версий между собой еще во многом не ясна; не ясен и подлежит специальному изучению также сам процесс сложения монгольской Гесериады в ее литературной форме» (с. 8). В какой-то степени автор отвечает на этот вопрос в главе «Вопросы композиционной структуры [2] и сложения книжного свода» (с. 169—180). Читателям интересно знать, каковы же выводы самого автора о проделанной работе и характере книжности монгольского эпоса в целом. С. Ю. Неклюдов отмечает: «Книжноэпическая форма не только тесно связана с устным эпосом (первоначально она прямо отражает устную традицию), ее сложение типологически родственно процессам, протекающим в фольклоре. Сюда относятся вариативность рукописных текстов, их анонимность, способы их циклизации...» Книжное сказание сохраняет еще следы записи, исполнительства, по его заключению, это еще «полуфольклор» (с. 266).

Пекинское издание «Гесериады» (1716) в в семи главах явилось предпосылкой книжноэпического бытования, многие рапсоды пользовались этим ксилографом, таким образом, он сыграл исключительно большую роль в циклизации и распространении эпоса среди монгольских народов как устным, так и письменным путями.

Как известно, А. А. Бобровников построил свою «Грамматику монгольско-калмыцкого языка» [3] на материалах «Гесериады». В связи с этим небезынтересно привести следующее высказывание профессора О. М. Ковалевского в рецензии на вышеупомянутую грамматику: «Напрасно г. Бобровников принял в своих разысканиях за основание повесть о подвигах Гесер-хана, написанную полукнижным и полуразговорным, свободным, правда, от форм языка номов (т. е. буддийских сутр, книг), но зато подвергшимся другому постороннему влиянию» [4]. Так он раскрыл последующим поколениям монголоведов полукнижный, полуфольклорный характер «Гесериады», в данном случае — пекинского ксилографа. С. А. Козин, исследовавший и переводивший своды «Гесериады», сначала считавший эпос литературным, затем отказался от прежнего утверждения и в итоговом труде заключил, что «этот памятник правильнее считать не чисто литературным, а скорее окололитературным явлением» [5].

Очевидно, нельзя всецело считать письменные версии монгольской «Гесериады» литературными, хотя эти памятники во всех своих изводах бытуют в письменной, полукнижной форме, но несут они в себе следы исполнительской техники, эпической школы, поэтому следует их рассматривать книжноэпическими сочинениями, развивающимися на стыке эпоса и литературы.

В монголоведении, бурятоведении и тибетологии генезис «Гесериады» исследован по-разному и освещен порою противоречиво. Наш автор по этому вопросу пишет: «Ядро монгольской Гесериады сформировалось в Северо-Восточном Тибете (район оз. Кукунор) свыше пяти столетий назад на основе устной амдоской версии памятника» (с. 220). Итак, С. Ю. Неклюдов солидарен в вопросе происхождения этого эпоса с Ю. Н. Рерихом, Р. А. Стейном и Ц. Дамдинсурэном. Отметим, что выдвигались и другие гипотезы о тюркском, монголо-корейском [6] (Б. Сумьяабаатар), ирано-согдийском [7] (М. П. Хомонов) возникновении этого эпоса.

В русском, советском и мировом гесероведении с давних пор остро обсуждается вопрос о том, кто такой Гесер, в чем же заключается его миссия. Постановка этой основной проблемы, очевидно, исторически обусловлена и закономерна.

С. А. Козин (в 1935—36 гг.) считал Гесера народным героем, поддерживал предшественника монгольский ученый Ц. Дамдинсурэн (в 1957 г.), венгерский филолог Л. Лёринц (в 1972 г.) отметил, что «Гесер же (Джоро) проявляет себя как плут и насмешник... некоторые другие... признаки дают автору основание причислять книжную Гесериаду к плутовскому роману...» Таковым является и тибетский «Лин-

[2] Бурятский фольклорист М. П. Хомонов завершил текстолого-сравнительное исследование по версиям монгольской «Гесериады». Оно еще не издано.

[3] См.: А. А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.

[4] Двадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград: 17 апреля 1851 г. СПб, 1851, с. 166.

[5] См.: С. А. Козин. Гесериада. М.—Л., 1935/36, с. 12.; его же. Эпос монгольских народов. М.—Л., 1948.

[6] См.: Б. Сумьяабаатар. Монгол солонгос туургатны угсаа гарал, хэлний холбооны асуудалд (К вопросу о взаимосвязи языка и происхождении монголов и корейцев). Уланбаатар, 1975, с. 63—75.

[7] См.: М. П. Хомонов. Бурятский героический эпос «Гесер». Улан-Удэ, 1976, с. 56—61.

Гесер». Западногерманский исследователь К. Сагастер средствами символической информации обозначает Гесера как символ освобождения мира от всякого рода зол, сблизил его с мифом о культурном герое типа Геракла, такое сопоставление Гесера до него было сделано уже Л. Лёринцем (с. 153—154).

При всех достоинствах монография С. Ю. Неклюдова не лишена некоторых недостатков. В первой части книги особенно важно для многих его коллег и читателей, как автор выражает свою позицию по тем или иным вопросам монгольского эпосоведения. Заметим, что он в некоторых случаях нейтрален, но всегда старается занимать в обсуждениях объективную позицию. В гесероведении остается немало своих полемических, нерешенных задач и вопросов. Составляет исключение краткий критический анализ взглядов, данных им по генезису и сюжетам «Гесериады» (с. 158—169), в котором он выступает приверженцем тибетского происхождения этого эпоса, считая вопрос этот не гипотетическим, а вполне доказанным.

Книга весьма насыщена теоретическими посылками и эмпирическими материалами. Видимо, автор многократно изменял изложенное, оттого в отдельных абзацах допущена непоследовательность мыслей или утверждений (с. 31, 40—41 и т. д.), текст не всегда одинаково понятен и доступен, особенно неспециалистам (с. 126—131), есть и корректурные ошибки (с. 207, 266).

Автор совершенно справедливо отмечает, что «многие эпосоведческие исследования ведутся изолированно друг от друга, зачастую слабо учитывается опыт предшественников и коллег, в полной мере не суммированный и не обобщенный» (с. 10). Обратим внимание читателей, что в своей книге автор собрал и обобщил огромное количество материалов и исследований (по нашему подсчету 550 названий и источников) (с. 270—290).

Таким образом, С. Ю. Неклюдов создал не только новаторский, обобщающий труд по монгольскому эпосоведению, но в известной мере ценное руководство по фольклору монгольских народов, значимость которого не ограничивается лишь гранями монголоведения. Поэтому считаем целесообразным напомнить, что «главная задача всякого руководства: дать основные понятия по излагаемому предмету и указать, в каком направлении следует изучать его подробнее и почему важно такое изучение»[8]. Отметим еще одну ценность книги С. Ю. Неклюдова — это ее содержательный концептуально-понятийный аппарат, который в известной мере вывел наше эпосоведение на лучшие традиции русской и советской фольклористики. Таковы в целом содержательная структура, новизна и актуальность монографии С. Ю. Неклюдова, чьи результаты, бесспорно, являются вкладом в монгольскую филологию.

В. Э. Раднаев,
кандидат филологических наук

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 40.

Полезное издание о Кампучии

Кампучия. Справочник. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М., 1985, 184 с.

Советский Союз связывают со странами Индокитая отношения братской дружбы и боевой солидарности. Отсюда большой интерес советской общественности к СРВ, ЛНДР, НРК, важность научной разработки проблем всех этих стран вместе и каждой в отдельности.

В этом смысле особое значение имеет выход в свет справочника «Кампучия» в серии, выпускаемой Институтом востоковедения АН СССР. Это весьма примечательный факт. Если, например, в нашей стране справочники по Лаосу издавались дважды (в 1966 и 1980 гг.)[1], один академический справочник по Вьетнаму был издан в 1969 г.[2], а над вторым большой коллектив авторов ведет работу в настоящее время, то Кампучии издание подобного рода посвящено впервые.

[1] См.: Современный Лаос. Справочник. М., 1966; Лаос. Справочник. М., 1980.
[2] См.: Вьетнам. Справочник. М., 1969.

Книга, как и все справочники этой серии, начинается изложением основных географических, демографических, этнографических сведений. Довольно обстоятельно освещена в этом разделе религиозная ситуация в стране.

Следующий далее исторический очерк во многом базируется на фактах и выводах коллективной монографии «История Кампучии», увидевшей свет в 1981 г.[3]. Концепция советских историков, кратко пересказанная в справочнике, сводится к следующему.

Первые сведения о заселении территории Кампучии человеком относятся к эпохе палеолита. Первым государством на территории Кампучии, известным на сегодняшний день исторической науке, было Бапном (I—VI вв. н. э.), более известное в его китайской транслитерации как Фунань. Основным занятием населения этого государства, как и следующего за ним — Ченлы, было поливное рисоводство. Источники позволяют утверждать о довольно развитой в те годы внутренней и внешней торговле. Государство Бапном, например, имело торговые связи не только с Индией и Китаем, но и с более отдаленными государствами.

Самым знаменитым в средневековой истории Кампучии был период существования империи Камбуджадеша, или Ангкорской империи (конец VIII — середина XIV в.).

[3] См.: История Кампучии. Краткий очерк. М., 1981.

Особое значение этого периода для средневекового Востока во многом связано с успешными военными экспедициями королей Сурьявармана II (1113—1150) и Джаявармана VII (1181—1220), а в более поздний период (в XIX—XX вв.) — с архитектурными комплексами, прежде всего Ангкорватом, сохранившимися до наших дней. В годы правления Сурьявармана II и Джаявармана VII территория империи, помимо нынешней Кампучии, включала часть территорий современных Бирмы, Лаоса, Таиланда, Вьетнама и Малайзии, а население по составу было многонациональным. По определению советских ученых, в формационном плане государство Камбуджадеша было феодальным, во главе которого стоял обожествляемый монарх, крупными землевладельцами являлись духовные и светские феодалы, выполнявшие определенные функции в государственном аппарате. На нижних ступенях социальной лестницы находилось сословие феодально зависимых, но ведущих самостоятельное хозяйство земельных собственников из числа бывших крестьян-общинников и рабов (кньомов). В тот же Ангкорский период произошло важное событие в идеологической жизни страны — переход от индуизма к буддизму (в форме тхеравады) как господствующей религиозной системе.

В период упадка империи Камбуджадеша (XIV—XVI вв.) она потеряла многие окраинные районы и превратилась в моноэтническое государство.

История Кампучии с XVI в. и до прихода колонизаторов характеризуется политической нестабильностью, частыми войнами. Кампучия вынуждена была противостоять двум сильным соседям — Сиаму и Вьетнаму, все более распространявшим свое могущество на южную часть Индокитайского полуострова. В результате Кампучия попала в двойную зависимость от этих двух государств — в 1845 г. кампучийский король Анг Дуонг признал себя вассалом Сиама и Вьетнама.

Это событие совпало с началом французской колонизации Индокитая. Легкость, с которой Франции удалось навязать королю кхмеров в августе 1863 г. договор и превратить Кампучию в свой протекторат, авторы объясняют тем, что «кхмерские короли постепенно начинают рассматривать западные страны в качестве «третьей силы» в сложном переплетении отношений, складывающихся между государствами Индокитайского полуострова» (с. 45). Хотя вопросы колонизации Кампучии достаточно подробно освещались советскими авторами [4]; не лишним было бы представить более подробную картину этого явления. Читатель должен знать, что, когда через полгода после подписания секретного франко-кампучийского договора о протекторате король Кампучии попытался восстановить свою независимость от Франции, французский офицер Дудар де Лагре с отрядом вооруженных матросов занял королевский дворец и водрузил на нем французский флаг, то есть фактически протекторат был установлен силой.

Оценивая значение превращения страны во французскую колонию, авторы справедливо отмечают: «Установление колониального господства в Кампучии привело в конечном счете к проникновению в страну капиталистических отношений и началу формирования основных сил капиталистического общества — буржуазии и пролетариата. В Кампучии эти процессы протекали крайне медленно, в условиях господства французского монополистического капитала, при замедленных темпах разрушения феодальных отношений» (с. 45). К этому, на наш взгляд, необходимо добавить, что новые классы — буржуазия и пролетариат — рекрутировались главным образом из среды не основного этноса — кхмеров, а из китайцев в первом случае и вьетнамцев — во втором.

В истории колониальной Кампучии центральное внимание уделено освободительному движению. Характерной чертой концепции советских авторов является правомерный акцент на единство антиколониальной борьбы народов трех стран Индокитая.

При освещении начального периода новейшей истории (до второй мировой войны) в центре внимания авторов находится деятельность Коммунистической партии Индокитая (КПИК), которая с момента своего возникновения (1930) вела революционную работу наряду с Вьетнамом и Лаосом и в Кампучии.

В годы второй мировой войны Кампучия стала жертвой агрессии Таиланда, почти треть ее территории отошла к западному соседу. Кроме того, кампучийский народ вместе с народами остальных частей французского Индокитая находился под гнетом французских колонизаторов и милитаристской Японии, фактически оккупировавшей страну в 1941 г. В те же годы в Кампучии наряду с КПИК активизировались другие силы, часть которых группировалась вокруг королевского дома, часть ориентировалась на Японию. Подлинным же выразителем идей национального освобождения кампучийского народа являлся созданный в 1942 г. по решению КПИК Кхмерский патриотический фронт («Кхмер Иссарак»).

С окончанием второй мировой войны наступил новый этап в развитии национально-освободительного движения Кампучии, завершившийся восстановлением ее государственного суверенитета. В годы войны Сопротивления индокитайских народов французским колонизаторам кампучийский театр военных действий не был ведущим. Однако и здесь патриотам, объединенным вокруг «Кхмер Иссарак», удалось создать на освобожденной территории ряд опорных баз, организационно укрепиться и 19 июня 1951 г. выступить с Декларацией независимости Кампучии. 28 июня 1951 г. в соответствии с решением II съезда КПИК была образована Народно-революционная пар-

[4] См., например: Ю. П. Дементьев. Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского союза (1858—1907). М., 1975.

тия Кампучии (НРПК), руководителями которой стали ветераны национально-освободительной борьбы Сон Нгок Минь и Ту Самут.

Военно-политические успехи революционных сил Кампучии, которым помогали вьетнамские коммунисты, приславшие в 1951 г. своих бойцов в эту страну, заставили феодально-монархические круги Кампучии отказаться от политики сотрудничества с колонизаторами и встать на путь дипломатической борьбы за восстановление государственного суверенитета. Общая неблагоприятная для колонизаторов обстановка в Индокитае заставила Францию передать верховную власть в Кампучии Нородому Сиануку. 9 ноября 1953 г. в Пномпене состоялась церемония прекращения деятельности французской администрации в этой стране. Женевское совещание 1954 г. положило конец грязной войне Франции против народов Индокитая и признало суверенитет, независимость, единство и территориальную целостность Вьетнама, Кампучии и Лаоса.

История Кампучии после восстановления государственного суверенитета показана в справочнике как история социально-классовой борьбы внутри кхмерского общества. Подлинные интересы кхмерского народа выражала НРПК, которая с 1954 г. действовала через легальную политическую группу «Прачеачун» («Народ»). Сианук, стремясь сосредоточить в своих руках власть над всей нацией, выступил с концепцией «королевского буддийского социализма» и создал в 1955 г. общенациональную политическую организацию «Сангкум реастрнийюм» («Народно-социалистическое сообщество»). Он пытался балансировать во внешней и внутренней политике, переходя от политики сближения с США к установлению и развитию отношений с социалистическими странами, борясь с правой и левой оппозицией. Однако ход событий на Индокитайском полуострове и социальное развитие самого кхмерского общества привели к тому, что Кампучия в 60-е годы превратилась из «базиса мира» в арену ожесточенных боевых действий, вызванных агрессивным курсом США в Индокитае. С 1965 г. американская авиация стала регулярно бомбить пограничные с Вьетнамом районы Кампучии.

Во второй половине 60-х годов во внутриполитической жизни Кампучии наблюдается усиление позиций правых сил в лице консервативно настроенной части командного состава армии, группировавшейся вокруг генерала Лон Нола. Усилению позиций правых способствовало и то, что к тому времени в НРПК верх взяли левоэкстремистские элементы во главе с Пол Потом.

Поляризация сил в стране усилилась, когда правые деятели совершили 18 марта 1970 г. государственный переворот, отстранили от власти Сианука и образовали правительство во главе с Лон Нолом. В стране был установлен проимпериалистический режим, против которого выступили широкие патриотически настроенные слои общественности. Ими были созданы Национальный единый фронт Камбоджи (НЕФК), Армия национального освобождения, Королевское правительство национального единства Камбоджи. Председателем НЕФК был избран Сианук.

За пять лет существования лонноловского режима политическая, экономическая и культурная жизнь страны оказалась полностью дезорганизованной, что поставило его в условия изоляции. Изменение соотношения сил в регионе в пользу социализма и национального освобождения в результате крупных побед вьетнамских патриотов значительно облегчили борьбу патриотов Кампучии. 17 апреля 1975 г. проимпериалистический лонноловский режим был низложен — силы национального освобождения вошли в Пномпень.

В апреле 1975 г. к власти в стране, получившей название Демократическая Кампучия, пришли Пол Пот и его единомышленники, провозгласившие своей задачей осуществление «стопроцентной, полной социалистической революции», «революции большого скачка, огромного прогресса, замечательного совершенства». Этот один из самых мрачных этапов истории кхмеров, обреченных тогда руководителями государства на вымирание, подробно освещен в советской и зарубежной литературе. В целом, как отмечают авторы справочника, клика Пол Пота «стремилась отыскать форму социального устройства с помощью «рецептов», не учитывающих особенностей развития Кампучии, ее традиций и возможностей» (с. 69).

Политика геноцида в отношении собственного народа, авантюристические эксперименты полпотовцев вызвали в стране всеобщее возмущение. В книге приводятся факты о том, что уже в 1975 г. кампучийцы поднимались на борьбу против ненавистного режима. В начале декабря 1978 г. патриоты создали Единый фронт национального спасения Кампучии, который призвал весь народ подняться на решительную борьбу за свержение «реакционной и семейственной клики Пол Пота — Иенг Сари».

7 января 1979 г. вооруженные силы ЕФНСК совместно с частями вьетнамских добровольцев освободили Пномпень. 10 января было провозглашено образование Народной Республики Кампучии.

Картину оставшихся после правления клики Пол Пота проблем и большой работы по их разрешению кампучийским народом под руководством НРПК рисуют не только заключительные страницы исторического очерка, но и значительная часть последующих разделов: «Государственный строй и административное деление», «Вооруженные силы», «Партия и массовые организации», «Международное положение и внешняя политика». В последнем особо выделены советско-кампучийские отношения.

Разделы по экономике и культуре, содержащие по преимуществу материал по периоду после достижения страной национальной независимости, показывают, какие бедствия принесли кампучийскому общест-

ву режимы Лон Нола и Пол Пота. Так, до прихода к власти Лон Нола в стране 93 тыс. человек посещали среднюю школу, 7 тыс. — профессионально-технические и средние специальные учебные заведения (1967), 10 тыс. — университеты (1969) (с. 141—142). При Пол Поте все учебные заведения были закрыты, более 80 % работников просвещения уничтожены. Полпотовцы сохранили лишь начальную школу, обучение в которой ограничивалось изучением кхмерского алфавита и разучиванием псевдореволюционных песен и танцев. Поэтому еще более очевидны успехи, достигнутые НРПК и правительством НРК в области образования после победы народно-демократической революции 7 января 1979 г. В 1983/84 учебном году общеобразовательную школу посещало около 1660 тыс. детей (с. 145), в школах для взрослых в 1983 г. занимались более 231 тыс. человек, в средних специальных учебных заведениях в 1982 г. насчитывалось более 1 тыс. учащихся (с. 148), в пяти вузах страны получали подготовку более 2 тыс. студентов (с. 149).

Об успехах НРК свидетельствуют и такие приведенные в справочнике цифры: за 1979—1983 гг. валовой сбор риса возрос в 3 раза и достиг чуть более 2,3 млн. т (с. 122), поголовье крупного рогатого скота возросло более чем в 1,7 раза (с. 127), производство электроэнергии возросло с 60 млн. до 110 млн. кВт·ч (с. 130).

Большую роль в возрождении Кампучии играют социалистические страны. В справочнике содержатся, например, такие данные: только в одном 1979 г. СССР оказал НРК помощь в размере 134 млн. долл., а Вьетнам — в размере 56 млн. долл. (с. 110). В 1983—1984 гг. 2138 молодых кампучийцев выехали на учебу в средние специальные и высшие учебные заведения СССР, СРВ, ЧССР, НРБ, Кубы, ГДР, ВНР (с. 149).

Завершают книгу разделы, содержащие новейшую информацию о здравоохранении, литературе, архитектуре, театре, кинематографе, средствах массовой информации, спорте.

Выход в свет справочника о Кампучии — знаменательное событие для нашей науки. Оно свидетельствует о том, что в советском востоковедении сложилось еще одно направление, комплексно изучающее Кампучию, ее прошлое и настоящее. Вместе с тем справочник не столько итог, сколько отправная точка для новых исследований проблем братской страны.

П. Ю. ЦВЕТОВ,
кандидат филологических наук

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная конференция японоведов социалистических стран

В Москве с 27 по 29 мая 1986 г. проходила Международная конференция японоведов социалистических стран. В конференции, созванной по инициативе Института Востоковедения АН СССР, приняли участие более 300 специалистов по изучению Японии из Советского Союза, а также Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши и Чехословакии.

Сам факт проведения в Москве первой в своем роде Международной конференции с приглашением японоведов из стран социалистического содружества наглядно продемонстрировал растущий интерес к изучению актуальных проблем современной Японии в научных кругах нашей страны, братских странах социализма. Интерес этот вызван прежде всего превращением объекта исследований — Японии в один из сильнейших центров мирового империализма, оказывающего все большее влияние на состояние международных отношений в Азиатско-тихоокеанском регионе, да и во всем мире.

Открывая конференцию, заведующий Отделом Японии Института востоковедения АН СССР, доктор исторических наук И. А. Латышев так сформулировал ее основные задачи:

1. Обсудить актуальные проблемы современной Японии — ее внешнюю и внутреннюю политику, экономику, культуру, искусство и т. п. 2. На базе докладов и выступлений в дискуссиях дать ясную картину положения дел в советском японоведении, постановки аналогичных вопросов в других странах, в частности в социалистических странах Европы и Азии. 3. Наметить пути дальнейшего развития советского японоведения, выявить узловые проблемы, на решении которых необходимо сосредоточить усилия ученых стран — участниц конференции.

Работа конференции проходила как на пленарных заседаниях, так и в пяти сессиях — экономики, истории и политики, культуры, социологии и идеологии; литературоведения и лингвистики.

Недостаток места не позволяет хотя бы просто перечислить наименования докладов (всего около 100 докладов плюс 60 выступлений в прениях). Некоторые из них после соответствующей доработки предполагается опубликовать в нашем журнале. Мы же хотели бы рассказать о некоторых из пленарных докладов, достаточно полно характеризующих общую направленность и ход работы конференции, проблемы, волнующие японоведов разных стран.

По тематике пленарные доклады можно разделить на две основные группы — повествующие о собственно Японии и рассказывающие о постановке изучения ее в СССР и других странах, то есть о проблемах японоведения и его задачах.

Всесторонняя оценка места и роли Японии в современном мире, ее внутренней и внешней политики, экономического положения и культуры была дана в докладах «Роль Японии в современном мире и советское японоведение» (И. И. Коваленко, д. и. н., Главный редактор ежегодника «Япония»), «Государственно-монополистический капитализм в Японии» (Я. А. Певзнер, д. э. н., зав. сектором Японии Отдела Тихоокеанских исследований ИМЭМО АН СССР), «Роль и место Японии в современных международных отношениях» (Д. В. Петров, д. и. н., зав. Сектором Японии в ИДВ АН СССР), «Прогрессивные силы Японии в борьбе за мир» (А. И. Сенаторов, к. и. н., заместитель Председателя Правления Общества «СССР — Япония»), «Некоторые тенденции развития японской литературы (В. Н. Горегляд, д. фил. н., зав. отделом Япония ЛО ИВ АН СССР), «Актуальные проблемы современности в произведениях японских писателей» (В. С. Гривнин, д. фил. н., НСАА МГУ).

Какой же предстает перед нами в докладах крупнейших советских востоковедов Япония 80-х годов?

За последние 25 лет объем промышленного производства Японии возрос в 6,5 раза (США — 2,4, ЕЭС — 2 раза). Ее доля в мировом капиталистическом производстве за это время увеличилась с 6,8 до 16,2 %. Среди 100 ведущих кампаний мира — 21 япон-

ская, из 50 банковских монополий — 20 японских. Страна стала намного мощнее и богаче, соответственно возросло и стремление ее правящих кругов привести в соответствие политический вес Японии с ее экономической мощью.

И хотя, по мнению ряда докладчиков, Япония еще далека от достижения этой цели, нельзя не признать, что роль Японии в международных отношениях возросла. Этому способствовали такие факторы, как изменение соотношения сил в пользу Японии в конкурентной борьбе с США и Западной Европой; рост экономической мощи СССР, вызывающий повышение заинтересованности Запада в использовании потенциала Японии для реализации американской доктрины «неоглобализма» (помощь бандам в Афганистане, Таиланде и т. п.), наконец, обострение международной обстановки, провоцируемое администрацией Рейгана, усиливает роль Японии как военного партнера США; этому же способствует повышение значимости Азии, всего Азиатско-тихоокеанского региона в мировой политике.

Растущая экономическая мощь Японии ставит перед страной, да и перед всем мировым сообществом вопрос — как она будет использоваться?

Внешнеполитический курс кабинета Я. Накасонэ однозначно нацелен на утверждение Японии в роли лидера Азиатско-тихоокеанского региона, превращение его в своего рода вотчину Страны восходящего солнца. В докладах прозвучало предостережение от еще имеющихся у некоторых востоковедов на Западе иллюзий об «экономическом» характере зародившейся в конце 70-х годов концепции «Тихоокеанского сообщества». Речь идет, подчеркивал в своем выступлении И. И. Коваленко, о военно-политическом блоке, призванном стать бастионом для борьбы со странами социализма и национально-освободительным движением в регионе.

Во внешнеполитической активности Токио в последние годы все яснее вырисовывается стремление играть более заметную роль в противоборстве двух систем. Япония с ноября 1975 г. участвует в ежегодных совещаниях «семерки», причем с приходом к власти кабинета Я. Накасонэ она усиленно политизирует их направленность (май 1985 г. — Я. Накасонэ один из авторов «Политической декларации», принятой участниками встречи в Вильямсберге).

Стремительный рост военных расходов (6,5 % в год) создает опасность возрождения военно-промышленного комплекса. Военная мощь Японии постепенно выходит за пределы страны, о чем свидетельствуют новые обязательства, принимаемые Японией в военной области (совместные с США противолодочные и противовоздушные операции, участие в минировании трех международных проливов, подключение, пока на частном уровне, к реализации программы СОИ).

Возрождение милитаризма проходит под аккомпанемент антисоветской истерии, раздувания мифа о «советской военной угрозе», выдвижения надуманных территориальных претензий к нашей стране. Все это, говорилось в выступлениях участников конференции, отнюдь не укрепляет безопасность самой Японии, как это пытаются представить творцы «жесткого курса» в Токио. Не конфронтация, а сотрудничество и добрососедство — единственный путь укрепления стабильности и безопасности на Дальнем Востоке.

«Сегодня, — говорил на XXVII съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, — как никогда важно найти пути более тесного и продуктивного сотрудничества с правительствами, партиями, общественными организациями и движениями, которые действительно озабочены судьбами мира на Земле, со всеми народами ради **создания всеобъемлющей системы международной безопасности**»[1]. Важную роль в решении этой задачи призвано сыграть и советское японоведение, отмечалось на конференции. Необходимо фундаментальное изучение политики Токио в регионе, исследование расстановки политических сил в стране, своевременное вскрытие опасных для мира замыслов японских стратегов с целью активного противодействия попыткам дестабилизировать намечающееся улучшение советско-японских отношений. Своими исследованиями, публикациями, выступлениями по радио, телевидению, на международных форумах и конференциях советские ученые-японоведы должны доносить до японского народа, японской общественности правду о мирных инициативах Советского государства, курсе XXVII съезда КПСС на расширение связей со всеми народами, в том числе и с Японией. Эта работа, подчеркивал в своем выступлении А. И. Сенаторов, послужит хорошей поддержкой усилий многочисленных сторонников мира в Японии, в рядах которых мы видим членов КПЯ и ряда ее организаций, социалистов, крупнейшие профсоюзные объединения Сохио, Тюрицу Рорэн и другие, участников гражданских движений (за создание безъядерных зон и т. п.), центристских партий ПДС, СДС, НЛК (хотя их программы довольны непоследовательны), религиозные организации, в первую очередь «Сока гаккай», а также реалистичных политиков и бизнесменов, понимающих опасность и невыгодность для Японии конфронтации с СССР.

Задачи перед советским японоведением, сформулированные в выступлениях участников конференции, — серьезные. Выполнимы ли они — ответ на этот вопрос прозвучал в докладах и выступлениях, посвященных оценке положения дел в японоведении СССР, братских социалистических стран. Среди них назовем «Современное состояние и проблемы развития советского японоведения» (И. А. Латышев, д. и. н., зав. Отделом

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 74.

Японии ИВ АН СССР); «Об изучении истории Японии» (А. А. Искандеров, член-корреспондент, д-р Института истории АН СССР); «О переводе японской художественной литературы» (Б. В. Раскин, зав. Редакцией языков Дальнего Востока из-ва «Прогресс»); «О работе редакции ежегодника «Японии» (С. И. Вербицкий, к. и. н., ответственный секретарь) и др.

С постановкой процесса изучения Японии в своих странах участников встречи познакомили ученые — японоведы из Болгарии (Цветана Кристева, к. фил. н.); Венгрии (Коль Петер, доктор наук, ИМО); ГДР (Юрген Берндт, профессор университета им. Гумбольдта); Монголии (Делай Чулун, ИВ АН МНР); Польши (М. Мелинович, профессор Варшавского университета) и Чехословакии (З. Васильевова, к. и. н., Карлов университет).

Становление советского японоведения относится к началу 20-х годов нынешнего столетия. За прошедшие 60 с лишним лет в деле изучения Японии, подготовки отечественных ученых-востоковедов достигнуты значительные успехи. Помимо Москвы и Ленинграда, широкая научно-исследовательская работа ведется в научных центрах и вузах Владивостока, Новосибирска, Хабаровска. В СССР больше, чем в какой-либо другой стране переводится и издается работ японских авторов (только художественной литературы 15—20 книг в год тиражом не менее 1 млн. экз.).

В то же время — и это отмечалось со всей откровенностью в докладах И. И. Коваленко, И. А. Латышева, А. И. Сенаторова, А. А. Искандерова, Б. В. Раскина и других — положение дел в отечественном японоведении не дает оснований для самоуспокоения.

Отсутствие координации в научных исследованиях, нередкий их отрыв от задач практической политики, уход значительной части молодых японоведов, так сказать, «в глубь веков», в ущерб изучению актуальных, животрепещущих проблем — все это снижает действенность, эффективность, качество исследований.

При наличии нескольких центров японоведения имеет место дублирование научного поиска, распыление сил по многим направлениям, недостаточная осведомленность о работе коллег. Практически не поставлена на научную основу подготовка профессионалов-переводчиков художественной литературы (в основном — это редакторы ряда издательств, сочетающие работу переводчика со своими основными обязанностями). Сейчас это проблема приобретает особую остроту, так как в силу естественных причин старое поколение переводчиков уходит, а молодым не хватает опыта, их мало публикуют. Острая дискуссия, с участием и наших друзей из братских стран, развернулась по вопросу преподавания японского языка. Так позиция японоведов из ГДР — язык необходимо начинать изучать еще в школе, в вузе уже поздно и неэффективно — не встретила поддержки у их коллег из Болгарии, Монголии, Польши и Чехословакии, где успешно действуют различные центры и курсы по изучению японского языка. Да и в Советском Союзе языковая подготовка в вузах дает вполне удовлетворительные результаты, хотя все острее дает себя знать нужда не только в знающих язык переводчиках, но и в специалистах различного профиля со знанием японского языка, способных и заинтересованных в освоении огромного количества соответствующих исследований японских экономистов, политологов и т. п.

«Время ставит вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику», — говорилось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС [2].

Самым непосредственным образом эти требования относятся и к советскому японоведению, призванному обеспечить актуальность, эффективность и качество своих исследований. Задачу эту поможет решить и прошедшая в Москве Международная конференция японоведов социалистических стран, критически оценившая уже достигнутое и наметившая пути дальнейшего развития японоведения в СССР и социалистических странах Европы и Азии.

Ю. Е. БУГАЕВ

[2] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 85.

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

80-летие В. Н. Рогова

Институт Дальнего Востока, Всесоюзная ассоциация китаеведов и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют известного китаеведа, журналиста-международника и литератора-переводчика Владимира Николаевича Рогова со славным юбилеем и желают ему долгих лет жизни, здоровья и творческой активности.

Н. В. Рогов родился 17 июля 1906 г. в городе Астрахани. Четырнадцати лет он вступил в комсомол. Работал членом уездного, а затем астраханского губернского бюро ленинского комсомола. В 1923 г. поступил на рабфак при Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской в Москве, а с 1926 г. учился в Московском институте востоковедения имени Н. Нариманова. С 1927 г. В. Н. Рогов состоит в рядах КПСС.

В 1930 г. он командируется на работу в Управление КВЖД, с 1934 по декабрь 1936 г. состоит научным сотрудником Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.

В дальнейшем В. Н. Рогов работает в ТАСС. В январе 1937 г. направлен на работу в Китай корреспондентом ТАСС.

В начале Великой Отечественной войны при непосредственном участии В. Н. Рогова на оккупированной японцами территории были созданы издательство «Эпоха» и советская широковещательная радиостанция «Голос Советского Союза», которые несли правду о нашей стране китайскому народу и мировой общественности. Затем В. Н. Рогов работал директором отделения ТАСС в Лондоне.

С 1946 г. он снова в Китае на посту директора дальневосточного отделения ТАСС в Шанхае, а после образования в 1949 г. Китайской Народной Республики до 1951 г. — корреспондент ТАСС в Пекине.

После возвращения в Москву В. Н. Рогов находился на руководящей работе в центральном аппарате ТАСС, в газете «Известия», а с 1957 по 1961 г. возглавлял журнал «Советско-китайская дружба», который издавался в Москве на китайском языке. С 1961 г. вплоть до ухода на пенсию Владимир Николаевич Рогов — ответственный сотрудник АПН.

В. Н. Рогов широко известен как переводчик Лу Синя, Чжао Шули и других китайских писателей. Пьеса «Седая девушка» в его переводе была поставлена во многих театрах Советского Союза, в том числе и в театре имени Вахтангова. Ему принадлежит большое количество статей, посвященных деятелям литературы и культуры Китая.

Владимир Николаевич Рогов на протяжении многих лет является заместителем председателя Общества советско-китайской дружбы, членом правления Всесоюзной ассоциации китаеведов. Своей активной деятельностью он способствует развитию и укреплению дружбы между народами СССР и КНР.

75-летие В. И. Горелова

Исполнилось 75 лет видному советскому китаеведу, заслуженному деятелю науки РСФСР, доктору филологических наук, профессору Владимиру Ивановичу Горелову.

55 лет жизни отдал В. И. Горелов научно-педагогической и практической деятельности. Его биография — это биография неутомимого исследователя, настоящего труженика, посвятившего себя трудному, но исключительно благородному делу изучения китайской культуры, языка и литературы великого народа, с которым советских людей связывают традиционные отношения дружбы и глубокого взаимного уважения.

Для Владимира Ивановича Горелова характерны бескорыстное служение советской науке, целеустремленность и преданность ее идеалам, стремление передать свои знания и богатый жизненный опыт молодежи, коллегам по работе.

В совершенстве зная китайский язык, изучать который он начал в 1924 г. в Харбине, в средней школе для детей граждан СССР, В. И. Горелов окончил в 1941 г. экстерном Московский институт востоковедения и всю свою последующую жизнь посвятил изучению и преподаванию китайского языка.

В. И. Горелов — участник Великой Отечественной войны. Затем он преподает в различных вузах страны, сочетая преподавательскую деятельность с плодотворной, напряженной научной работой. В. И. Горелов — автор свыше 70 научных трудов. Им созданы вузовские курсы грамматики и стилистики китайского языка, на основе которых были опубликованы такие оригинальные исследования, как «Грамматика китайского языка» (1974 г. — 1-е изд., 1982 г. — 2-е), «Стилистика современного китайского языка» (1979), «Лексикология китайского языка» (1984). Труды В. И. Горелова представляют собой итог и в то же время новый этап в развитии отдельных разделов китайского языкознания, их отличает оригинальный подход к явлениям китайского языка, самобытный стиль грамматических исследований. Работа В. И. Горелова «Стилистика современного китайского языка» не имеет аналогов как в советском, так и в зарубежном китаеведении. Она переведена на китайский язык и издана в КНР. Китайские ученые дали высокую оценку этой книге, отметив ее новизну и оригинальность.

30 лет В. И. Горелов возглавляет кафедру китайского языка и языков стран Юго-Восточной Азии в Московском государственном институте международных отношений. Он подготовил не одно поколение специалистов. Высокая целеустремленность, требовательность к себе и товарищам, принципиальность и огромное трудолюбие — эти качества В. И. Горелова снискали ему заслуженный авторитет и уважение в научных и преподавательских кругах.

В. И. Горелов отдает много сил и умения научно-практической деятельности. Многие годы он активно работал в составе Научно-методического совета по высшему филологическому образованию, более 15 лет был членом президиума Ученого методического совета, председателем Комиссии по вопросам преподавания китайского языка в средней школе при Министерстве просвещения СССР. В настоящее время В. И. Горелов является членом специализированных советов по языкознанию в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова и в Институте востоковедения АН СССР, членом Правления Всесоюзной ассоциации китаеведов.

В. И. Горелов достойно представлял советскую науку на ряде международных конгрессов востоковедов и лингвистов. Его статьи неоднократно публиковались в зарубежных изданиях.

Многолетняя научно-педагогическая и практическая деятельность В. И. Горелова высоко оценена Советским государством. Он кавалер орденов Дружбы народов, Красной Звезды, «Знак Почета», награжден десятью правительственными медалями. Признанием научных заслуг В. И. Горелова явилось присвоение ему звания Заслуженного деятеля науки РСФСР.

Советские китаеведы, коллеги и ученики В. И. Горелова, редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» желают ему дальнейших творческих свершений, такого же горения, энтузиазма в работе, каким отмечена вся его жизнь.

ПОЛНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О РАБОТАХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗДАНИЯХ РЕДАКЦИИ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ» АКАДЕМИИ НАУК СССР.

Редакция издает:

— **журнал «Общественные науки»** (выходит 6 раз в год на русском языке). Стержневые темы номеров 1986—87 гг. будут посвящены вопросам теории и практики социалистического и коммунистического строительства в свете решений XXVII съезда КПСС. Будет продолжено освещение проблем методологии обществознания, интегративных процессов в современной науке;

— **ежеквартальный журнал на иностранных языках** (отличный по содержанию от журнала на русском языке): «Соушел Сайенсиз», «Сьенсиас Сосиалес», «Гезелльшафтсвиссеншафтен», «Сиенсиас Сосиас», «Сьянс Сосьяль». Основное внимание в номерах 1986—87 гг. будет уделено: ускорению социально-экономического развития СССР; всестороннему развитию человека нового общества; глобальным проблемам современности в свете решений XXVII съезда КПСС, прежде всего — предотвращению ядерной катастрофы. Среди рубрик журнала — «Развивающиеся страны: новые исследования», «Дискуссии и обсуждения», «Критика и комментарий», «Диалог», «Человек и природа», «Научная жизнь», «Обзоры и рецензии» и другие;

— **научные тематические сборники.** Ежегодно выходит до 75 наименований на английском, арабском, испанском, немецком, португальском и французском языках в 12 сериях: «Проблемы современного мира, «Советская экономическая наука», «Всемирная история: советские исследования», «История СССР: новые исследования», «Развивающиеся страны: проблемы и перспективы», «Советское востоковедение», «Африка: исследования советских ученых», «Латинская Америка: исследования советских ученых», «Философские и социальные проблемы науки и техники», «Право: исследования советских ученых», «Советские этнографические исследования», «Советское религиоведение».

Распространитель изданий редакции в 126 странах мира — внешнеторговое объединение «Международная книга» — СССР, 113095, Москва.

Оформление подписки и заказов на издания редакции осуществляют зарубежные фирмы, имеющие деловые отношения с В/О «Международная книга». В СССР подписка на журналы принимается в отделениях связи и агентствах «Союзпечать». Заказы на сборники — в магазинах «Союзкнига» и «Академкнига» по ежеквартальным планам издательства «Наука».

Наш адрес: 121818, ГСП, Москва, Г-2, ул. Арбат, 33/12.

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1986, № 3, 208 с.
Технический редактор *Сологубова Т.*

Сдано в набор 7.07.86. А03858 Подписано в печать 14.08.86. Формат 70×108 1/16. Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 18,9 Уч. изд. л. 21,31 Усл. кр.-отт. 19,5 Изд. № 41 989. Тираж 11 022 Заказ 1941 Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 119817. ГСП, Москва, Г-21. Зубовский бульвар, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 142300, г. Чехов Московской области

Алимов Ю. И. Движение неприсоединения — важный фактор современной международной жизни. — М.: Знание, 1985. — 64 с. — (Международная). — 11 к. 87 720 экз.

Демин Л. М. Деклассированные слои в развивающихся странах Востока (на примере стран АСЕАН). — М.: Наука, 1985. — 247 с. — 2 р. 70 к. 1 150 экз.

Мильнер Б. З., Олейник И. С., Рогинко С. А. Японский парадокс: Реальности и противоречия капиталистического управления. — М.: Мысль, 1985. — 264 с. — 1 р. 30 к. 24 000 экз.

Западова Е. А. Пу Моу Нин: Жизнь и творчество. — М.: Наука, 1985. — 182 с. — (Писатели и ученые Востока). — 1 р. 40 к. 1 250 экз.

Гомикава Д. Условия человеческого существования: Роман. Пер. с япон. — М.: Худож. лит., 1985. — 710 с. — 4 р. 50 к. 75 000 экз.

Белая книга «холодной войны». Сост. Г. Н. Вачнадзе. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 272 с. — (Империализм: события, факты, документы). — 60 к. 100 000 экз.

Чапкевич Е. И. Большевики и буржуазные революции в Азии начала XX в. — М.: Наука, 1985. — 159 с. — 1 р. 30 к. 1 300 экз.

Шаститко П. М. События и судьбы: Из истории становления сов. востоковедения. — М.: Наука, 1985. — 135 с. — 50 к. 5 700 экз.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. Пер. с фр. — М.: Наука, 1986. — 234 с. — (Исследования по фольклору и мифологии Востока). — 1 р. 10 000 экз.

Спешнев Н. А. Китайская простонародная литература: Песенноповествовательные жанры. — М.: Наука, 1986. — 320 с. — Исследования по фольклору и мифологии Востока). — 2 р. 50 к. 2 600 экз.

Памятники литературы народов Востока: Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий. 1959—1985. Сост. В. Д. Бузаева, Н. В. Исаева. — М.: Наука, 1986. — 112 с. — 50 к. 1 100 экз.

Андреев Ю. А. Архипелаг трудной судьбы: Очерки внешней политики Филиппин. — М.: Международные отношения, 1986. — 173 с. — 35 к. 23 000 экз.

Ковригин Е. Б. Противоречия и перспективы формирования «тихоокеанского сообщества». — М.: Международные отношения, 1986. — 175 с. — 1 р. 80 к. 4 200 экз.

Меклер Г. К. Хоккайдо. — 2-ое изд., испр., доп. — М.: Наука, 1986. — 166 с. — 60 к. 9 500 экз.

Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. Отв. ред. Н. Л. Жуковская. — М.: Наука, 1986. — 256 с. — 1 р. 40 к. 10 000 экз.

Сиверцева Т. Ф. Семья в развивающихся странах Востока. Социально-демографический анализ. — М.: Наука, 1985. — 164 с. — рез. на англ. яз. — 95 к. 185 экз.

Бупханувонг С. Сестры: Роман. Пер. с лаос. — М.: Радуга, 1986. — 239 с. — 1 р. 30 к. 30 000 экз.

Гу Хуа. В Долине лотосов: Роман. Пер. с кит. — М.: Радуга, 1986. — 383 с. — 1 р. 50 к. 100 000 экз.

Цветов В. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. — М.: Политиздат, 1986. — 302 с., ил. — 75 к. 200 000 экз.

Кривель А. М. Это было на Хингане. — М.: Политиздат, 1986. — 174 с., ил. — 35 к. 100 000 экз.

Алиев Р. Ш. — А. Внешняя политика Японии в 70-х — начале 80-х годов: Теория и практика. — М.: Наука, 1986. — 312 с. — 2 р. 10 к. 3 700 экз.

Исаев М. П., Чернышев А. С. История советско-вьетнамских отношений. 1917—1985. — М.: Междунар. отношения, 1986. — 301 с. — 3 р. 10 к. 5 000 экз.

Эглау Х. О. Борьба гигантов: Экон. соперничество Европы, США и Японии. Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1986. — 239 с. — 90 к. 17 000 экз.

Памятники истории и литературы Востока: Период феодализма. Ст. и сообщения. Сост. Д. И. Онаева, И. А. Товстых. — М.: Наука, 1986. — 243 с. — 2 р. 90 к. 1 250 экз.

Дальний Восток на карте Родины. В. П. Чичканов и др. — Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1985. — 205 с. — 35 к. 3 000 экз.

Сунь Ятсен. Избранные произведения. — 2-ое изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1985. — 781 с., портр. — 6 р. 3 600 экз.

Цена 70 коп.

Индекс 70758

Far Eastern Affairs

Problemas del Extremo Oriente

極東の諸問題